

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ю. А. РУБИНЧИК

ОСНОВЫ
ФРАЗЕОЛОГИИ
ПЕРСИДСКОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1981

4И(Перс.)
Р 82

Ответственный редактор
В. С. РАСТОРГУЕВА

Монография посвящена всестороннему исследованию фразеологии персидского языка. В ней подробно характеризуются структура, семантика и особенности функционирования персидских фразеологических единиц.

Р $\frac{70104-096}{013(02)-81}$ БЗ-94-95-81. 4602010000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопросы образования фразеологических сочетаний слов и их значений привлекают к себе внимание все большего и большего числа языковедов. За последние десять-двадцать лет появились сотни работ как по общим проблемам фразеологии, так и по конкретным вопросам фразеологии различных языков¹. Разработка фразеологии проводится с учетом материалов разноструктурных языков и опирается на обширную программу теоретических исследований. Тем не менее, несмотря на значительные успехи в решении этих важных вопросов, до сих пор не создано единой и до конца последовательной теории, которая обобщала бы достижения в отдельных областях и давала ключ к решению многих сложных проблем фразеологии конкретных языков.

Предлагаемое исследование отнюдь не претендует на восполнение этого пробела и посвящено описанию основных структурно-семантических типов фразеологических единиц (далее — ФЕ)² конкретного языка. Однако благодаря тому, что оно опирается на обобщение большого фактического материала и опыт лексикографической работы автора в области персидской фразеологии, оно может оказать некоторую помощь в разработке общетеоретических проблем фразеологии.

Фразеология является наиболее ярким и своеобразным средством выражения мысли и передачи стилистических нюансов любого языка. Закономерности образования устойчивых сочетаний слов и их значений составляют важную специфическую особенность каждого языка. Фразеологизмы исключительно глубоко проникли в строй персидского языка и настолько тесно соприкасаются с элементами разных уровней, что отсутствие исследований по различным проблемам фразеологической системы языка отрицательно сказывается на изучении других областей языка, в частности лексики, морфологического и синтаксического строя.

Вопросы фразеологии персидского языка разработаны недо-

¹ О широком размахе исследований по фразеологии в нашей стране свидетельствуют всесоюзные конференции и совещания, состоявшиеся в Самарканде (1959, 1971 гг.), Ленинграде (1961 г.), Баку (1964 г.), Москве (1964 г.), Череповце (1965 г.), Туле (1968 г.), Новгороде (1972 г.). Это же подтверждается и огромным количеством работ по фразеологии, четыре библиографических списка которых уже опубликованы [89; 76; 74; 75].

² Список условных сокращений приводится в конце книги.

статочно, по существу исследование персидской фразеологии только начинается. Имеется небольшое количество работ, опубликованных в нашей стране и за рубежом [см. 116; 118; 37; 78; 79], посвященных как общим, так и частным проблемам. В этих работах, разных по своему характеру и охвату фактического материала, сделаны первые попытки исследования и классификации персидских фразеологизмов, но они не снимают необходимости уточнения самого предмета персидской фразеологии и ее объема, а также более глубокого изучения структурных и семантических разновидностей персидских ФЕ.

В самом Иране за последние годы наметился некоторый сдвиг в области изучения фразеологии. Изданы словари разговорной лексики, устойчивых оборотов, пословиц и поговорок, которые, хотя и отличаются от обычных фразеологических словарей принципами отбора материала, пониманием объема фразеологии, тем не менее содержат много ФЕ различной грамматической и семантической структуры [127; 122; 121]. Что касается теоретических исследований, специально посвященных вопросам фразеологии, то их в Иране пока нет.

Ни один из имеющихся словарей, будь то толковый или переводной, не отражает более или менее полно фразеологический фонд персидского языка и не в состоянии предусмотреть все возможности использования фразеологизма в тексте. Поэтому каждый, кто интересуется проблемами языка и занимается переводом с персидского языка и на персидский, должен уметь самостоятельно разбираться в основных вопросах теории фразеологии, уметь выделять ФЕ в контексте, раскрывать их значение и передавать экспрессивно-стилистические функции в переводе. В связи с этим особенно большое значение приобретает разработка вопросов фразеологии для словарной работы, теории и практики перевода, обучения персидскому языку, для составления и написания учебников и учебных пособий.

Накопление обширного материала по персидской фразеологии и необходимость включения его в толковые и переводные словари требуют особого внимания к вопросам классификации ФЕ и изучения их структуры. Кроме того, при лексикографической разработке многих персидских фразеологизмов возникает необходимость помимо установления значений определить подлинную форму их существования, которая должна быть зафиксирована в словаре (например, установить, что является обязательным для данной ФЕ — рамочная или нерамочная формы построения, отграничить фразеологизмы-предложения от глагольных фразеологизмов). В связи с этим нельзя не согласиться с Н. Н. Амосовой, которая писала: «В наши дни составлять словари, не имея в своем распоряжении строго продуманных и подкрепленных хорошо разработанной теорией фразеологии принципов их комплектования и построения, представляется уже невозможным» [9, с. 56]. К сожалению, до последнего времени практика лексикографической работы в области иранских языков опережала научную раз-

работку вопросов лексикологии и фразеологии, что, естественно, не могло не сказаться на качестве выпускаемых словарей.

Задача исследования — дать общую картину персидской фразеологии и показать основные черты ее своеобразия, сформулировать определенную концепцию о ее сущности и объеме, раскрыть понятие фразеологического состава, определить семантические, парадигматические и синтагматические свойства ФЕ как особых лингвистических структур. При этом основное внимание уделяется характеристике конкретных структурно-семантических типов ФЕ, затрагиваются также вопросы их синтаксического и стилистического функционирования в языке. Автор стремился с максимальной полнотой раскрыть специфические особенности каждого структурного типа фразеологизмов, однако из-за слабой изученности персидской фразеологии это не всегда удавалось сделать.

Настоящая работа посвящена синхронному описанию персидских ФЕ, поэтому сложные и крайне важные проблемы исторической фразеологии в ней не рассматриваются. Однако в отдельных случаях при анализе семантики и структурных особенностей некоторых ФЕ допускались этимологические экскурсы.

Работа не является собранием критических замечаний и пересказом различных точек зрения на предмет фразеологии. Однако в связи с тем, что изложенный автором общий подход к изучению ФЕ, принципам выделения ФЕ, определению понятия и объема фразеологии и т. д. отличается в ряде положений от подхода к решению этих же вопросов других исследователей, а также в связи с недостаточной разработанностью и неясностью ряда важнейших понятий фразеологии в языкознании, автор не мог обойтись без критического анализа основных точек зрения и был вынужден раскрыть свое понимание соответствующих проблем фразеологии. Эти проблемы в основном освещаются в первой части книги. Кроме того, работы по различным общим и частным вопросам фразеологии затрагиваются в конкретных исследовательских частях в связи с анализом различных явлений персидской фразеологии.

Материалом исследования послужила, в первую очередь, фразеологическая картотека автора, составленная в процессе росписи литературы и работы над двухтомным «Персидско-русским словарем» [67], а также материалы указанного словаря. В качестве источников были использованы также персидские толковые словари, современная общественно-политическая, публицистическая и художественная литература.

Многие ФЕ используются в языке как стилистические средства, обладающие яркой образностью, экспрессивностью и эмоциональностью. В связи с этим было обращено внимание на исследование языка произведений крупнейших мастеров современной прозы. Произведения таких писателей, как С. Хедаят, М. Джамаль-заде и некоторых других, представляют большую ценность для изучения фразеологизмов как художественно-изобразительных

средств. ФЕ в произведениях этих писателей и оригинальны, и разнообразны по своим типам и свойствам, по структуре и стилистическим особенностям, а сами произведения отличаются обилием ФЕ, заимствованных из живой народной речи и классической литературы.

В необходимых случаях привлекались примеры из произведений классического периода, представленные в персидских словарях и работах различных авторов, посвященных исследованию языка этого периода. Сами же произведения классического периода специально не исследовались.

Выводы и основные теоретические положения монографии основываются на исследовании большого фактического материала. Однако вследствие ограниченного объема работы иллюстративный материал пришлось сократить в основном до двух-трех примеров на каждое рассматриваемое явление структурно-семантической характеристики ФЕ. Задача языковых примеров — лишь проиллюстрировать соответствующее фразеологическое явление, а не показать его частотность или широту распространения. Все персидские примеры приводятся в транскрипции, основанной на русском алфавите и принятой в двухтомном «Персидско-русском словаре» [67, с. 23].

Приступая к исследованию фразеологии персидского языка, мы отчетливо представляли себе те большие трудности, с которыми придется столкнуться в связи с неразработанностью или недостаточной изученностью многих необходимых для ведения исследования смежных вопросов лексики и грамматики: отсутствие четких определений слова, неразграниченность ряда типов сложных слов и устойчивых словосочетаний, недостаточно глубокая изученность частей речи, их морфологических и синтаксических свойств. Трудности усугублялись слабым отражением фразеологии в словарях общего типа и отсутствием фразеологических словарей персидского языка, соответствующих современному уровню развития лексикографии. И тем не менее острая потребность в разработке вопросов фразеологии, актуальность их для лексикографии и теории персидского языка явились теми стимулами, которые побудили автора взяться за это весьма трудоемкое дело.

В конце книги приводятся условные сокращения, список литературы и сокращенных обозначений источников. В список литературы включены только те работы, на которые сделаны ссылки или из которых приведены цитаты.

Часть первая

ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПЕРСИДСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Фразеология включает в свой состав разные по степени устойчивости словосочетания и предложения, характеризующиеся постоянством лексического состава и структуры, целостностью общего значения и воспроизводимостью в качестве готовых языковых единиц.

В последние годы изучение фразеологии иранских языков, в том числе фразеологии персидского языка, заметно активизировалось. Появляются исследования, посвященные характеристике не только конкретных разновидностей фразеологизмов [см. 50; 103; 2; 79; 27; 25], но и фразеологии языка писателей и литературных произведений [см. 37; 100], описанию фразеологического состава отдельных языков [39; 118], делаются попытки обобщения наблюдений над фразеологическим составом ряда иранских языков [5; 104], сопоставляются ФЕ разных языков [16], создаются фразеологические словари [127; 122; 121; 112]. К этому следует добавить, что частные и общие проблемы фразеологии постоянно затрагиваются в работах по лексике и грамматике иранских языков [см. 101, с. 61—68].

Состояние изученности фразеологии иранских языков далеко не одинаково: по одним языкам имеется ряд работ (напр., по персидскому, таджикскому, курдскому, осетинскому), по другим языкам исследования представлены лишь несколькими статьями (напр., по пушту, памирским языкам) либо еще совсем не проводились (напр., по талышскому, татскому, белуджскому).

Недостаточная разработанность общей теории фразеологии сказывается, несомненно, на исследовании фразеологии иранских языков. Среди проблем, вызывающих споры и разногласия у иранистов, немало таких, которые можно отнести к общefразеологическим: они касаются не только специфических особенностей фразеологического состава иранских языков, но и общей теории фразеологии. Назовем некоторые из них: место фразеологии среди других языковедческих дисциплин, объем фразеологии, понятие ФЕ и признаки ее устойчивости, структурная и семантиче-

ская типология ФЕ и т. д. Вместе с тем имеется круг фразеологических вопросов, относящихся в большей степени или исключительно к иранским языкам. Возникновение такого рода вопросов объясняется спецификой грамматического строя и лексико-семантической системы этих языков. И хотя современные иранские языки с точки зрения процесса перехода от синтетического строя к аналитическому и сохранения архаических свойств на разных языковых уровнях представляют довольно пеструю картину, тем не менее они объединяются в одну родственную группу не только общностью происхождения, исторического развития и наличием одинаковых преобразований в отдельных языках, но и рядом весьма сходных явлений в области грамматики, лексики и фразеологии.

подавляющее большинство работ по фразеологии иранских языков, выпущенных в 50-е и 60-е годы, основывается на взглядах В. В. Виноградова, изложенных им в трех ставших широко известными работах [22; 23; 24]. Эти взгляды, как известно, не представляют собой цельной и завершенной теории фразеологии и касаются главным образом семантической структуры фразеологизмов русского языка. В основу выделения разных типов ФЕ были положены семантические критерии и ограничения в сочетаемости слова с другими словами. Было выделено три типа фразеологизмов: по признаку степени мотивированности общего значения — фразеологические сращения и фразеологические единства, по признаку ограниченной сочетаемости слова, обладающего фразеологически связанным значением, — фразеологические сочетания. И хотя эта классификация сыграла весьма положительную роль в изучении семантической природы ФЕ, она не была до конца последовательной, не основывалась на единых семантических критериях. Семантические признаки не подкреплялись никакими другими формально-грамматическими показателями, поэтому они не могли служить надежным и универсальным средством выделения ФЕ во всех языках¹.

Под влиянием работ В. В. Виноградова в персидском, таджикском и осетинском языках стали выделять названные выше три типа ФЕ, при этом не учитывались внутреннее строение фразеологизмов и их структурно-грамматические свойства, категориальная принадлежность компонентов и их лексико-семантические особенности, структурно-грамматические признаки устойчивости ФЕ и их синтаксические функции. Односторонний семантический подход уводил исследователя в сторону от решения важнейших вопросов фразеологии иранских языков, а заранее выработанная классификационная схема не могла охватить все богатство и многообразие разновидностей ФЕ этих языков.

Перед исследователями фразеологии иранских языков стоит

¹ Более подробный критический разбор работ В. В. Виноградова по фразеологии содержится в книгах Н. Н. Амосовой «Основы английской фразеологии» [8, с. 6—9] и А. В. Кунина «Английская фразеология» [46, с. 8—9, 271—275].

ряд важных и еще не решенных проблем. Одна из таких проблем — разграничение некоторых разновидностей именных ФЕ и сложных слов². Трудности в разграничении этих единиц вызваны рядом причин: именные ФЕ и сложные слова нередко образуются по сходным структурным моделям и совпадают по характеру переосмысления компонентов; наблюдаются случаи совпадения просодической структуры устойчивых словосочетаний и сложных слов; морфологические показатели имен существительных в атрибутивных и сочинительных словосочетаниях ряда иранских языков — артикль, послелоги и, реже, окончания множественного числа — выступают как групповые оформители, относясь к сочетанию слов в целом. В связи с этим во многих случаях не достаточно одних только семантико-грамматических признаков для решения вопроса о цельнооформленности или раздельнооформленности такого рода сочетаний и установления отдельности слова. В тех же языках, где широкое распространение получила изафетная связь (напр., персидский, таджикский), в результате редукции или утраты изафетного показателя наблюдаются либо переходные случаи между фразеологическими словосочетаниями и сложными словами, либо случаи полной лексикализации словосочетаний.

В иранских языках чрезвычайно большое развитие получила глагольная фразеология, включающая в свой состав словосочетания разной семантической слитности и разной внутренней структуры.

Прежде всего необходимо решить вопрос об отношении к фразеологии двучленных глагольных словосочетаний, построенных по модели «имя+компонирующий глагол». В работах по различным иранским языкам они называются сложными, составными, сложноименными глаголами или глагольными перифразами. Все исследователи отмечают чрезвычайно большую продуктивность указанной модели; в количественном отношении сложные глаголы (далее — СГ) значительно преобладают над всеми другими структурными типами глагола.

Хотя проблемой СГ иранисты занимаются давно, тем не менее вопросы об их природе, отношении к сложному слову и фразеологическому словосочетанию, об их фразеологических и аналитических свойствах не являются до конца выясненными. В работах иранистов высказываются разные мнения о природе двучленных глагольных словосочетаний, что, видимо, в какой-то мере является объективным отражением различий в степени проявления фразеологических и аналитических свойств у этих словосочетаний в разных иранских языках: СГ рассматриваются то как раз, новидность глагольных фразеологизмов [62, с. 288—290; 79; 83], то как сложные или составные аналитические слова [4, с. 32—34].

² О трудностях проведения четкой границы между именными ФЕ и сложными словами неоднократно говорилось в ряде работ [см. 39, с. 103; 103, с. 31—50; 80, с. 13].

Вместе с тем самые общие наблюдения над СГ в разных иранских языках показывают, что, несмотря на некоторые структурно-семантические различия, возникающие вследствие своеобразия грамматического строя и лексико-семантической системы того или иного языка, эти глагольные образования обладают рядом сходных свойств: строятся по строго определенной модели, порядок расположения компонентов строго фиксирован, в роли именной части используются главным образом имена существительные (наиболее часто имена со значением действия), прилагательные, причастия; у большинства СГ основную семантическую нагрузку несет именная часть, глагольная же часть является формальным выразителем действия. В роли компонирующих глаголов наиболее часто используется сравнительно небольшая группа простых глаголов: в персидском — *kārđān* 'делать', *šodān* 'делаться', 'становиться', *dadān* 'давать', *zādān* 'бить', в таджикском — *кардан* 'делать', *шудан* 'делаться', 'становиться', *додан* 'давать', *задан* 'бить', в курдском (курманджи) — *кърън* 'делать', *бун* 'становиться', *дан* 'давать', *хъстън* 'бить', в белуджском — *kanag* 'делать', *baiag* 'становиться', *daiag* 'давать', *janag* 'бить', в осетинском — *кæнын* 'делать', *уын* 'быть', 'становиться', *дарын* 'держать' и т. д.

СГ в иранских языках весьма разнообразны как по семантической слитности компонентов, так и по характеру лексико-грамматических отношений между ними, обнаруживая свойства фразеологизмов, моделированных и аналитических образований, а также сложных слов.

Недостаточно полно и всесторонне на материале иранских языков разработан вопрос о правомерности отнесения к СГ двучленных глагольных словосочетаний, к именной части которых относятся основные и отыменные (вторичные) предлоги.

В ряде иранских языков именная часть СГ может получать морфологические показатели, свойственные именам существительным при свободном функционировании в речи (напр., форманты мн. числа, артикль, послелоги). Однако далеко не во всех случаях присоединения морфологических показателей происходит распад устойчивых глагольных словосочетаний и превращение их в свободные.

Одной из своеобразных черт фразеологии иранских языков, вытекающей из относительно твердого порядка слов в предложении (в большинстве языков сказуемое замыкает предложение, в атрибутивных словосочетаниях — в одних языках определение строго следует после определяемого, в других — предшествует определяемому), является дистантное построение многих глагольных фразеологизмов, часто называемое рамочной конструкцией (обычно в работах по персидскому языку; далее — РК).

О возможности разобщенного положения компонентов глагольных ФЕ говорится в работах по курдскому, таджикскому, осетинскому и некоторым другим языкам. Несколько более подробно случаи рамочного построения освещены на материале персид-

ского языка. Однако причины образования РК, зависимость дистантного построения фразеологизма от его семантико-грамматической структуры и стилистических условий контекста, случаи факультативного и облигаторного рамочного построения—все эти вопросы остаются почти совершенно нераскрытыми.

С другой стороны, возникает ряд вопросов, связанных с сохранением или нарушением цельности ФЕ, вследствие того, что между постоянными членами фразеологизма вклиниваются слова, непосредственно не входящие в его состав. Во всех ли случаях дистантного построения ФЕ сохраняются фразеологические связи между компонентами? Каковы те границы сохранения устойчивой связи между компонентами ФЕ в разобленном положении, нарушение которых приводит к превращению фразеологических отношений между компонентами в свободные синтаксические отношения между второстепенными членами и глаголом-сказуемым предложения?

До сих пор для большинства иранских языков остается нерешенным вопрос о статусе и природе ФЕ, имеющих грамматическую структуру предложений. Подобно другим типам ФЕ, фразеологизмы-предложения (далее ФП) употребляются в языке как готовые, воспроизводимые по традиции единицы, но отличаются от других типов фразеологизмов своими структурно-грамматическими, семантическими и функциональными особенностями. Включение в состав фразеологии ФЕ со структурой предложения позволяет по-новому поставить вопросы о соотносительности ФЕ и слова, о характере фразеологического значения и синтаксических функциях фразеологизмов³.

В работах по фразеологии иранских языков иногда в качестве ФЕ рассматриваются пословицы и поговорки. Ими по существу и ограничивается выделение фразеологизмов со структурой предложения. Что касается собственно ФП, то они чаще всего не отграничиваются от глагольных фразеологизмов. Неразличение тех и других ФЕ приводит к тому, что фразеологизмы, имеющие строение предложения, фиксируются в различных словарях иранских языков в не свойственной им, искусственно создаваемой инфинитивной форме.

ОБЪЕМ И ГРАНИЦЫ ФРАЗЕОЛОГИИ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

Фразеология составляет важную область языкознания, охватывающую широкий круг проблем, связанных с семантикой, составом и структурой устойчивых сочетаний слов, особенностями их функционирования и закономерностями образования. Одним из основных вопросов теории фразеологии является вопрос об ее объеме и границах. С ним теснейшим образом связаны вопросы

³ Вопрос о фразеологизированных предложениях как части фразеологического состава персидского языка рассматривается нами в специальной статье [86].

определения фразеологической устойчивости, характера и особенностей фразеологического значения, лексического состава и грамматического строения ФЕ, что в свою очередь опирается на то или иное понимание и определение ФЕ.

Несмотря на огромное количество исследований по различным проблемам общей теории фразеологии и фразеологии конкретных языков, до сих пор не существует единого понимания предмета фразеологии и объектов, изучаемых ею. Персидский язык в этом отношении не составляет исключения.

Если обратиться к исследованиям, имеющим непосредственное отношение к фразеологии персидского языка, то они в основном опираются на взгляды В. В. Виноградова, о которых говорилось выше. В этих работах вопрос об объеме фразеологии персидского языка, о семантических и структурных признаках фразеологизмов специально не ставится. Тем не менее можно отметить, что рассмотрение проблем фразеологии персидского языка ограничивается материалами ФЕ со структурой словосочетания, как именных, так и глагольных, хотя в некоторых работах к фразеологии относятся также пословицы и поговорки (напр., в кандидатской диссертации Ф. И. Зульфигаровой [37, с. 6]).

В работах по общей теории фразеологии высказано несколько точек зрения на ее объем. Расхождения во взглядах на объем фразеологии могут быть сведены в основном к трем видам: расхождения в понимании семантической природы ФЕ, в определении основных структурных типов ФЕ, в подходе к оценке функционально-стилистического фактора при характеристике ФЕ.

1. По вопросу семантической природы ФЕ имеется три точки зрения.

Сторонники одной точки зрения включают в состав фразеологии только устойчивые сочетания с полностью переосмысленным значением компонентов. Эта точка зрения, которой придерживаются, например, В. П. Жуков [36; 35], А. И. Молотков [54, с. 14], отличается четким определением предмета и объема фразеологии. Так, В. П. Жуков пишет: «Фразеологизм начинается там, где воспроизводимость слов заменяется воспроизводимостью компонентов, т. е. частей фразеологизмов, лишенных „словесных“ признаков» [35, с. 104]. Но при таком узком понимании объема фразеологии за ее пределами оказывается большое число устойчивых образований. Остается неясным, какая лингвистическая дисциплина должна заниматься изучением этих образований.

По мнению других исследователей, к фразеологии следует относить не только ФЕ с переосмысленным значением всех компонентов, но и ФЕ, в которых один из компонентов (или два, например, в составе многочленных ФЕ) сохраняет свое лексическое значение (А. В. Кунин [46, с. 338], И. И. Чернышева [108, с. 29, 38], Е. А. Иванникова [38, с. 80]).

А. В. Кунин отмечает, что словосочетания с единичной сочетаемостью или с предельно узкой сочетаемостью компонента не

являются еще фразеологизмами, если в них не происходит семантической перестройки компонентов. Так, он не считает фразеологизмами словосочетания «окладистая борода», «проливной дождь» и другие на том основании, что в них однозначные компоненты — имена прилагательные, обладающие единичной сочетаемостью, не подверглись семантическому переосмыслению [46, с. 85].

Сторонники третьей точки зрения помимо отмеченных выше двух семантических разновидностей ФЕ относят к фразеологии еще и неидиоматические ФЕ, в которых все компоненты сохраняют буквальные значения. Ученые, разделяющие эту точку зрения — В. Л. Архангельский [12, с. 190], Н. М. Шанский [109, с. 203] и другие, — подходят очень широко не только к пониманию семантической структуры фразеологизмов, но и к определению объема фразеологии. Они считают, что фразеологичность не обязательно связана с семантической перестройкой компонентов, и включают в состав фразеологии устойчивые словесные группы разных типов. Общее значение таких фразеологизмов складывается из значений образующих их компонентов, при этом на первый план выдвигаются другие факторы, создающие устойчивость этих образований, — постоянство лексемного состава, что предопределяет устойчивость их целостного значения, невозможность замены компонентов на лексические синонимы, неизменяемость или ограниченная изменяемость морфологических форм компонентов.

2. Не менее существенны для определения состава и объема фразеологии разногласия по вопросу о структурных типах ФЕ.

Противники включения в состав фразеологии ФЕ со структурой предикативного словосочетания и предложения (С. И. Ожегов, Н. Н. Амосова, А. И. Молотков, А. М. Бабкин и др.) считают, что фразеологизмами могут быть только образования со структурой словосочетания, выполняющие функцию номинации и выступающие как эквиваленты слова. По их мнению, рассмотрение устойчивых предикативных сочетаний слов и предложений в качестве ФЕ якобы нарушает принцип структурного единообразия. Все устойчивые образования, не являющиеся единицами номинации, исключаются ими из состава фразеологии. Н. Н. Амосова делает некоторое исключение и считает фразеологичными также такие частично предикативные образования, которые функционально эквивалентны словосочетанию как единице номинации, а не коммуникации [8, с. 136]. Однако большинство фразеологов в настоящее время склонно рассматривать различные виды устойчивых предложений как одну из основных структурных разновидностей фразеологии (В. Л. Архангельский, А. В. Кунин, И. И. Чернышева, Н. М. Шанский и др.). Эта точка зрения основывается на более широком подходе к объему фразеологии и представляется более последовательной и аргументированной.

Следует отметить, что традиционно разработка общей теории фразеологии проводилась главным образом на материале ФЕ,

имеющих строение словосочетаний, а особенности и свойства ФП при выведении общих закономерностей почти совсем не учитывались.

3. Нет полного единства взглядов в отношении функционально-стилистической характеристики ФЕ. В работах А. И. Ефимова [33], Ю. Р. Гепнера [29], В. Ф. Рудова [87] и других фразеологизмы рассматриваются как эмоционально-экспрессивные средства языка. Однако эта точка зрения не получила широкого распространения. Если к фразеологическому составу относить только экспрессивно окрашенные единицы в их сопоставлении с нейтрально-стилистическими средствами языка, то предмет фразеологии чрезвычайно сужается и становится как бы частью стилистики. В действительности далеко не все ФЕ, в том числе и идиоматические, обладают эмоционально-стилистической окрашенностью. И это вытекает из широты семантической природы ФЕ — они, как считает В. Н. Телия, «как и слова, служат для обозначения тех явлений действительности, которые связаны со всеми видами деятельности человека» [93, с. 28]. Понятие «фразеологизм» не следует связывать исключительно с понятиями эмоциональности и экспрессивности. Эти свойства не являются общefразеологическими, а характерны лишь для некоторых идиоматических ФЕ.

Существует множество точек зрения на устойчивость и идиоматичность различных сочетаний слов⁴ и, следовательно, на природу, сущность фразеологии и соответственно ее объем.

Изучение устойчивых сочетаний слов персидского языка, опыт лексикографической работы, накопленный в связи с составлением двухтомного «Персидско-русского словаря», убеждают в целесообразности наиболее широкого понимания объема фразеологии. Такой подход позволяет охватить разные виды устойчивых словосочетаний и предложений и может обеспечить полное и объективное отражение разнообразного фразеологического материала в толковых и переводных словарях общего типа. В общих чертах он означает:

Во-первых, включение во фразеологию единиц широкого семантического диапазона, компоненты которых не только частично или полностью утрачивают свое значение, но и сохраняют его неизменным, ибо фразеологичность не обязательно создается семантической перестройкой компонентов.

Во-вторых, отнесение к фразеологии не только устойчивых сочетаний слов со структурой словосочетания, но и устойчивых сочетаний слов со структурой предложения. Особое место среди устойчивых предложений принадлежит персидским пословицам и поговоркам.

В-третьих, рассмотрение среди ФЕ составных терминов и со-

⁴ Определение этих понятий и критику различных точек зрения см. в работах А. В. Кунина [46, с. 81—85], Н. Н. Амосовой [9, с. 70—72], В. Л. Архангельского [11, с. 161—165].

ставных наименований, которые также характеризуются семантическими и структурно-грамматическими признаками устойчивости. Специальная семантико-номинативная функция, которую они выполняют в языке, не может служить препятствием для отнесения их к фразеологии.

В-четвертых, включение в состав фразеологии так называемых моделированных образований — устойчивых сочетаний слов серийного типа, построенных по определенным структурно-семантическим моделям ограниченного характера. Такие образования представлены различными структурными типами фразеологизмов: именными, глагольными и ФЕ-предложениями.

Следует признать вполне справедливым замечание В. Л. Архангельского, который, критикуя узкое понимание объема фразеологии Н. Н. Амосовой, отмечает, что «...объекты фразеологии без должных теоретических оснований предельно сужаются. Остается без рассмотрения и отдается в ведение контекстологии огромное количество серийных фразеологических сочетаний, т. е. единиц полупостоянного контекста, и колоссальное количество идиом и других образований с грамматическим строением предложений» [11, с. 170].

К определению понятия фразеологизма нельзя подходить с позиции какого-либо одного его признака, хотя и весьма важно, ибо, как справедливо отмечает В. Н. Телия, «фразеологизм представляет собою целостную структуру, и поэтому только комплекс структурных признаков может служить достаточным основанием для определения сущности характеристики фразеологизмов и их различных типов» [93, с. 44].

Вопреки утверждениям некоторых ученых широкое понимание объема фразеологии и в семантическом, и в структурном отношении, по нашему мнению, не устраняет специфики и своеобразия фразеологии как учения о различных типах устойчивых сочетаний слов, не препятствует выделению ее в самостоятельный раздел языкознания. Обоснование высказанных выше положений проводится на конкретном фразеологическом материале персидского языка.

I. Если отнесение к фразеологии устойчивых сложных комплексов идиоматического характера (с частичным или полным переосмыслением компонентов) в настоящее время принимается большинством фразеологов, то включение в фразеологию устойчивых сочетаний слов, в которых компоненты сохраняют свои лексические значения, вызывает возражения со стороны ряда ученых (А. В. Кунин, И. И. Чернышева и др.).

Прежде всего, отметим устойчивые сочетания слов идиоматического характера. К ним относятся ФЕ разной структуры, в которых все компоненты или один из них утрачивают свое лексическое значение: *чак-э вэйл* 'бездонная бочка' (букв. 'яма несчастья'), *дом-э горг* 'сумерки', 'предраассветная зорька' (букв. 'хвост волка'), *гэ́рн-и бэ́ гэ́рн-и* 'очень редко', 'изредка' (букв. 'век в век'), *йар-э гáр* 'преданный друг' (букв. 'друг пещеры'),

сәдд-э джу 'утоление голода' (букв. 'преграда голоду'), *зәбан-э зәргәри* 'условный язык', 'жаргон', 'арго' (букв. 'язык ювелирного дела'), *сәрма хордән* 'простужаться' (букв. 'холод есть'), *һәрф джәвидән* 'мямлить' (букв. 'слова жевать'), *бад дәр гәфәс даштән* 'заниматься бесполезным делом', 'толочь воду в ступе', 'пытаться сделать невозможное' (букв. 'иметь воздух в клетке'), *зофл бәр дәр сост кәрдән* 'быть гостеприимным', 'раскрывать широко двери' (букв. 'ослаблять замок на двери'), *һәбб-э хамуши хордән* 'хранить молчание' (букв. 'принимать пилюли молчания'). Устойчивость приведенных словосочетаний не вызывает сомнений, поскольку их компоненты теряют лексические значения и тем самым превращают сочетательные возможности лексем в единичные или ограничивают их до минимума.

Иначе обстоит дело при характеристике ФЕ неидиоматического характера, в которых общее значение образуется на основе значений компонентов. В этом случае семантический фактор отодвигается на второй план, хотя цельность и неизменяемость общего значения также играют важную роль в определении фразеологичности этих сочетаний слов.

Устойчивость — важнейший дифференциальный признак ФЕ. Что же создает устойчивость ФЕ неидиоматического характера?

1. Разноструктурные ФЕ неидиоматического характера, как и ФЕ-идиомы, характеризуются постоянством лексемного состава. Это означает, что говорящий/пишущий не может по своему усмотрению заменять компоненты ФЕ на другие слова, в частности на их лексические синонимы. Так, в именных ФЕ *тәназо*-э *бәдә* 'борьба за существование', *базар-э моштәрәк* 'общий рынок', *мосәлләс-э мотәсавийоссагәйн* 'равнобедренный треугольник' невозможно заменить ни первые, ни вторые компоненты, ибо замена любой из лексем на ее синонимы могла бы привести к распаду этих ФЕ. Невозможность замены компонентов можно констатировать также и в других структурных типах ФЕ, в которых компоненты сохраняют свои значения: *эдамә дадән* 'продолжать', *тәгйир дадән* 'изменять', *тәбждид-э нәзәр кәрдән* 'пересматривать', 'изменять точку зрения (на что-л.)', *тоузиһ-э вазәһат кәрдән* 'говорить прописные истины', *зоул-о фә'л-әш йеки-ст* 'его слова не расходятся с делом', *карһа нику шәвәд әмма бә сәбр* 'делам сопутствует успех благодаря терпению'.

Вместе с тем встречается немало количество ФЕ, допускающих вариантную замену лексем, что не противоречит фразеологической цельности этих единиц: *сәндүз-э рә'й (ара)* 'урна для голосования', *сал-е шәмси (хоршиди)* 'год по солнечному календарю', *әз ан (ин) нәс* 'с тех пор', 'после этого', *әзиййәт кәрдән (дадән)* 'мучить', 'приставать', 'беспокоить', *тәзйин кәрдән (дадән)* 'украшать', 'разукрашивать', *дәрд-әм герәфт (амәд)* 'мне стало больно', *джуйәндә (пуйәндә) йабәндә әст* 'кто ищет, тот найдет' и т. д. Заменяться могут как знаменатель-

ные, так и служебные слова (напр., предлоги), входящие в состав ФЕ⁵.

Следует особо подчеркнуть, что вариантная замена несколько не нарушает фразеологичности этих словесных комплексов и происходит в пределах их инвариантности. При этом замена компонентов не всегда опирается на синонимический ряд и строго ограничена узким кругом слов, среди которых могут быть и не синонимы. Несинонимическая замена компонентов не основывается на закономерностях лексико-семантической системы персидского языка и может быть объяснена лишь языковым обычаем (узусом). Слово-несиноним, способное заменить один из компонентов ФЕ, в данной работе названо эквивалентом.

Ярким примером такой замены могут служить именные ФЕ терминологического характера *дәстгаһ-э әккаси* 'фотоаппарат', *дәстгаһ-э филмбәрдари* 'кинокамера', 'киносъемочный аппарат', в которых первый компонент *дәстгаһ* 'аппарат', 'прибор' может быть заменен на слово *дурбин* 'бинокль', являющееся его эквивалентом. Замена компонентов не вносит никаких изменений в общее значение устойчивого словосочетания и не оказывает влияния на характер его стилистического функционирования. Однако ФЕ *дурбин-э әккаси* 'фотоаппарат' и *дурбин-э филмбәрдари* 'кинокамера' в результате утраты лексического значения компонента *дурбин* принадлежат к другой семантической группе фразеологизмов — к ФЕ с переосмысленным значением компонента.

Аналогичные примеры на несинонимическую замену компонентов можно найти среди глагольных ФЕ и фразеологизмов со структурой предложения: *тәрк кәрдән (гофтән)* 'оставлять', 'покидать', 'бросать', *азин кәрдән (бәстән, зәдән)* 'украшать', 'убирать', *хаб-әм мигирәд (мибәрд)* 'мне хочется спать', 'меня клонит ко сну', *бә йад-әм амәд (офтад)* 'я вспомнил', 'мне припомнилось' и т. д.

Наличие вариантных форм одного и того же фразеологизма, когда при одном варианте все компоненты сохраняют свои значения, а при другом — варьирующий компонент представлен словом с переосмысленным значением, свидетельствует об устойчивости ФЕ неидиоматического характера и о невозможности исключения таких устойчивых сочетаний слов из фразеологического состава персидского языка. Так, методом субституции — несинонимической заменой компонента — доказывается фразеологичность того или иного устойчивого сочетания слов неидиоматического характера и устанавливается тесная связь между идиоматичными и неидиоматичными ФЕ.

2. Постоянство и незаменимость компонентов ФЕ неидиоматического характера предопределяет устойчивость их целостного значения. Это значение остается устойчивым и

⁵ Возможность замены компонентов в ФЕ разной структуры отмечает Н. З. Хатеми [101, с. 62—63].

при вариантных изменениях состава компонентов фразеологизмов.

Общее значение такого рода ФЕ выводится из значений компонентов и имеет постоянную денотативную соотнесенность. Каждый компонент вносит свою долю в формирование целостного значения ФЕ; при этом участие компонентов в образовании общего значения меняется в зависимости от структурной типологии ФЕ. Степень участия компонентов в формировании целостного значения фразеологизмов неидиоматического характера рассматривается в последующих частях работы.

В связи с характеристикой устойчивости значения ФЕ необходимо отметить следующее:

1) Общее значение многих ФЕ неидиоматического характера не является простой суммой значений компонентов, хотя последние и не изменяют своих лексических значений. Так, для правильного понимания некоторых именных словосочетаний совсем недостаточно знания буквальных значений компонентов, а необходимо знакомство с денотатами, т. е. с конкретными предметами и явлениями, которые эти устойчивые словосочетания обозначают. Например, словосочетание *монтэйзэр-э хэдмэйт* 'ожидающий назначения на должность' (о лицах, временно отстраненных от работы) обладает более узким и конкретным значением, чем значение, вытекающее непосредственно из значений составных компонентов, — 'ожидающий службы'. Словосочетание *аб-э ййх* имеет значение 'вода со льдом' (т. е. вода, в которую опущены кусочки льда), а не 'ледяная вода', как можно было бы перевести это словосочетание при буквальном понимании его компонентов.

При анализе значения некоторых СГ на первый взгляд может показаться избыточным наличие именных компонентов, поскольку и без них компонирующие глаголы как будто выражают почти те же значения, какими обладают СГ. Однако сравнение значений этих СГ и входящих в их состав простых глаголов показывает, что именные части сообщают СГ новые семантические и стилистические оттенки, дополняют и конкретизируют значения простых глаголов. Ср., например, *сохэйн гофтэйн* 'говорить', 'разговаривать', 'выступать' (букв. 'говорить речь', 'говорить слова') и *гофтэйн* 'говорить', 'сказать', *раһ рэфтэйн* 'ходить', 'ездить' (букв. 'дорогой идти') и *рэфтэйн* 'идти', 'ехать', 'уходить', 'уезжать', *гэза хордэйн* 'есть', 'принимать пищу' (букв. 'пищу есть') и *хордэйн* 'есть', 'кушать'⁶.

2) Ряд ФЕ со структурой словосочетания и незавершенного

⁶ Некоторое исключение по сравнению с другими компонирующими глаголами представляет глагол *хордэйн*, который хотя и совпадает по значению с СГ, но самостоятельно в своем прямом значении 'есть', 'кушать' почти совсем не употребляется и требует постановки прямого дополнения (*нан хордэйн* 'есть хлеб', *гушт хордэйн* 'есть мясо'). Обычно в этом значении самостоятельно употребляется СГ *гэза хордэйн*: *агдэб дэр һэмин отаг гэза михорд* (АЧ, с. 25) 'Большей частью он ел в этой же комнате'.

предложения обладает постоянным и строго определенным фразеолого-грамматическим значением, что отражается на характере их функционирования в языке и свидетельствует об их большой устойчивости,— это ФЕ с постоянным адвербиальным значением: *дāст бэ āслехэ* 'с оружием в руках', *моггāддām-э бār hāmэ* 'раньше всего', 'прежде всего', *нāсл бэ нāсл* 'из поколения в поколение', *ченан-ке байād-о шайād* 'как следует', 'как подобает', *бэ hār vāsиле-йи-ке hāст* 'любим способом' и т. д.

3. Одно из важных проявлений устойчивости ФЕ неидиоматического характера — неизменяемость или ограниченная изменяемость морфологических форм компонентов. Хотя ФЕ совпадают по форме со словосочетаниями или предложениями, «они не имеют полного набора трансформаций, который присущ моделям структур синтаксического уровня с тем же составом типоформ» [92, с. 190].

В именных ФЕ нередко один из компонентов употребляется только в форме единственного или множественного числа, хотя в составе свободных словосочетаний эти же слова могут изменять формы числа: *āфкар-э омуми* 'общественное мнение', *эйтэ-сацийāt-э дāстэджām'и* 'коллективное хозяйство', *дāст бэ синэ* 'со сложенными на груди руками', *руз бэ руз* 'изо дня в день' и т. д.

В составе персидских СГ, которые рассматриваются нами как одна из разновидностей глагольных фразеологизмов, именная часть полностью утрачивает свои парадигматические свойства: *кар кārдāн* 'работать', *энтэшар дādāн* 'публиковать', *эдамэ дādāн* 'продолжать', *тāгйир дādāн* 'изменять', *сохāн гофтāн* 'говорить', 'разговаривать', 'выступать' и т. д.

В ФЕ, имеющих структуру предложения, ограниченным парадигматическим изменениям может подвергаться глагольный компонент, а в ряде подобного рода ФЕ глагольный компонент вообще имеет нулевую парадигму, например: *hār че бада бад!* 'будь! что будет!', 'пусть будет все, чему суждено быть!', *на-гофтэ нāманād-ке...* 'следует сказать, что...', *ал бэбārād-āт!* 'черт тебя побери!', 'иди к дьяволу!', 'прочь!', *хода нāконād!* 'не дай бог!', *лазэм нāккārдэ-ке...* 'не обязательно, чтобы...', 'нет необходимости в том, чтобы...'

Совершенно очевидно, что нарушение морфологических ограничений, свойственных той или иной ФЕ, привело бы к ее распаду.

4. ФЕ с сохранившимися значениями компонентов характеризуются устойчивостью и неизменяемостью своей синтаксической структуры. У разных структурных типов фразеологизмов это фразеологическое свойство проявляется по-разному.

Именные ФЕ строго сохраняют порядок следования компонентов и характеризуются непроницаемостью своей структуры. Последнее выражается в том, что все словосочетание выступает в предложении как один член и никакие другие слова не могут

вступать в подчинительные отношения с компонентами ФЕ без того, чтобы не разрушить ее единства.

Персидские глагольные ФЕ обладают способностью образовывать дистантное построение, при котором между постоянными членами ФЕ вклиниваются слова, не входящие в состав фразеологизма, например: *агаз-э бэ кар кярд* 'он приступил к работе' (СГ *агаз кярдан* 'начинать', 'приступать'), *эзһар-э айидэ миконанд...* 'они выражают мнение...' (СГ *эһар кярдан* 'выражать', 'высказывать'). Рамочное построение, как будет показано ниже, — один из вариантов существования многих глагольных фразеологизмов и не нарушает их структурного и семантического единства. Дистантное расположение компонентов происходит в пределах инвариантности данной ФЕ. С этой точки зрения способность того или иного устойчивого глагольного словосочетания образовывать РК является показателем фразеологичности этого словосочетания.

Устойчивостью и неизменяемостью синтаксической структуры характеризуются многие ФП. Например:

Нагофтэ няманд-ке ай ин сэ ирани до нэфар бэ забан-э фарси-һам соһбат микярданд (X, 58, с. 20) 'Следует сказать, что из этих трех иранцев двое также выступали на персидском языке'.

Дяриг-ам амд ке-нагофтэ бэгозарам вә бэгозәрәм (X, 70, с. 23) 'Мне стало жаль ничего не сказать и уйти'.

Ярким показателем устойчивости синтаксической структуры могут служить фразеологизмы — эллиптические предложения, в которых компоненты сохраняют лексические значения: *бэ хода йасам!* 'клянусь богом!', 'ей-богу!', *хода-ра шокр!* 'слава богу!', 'благодарим бога!', *ай шома че пәнһан* 'не буду от вас скрывать', *атэш бәс!* 'прекратить огонь!' (команда) и т. д. Исходя из строения этих речений (наличие прямых и косвенных дополнений, именных частей СГ), можно было бы говорить о возможности употребления в необходимых случаях личных форм компонирующих глаголов. Однако отсутствие глагольных словоформ в этих предложениях — устойчивый признак их синтаксической структуры.

В составе фразеологических единиц неидиоматического характера иногда встречаются лексические и грамматические архаизмы (эти вопросы специально рассматриваются ниже при характеристике основных структурных типов ФЕ персидского языка). Однако эти архаизмы не могут быть заменены на более употребительные синонимичные слова и грамматические конструкции, что еще раз свидетельствует о фразеологичности этих сочетаний слов.

Таким образом, рассмотренные выше признаки устойчивости различных видов сочетаний слов на лексическом, семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях позволяют сделать вывод о том, что к фразеологическому составу персидского языка следует относить не только ФЕ с полностью или частично

переосмысленными значениями компонентов, но и ФЕ, в которых компоненты сохраняют свои лексические значения⁷.

II. Одним из основных структурных типов персидской фразеологии являются устойчивые сочетания слов, имеющие строе- ние предложений: *сайе-йетан кям найшавад* 'премного вам бла- годарен', 'всего вам хорошего' (букв. 'да не уменьшится ваше покровительство'), *хаб ай чешм-ай рафт* 'он лишился сна', 'он потерял сон' (букв. 'сон ушел из его глаз'), *сай-р-айш сайз бад!* 'пусть ему сопутствует удача!', 'пусть он процветает!' (букв. 'пусть его голова будет цветущей!'), *хай-р-айш бэ гел офтадэ* 'он попал в бедственное положение' (букв. 'его осел упал в грязь') и т. д. В персидском языке такого рода устойчивые речения получили очень большое распространение, и нет никаких основа- ний исключать их из фразеологического состава языка.

Один из исследователей персидской фразеологии М. Шаки в своей первой работе, посвященной общей характеристике фразеоло- гического состава, к фразеологии относил не только устойчи- вые словосочетания, но и ФЕ со структурой предложения, в том числе пословицы и поговорки [116, с. 251, 260]. Но во второй, более поздней, работе точка зрения автора меняется, и он пол- ностью исключает из состава фразеологии устойчивые предложе- ния, поскольку они в языке выступают не как единицы номина- ции, а как коммуникативные единицы [118, с. 58].

Однако исключение из фразеологии ФЕ со структурой пред- ложения на том основании, что они функционально не эквива- лентны словосочетанию как номинативной единице, нельзя счита- ть научно обоснованным. В действительности устойчивые предложения характеризуются всеми свойствами фразеологизмов: имеют постоянный состав компонентов, и отсюда вытекает устойчивость и неизменяемость их глобального значения; обла- дают устойчивостью морфологических форм компонентов (кроме глагольного компонента, который имеет неполную или нулевую парадигму) и устойчивостью синтаксической структуры. Все эти фразеологические свойства обеспечивают воспроизводимость ФП в качестве готовых единиц языка.

Что касается коммуникативного характера значения, свойствен- ного этим единицам, то он нисколько не препятствует отнесению их к фразеологии. По своим свойствам устойчивые предложения так же противостоят свободным предложениям, как и фразеологизмы со структурой словосочетания противостоят переменным словосо- четаниям. Вообще номинативная или коммуникативная функция единиц языка не может служить тем критерием, которым опре- деляют фразеологичность того или иного устойчивого сочета- ния слов.

⁷ М. Шаки, критикуя Н. Н. Амосову за слишком узкое понимание объ- ема фразеологии, считает, что в состав фразеологии должны включаться единицы не только с измененными лексическими значениями компонентов [118, с. 17].

Включение в состав фразеологии устойчивых предложений вынуждает по-новому подойти к оценке персидских пословиц и поговорок, имеющих также строение предложений, и рассматривать их как часть фразеологического состава языка. Вместе с тем нельзя не отметить некоторую специфику семантики и структуры этих образных речений, обеспечивающую им особое место среди фразеологизированных предложений.

Общее значение фразеологизированных предложений, подобно значениям ФЕ других структурных типов, образуется (если оно не является прямым) путем переосмысления значений всех или отдельных компонентов. Иначе происходит образование глобального значения большинства пословиц и поговорок: переносно-обобщенное значение этих застывших оборотов речи предопределяется их традиционно-образным содержанием и возникает не за счет семантических сдвигов слов-компонентов, а на базе метафорического переосмысления всего содержания предложения. Во многих персидских пословицах и поговорках используются разнообразные образительные средства, свойственные стихотворной речи: *hār ce zūd bār-ayād, dir nāpāyād* 'то, что легко достается, быстро утрачивается', *dār hanē āgār kās āst, īek hār f bās āst* 'если в доме есть настоящий человек, достаточно и одного слова' (соотв. 'умный с полслова понимает'), *ājelov-ē ru хале, пошт-э сār чале* 'смотришь — родная тетка, а за спиной роет яму' (о двуличном человеке).

III. Из фразеологического состава языка нельзя исключать составные термины, поскольку они, как и типичные ФЕ, обладают необходимыми фразеологическими свойствами: устойчивостью лексемного состава, что выражается в невозможности замены компонентов на лексические синонимы, устойчивостью и целостностью общего значения, устойчивостью синтаксической структуры. Все эти свойства обеспечивают составным терминам воспроизводимость в качестве готовых единиц языка⁸.

Вместе с тем нельзя не отметить, что особенностью использования терминов в языке, своеобразии их номинативной функции, однозначность и точность значения, характер обобщения и абстракции в их значении, системность в организации тематически однородных терминологических групп — все это отличает данный вид устойчивых словосочетаний от других ФЕ и обеспечивает им особое место в фразеологии.

В. М. Солнцев, определяя идиоматичность значения «как невозможность выведения значения по правилу», рассматривает значения терминологических словосочетаний «как частный случай идиоматического значения» [90, с. 150]. «Терминологичность создается не по стандартному правилу атрибуции, а вопреки ему

⁸ М. И. Исаев составные термины и названия включает в фразеологию осетинского языка [39, с. 46—62; 40, с. 62—64]; М. Шаки также рассматривает составные термины среди ФЕ персидского языка [118, с. 27, 104—105].

как осуществление потребности назвать некоторый класс или подкласс предметов или явлений. Терминологическое сочетание выпадает из открытого ряда свободных сочетаний» [90, с. 150].

Среди составных терминов персидского языка имеются устойчивые словосочетания разной семантической структуры: сочетания с полностью переосмысленными значениями компонентов (*д̄ж̄я̄рр-э с̄а̄гил* 'подъемный кран' — из *д̄ж̄я̄рр* 'волочение', 'таскание' и *с̄а̄гил* 'тяжелый', *д̄жуш-е ширин* 'питьевая сода' — из *д̄жуш* 'кипение' и *ширин* 'сладкий'), с частично переосмысленными значениями компонентов (*дорр-э куһи* 'кварц', 'горный хрусталь', букв. 'горный жемчуг', *сас-э г̄андом* 'хлебный долгоносик', букв. 'пшеничный клоп') и с неизменившимися значениями компонентов (*энэрг̄и-йе атоми* 'атомная энергия', *штэбах-э б̄йс̄ари* 'оптический обман'), т. е. составные термины обладают всеми видами фразеологического значения.

Возражение против включения терминологических словосочетаний во фразеологию, основанное на том, что им не присуща образность и эмоциональная окрашенность, нельзя признать существенным, поскольку метафоричность и экспрессивность не являются обязательными свойствами всех ФЕ.

Если же подойти к значению составных терминов с точки зрения этимологии, то значение многих из них, как и самых типичных ФЕ, возникло в результате метафорического переноса на основе сходства внешних свойств, формы или выполняемых функций обозначаемых предметов и явлений с предметами и явлениями реальной действительности, например: *м̄я̄рг-е казэб* 'летаргия', 'летаргический сон' (букв. 'мнимая смерть'), *п̄амбэ-йе н̄я̄суз* 'асбест' (букв. 'несгораемая вата'), *аһ̄ак-е мордэ* 'гашеная известь' (букв. 'мертвая известь'), *х̄я̄тт-э кур* 'железнодорожный тупик' (букв. 'слепая линия'), *д̄эһ̄лиз-э д̄а̄һан* 'ротовая полость' (букв. 'прихожая рта'). И хотя в приведенных устойчивых словосочетаниях образность уже стерлась, можно с уверенностью констатировать, что фразеологизация этих сочетаний проходила одновременно путем метафорического переноса и терминологизации.

Нельзя признать убедительным и другой аргумент против включения составных терминов во фразеологию, высказанный А. И. Молотковым: «Ни сложные служебные слова, ни составные термины, ни составные наименования не образуют в языке самостоятельных по своей функции и по своему назначению единиц языка, они входят в общий состав соответствующих разрядов языковых единиц как часть этих разрядов наравне со словами» [53, с. 97].

Составные термины вместе с терминами-словами объединяются в соответствующих терминологических подсистемах на основании функционально-тематических признаков, а чисто языковые свойства и способы образования этих единиц должны изучаться в лексике, словообразовании и фразеологии. В персидском языке

в силу недостаточности словесного выражения наряду со словами в пределах соответствующих частей речи объединяются устойчивые сочетания слов, которые характеризуются всеми грамматическими категориями, свойственными этим частям речи. Нередко такие устойчивые сочетания слов выступают как единственные выразители тех или иных понятий. С этой точки зрения можно говорить о фразеологических глаголах, наречиях, союзах. Значительную часть междометий и так называемых модальных слов и выражений составляют фразеологизмы. Но рассмотрение такого рода устойчивых сочетаний слов среди соответствующих частей речи не дает оснований для исключения их из состава фразеологии, где их грамматическое строение и семантика изучаются особыми фразеологическими методами.

При решении вопроса об отнесении составных терминов к фразеологии следует учитывать также и то обстоятельство, что терминологическая система персидского языка еще не устоялась. При образовании составных терминов вместо нормы еще нередко действуют стихийные процессы и в качестве терминов используются народно-разговорные названия научных понятий. В связи с этим проблемы, связанные с формированием составных терминов, далеко выходят за рамки чистой терминологии и требуют применения методов, используемых при изучении фразеологии.

IV. Широкое понимание объема фразеологии предполагает отнесение к фразеологизмам и так называемых моделированных образований, в которых опорный компонент, формализующий данную модель, реализует свое значение с разнообразными переменными компонентами. В современном персидском языке моделированные образования получили чрезвычайно большое развитие и представлены различными типами устойчивых (главным образом бинарных) сочетаний слов.

В структуре словесных сочетаний этого типа особая роль выпадает на долю моделирующего компонента, который, многократно повторяясь, вступает в соединение со словами определенных семантических групп и вносит определенное лексико-грамматическое значение в общее значение таких устойчивых сочетаний. Его значение остается постоянным во всех сочетаниях данной модели; поэтому, зная значение переменного компонента, можно почти всегда предсказать общее значение образующегося сочетания. Здесь налицо не только структурная, но и семантическая модель.

В зависимости от сочетательных возможностей моделирующего компонента можно выделить модели широкого и узкого диапазонов. По модели широкого диапазона образованы двучленные глагольно-именные словосочетания, в которых в роли моделирующего компонента выступают простые глаголы *кәрдән* 'делать' (*э'лам кәрдән* 'объявлять', *иджад кәрдән* 'создавать', *чап кәрдән* 'печатать', 'издавать' и т. д.), *шодән* 'делаться', 'становиться' (*э'лам шодән* 'объявляться', *иджад шодән* 'создаваться', *чап шодән* 'печататься', 'издаваться' и т. д.), именные

словосочетания с моделирующими компонентами *кәмал* 'предел', 'крайняя степень' (*кәмал-е эстәфадә* 'полное использование', *кәмал-е тәйбәжджоб* 'крайнее удивление', *ба кәмал-е мэйл* 'с большим удовольствием', 'с величайшей охотой' и т. д.), *моўрэд* 'предмет', 'объект' (*моўрэд-э бәһс* 'обсуждаемый', *моўрэд-э эстәфадә* 'используемый', *моўрэд-э моталә* 'изучаемый' и т. д.), устойчивые безличные предложения с глаголом *даштән* 'иметь' в качестве моделирующего компонента (*тәйбәжджоб дарәд* 'удивительно', *хәтәр дарәд* 'опасно', *тә'риф нәдарәд* 'не заслуживает похвалы', 'так себе' и т. д.).

В моделях узкого диапазона моделирующий компонент обладает весьма ограниченными возможностями для сочетания с переменными компонентами. Примером образований по модели узкого диапазона могут служить глагольно-именные словосочетания двухкомпонентного состава с глаголами *бәхшидән* 'дарить', 'давать' (*рәһәи бәхшидән* 'освобождать', *пайан бәхшидән* 'заканчивать', 'завершать', *шеддәт бәхшидән* 'усиливать' и т. п.), *герэфтән* 'получать' (*говәйт герэфтән* 'крепнуть', 'усиливаться', *арәж герэфтән* 'успокаиваться', 'утихать' и т. п.), предложно-именные словосочетания с моделирующими компонентами *дур* 'далекий' (*дур әз зһсаф* 'несправедливый', *дур әз һәғиғәт* 'далекий от истины'), *мәғрун* 'близкий', 'сопровожаемый' (*мәғрун-э бә һәғиғәт* 'близкий к истине', 'похожий на правду', *мәғрун-э бә сә'рфә* 'экономный', 'выгодный').

Возникает вопрос, в чем заключается устойчивость приведенных выше сочетаний слов, позволяющая отграничить их от свободных словосочетаний и предложений.

Прежде всего отметим, что даже те моделированные образования, которые построены по модели широкого диапазона, имеют ограничения в своих сочетательных возможностях, причем эти ограничения обычно не связаны с узостью значения моделирующего компонента, а вызваны традицией, особой нормой употребления. Например, компонирующий глагол *кәрдән* 'делать', не смотря на широту и универсальность своего значения, не образует СГ с такими арабскими масдарами, как *тәбрик* 'поздравление', *озр* 'прощение', 'извинение', *ғәдәм* 'шаг', *эттәлә* 'сообщение', 'известие'⁹, *әдамә* 'продолжение' и т. д. Ограничение сочетательных возможностей моделирующего компонента, носящее узуальный характер, обеспечивает устойчивость такого рода сочетаний.

Кроме того, моделированные образования характеризуются устойчивостью и незаменимостью моделирующего компонента, цельностью и устойчивостью значения, устойчивостью синтаксической структуры. Морфологические ограничения в разных структурных типах этих конструкций проявляются по-разному.

⁹ Интересно отметить, что с синонимом этого слова *хәбәр* 'известие', 'сообщение', 'новость' СГ образуется как путем сочетания с глаголом *дадән*, так и с *кәрдән*.

Все это позволяет сделать вывод о том, что моделированные образования воспроизводятся в готовом виде как единицы языковой системы.

Я. И. Рецкер на основании анализа списка фразеологических неологизмов английского языка приходит к заключению, что «большая часть фразеологических новообразований создается по определенному шаблону. Можно сказать, что неологизмы опровергают распространенное мнение о немоделированности ФЕ» [73, с. 204].

Должна ли фразеология как лингвистическая наука заниматься изучением моделированных образований?

Противники включения моделированных образований в фразеологию (А. В. Кунин, И. И. Чернышева), признавая устойчивый характер этих сочетаний слов, относят их к устойчивым образованиям нефразеологического типа. Причиной исключения моделированных образований из состава фразеологии служит, во-первых, отсутствие семантических преобразований компонентов в таких сочетаниях и, во-вторых, серийность этих образований в отличие от единичности ФЕ. Так, А. В. Кунин пишет: «Традиционное ограничение сочетаемости, не связанное с узостью значения слова, создает устойчивость оборотов, в которых оно реализуется. Но это — устойчивость нефразеологического характера» [46, с. 224].

К сожалению, ясного ответа на вопрос о том, где должны изучаться такого рода устойчивые комплексы слов, мы не находим. А. В. Кунин предлагает назвать раздел, в котором должны рассматриваться такие образования, фразеоматикой и считает возможным временно включить его в фразеологию [46, с. 268]. Вместе с тем он признает, что «вопрос об устойчивых сочетаниях слов нефразеологического характера отнюдь нельзя считать решенным» [46, с. 217], а его «соображения по всем этим вопросам носят дискуссионный характер» [46, с. 218].

И. И. Чернышева, отвечая на вопрос о том, должна ли фразеология заниматься исследованием устойчивых сочетаний слов, не включаемых ею в фразеологический состав, пишет: «При всей дискуссионности данного вопроса можно думать, что радикальное отмежевание фразеологической науки от всех разновидностей моделированных и фразеологизованных образований было бы односторонним решением проблемы» [106, с. 35].

Перечисленные выше показатели устойчивости, свойственные моделированным образованиям персидского языка, более подробно рассматриваются ниже при анализе конкретных структурных типов этих сочетаний. Но уже здесь можно констатировать, что они обладают необходимыми признаками фразеологической устойчивости и в связи с этим не могут быть выведены за пределы

фразеологического состава персидского языка¹⁰. Вместе с тем следует отметить, что серийность, характерная для моделированных образований и сближающая их со свободными сочетаниями слов, составляет их существенную особенность по сравнению с собственно фразеологизмами, представляющими собой единичные сочетания слов.

В заключение, исходя из общего определения объема фразеологии, формулируем главные признаки ФЕ, выделяющие ее из свободных сочетаний слов. ФЕ — это устойчивое сочетание слов, имеющее строение словосочетания или предложения и характеризующееся постоянством лексемного состава, неизменяемостью или ограниченной изменяемостью морфологических форм компонентов, устойчивостью целостного значения, устойчивостью синтаксической структуры и воспроизводимостью в готовом виде. Эти свойства по-разному проявляются у разных структурных типов ФЕ и их разновидностей, но одно из них — воспроизводимость в готовом виде — характерно для всех ФЕ. Минимальное строение фразеологизма — двухкомпонентное словосочетание или предложение, максимальное строение — сложное предложение. При этом наибольшей устойчивостью обладают ФЕ немоделированного характера с полностью переосмысленными значениями компонентов и наименьшей устойчивостью — моделированные образования, построенные по моделям широкого диапазона, в которых моделирующий компонент сохраняет лексическое значение.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Изучение семантики ФЕ происходило главным образом под углом зрения определения статуса фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины. Теоретические взгляды В. В. Виноградова на фразеологию, основанные на анализе целостного значения ФЕ и на возможности выведения этого значения из значений составляющих компонентов, послужили толчком к изучению семантической структуры различного типа устойчивых словосочетаний. Семантические критерии, выработанные В. В. Виноградовым на основе изучения фразеологии русского языка, впоследствии были положены в основу классификации ФЕ авторами многих работ по фразеологии различных языков. Труды В. В. Виноградова в течение многих лет оказывали большое влияние почти на все исследования по фразеологии, ибо они, по образному выражению А. В. Кунина, «...заполнили ту брешь,

¹⁰ Попытка исключить из фразеологии двучленные глагольные словосочетания, в которых нет переосмысления одного или обоих компонентов, и отнести их к устойчивым сочетаниям нефразеологического характера сделана в статье Г. С. Гвенцадзе «К вопросу о глагольном фразеологизме в персидском языке» [28]. Причем делается это без углубленного анализа структурных и семантических свойств этих глагольных единиц, не учитывается возможность вариантной замены глагольного компонента (напр., компонирующего глагола *kārdān* на глаголы *nā-mudān* 'показывать' и *sahtān* 'строить', 'создавать').

которая образовалась ввиду недостаточного изучения семантики устойчивых сочетаний слов» [46, с. 270].

В течение длительного времени особенности значения фразеологизмов оставались без внимания, фразеологическое значение рассматривалось как разновидность лексического и изучалось без должного учета его своеобразия. И только в последние годы наметился новый подход к значению ФЕ, многие ученые стали подчеркивать специфику значения ФЕ, указывая на неправильность отождествления его с лексическим значением слов [см. 91, с. 205; 107, с. 232]. Стали появляться работы, в которых анализируются пути образования значений ФЕ, фразеологическое значение рассматривается как особая лингвистическая категория, делаются попытки наметить основные типы фразеологических значений [см. 12, с. 124; 46, с. 316—328; 43; 34, с. 50—51].

Фразеологизм, будучи устойчивым сочетанием слов, представленным как минимум двумя лексемами, характеризуется целостностью своего значения. О. С. Ахманова так пишет об этих особенностях фразеологизмов: «Фразеологические единицы выделяются семантической монолитностью, не отличаясь по форме от обычного, или „свободного“, словосочетания» [13, с. 51]. Вместе с тем она отмечает глобальный характер значения ФЕ и характеризует это семантическое свойство как «цельность номинации». «Можно сказать, что во фразеологической единице „цельность номинации“ довлеет над структурной раздельностью...» [14, с. 169].

ФЕ, как и слово, характеризуется постоянством своего значения. Но гораздо важнее подчеркнуть особый характер значения ФЕ, основанный на ее лексемном составе и поэтому отличный от лексического значения слова. «...Значение ФЕ качественно отличается как от значения слова, так и от значения свободного словосочетания и предложения. Есть основания говорить о значении ФЕ как особом *фразеологическом значении*» [12, с. 124]. Подчеркивая специфику фразеологического значения, В. Л. Архангельский справедливо указывает на то, что слитность значения ФЕ противостоит монолитности значения отдельного слова; глобальность значения устойчивого сочетания слов отличается от аналитичности значения свободного словосочетания и предложения [12, с. 124, 216—219]¹¹.

Во многих работах по фразеологии убедительно показаны отличительные особенности значения фразеологизмов по сравнению со значением слов, а за фразеологией признается право существования как самостоятельной лингвистической дисциплины. Тем не менее в некоторых работах не проводится различий между лексическим и фразеологическим значениями. Так, И. С. Торопцев, полностью игнорируя семантические особенности ФЕ, утвер-

¹¹ Более обстоятельное освещение отличий фразеологического значения от лексического В. Л. Архангельский дает в своей другой работе «О задачах, объектах и разделах русской фразеологии как лингвистической дисциплины» [11, с. 185—192].

ждает, что «смысловых различий между словом (в том числе и сложным) и фразеологизмом нет. Семантика слова и фразеологизма имеет одну и ту же природу, обладает одинаковыми свойствами, качественно не различается» [95, с. 23]. Некоторые авторы все еще употребляют термин «лексическое значение фразеологизма» [56, с. 13]. Поэтому представляется вполне справедливым замечание И. И. Чернышевой о неправомерности использования этого термина в настоящее время [107, с. 232].

Проблема значения ФЕ является новой и почти не разработанной. Изучение семантики ФЕ по существу только начинается. Слабо изучены взаимоотношения лексического и фразеологического значений (как внутри ФЕ, так и вне ее), не установлены и слабо исследованы типы значений ФЕ, не изучена зависимость фразеологического значения от морфолого-синтаксического строения ФЕ.

Строение ФЕ существенно сказывается на характере фразеологического значения, ибо различия в плане выражения, как правило, сопровождаются различиями в плане содержания. И хотя ФЕ представляют собой образования с тесной связью компонентов, степень этой связи далеко не одинакова в различных типах фразеологизмов. Общим для фразеологического значения разных структурных типов ФЕ является то, что их значение передается не словом, а описательным оборотом.

Большинство ФЕ со структурой словосочетания является в широком смысле слова названиями различных предметов, явлений, действий, а ФЕ со структурой предложения благодаря наличию в их составе финитных форм глагола служат главным образом средством общения и сообщения и выступают в предложении в роли сказуемого либо представляют собой самостоятельное высказывание. Отсюда вытекает, что наиболее общее значение ФЕ обуславливается структурой и их функцией в контексте. Так, значение ФЕ, являющихся по форме разными видами словосочетаний, например, *зәнг-е дэл* 'горе', 'печаль' (букв. 'ржавчина сердца'), *ба хун-э дэл* 'с большим трудом' (букв. 'с кровью сердца'), *сәрма хордән* 'простужаться' (букв. 'холод кушать'), *зий-ан дидән* 'терпеть ущерб', 'нести убыток' (букв. 'видеть ущерб'), носит номинативный характер, а значение ФЕ со структурой предложения, например, *пэдәр-әм пиш-е чешм-әм амәд* 'я света невзвидел', 'я дошел до изнеможения' (букв. 'мой отец перед моими глазами явился'), *гуш-әм ба шомат* 'я вас слушаю' (букв. 'мои уши с вами') — коммуникативный характер.

Однако не все ФЕ, имеющие предикативную структуру, относятся к фразеологизмам с коммуникативным значением. Например, такие предикативные по своей структуре сочетания, как *бэ һәр вәсиле-йи-ке буд* 'любой ценой', 'во что бы то ни стало' (букв. 'всяким способом, который был'), *һәр-че башд* 'все же', 'как-никак', 'что бы ни было' (букв. 'все, что будет'), *горбан-әт шәвәм!* 'дорогой мой!', 'дорогая моя!' (букв. 'да стану я жерт-

вой за тебя'), не способны выступать в качестве коммуникативных единиц и на основании выполняемой ими постоянной функции должны рассматриваться как ФЕ с номинативным значением. Синтаксическое строение ФЕ не всегда определяет ее функциональное значение.

Особо следует выделить фразеологические словосочетания с союзным значением (*бэ мǎһз-э ин-ке* 'как только', 'лишь только', *бэ эллǎт-э ин-ке...* 'по той причине, что...') и ФЕ со структурой словосочетания и предложения, обладающие модальным значением (*че бǎса* 'весьма вероятно', *дǎст-э кǎм* 'по крайней мере', *һич нǎбашǎд* 'по крайней мере', 'все же') и экспрессивно-междометным значением (*че хоша!* 'как хорошо!', *бороу гом шоу!* 'убирайся вон!', 'иди к черту!', *ал бэбǎрд-ǎт!* 'черт тебя побери!', 'иди к дьяволу!').

Изучение структуры семантики ФЕ проводится с помощью метода компонентного семантического анализа. Семантические взаимоотношения между лексемами, образующими фразеологизм, выводимость или невыводимость общего значения ФЕ из значений компонентов позволяют выделить три вида фразеологического значения: немотивированное, частично мотивированное и мотивированное¹². Это деление охватывает наиболее общие виды семантических отношений между компонентами ФЕ, но оно, как и всякая классификация, не может отразить полностью все многообразие устанавливающихся отношений. При анализе семантической структуры отдельных фразеологизмов взаимоотношения между компонентами оказываются настолько сложными, а иногда и недифференцированными и внутренне противоречивыми, что они часто выходят за рамки этих основных семантических групп или создают ряд переходных, смешанных типов. Поэтому выделение трех семантических групп ФЕ следует воспринимать как общую схему, рассчитанную на конкретный анализ фразеологического материала лишь с учетом этих переходных и смешанных типов.

Под немотивированным значением понимается такое фразеологическое значение, при котором целостное значение ФЕ не вытекает из суммы значений составных компонентов и не создается в результате частичного изменения или ослабления этих значений, а образуется как бы заново. Новое целостное значение накладывается на значения лексем, в результате чего они превращаются в строевые элементы семантической структуры фразеологизма. При образовании ФЕ с немотивированным значением нарушаются обычные, сложившиеся на данном этапе семантические связи лексем, носящие регулярный характер. Связь между лексемами становится несвободной. Такие устойчивые со-

¹² Данное понимание мотивированности следует отличать от другого понимания мотивированности как особого образного значения ФЕ, которое легко выводится из переменного словосочетания или предложения такого же лексемного состава.

четания слов, по образному выражению Ш. Балли, «можно сравнить с химическим соединением» [18, с. 97].

Немотивированный характер значения ФЕ обнаруживается путем сопоставления ее с переменным сочетанием слов (словосочетанием или предложением), на основе которого она возникла, а в случае отсутствия такового путем сравнения значения ФЕ с лексическими значениями компонентов.

Синхронный подход к анализу немотивированного значения позволяет включить в единую группу выделенные В. В. Виноградовым такие ФЕ, как «фразеологические сращения» и «фразеологические единства», поскольку для определения немотивированности значения несущественно, каким путем образовался тот или иной фразеологизм и совпадает ли он по форме со свободным сочетанием того же лексемного состава. Переосмысление означает любое изменение значений свободных сочетаний слов или компонентов ФЕ в результате семантического сдвига.

Немотивированное значение свойственно всем структурным типам персидских фразеологизмов: именным ФЕ — *горг-е барандидэ* 'стреляный воробей' (букв. 'волк, вымокший под дождем'), *аз бад-э һава* 'из ничего' (букв. 'из ветра воздуха'); союзным ФЕ — *һәр чәнд* 'хотя', несмотря на то, что' (из *һәр* 'каждый', 'всякий' и *чәнд* 'сколько?', 'несколько'), *һәр гәдр* 'сколько бы ни', 'как бы ни' (из *һәр* и *гәдр* 'количество', 'мера', 'величина'); глагольным ФЕ — *гуш дадән* 'слушать' (букв. 'ухо давать'), *дуд-э чераг хордән* 'работать ночами' (букв. 'копоть лампы есть'); ФП — *бини-йәш бә дивар хорд* 'он повесил нос' (букв. 'его нос натолкнулся на стену'), *пәһлу-йәш чәрб әст* 'у него есть чем поживиться' (букв. 'бок его жирный') и т. д.

Частично мотивированное значение характеризуется тем, что один из компонентов ФЕ утрачивает лексическое значение, подвергается переосмыслению, а другой компонент сохраняет свое реальное значение. В ФЕ трех- и четырехкомпонентного состава переосмыслению могут подвергаться два и три компонента. ФЕ с частично мотивированным значением семантически аналитичны. Среди ФЕ с частично мотивированным значением встречаются фразеологизмы разных структурных типов: именные ФЕ — *доруг-э шахдар* 'явная ложь' (букв. 'рогатая ложь'), *йар-э гәр* 'преданный друг' (букв. 'друг пещеры'); глагольные ФЕ — *фал дидән* 'гадать' (букв. 'гадание видеть'), *гачаг рәфтән* 'ехать зайцем, без билета' (букв. 'контрабандным путем ехать'), *сәвар-э кар шодән* 'осваивать дело' (букв. 'на дело садиться верхом'); ФП — *сәр-әш шанэ һадарәд* 'он не причесан' (букв. 'голова его расчески не имеет'), *һәрф-әт ниш нәмирәвәд* 'твои слова не имеют веса' (букв. 'твои слова не идут вперед') и т. д.

ФЕ с немотивированным и с частично мотивированным значениями обладают наибольшей семантической слитностью компонентов.

Мотивированное значение характеризуется тем, что

компоненты ФЕ, не теряя своего лексического значения, образуют структурно-семантическое единство; оно непосредственно выводится из значений составных компонентов. ФЕ, обладающие мотивированным значением, как и ФЕ двух рассмотренных выше семантических групп, лексически нерасторжимы, но их целостное значение аналитично. К ФЕ с мотивированным значением относятся глагольные ФЕ — *шокр гофтӓн* 'благодарить' (букв. 'благодарность говорить'), *та̄джид-э нӓӓр кӓрдӓн* 'пересматривать', 'изменять точку зрения' (букв. 'обновление точки зрения делать'), *ӓнджам-э вӓзифэ кӓрдӓн* 'исполнять обязанности' (букв. 'исполнение обязанности делать'); именные ФЕ-составные термины — *офунӓт-э хун* 'сепсис' (букв. 'заражение крови'), *машин-э джуджекеши* 'инкубатор' (букв. 'машина инкубации'); ФП — *рӓһм-ӓм амӓд* 'мне стало жалко' (букв. 'жалость мне пришла'), *дошмӓн-э дана бӓһ ӓз надан-э дуст* 'умный враг лучше невежественного друга' и т. д.

В связи с включением моделированных образований в фразеологию следует особо остановиться на характере их значения. Оно характеризуется целостностью и слитностью и отличается от значения обычных ФЕ тем, что имеет типовой характер, его можно прогнозировать. Такое значение можно назвать моделированно-фразеологическим; оно противостоит немоделированно-фразеологическому значению, являющемуся значением единичных устойчивых образований.

Моделированные образования характеризуются двумя видами фразеологического значения — мотивированным и частично мотивированным.

1. В образованиях с мотивированным значением компоненты сохраняют лексические значения, но моделирующий компонент, являющийся опорным словом данной модели и подвергающий ее формализации, может частично десемантизироваться, несколько ослабляя свое лексическое значение. Значение переменного компонента сохраняется полностью. Примером такого рода моделированных образований служат СГ, образованные по определенной структурно-семантической модели, — *иджад кӓрдӓн* 'создавать' (букв. 'создание делать'), *азад кӓрдӓн* 'освобождать' (букв. 'свободным делать'), *шеркӓт даштӓн* 'участвовать' (букв. 'участие иметь'), *воджуд даштӓн* 'быть в наличии', 'иметься' (букв. 'наличие иметь'); именные устойчивые словосочетания — *кӓмал-э эстӓфадэ* 'полное использование' (букв. 'крайняя степень использования'), *кӓмал-е ӓһӓммийӓт* 'огромное значение' (букв. 'предел значения'), *моӓрэд-э бӓһс* 'обсуждаемый' (букв. 'предмет обсуждения'), *моӓрэд-э энтӓгад* 'критикуемый' (букв. 'предмет критики') и т. д.

2. В моделированных образованиях с частично мотивированным значением переосмыслению подвергается моделирующий компонент; причем это переосмысление имеет регулярный, повторяющийся характер. Новое значение моделирующего компонента

не становится самостоятельным лексическим значением, ибо оно проявляется только в составе этих образований. Поэтому в словарях оно не должно фиксироваться наряду с другими значениями слова, но обобщенное описание значения моделирующего компонента необходимо давать.

В составе СГ наиболее употребительный компонирующий глагол *кърдӓн* в определенном контексте может быть заменен на компонирующие глаголы-эквиваленты *нӓмудӓн* 'показывать' и *сахтӓн* 'строить', которые в этой функции утрачивают свои реальные значения. Несмотря на эту замену, значение СГ полностью сохраняется: *идӓжад кърдӓн* и *идӓжад нӓмудӓн* 'создавать', *хатэрнэшан кърдӓн*, *хатэрнэшан нӓмудӓн* и *хатэрнэшан сахтӓн* 'указывать', 'отмечать', 'подчеркивать', *азад кърдӓн*, *азад нӓмудӓн* и *азад сахтӓн* 'освобождать' и т. д.

Переосмыслению может подвергаться моделирующий компонент в именных словосочетаниях. Например, слово *ӓһл* 'житель', 'обитатель' образует целую серию словосочетаний, в которых оно утрачивает свое значение: *ӓһл-е фӓйн* 'специалист в области техники', 'знаток техники', *ӓһл-е забан* 'знаток языка', *ӓһл-е ӓдӓб* 'литератор', 'знаток литературы' и т. д.; слово *су* 'зло', 'дурное качество' в составе моделированных словосочетаний переосмысливается и выступает в атрибутивной функции: *су'-э тӓ'бир* 'неправильное толкование', *су'-э нийӓйт* 'дурное намерение', *су'-э пишинэ* 'дурное прошлое', *су'-э тӓгӓзийе* 'плохое питание' и т. д.

В заключение отметим два необходимых условия для отнесения того или иного устойчивого словесного комплекса к моделированным образованиям с частично переосмысленным значением: а) сохранение переменным компонентом лексического значения, б) переосмысление моделирующего компонента должно иметь повторяющийся, регулярный характер. В случае нарушения одного из этих условий моделированное образование превращается в собственно ФЕ.

Подобно слову, ФЕ бывают однозначными и многозначными. И хотя многозначность ФЕ значительно уступает многозначности слов, тем не менее многие ФЕ имеют два и более значений. При этом одна полисемантическая ФЕ может объединять в различных комбинациях разные виды фразеологического значения: мотивированное, немотивированное и частично мотивированное.

Как для слова, так и для ФЕ характерно наличие переносного значения. Однако различие между ними состоит в том, что у слова не могут быть все значения переносными, а ФЕ может иметь все значения переносные, например: *һэзар миx* (букв. 'тысяча гвоздей') а) 'тысяча звезд' (о небе, усыпанном звездами); б) 'рваная одежда (дервишей)'; *дӓст бӓр-даштӓн* (букв. 'убрать руку') а) 'отказываться', 'воздерживаться'; б) 'прекращать', 'приостанавливать'.

В плане изучения семантической структуры ФЕ для более глубокого понимания природы и особенностей фразеологического

значения большой интерес представляет вопрос о путях и способах образования полисемантических ФЕ. К сожалению, эти пути и способы слабо изучены почти во всех языках, а в общей теории фразеологии не разработаны объективные приемы и методы обнаружения и разграничения значений ФЕ.

Наблюдения над полисемантическими ФЕ персидского языка показывают, что многозначность ФЕ — результат сложного взаимодействия разных семантических факторов. К их числу можно отнести комбинации различных лексических значений компонентов, одновременное или последовательное переосмысление разных компонентов, изменение разных значений одного полисемантического компонента, новое переосмысление уже готового фразеологического значения, разные пути переосмысления фразеологических значений и значений свободных словосочетаний и предложений и т. д. Остановимся только на некоторых из них.

1. Полисемия ФЕ возникает в результате участия разных значений одного из компонентов. Например, в образовании значений СГ *tāṣārroḡ kārdān* а) 'овладевать', 'оккупировать', 'захватывать'; б) 'вносить изменение', 'изменять' участвуют разные значения лексемы *tāṣārroḡ* 'овладение', 'оккупация', 'захват' и 'изменение', 'внесение изменений'. Значения многочленного глагольного фразеологизма *ab-э тоўбэ бэ даст рихтān* а) 'каяться'; б) 'давать обет, зарок' образовались в результате участия разных значений лексемы *тоўбэ* 'раскаяние' и 'обет', 'зарок'.

2. Образование полисемантических ФЕ может происходить путем переосмысления уже готового фразеологического значения или значения свободного словосочетания и предложения. При этом переосмысление уже имеющегося фразеологического значения в новое следует рассматривать как явление вторичной фразеологизации. Возникновение новых фразеологических значений происходит двумя способами.

1) Способ параллельного образования фразеологических значений. Наблюдается в тех случаях, когда в основе двух или нескольких значений ФЕ лежит исходное значение — либо значение свободного словосочетания или предложения, либо первоначальное значение фразеологизма. Так, в основе значений ФЕ *дāст-э ахэр* а) 'наконец', 'в конце концов'; б) 'в последнюю очередь' лежит общее значение свободного словосочетания *дāст-э ахэр* 'последний ход (в игре)'. Значения СГ *чешм гошудān* а) 'просыпаться', 'пробуждаться'; б) 'смотреть внимательно, пристально' возникли на основе значения свободного словосочетания *чешм гошудān* 'открывать глаза'.

2) Способ последовательного образования фразеологических значений. Характеризуется тем, что новое фразеологическое значение возникает на основе переосмысления первичного (по отношению к данному значению) фразеологического значения. Например, вторые значения СГ *лоўс kārdān* а) 'загрязнять', 'пачкать'; б) 'делать неясным, нечетким', 'замазывать', *чешм духтān* а) 'уставиться', 'вперить взгляд'; б) 'понадеяться (на кого-, что-л.)'

и фразеологизма-предложения *хаб-айш сянгин аст* а) 'у него крепкий сон', 'его не добудишься'; б) 'на него мало надежды', 'на него нельзя положиться' появились в результате переосмысления первичных значений этих ФЕ.

Среди ФЕ персидского языка, имеющих немотивированное или частично мотивированное значение, немалое количество составляют фразеологизмы с образным, метафорическим значением. В большинстве случаев метафоричность ФЕ возникает благодаря возможности употребления тех же слов в составе аналогичных по структуре свободных словосочетаний. Сопоставление реального значения свободных словосочетаний с образованным на его базе фразеологическим значением создает образность ФЕ, например: *хэрс-э тирхордэ* 'разъяренный человек' (букв. 'медведь, раненный пулей'), *зәһр-э мар* 'мерзость', 'пакость' (букв. 'яд змеи'), *бәр йәх нэвэштан* 'толочь воду в ступе' (букв. 'писать на льду'), *аһән-э сәрд кубидән* 'делать бесполезное дело' (букв. 'ковать холодное железо').

Сферой своего употребления и яркой образностью выделяются поэтические фразеологизмы — особые, метафорические обороты (чаще всего со структурой именных словосочетаний), имеющие устойчивый характер и получившие распространение в поэзии. Это так называемые «кенайе» («аллегория», «метафора»), широко употреблявшиеся в классической поэзии; многие из них перешли в современную персидскую поэзию. Образность подобного рода оборотов создается благодаря тому, что предмет или явление как бы получает новое наименование тропового характера, основанное на каких-либо его внешних или внутренних качествах или просто на субъективной оценке этих качеств мастером поэтического слова: *хәндэ-йе джам* 'блеск вина' (букв. 'улыбка бокала'), *бану-йе майшрэг* 'солнце' (букв. 'госпожа востока'), *золф-э шәб* 'ночная тьма' (букв. 'кудри ночи') и т. д.

Образное значение влияет на характер функционирования ФЕ: фразеологизмы с образным значением выполняют экспрессивную функцию в предложении, делая речь более яркой, красочной. Однако образно-экспрессивная характеристика предметов и явлений, свойственная многим ФЕ, не исключает их номинативной или коммуникативной функции, а лишь придает ей определенную стилистическую направленность.

Образное значение не является принадлежностью всех ФЕ с немотивированным или частично мотивированным значением: часть фразеологизмов полностью утратила первоначальную образность и выступает в речи в чисто номинативной или коммуникативной функции, например, *сәрма хордән* 'простужаться' (букв. 'холод есть'), *джан сәпордән* 'погибать' (букв. 'душу отдавать'), *хук-е дәрайи* 'дельфин' (букв. 'морская свинья'), *дәл-әм мисузәд* 'мне очень жаль', 'у меня болит душа' (букв. 'сердце мое горит'), а многие фразеологизмы, видимо, вообще не имели образного значения.

СТРУКТУРНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПЕРСИДСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Фразеологический материал персидского языка настолько разнообразен и обширен, что его можно классифицировать по разным признакам: по грамматической организации компонентов и их семантическим взаимоотношениям, по выполняемым образно-стилистическим функциям ФЕ, по происхождению ФЕ, по соотносительности стержневого слова с той или иной частью речи и т. д. Но совершенно очевиден тот факт, что, как бы ни были разнообразны ФЕ по своему внешнему строению и семантической слитности компонентов, все они организованы на основе синтаксических моделей переменных словосочетаний и предложений. Поэтому в основу классификации фразеологизмов целесообразно положить их синтаксическое строение, выделяя следующие основные типы: ФЕ, имеющие структуру словосочетаний, и ФЕ, имеющие структуру предложений. Это позволяет наиболее полно и объективно охватить структурные разновидности ФЕ персидского языка и отражает основные функции (номинативную и коммуникативную), выполняемые фразеологизмами. Такой подход вызван также и тем, что главные синтаксические единицы языка — словосочетание и предложение, служащие структурной моделью для ФЕ,—имеют в персидском языке строгий и четкий порядок расположения своих членов: в атрибутивных словосочетаниях (за исключением некоторых случаев, которые строго регламентированы) определяемое предшествует определению, а в предложении сказуемое всегда занимает последнее место. В связи с этим количество структурных типов ФЕ ограничено и может быть подвергнуто более четкому и объективному описанию. Нельзя не учитывать и практического значения структурной классификации фразеологии: она значительно облегчает лексикографическую инвентаризацию персидских ФЕ.

Общим недостатком работ по фразеологии персидского языка явилось то, что в них мало учитывались структурно-грамматические свойства ФЕ. Структурная классификация персидской фразеологии способствует лучшему выявлению и изучению специфики внутреннего строения ФЕ.

Дальнейший анализ структурных типов ФЕ проводится на основе грамматической и семантической природы изучаемых объектов. При этом обращается внимание на соблюдение основного принципа классификации, требующего сохранения оппозиции и взаимоисключения выделенных разновидностей.

При классификации ФЕ со структурой словосочетания за основу берется стержневое слово. Причем в данной работе в отличие от ряда других работ по фразеологии стержневое слово определяется не по его месту в составе словосочетания, не по единичной или ограниченной сочетаемости его с другими словами, а по той роли, которую оно играет в составе ФЕ. Стержневым словом считается тот компонент ФЕ, который определяет

ее функционирование в языке как целостной единицы, тем самым как бы сообщая ей определенные грамматические свойства. На этом основании в зависимости от того, к какому грамматическому классу принадлежит стержневое слово, фразеологизмы-словосочетания подразделяются на именные, глагольные и союзные. Каждая из названных разновидностей при последующей рубрикации требует учета наиболее важных структурно-грамматических признаков, лексемного состава и средств грамматической связи, объединяющих компоненты фразеологизмов.

Именные ФЕ на основании грамматической связи между составляющими их компонентами подразделяются на изафетные, предложные, копулятивные, на фразеологизмы с примыкающей связью и с комбинированными видами связи. Всем этим видам именных ФЕ противостоят ФЕ, в которых препозитивный предлог является составной частью их структуры. По этой причине они названы в работе именными препозитивно-предложными ФЕ. Среди именных ФЕ наибольшее распространение получили изафетные фразеологические словосочетания.

Глагольные ФЕ представлены устойчивыми словосочетаниями, состоящими из двух основных частей — именной и глагольной. В свою очередь, именная часть может состоять из одного, двух и более слов, а глагольная часть выражается простыми, префиксальными или сложными глаголами. В зависимости от количественного состава именной части и всей структуры словосочетания глагольные ФЕ подразделяются на двучленные и многочленные.

Двучленные глагольные ФЕ обычно рассматривают как СГ. Наибольшее количество СГ — это моделированные образования. Имеются также СГ, которые по характеру переосмысления компонентов и на основании их единичной сочетаемости относятся к немоделированным образованиям.

Многочленные глагольные ФЕ отличаются от двучленных глагольных ФЕ не только количеством компонентов, но и рядом структурных и семантических особенностей. Их именная часть представлена одним-двумя или несколькими словами, а глагольная часть может быть выражена простым, префиксальным или сложным глаголом.

Подобно простым глаголам, глагольные ФЕ функционируют в составе предложения как единый член и могут изменяться по лицам, иметь формы времени и залога, а также выступать в роли именных членов предложения.

Третий тип ФЕ-словосочетаний — сложные союзы, используемые для выражения подчинительных связей в сложноподчиненных предложениях. Большинство сложных союзов имеет в своем составе универсальный подчинительный союз *ке*, являющийся по существу формальным показателем их служебной функции в структуре предложения¹³.

¹³ Вопросы происхождения и многофункционального использования этого союза рассматриваются в статье автора «Природа и функции персидского подчинительного союза *ке*» [81].

Основное значение сложных союзов определяется не союзом *ке*, а указательно-местоименной частью, которая выражается абстрактными существительными с артиклем (*вā́т-и-ке*, *моу́зэ'-и-ке*, *зā́ман-и-ке* 'когда', 'в то время как', *дā́р сурā́т-и-ке* 'в том случае если', 'между тем как') или указательными местоимениями с предлогами (*бā́райе ин-ке* 'для того чтобы', *пā́с ā́з ан-ке* 'после того как').

ФЕ со структурой предложения включают в свой состав разного рода сочетания слов предикативного характера. По своему строению фразеологизмы этого типа весьма многообразны, ибо в основе их лежат те же структурные схемы, по которым создаются свободные предложения. Они характеризуются грамматическими категориями времени, лица, модальности и при функционировании в речи имеют определенную интонацию сообщения. Поскольку глагольные ФЕ могут также выступать как единицы сообщения, выполняя чисто коммуникативную функцию, возникают трудности отграничения некоторых разновидностей ФП от глагольных фразеологизмов.

С учетом намеченной выше классификации в последующих частях работы проводится анализ основных структурных типов ФЕ, характеризуются их семантико-грамматические свойства и особенности функционирования¹⁴. При этом главное внимание обращается на те явления и факты, которые составляют специфику фразеологии персидского языка.

¹⁴ В монографию не включены сложные союзы, так как описание их дано в другой работе автора «Сложные предложения с придаточными определительными в современном персидском языке», раздел «Образование и строение сложных союзов» [82, с. 44—52].

Часть вторая

ИМЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

Среди фразеологизмов, имеющих строение словосочетаний, на основе стержневого компонента, выраженного существительным, прилагательным или другим субстантивированным словом, выделяются именные ФЕ. Они выполняют номинативную функцию, выступая в роли одного из субстантивных членов предложения.

В различных работах по фразеологии этот структурный тип ФЕ получил наиболее подробную характеристику.

Именные ФЕ по грамматической структуре и составу компонентов совпадают с соответствующими свободными именными словосочетаниями, но отличаются от последних своими фразеологическими свойствами. Они состоят из двух, а нередко и из большего числа компонентов, представленных словами, относящимися к именным частям речи.

К числу факторов, обеспечивающих фразеологичность этих словосочетаний, относятся постоянство лексемного состава, что предопределяет неизменяемость и устойчивость их значения, невозможность замены компонентов на лексические синонимы, устойчивость грамматической структуры и видов грамматической связи между компонентами. В результате этого именные ФЕ, подобно словам, воспроизводятся в речи как уже готовые единицы.

Значения именных ФЕ, подобно значениям слов, являются достоянием семантической системы языка, и поэтому они должны фиксироваться в словарях, а для правильного понимания и употребления ФЕ эти значения нужно запоминать. Это особенно наглядно можно увидеть в тех случаях, когда компоненты ФЕ подвергаются переосмыслению:

Мāгāр у йār-э гār-э то буд-ке тāмами-йе āсрар-āt-ра нāзд-э у фаш кārди? (Аф, с. 674) 'Разве он был твоим близким другом, что ты ему открыл все свои секреты?'

Хāрдж-е ханэ-йе ма чаh-э вэйл āст (ДЖФ, с. 444) 'В нашем доме расходы — это бездонная бочка'.

Ба низом хорак похтāн мал-е āhd-э шах Вэзвэзāк буд, хала ба газ мипāзāнд (ДЖФ, с. 440) 'На дровах пищу готовили при царе Горохе, а сейчас пищу готовят на газе'.

В этих примерах ФЕ *йār-э гār* 'преданный, близкий друг' (букв. 'друг пещеры'), *чah-э вэйл* 'пропасть', 'бездонная бочка' (букв. 'яма несчастья'), *āhd-э шах Вэзвэзāк* 'при царе Горохе', 'во времена оны' (букв. 'время шаха Везвезака') могут быть правильно поняты только на основе знания их целостных значений. Знание значений отдельных компонентов здесь не поможет.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ЛЕКСЕМНЫЙ СОСТАВ ИМЕННЫХ ФЕ

ЕДИНСТВО ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ЛЕКСИКО-СТРУКТУРНЫЕ ВАРИАНТЫ

Устойчивость лексемного состава именных ФЕ выражается в том, что пользующийся языком не может по своему усмотрению заменять компоненты фразеологизмов или добавлять другие слова. Однако в некоторых случаях замена отдельных компонентов все же допустима, но она носит строго узувальный характер и поэтому не нарушает фразеологичности этих словосочетаний. Наиболее часто заменяемый компонент ФЕ имеет один лексический эквивалент, а иногда — два или большее количество эквивалентов. Вариантным изменениям подвергаются не только общеупотребительные ФЕ, но и фразеологизмы терминологического характера.

В случае замены отдельных компонентов образуются лексико-структурные варианты именных ФЕ, например; *бад-э сәбләт* (*борут*) 'высокомерие', 'надменность (мужчины)', 'мужское достоинство', *кәлле-йе сәһәр* (*собоһ*) 'рано утром', 'на рассвете', *әз сәммим-э гәлб* (*дәл*) 'от чистого сердца', 'от всей души', *аб-э чеши* (*дидэ*) 'слезы'. В приведенных примерах вторые компоненты заменяются на слова с одинаковым лексическим значением. Но взаимозаменяться могут и несинонимичные компоненты: *сәнг-е раһ* (*ләгзәш*) 'камень преткновения', 'помеха', 'затруднение' (*раһ* 'путь', 'дорога', *ләгзәш* 'скольжение'), *аб-э морварид* (*сәфид*) 'катаракта' (*морварид* 'жемчуг', *сәфид* 'белый'), *чеши-э бәд* (*шур*) 'дурной глаз', 'сглаз' (*бәд* 'плохой', *шур* 'солёный'), *дәндан-э асыаб* (*корси*) 'коренной зуб' (*асыаб* 'мельница', *корси* 'кресло'), *әз гәрар-э эттәла* (*мә'лум*) 'согласно имеющимся сведениям', 'как стало известно' (*эттәла* 'известие', *мә'лум* 'известный') и т. д.

Варьироваться могут не только вторые компоненты (см. приведенные выше примеры), но и первые: *эттәка'-э* (*э'тәмад-э*) *бә нәфс* 'уверенность в своих силах', *холасэ-йе* (*насэл-е*) *кәлам* 'резюмируя', 'подводя итоги', 'короче говоря', *амас-э* (*дәрд-э*, *вәрәм-э*) *пэстан* 'мастит', 'грудница', *чәрх-э* (*фәләк-е*) *дәввар* 'изменчивость судьбы', 'колесо фортуны' и т. д.

Некоторые именные ФЕ могут расширяться за счет других слов, в результате чего образуются краткие и полные формы фразеологизмов. При этом общее значение и стилистическая значимость таких фразеологизмов не изменяются, например: *әз сир та пийаз* и *әз сәр-э сир та тәһ-э пийаз* 'все подробности (чего-л.)', 'все от начала до конца', 'со всеми подробностями', *әз джәмле* и *әз ан* (*ин*) *джәмле* 'в том числе', *зәйт-э соут* и

дәстгаһ-э зәбт-э соут 'звукозаписывающий аппарат', 'магнитофон'. Краткие и полные формы именных фразеологизмов также выступают как лексико-структурные варианты.

Факультативность именных ФЕ

Одна из своеобразных черт персидской фразеологии — наличие среди именных ФЕ факультативных словосочетаний, т. е. таких устойчивых бинарных словосочетаний, в которых один из компонентов может быть опущен. В этом случае другой компонент, употребляясь самостоятельно, выступает в таком же значении, каким обладает все словосочетание целиком. Таким образом, в персидском языке сосуществуют синонимичные пары — фразеологизмы и слова, между которыми можно обнаружить лишь небольшие стилистические различия, например: *һәвапәйма-йе джәт* и *джәт* 'реактивный самолет', *әймәл-э пәйвәнд* и *пәйвәнд* 'трансплантация', *чәтр-э нәдждат* и *чәтр* 'парашют', *сәрбаз-э пийадә* и *пийадә* 'пехотинец', *па-йе пийадә* и *пийадә* 'пешком', *сәнн-о сал* и *сәнн* 'возраст', *шух-о шәнг* и *шух* 'шутливый', 'веселый', 'красивый'. Причем далеко не всегда удается установить эти стилистические различия и с полной определенностью указать, какой из синонимов является более употребительным в современном персидском языке.

Причины появления семантических дублетов, имеющих разное строение и принадлежащих к разным языковым уровням, различны и требуют специальных этимологических разысканий в каждом конкретном случае. Однако главная причина появления таких пар — это, вероятно, отражение процесса обособления одного из компонентов, вбирающего в себя все целостное значение ФЕ, например: *һәвапәйма-йе шекари* > *шекари* 'самолет-истребитель', *әймәл-э пәйвәнд* > *пәйвәнд* 'трансплантация', 'пересадка', *чәтр-э нәдждат* > *чәтр* 'парашют', *мих-э пәрч* > *пәрч* 'заклепка', *сәнг-е мәһәкк* > *мәһәкк* 'пробный камень'. При этом на большую или меньшую употребительность той или иной единицы в языке влияет тот факт, в какой степени завершился процесс превращения компонента ФЕ в слово с новым лексическим значением.

Одной из причин появления синонимических пар может служить стремление языка уточнить конкретные значения, свойственные полисемантическому слову. Например, слово *кәфф*, имеющее несколько значений, получает конкретизацию в отдельных значениях путем добавления второго компонента: ср. *кәфф* и *кәфф-э дәст* 'ладонь', *кәфф* и *кәфф-э па* 'стопа', 'ступня', *кәфф* и *кәфф-э кәфш* 'подошва (у обуви)', 'стелька'.

При лексикографической разработке фразеологии очень важно особо выделять факультативные ФЕ, для того чтобы, с одной стороны, объективно отразить значение слов-компонентов, которое они приобрели в результате функционирования в составе ФЕ, а с другой — показать строение и значение самих этих ФЕ.

ВИДЫ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ МЕЖДУ КОМПОНЕНТАМИ ИМЕННЫХ ФЕ

Именные ФЕ, соотносясь по своему строению со свободными именными словосочетаниями, характеризуются всеми грамматическими формами, присущими синтаксическим словосочетаниям. Однако в составе ФЕ эти формы приобретают особо устойчивый характер. В ФЕ с немотивированным значением синтаксическая связь между компонентами играет чисто формальную роль и предстает как бы в застывшем виде.

Между компонентами именных ФЕ обнаруживаются те же виды грамматической связи, которые свойственны свободным словосочетаниям: изафетная (*бад-э гису* 'высокомерие', 'надменность женщины', 'женское достоинство'), предложная (*даст бэ аслеһэ* 'с оружием в руках'), примыкающая (*ин дэһан* 'земная, мирская жизнь'), копулятивная (*шоуэ-о зойэ* 'восторг', 'восхищение', 'энтузиазм').

В отдельных случаях допускается одновременное существование именных ФЕ с использованием двух видов связи, например, изафетной и предложной (*таһафор-э һоруф* и *таһафор дэр һоруф* 'чистое повторение одного из звуков или слогов, затрудняющее произношение'), изафетной и копулятивной (*доур-э тасалсол* и *доур-о тасалсол* 'замкнутый круг', 'заколдованный круг', 'порочный круг'), примыкающей и предложной (*дэшоу дэшоу* и *дэшоу бэ дэшоу* 'по круплицам', 'постепенно', 'понемногу'). Между ФЕ с разными видами связи нет ни семантических, ни стилистических различий, и поэтому они рассматриваются нами как грамматико-структурные варианты. Наличие грамматико-структурных вариантов именных ФЕ является отражением семантической синонимии разных видов связи при выражении свободных отношений между словами.

Среди перечисленных выше грамматических видов связи наибольшее распространение получила изафетная связь. При этом изафетная связь нередко наблюдается и в тех случаях, когда компоненты фразеологизма связываются предлогом¹, т. е. между компонентами одновременно употребляется предлог и изафет, например: *таһр-э ру-йе аб* 'несбыточные мечты', 'нереальные планы', *мар-э дэр пираһан* 'змея в рубашке' (о скрытом, замаскированном враге из ближайшего окружения), *мэйрун-э бэ һэйгит* 'близкий к истине', 'похожий на правду'.

Как известно, в современном персидском разговорном языке многие предложные словосочетания могут иметь одновременно и изафетную связь. Употребление изафета в таких словосочетаниях носит факультативный характер. В отличие от свободных словосочетаний одновременное употребление предлога и изафета в от-

¹ В данном случае имеется в виду употребление изафета перед предлогом (как перед основным, так и перед отыменным), поскольку употребление изафета после отыменных предлогов — явление обычное.

меченных выше устойчивых словосочетаниях является более регулярным.

Несмотря на то что грамматические факторы не играют существенной роли в составе именных фразеологических словосочетаний, тем не менее при анализе строения и семантической структуры именных ФЕ необходимо учитывать вид грамматической связи между компонентами, ибо характер семантических взаимоотношений между ними, их количественный состав и грамматическая принадлежность находятся в тесной зависимости от способа грамматической связи. Эти вопросы затрагиваются ниже в связи с характеристикой конкретных разновидностей именных фразеологизмов. Кроме того, вид грамматической связи необходимо учитывать при решении большой и сложной проблемы разграничения именных ФЕ и сложных слов: во-первых, имеются сложные слова, образованные на базе разных структурных разновидностей ФЕ, и, во-вторых, лексико-грамматические, семантические и фонетические критерии разграничения этих языковых единиц проявляются по-разному в зависимости от способа объединения составных компонентов.

С точки зрения количественного состава наиболее типичны фразеологизмы, состоящие из двух лексем. Встречаются также именные ФЕ трехкомпонентного и, реже, четырехкомпонентного состава, например: *гол-е сяр-э сәбәд* 'лучший представитель', 'украшение общества', *ахэрин тир-э тәркеш* 'последний козырь', 'последний шанс', *тагйир-э кәмиййәт бә кейфиййәт* 'переход количества в качество', *әул-е би шах-о дом* 'большой и нескладный человек', 'верзила', *әз сяр-э сир та тәһ-э пийаз* 'все подробности (чего-л.)', 'все от начала до конца', 'со всеми подробностями'. Как видно из приведенных примеров, в именных ФЕ, состоящих из трех и более компонентов, отмеченные виды грамматической связи комбинируются. При этом только изафетная связь без участия других видов грамматической связи может обеспечить образование ФЕ, состоящих из трех и более компонентов. Все другие виды грамматической связи либо образуют двухкомпонентные ФЕ, либо участвуют в образовании ФЕ из трех и более компонентов, комбинируясь с изафетной связью и между собой.

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВ В СОСТАВЕ ИМЕННЫХ ФЕ

В качестве компонентов именных фразеологизмов используются именные части речи, а также другие части речи, выступающие в субстантивной или адъективной функции². При этом все они

² Субстантивность или адъективность компонентов именных ФЕ как одно из их постоянных свойств дает возможность отграничить ФЕ от сложных слов, в качестве составных частей которых выступают глагольные словоформы: *бэчапбэчап* 'воровство', 'грабеж', *бэгумәгу* 'споры', 'разногласия', *бэзәйнәбәжүб* 'бурное веселье', *амәдошод* 'хождение туда и сюда', 'движение', *зәдохорд* 'стычка', 'драка', 'бой'.

в составе ФЕ не обладают той самостоятельностью, которая характерна для членов свободных словосочетаний, утрачивают способность независимо друг от друга присоединять зависимые слова. Компоненты же именных ФЕ с немотивированным значением не допускают изменений своих грамматических форм, а обычные синтаксические отношения между ними нарушаются.

Имя существительное — наиболее распространенная часть речи в составе именных ФЕ; употребляется в качестве стержневого слова, а также как зависимый компонент ФЕ.

В составе ФЕ имена существительные чаще всего берутся в форме единственного числа, но встречаются также имена существительные во множественном числе. Следует отметить особую устойчивость форм мн. числа существительных в составе именных ФЕ, невозможность замены их на формы ед. числа, например: *гүлан-э рузар* 'мерзкие люди', *чераг-э доздан* 'тускло светящая лампа', 'слабый, затемненный свет', *тэкрар-э мокәррәрат* 'повторение прописных истин', *бэ һәмин зудиһа* 'в самое ближайшее время', *салһа-йе сал* 'много лет', 'долгие годы'.

Как правило, в составе именных ФЕ артикль не употребляется — это объясняется тем, что существительные в устойчивых словосочетаниях обычно утрачивают свои категориальные свойства и выступают в наиболее обобщенном виде, представляя класс однородных предметов или явлений. В тех же именных ФЕ, где употреблен артикль, его выделительная функция утрачивается, и артикль выступает как неотъемлемый элемент такого рода словосочетаний, например: *гәрн-и бэ гәрн-и* 'очень редко', 'изредка', *сал-и дәвазәһ маһ* 'весь год', 'постоянно'.

В качестве компонентов именных ФЕ используются не только имена существительные нарицательные, но и собственные: *гәндж-е һазрәт-э Солейман* 'сокровища царя Соломона' (о сказочных богатствах), *болбол-е шаһ Тәһмасп* 'болтун', *Ростәм-э дәр-э һәммам* 'псевдобогатырь', 'хвостун', *Ростәм-э бәрфи* 'снеговик', *пәрр-э Джебраил* 'взятка', 'деньги' и т. д.

Имена прилагательные, а также различные причастные формы выступают в качестве вторых и третьих компонентов в ФЕ с изафетной связью, а в фразеологизмах с предложной, копулятивной и примыкающей связью могут находиться в начале словосочетания, например: *моғәддәм-э бәр һәр чиз* и *моғәддәм-э бәр һәмә* 'раньше всего', 'прежде всего', *мәсун аз хәта* 'не совершающий ошибок', 'непогрешимый', *зәбр-о зәрәнг* 'шустрый', 'расторопный', 'находчивый', *ахэрин тир-э тәркеш* 'последний козырь', 'последний шанс'.

Основная форма использования прилагательных в составе именных ФЕ — положительная, но встречаются ФЕ, в которых прилагательные имеют сравнительную степень: *һәр че биштәр* 'как можно больше', *һәр че зудтәр* 'как можно раньше', 'как можно быстрее'.

В именные ФЕ могут входить числительные, которые часто

утрачивают свое лексическое значение: *си сал!* 'никогда в жизни!', *һәфт хан-э Ростәм* 'непреодолимые препятствия', 'большие трудности', *шеш данг* 'целиком и полностью', 'весь', *һэзар мих* 'тысяча гвоздей' (о небе, усеянном звездами), 'рваная одежда (дервишей)', *йек ченин* 'такой-то', 'такого рода' и т. д.

Из других частей речи, выступающих в роли компонентов именных ФЕ, отметим местоимения (обычно указательные и определительные), например: *ан джанэб* 'вы', *ин джанэб* 'я', *ин-о ан* 'каждый встречный-поперечный', *әз һәр джеһәт* 'во всех отношениях', *бә һәр джеһәт* 'при всех обстоятельствах', 'во всяком случае', *хали әз һәмәчиз* 'без обиняков', 'напрямик', 'откровенно', 'беспристрастно'.

Употребление инфинитивной формы глаголов в роли компонента именных ФЕ — явление редкое. Нами отмечено несколько случаев употребления инфинитивов в составе ФЕ, выступающих главным образом в адвербиальной функции: *дәр йек аб хордән* 'в один миг', 'в два счета', *дәр йек чешм бәр һәм зәдән* 'в мгновение ока', 'моментально', *бәрайе хали һабудән-э әризэ* 'без видимой причины', 'на всякий случай', 'ради красного словца', *мәсл-е аб хордән* 'с невероятной легкостью', 'раз плюнуть'.

Примеры:

Бә йек чешм бәр һәм хордән, манәнд-э гәлле-йе заған-э сийаһ ке-дәр дәшт бәр мордар-и форуә айәнд гердагерд-э ан хак-е агоштэ бә әшк нәшәстәнд (БН, с. 76) 'Как стая черных ворон, которые бросаются в пустыне на мертвечину, в мгновение ока они окружили этот клочок земли, омоченный слезами'.

Ин кар бә зәдр-и асан әст ке-мән мәсл-е аб хордән дәр йек дәм ан-ра әнджам мидәһәм (АФ, с. 530) 'Это дело настолько легкое, что я в один миг с ним справлюсь'.

Дәр каргозини-йе колл сэфарәш кәрдэ будәнд ке-бәрайе хали һабудән-э әризэ рунәвис-э һокм-ра бә ро'йәт-э рәис-э фәрһәнг-һәм бәрәсанәм... (АМ, с. 6) 'В Главном управлении кадров мне рекомендовали, чтобы копию приказа я предъявил также на всякий случай для ознакомления заведующему отделом просвещения...'

В персидском языке глагольные ФЕ в инфинитивной форме могут употребляться в роли именных членов предложения, что специально рассматривается ниже. В связи с этим необходимо отличать чисто именные ФЕ, включающие в свой состав инфинитивную форму глагола, от глагольных ФЕ в субстантивной функции. Различные состоит в том, что именные ФЕ полностью лишены глагольных свойств и всегда выступают только в адвербиальной функции, тогда как глагольные ФЕ могут выступать как в роли сказуемых, так и в роли субстантивных членов. При этом субстантивная функция для глагольных ФЕ второстепенна.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛЕКСЕМНОГО СОСТАВА ИМЕННЫХ ФЕ И ИХ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Будучи составными частями одной целостной единицы, компоненты именных ФЕ лишены лексической и грамматической полноценности, что дает основание рассматривать их, в отличие от обычных самостоятельных слов, как лексемы.

Анализ именных ФЕ с точки зрения принадлежности образующих их слов к тем или иным стилистическим пластам лексики показывает, что в их составе можно встретить не только широкоупотребительные слова, принадлежащие к нейтральному стилю, но и слова разговорные, устаревшие и малоупотребительные. Поэтому естественно возникает вопрос о стилистической зависимости ФЕ от состава входящих в них компонентов. Но такую зависимость удастся обнаружить далеко не у всех ФЕ.

Среди именных ФЕ встречается большое количество фразеологизмов, принадлежащих исключительно к разговорному стилю речи, например: *һафэзэ-йе хяргуши* 'куриная память' (*һафэзэ* 'память' и *хяргуши* 'заячий'), *саһэб-э чиз* 'состоятельный человек', 'богач' (*саһэб* 'хозяин', 'владелец' и *чиз* 'вещь'), *эйл'э-йе Бәғдад* 'пузо', 'брюхо' (*эйл'э* 'крепость' и *Бәғдад* — Багдад), *боўджар-э Ленджан* 'приспособленец', 'хамелеон' (*боўджар* 'веяльщик' и *Ленджан* Ленджан — название места в районе г. Исфакан), *йек һава* 'чутьточку', 'немножко' (*йек* 'один' и *һава* 'воздух'), *әз бад-э һава* 'даром', 'нипочем', 'из ничего' (предлог *әз* 'из', *бад* 'ветер', 'дуновение', *һава* 'воздух'). Однако в приведенных выше ФЕ, несмотря на их принадлежность к разговорному стилю, нет ни одного разговорного слова. Таким образом, принадлежность этих именных фразеологизмов к разговорному стилю определяется не составом компонентов и их стилистической соотнесенностью, а характером функционирования ФЕ и их общим значением.

Количество именных ФЕ, в которых в качестве компонентов используются чисто разговорные слова, сравнительно невелико, например: *шәһр-э һэрт* 'место, где творятся безобразия и беззакония' (*шәһр* 'город' и разг. *һэрт* 'беспорядок', 'хаос'), *әбруһа-йе ленгебэленге* 'нахмуренные брови' (*әбруһа* 'брови' и разг. *ленгебэленге* 'не соответствующий другому'), *зәхм-э ашолаш* 'открытая рана' (*зәхм* 'рана' и разг. *ашолаш* 'ветхий', 'потрепанный', 'рваный'), *кунэ-йе па* 'подошва ноги', 'ступня' (разг. *кунэ* 'низ', 'нижняя часть' и *па* 'нога'), *дошман-э хуни* 'кровный, заклятый враг' (*дошман* 'враг' и разг. *хуни* 'убийца', 'злодей'). Вхождение разговорного слова в состав именной ФЕ обычно свидетельствует о принадлежности такого фразеологизма к разговорному стилю речи. Разговорный характер ФЕ становится особенно ощутимым, если сравнить данную ФЕ с синонимичной ей ФЕ, в состав которой не входят разговорные слова, например: *нан-э бохорнәмир* и *эут-э лайәмут* 'хлеб насущный', *лебас-э полоухори* и *лебас-э мәһмани* 'выходное платье', 'парадная одежда'. В приводимых примерах слова *бохорнәмир* 'ничтожный',

‘скудный’, ‘скромный’ (о пище, букв. ‘ешь-не-умирай’) и *полоухори* ‘угощение’, ‘угощение с пловом’, ‘пир’ являются чисто разговорными; причем слово *полоухори* придает всему устойчивому сочетанию еще и шутливо-иронический оттенок.

Именные ФЕ могут иметь книжный или устаревший характер. К числу книжных ФЕ обычно относятся фразеологизмы, сфера употребления которых ограничивается письменным языком; они несвойственны живой устной речи и нередко выражают отвлеченные понятия. В состав ФЕ книжного стиля наиболее часто входят арабские заимствования, например: *энале бэ моһал* ‘выдвижение заведомо невыполнимого условия’, *эстэгна-йе тәб* ‘великодушие’, ‘благородство’, ‘возвышенность чувств’, *дәжәла*-э *вәтән* ‘эмиграция’, ‘расставание с родиной’, *та энэраз-э аләм* ‘навсегда’, *һотам-э дониа* ‘преходящие мирские блага’, ‘суета’. Как правило, книжные ФЕ образуются из книжных или малоупотребительных слов.

К устаревшим именным ФЕ относятся фразеологизмы, связанные с обозначением разного рода обычаев, традиций, реалий, названий должностных лиц, титулов, отошедших в прошлое, например: *шах-э һоджамәт* ‘кредитная организация’, *барәд-э бәлфәл* ‘что-л. холодное по своим физическим свойствам’ (согласно древней медицине), *барәд-э бәлговвә* ‘что-л., вызывающее своим воздействием ослабление организма’ (напр., какая-л. пища), *сәлас-э-йе жосале* ‘три рюмки вина (которые пили по утрам)’, *тәбиб-э һозур* ‘придворный лекарь’, *әмин-э малийе* ‘откупщик налогов’ (в эпоху Каджаров), *әбле-йе аләм* ‘кибла мира’, ‘средоточие вселенной’ (титул иранских шахов).

Среди устаревших ФЕ значительное место занимают также вышедшие из употребления составные термины, хотя понятия, которые они выражают, остаются действительными и в настоящее время. К таким устаревшим терминам относятся устойчивые словосочетания, вместо которых употребляются другие термины или в которых заменен один из компонентов, например: *әварәз-э бәләдийе* ‘муниципальные пошлины’ (ср. с *әварәз-э шәһрдари*), *взәрәт-э сәһһийе* ‘министерство здравоохранения’ (ср. с *взәрәт-э бәһдари*), *взәрәт-э малийе* ‘министерство финансов’ (ср. с *взәрәт-э дарайи*), *һәрф-э дәжәрр* ‘предлог’ (ср. с *һәрф-э эзафә*), *тәдбир-э мәнзәл* ‘домоводство’ (ср. с *ханәдари*), *әлм-э бәдайе* ‘эстетика’ (ср. с *зибашенаси*). Многие из составных терминов, которые сейчас рассматриваются как устарелые, были заменены в период деятельности Академии языка и литературы (Фархангестана) в 1935—1941 гг.

Вместе с тем следует отметить, что во многих именных ФЕ, особенно в составе терминологических словосочетаний, можно встретить архаичные и малоупотребительные слова, однако сами эти ФЕ не относятся к числу устаревших или редких словосочетаний, например: *дәжәрр-э сәгил* ‘подъемный кран’, *фәрағ-э хәтәр* ‘душевный покой’, *хәдәм-о һәшәм* ‘свита’, ‘слуги’, *дәр*

māhaḡ-э фāрамυши 'во мраке забвения', *сāдд-э джу* 'утоление голода', *джулл-о пāлас* 'тряпье', *мāрг-э мофаджат* 'скоропостижная смерть', *бад-э сāблāт* 'высокомерие', 'надменность (мужчины)', 'мужское достоинство'. Вхождение в состав именных ФЕ таких малоупотребительных с точки зрения современного языка слов (или их значений), как *джу* 'волочение', 'таскание', *фā-раḡ* 'покой', 'спокойствие', *нāшāм* 'приближенные', 'свита', 'слуги', *māhaḡ* 'конец лунного месяца', 'безлунный период между старой и новой луной', *джу* 'голод', *джулл* 'одеяние', 'одежда', *мофаджат* 'внезапное нападение', *сāблāт* 'усы', не влечет за собой ограничение сферы употребления этих фразеологизмов и не свидетельствует об их архаичности. В то же время наличие в составе ФЕ устаревших слов, которые обычно не употребляются в переменных словосочетаниях, является одним из проявлений устойчивости лексемного состава фразеологизмов. Ш. Балли отмечает, что «...архаизм, входящий в состав какого-либо словосочетания, служит признаком того, что данное сочетание имеет фразеологический характер» [18, 105].

Современный образованный иранец еще со школьной скамьи хорошо знаком с классической персидской литературой, особенно с поэзией. Поэтому многие слова или отдельные значения, вышедшие из употребления, ему понятны. Тем не менее следует иметь в виду, что эти слова и отдельные значения не получили распространения в современном персидском языке, в связи с чем наличие в составе ФЕ малоупотребительных или устаревших слов делает эти словосочетания особенно устойчивыми. Устойчивость этих словосочетаний сохраняется и в том случае, если такого рода слова не утрачивают своего лексического значения.

Особое место среди именных ФЕ занимают устойчивые словосочетания, в которых один из компонентов не имеет самостоятельного значения и автономно (вне словосочетания) не употребляется. «Отдельность» таких слов легко выявляется на основе самостоятельности других слов, с которыми они сочетаются, а также средствами грамматического и интонационного членения синтагм. Такие несамостоятельные компоненты обычно занимают второе место в составе ФЕ и связываются с предшествующим компонентом при помощи изафета или примыканием: *сэфарэш-е доḡāбзэ* 'заказная корреспонденция с обратным уведомлением', *дусти-йе халехэрсэ* 'медвежья услуга', *соһбāт-э тāнγγуши* 'разговор шепотом', *чешм-э нāмнāму* 'слезящиеся глаза', *āз нāр нāйс* 'во всех отношениях', *āз нич нāйс* 'ни в каком отношении', 'ни с какой стороны', *āз ин нāйс* 'поэтому', *дāр ин барэ* 'относительно этого', 'по этому поводу' и т. д.

Лексемный состав именных ФЕ включает как слова чисто персидские, так и заимствованные. Арабские заимствования занимают особое место в лексике персидского языка. Они настолько глубоко проникли в лексическую систему персидского языка, что их использование в составе ФЕ не представляет особых отличий

ни в качественном, ни в количественном отношении по сравнению с использованием собственно персидских слов. Что касается заимствований из западноевропейских языков, то они встречаются главным образом в фразеологизмах терминологического характера и в этих словосочетаниях свое лексическое значение не изменяют, т. е. сохраняют то значение, которое заимствовано и получило распространение в персидском языке. Устойчивые словосочетания бывают составленными целиком из заимствованных слов или включают только одно заимствованное слово: *адабийат-э келасик* 'классическая литература', *бензин-э һавапэйма* 'авиационный бензин', *карт-э визит* 'визитная карточка', *герис-э герафит* 'графитовая смазка', *чaн-э артэзийан* 'артезианский колодец', *помп-э бензин* 'бензоколонка', 'бензозаправочная станция', *идрокарбон-э мойтёр* 'ароматический углеводород', *суже-йе даэ* 'острый, захватывающий сюжет', *бази-йе паралел* 'упражнение на параллельных брусьях' и т. д.

Глава II

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ИМЕННЫХ ФЕ

Многообразие структурных форм именных ФЕ делает необходимым установление закономерных соотношений между ними с целью более углубленного их изучения. Классификация именных фразеологизмов проводится на основе структурно-грамматических различий между ними, с учетом, в первую очередь, вида грамматической связи между компонентами. Главное внимание обращается на строение ФЕ, хотя и семантические отношения между компонентами также учитываются. Изучение семантической структуры именных ФЕ осуществляется в рамках намечаемых ниже структурно-грамматических типов ФЕ, ибо вид грамматической связи между компонентами оказывает влияние на характер семантических взаимоотношений между ними.

Именные фразеологические словосочетания в зависимости от характера грамматической связи между компонентами подразделяются на изафетные, предложные, копулятивные, на фразеологизмы с примыкающей связью и с комбинированными видами связи. Перечисленные выше ФЕ характеризуются тем, что перед первым компонентом фразеологизма отсутствует предлог. Всем этим ФЕ противостоят именные фразеологизмы с препозитивным предлогом, играющим существенную роль в определении их синтаксической функции. Они включают в свой состав устойчивые именные словосочетания с разной грамматической связью между компонентами и названы нами препозитивно-предложные ФЕ.

Выделенные выше разновидности именных ФЕ теснейшим образом соприкасаются со сложными словами, внешне совпадающими

с ними своим строением и составом образующих элементов. При этом далеко не всегда удается провести четкие границы между этими единицами, принадлежащими к разным языковым уровням. В последующих разделах работы сделана попытка установить некоторые формальные разграничения между этими единицами, выявлены промежуточные образования.

ИЗАФЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

Среди именных ФЕ наибольшее распространение получили изафетные фразеологизмы, которые семантически и функционально наиболее близко стоят к слову, соотносясь с ним по многим характеристикам. Большинство составных терминов (как общественно-политических, так и научно-технических) образовано по модели изафетных ФЕ.

Номинативное фразеологическое значение устойчивых словосочетаний данного типа характеризуется весьма широким диапазоном. Изафетные фразеологизмы способны обозначать различные понятия и явления, названия лиц, предметов и т. д. Будучи синтаксически нечленимыми словосочетаниями, именные ФЕ выступают в роли единых членов предложения.

Как и в синтаксических изафетных словосочетаниях, в изафетных фразеологизмах на первом месте находится главное, стержневое слово, представленное именем существительным. Это слово является смысловым центром устойчивого словосочетания и часто определяет его синтаксическую функцию: *энкесар-э хатэр* 'упадок духа', *чешм-э шур* 'дурной глаз', 'сглаз', *тәмәддод-э ә'саб* 'отдых от работы', 'передышка', *сэда-йе дорәге* 'ломающийся, срывающийся голос', 'хриплый, пропитой голос' и т. д. Случаи, когда в роли стержневого слова выступает прилагательное (или причастие), не характерны для изафетных фразеологизмов; они весьма немногочисленны, например: *монтәзэр-э хәдмәт* 'ожидающий назначения на должность' (о лицах, временно отстраненных от работы), *мохтәсәр-э кәлам* 'одним словом', 'короче говоря', *мофт-э шома* 'тем лучше для вас'. Устойчивость такого рода изафетных словосочетаний создается в основном семантическим переосмыслением компонентов. Этим изафетные ФЕ отличаются от свободных изафетных словосочетаний, в роли главного слова которых также выступают прилагательные и причастия, например: *амадә-йе кар* 'готовый для работы', *хасс-э нәваһи-йе кәвир* 'свойственный пустынным районам', *шәбиһ-э мадәр-әш* 'похожий на свою мать', *моғим-э Тәһран* 'находящийся в Тегеране', *ләбриз-э аб* 'полный воды'.

В качестве второго компонента изафетных фразеологизмов выступают имена существительные (напр., *шеллик-е хәндә* 'взрывы хохота', 'раскаты смеха', *роўзән-йе оmid* 'проблеск надежды', *чуб-э ганун* 'полицейская дубинка'), прилагательные (напр., *эһэ-раф-э әхлағи* 'нравственное падение', 'разложение', *чай-йе мәх-мәли* 'крепкий чай', *мадәр-э рэзаи* 'кормилица'), персидские и

арабские причастия (напр., *хәтт-э похтэ* 'хороший, установившийся почерк', *хэрс-э тирхордэ* 'разъяренный медведь' — о человеке, *һэй'әт-э момаййезэ* 'аттестационная комиссия').

Изафетные ФЕ, как и другие разновидности именных фразеологизмов, характеризуются устойчивостью состава компонентов. Однако многие ФЕ имеют лексико-структурные варианты. Особо следует отметить возможность замены вторых компонентов, выраженных существительными, на прилагательные, образованные от этих же существительных путем прибавления словообразовательного суффикса *-и* (*йа-йе нэсбәт*), в составе некоторых изафетных фразеологизмов, например: *канун-э ханэвадэ* (*ханэвадэги*) 'семейный очаг', 'родной дом', *һәрф-э эстэфһам* (*эстэфһами*) 'вопросительная частица', *хаб-э хәргуш* (*хәргуши*) 'беспечность', 'беззаботность', 'обман', 'надувательство'.

Основную массу изафетных фразеологизмов составляют двухкомпонентные словосочетания; ФЕ трехкомпонентного состава встречаются значительно реже, например: *дәр-э бағ-э сәбз* 'приманка', 'соблазн', *вәйт-э гол-е нэй* 'когда рак свистнет', *гол-е сәр-э сәбәд* 'лучший представитель', 'украшение' (о ком-либо), *нам-әйе һәср-э тәмбр* 'доплатное письмо'.

Изафетные фразеологизмы благодаря четкости структуры и простоте выражения синтаксической связи между компонентами сравнительно легко поддаются семантической классификации. На основе анализа семантических взаимоотношений между компонентами, в зависимости от утраты или сохранения ими лексических значений и выводимости или невыводимости общего значения ФЕ из значений компонентов, изафетные ФЕ делятся на фразеологизмы идиоматического и неидиоматического характера. К числу фразеологизмов идиоматического характера относятся ФЕ с немотивированным значением и с частично мотивированным значением. Фразеологизмы неидиоматического характера включают устойчивые словосочетания с общим мотивированным значением.

Фразеологизмы с немотивированным значением

Эта разновидность изафетных ФЕ характеризуется тем, что их компоненты полностью утрачивают лексическое значение; общее значение непосредственно не вытекает из простой суммы значений компонентов и практически может быть установлено только в контексте: *ғәбз-э хатэр* 'огорченность', 'печаль' (из *ғәбз* 'взятие', 'схватывание' и *хатэр* 'душевное состояние', 'настроение'), *әнғәлаб-э мәзадж* 'тошнота', 'морская болезнь' (из *әнғәлаб* 'революция', 'изменение' и *мәзадж* 'здоровье', 'состояние здоровья'), *тәмәддод-э ә'саб* 'отдых', 'передышка' (из *тәмәддод* 'вытянутость' и *ә'саб* 'нервы'), *пәрр-э Джебраил* 'деньги', 'взятка' (из *пәрр* 'крыло' и *Джебраил* 'архангел Гавриил') и т. д.

В связи с потерей компонентами в составе такого рода фразеологизмов своих лексических значений ФЕ приобретают особую устойчивость, достигают наивысшей степени идиоматичности, а синтаксическая функция изафета — служить средством атрибутивной связи — полностью утрачивается.

Среди именных ФЕ с немотивированным значением имеется небольшое количество составных терминов, относящихся к различным сферам терминологической системы: *джәрр-э сәгил* 'подъемный кран' (из *джәрр* 'волочение', 'таскание' и *сәгил* 'тяжелый'), *хәтт-э бэрэндж* 'шпон', 'линейка' (из *хәтт* 'линия' и *бэрэндж* 'латунь', 'бронза'), *мәрг-е муш* 'белый мышьяк' (из *мәрг* 'смерть' и *муш* 'мышь'), *джуш-е ширин* 'питьевая сода' (из *джуш* 'кипение' и *ширин* 'сладкий'), *хук-е аби* 'тюлень' (из *хук* 'свинья' и *аби* 'водяной') и т. д.

Этимологический анализ некоторых изафетных ФЕ и вопросы образования фразеологического значения

Как известно, в формировании ФЕ различных структурных типов важную роль играют семантические факторы, оказывающие влияние на степень слитности между компонентами. Изучение закономерностей образования целостного значения фразеологизмов должно содействовать раскрытию специфических черт фразеологической системы персидского языка, оказывать помощь в более глубоком и тонком понимании специфики значений ФЕ. Можно с уверенностью констатировать, что фразеологический состав, подобно лексической системе, «формируется как результат обработки нашим сознанием материала реальной жизни и реального мира» [1, с. 261]. Однако далеко не все ФЕ поддаются непосредственному анализу с точки зрения соотношения общего значения фразеологизма со значениями отдельных компонентов. В частности, большие трудности представляет семантический анализ изафетных ФЕ с немотивированным значением, поскольку целостное значение непосредственно не вытекает из значений компонентов. Вполне естественно поставить вопрос, как, каким путем возникло фразеологическое значение. Собранные нами примеры ФЕ с немотивированным общим значением свидетельствуют о том, что в основе целостного значения большого количества ФЕ лежит метафора. Однако далеко не во всех изафетных ФЕ с немотивированным значением обнаруживается образность при подходе к анализу фразеологического значения в синхронном плане. Объяснение целостного значения многих ФЕ в настоящее время представляется невозможным без предварительных этимологических изысканий и обследования большого количества текстов в диахроническом плане. Кроме того, необходимо разработать методы и способы изучения образного значения ФЕ.

В толковых словарях персидского языка и в других лексикографических пособиях содержится очень мало этимологических

пояснений при раскрытии значений ФЕ, и все же некоторые сведения о возникновении отдельных изафетных ФЕ идиоматического характера в них можно найти. Причем эти толкования нередко носят гипотетический характер. В основном эти пояснения касаются ФЕ, которые образовались на основе малых форм художественной речи — изречений, пословиц и поговорок, исторических и религиозных преданий, анекдотов и народных дастанов, — или связаны с устарелыми обычаями и традициями, ныне забытыми. Остановимся на некоторых из них.

Бярг-е сәбз 'скромный дар' — ФЕ с немотивированным значением, своим возникновением обязана старинному обычаю, бытовавшему в Иране. Дервиши, читая молитвы и религиозные стихи, разгуливали по улицам и базарам и в качестве символических подношений раздавали прохожим зеленые листья растений, надеясь в ответ получить небольшое вознаграждение. Этот своеобразный обычай получил отражение в бейте *Бярг-е сәбз-и-ст тоһфә-йе дәрвиш Че конәд бинәва һәмин дарәд* 'Подарок дервиша — зеленый листок, Что бедняку делать — он только это имеет', получившем широкое распространение [121, с. 101; 126, с. 168, 949]. Первая часть этого бейта превратилась в пословицу *Бярг-е сәбз-и-ст тоһфә-йе дәрвиш* 'Подарок дервиша — зеленый листок', которую употребляют в случаях, когда хотят сказать о скромности и незначительности своего подарка. Видимо, непосредственно из пословицы возник этот фразеологизм со значением 'скромный дар', 'подарок'. В данном случае наличие омонимичного переменного словосочетания *бярг-е сәбз* 'зеленый лист' и его синхронный анализ ничего не дадут исследователю для понимания значения образовавшейся ФЕ, если не знать подлинной истории появления фразеологизма.

Появление ФЕ *Ростәм-э дәр-э һәммам* 'псевдобогатырь', 'хвастун' (букв. 'Рустам на двери бани') связано с тем, что раньше на входных дверях в иранских банях рисовали изображение Рустама — богатыря, героя поэмы Фирдоуси «Шахнаме», при этом каждый художник по-своему передавал в этом портрете физическую силу и могущество героя. Но постепенно выражение «Рустам на двери бани» превратилось в устойчивое словосочетание, которое стали употреблять по отношению к людям крупного телосложения и сильным физически, но недостойным по своим моральным качествам и хвастливым [121, с. 308].

Образование изафетной ФЕ *пирәһән-э Осман* 'повод для ссоры, скандала', 'предлог для придинок' (букв. 'рубашка Османа') связано с преданием о том, что омеядский халиф Муавия, выступивший против правления четвертого правоверного халифа Али, обвинил его в убийстве Османа — третьего правоверного халифа — и с этой целью воспользовался окровавленной рубашкой последнего [121, с. 147].

ФЕ *кәфф-э Муса* (букв. 'ладонь Моисея') или ее вариант *кәфф-э бэйза* (букв. 'белая ладонь') 'чудодейственная сила', 'чудодействие Моисея' (о каком-л. необыкновенном явлении, о ка-

кой-л. необыкновенной силе) возникли на основе библейской легенды, согласно которой всякий раз, когда пророк Моисей опускал руку в карман и вынимал ее оттуда, на его ладони вспыхивало яркое пламя [131, т. 3, с. 2998].

Боз-э Ахфайш 'человек, который, не понимая существа вопроса, поддакивает (в чем-л.)', 'подпевала' (букв. 'коза Ахфаша') происходит из рассказа об одном средневековом иранском ученом по прозвищу Ахфаш (букв. 'человек с плохим зрением'). Будучи человеком некрасивым, он во время учения не находил себе собеседников из среды своих товарищей. Поэтому выдрессировал козу, которая, когда он вслух повторял уроки, методически двигала головой вверх и вниз [128, с. 117].

На основе народного дастана образовался фразеологизм *фут-э касэғари* 'умение', 'искусство', 'секрет ремесла' (из *фут* 'дутье', 'раздувание' и *касэғари* 'изготовление глиняной или фаянсовой посуды'). Рассказывают, что у одного мастера, изготовлявшего фаянсовую посуду, был способный ученик. Когда этот ученик стал работать самостоятельно и также изготавливать фаянсовую посуду, то у него, несмотря на то, что он все делал, как старый мастер, глазурное покрытие на посуде не получалось таким ярким и блестящим. Тогда он обратился к старому мастеру, и тот поведал ему тайну. Перед тем как ставить посуду для обжига в печь, он сдувает с нее пыль. Другие этой простой вещи не делают, и глазурное покрытие на их посуде остается тусклым. Весь секрет искусства в этом дуновении [122, с. 292]. Словосочетание *фут-э касэғари* 'дуновение при изготовлении фаянсовой посуды', употребленное в этом дастане, постепенно превратилось в устойчивое, приобретя новое, более широкое и обобщенное значение 'секрет ремесла', которое стало фразеологическим.

Далеко не во всех случаях удастся объяснить возникновение ФЕ на основе простого изменения значений компонентов и тем самым установить ее подлинное происхождение. Интересна в этом отношении попытка выяснить этимологию изафетной ФЕ *горг-е барандидэ* 'выдавший виды', 'стреляный воробей', 'тертый калач' (букв. 'промокший под дождем волк'). В словаре М. Моина возникновение переносного значения у этого словосочетания со ссылкой на толкование в словаре Незама объясняется особым поведением волков: волки очень боятся дождя, но стоит им раз попасть в открытом поле под дождь, как страх этот исчезает. Вместе с тем здесь же приводятся и другие этимологии этого фразеологизма. В словаре Рашиди происхождение ФЕ выводится из детской игры типа «салки», во время которой на водящего — *горг* — надевают седло — *палан*. Отсюда могло возникнуть словосочетание *горг-е паландидэ* 'водящий, на котором было седло'. Имеющая распространение в современном языке ФЕ образовалась в результате переосмысления значения словосочетания и замены согласных в слове *палан* соответственно на согласные *б* и *р* → *баран*. Существует и третье объяснение этимологии ФЕ на основе переосмысления словосочетания *горг-е баландидэ* 'волк, побывавший в

капкане' (*балан* 'капкан', 'ловушка'—устарелое слово) и последующей субституции звука *л* на *р*. М. Моин, считая наиболее достоверной этимологию, данную в словаре Незама, приводит стихотворные отрывки из поэзии классического периода для подтверждения этой этимологии, например:

*Ээ баран коджа тӓрсӓд ан горг-е пир ке-горгинэ пушӓд
бэ бжа-йе һӓрир* (Низами) 'Что бояться дождя старому волку, который носит теплую шубу, а не шелковые одеяния'.

*Нист дӓлгир ӓз ӓр-э ӓӓлб-и-ке дӓр кар-ӓш конӓнд Йусӓф-э
битӓлэ'-э ма горг-е барандидэ ӓст* (Саӓб) 'Не огорчен оттого, что дают ему фальшивое золото, ведь наш злосчастный Юсеф—стреляный воробей' [131, т. 3, с. 3263].

Доводы М. Моина в пользу этимологии, предложенной в словаре Незама, весьма убедительны, поскольку они подкрепляются стихотворными примерами. Другие объяснения происхождения этой ФЕ не подтверждаются примерами. Но может быть, такие примеры просто пока еще не найдены?

Подобного рода этимологические экскурсы имеют познавательное значение и представляют научный интерес, однако пользующийся языком не производит каждый раз семантико-этимологического анализа ФЕ, а воспроизводит их такими, какими они существуют в современном персидском языке. Для него важно знать их настоящее целостное значение и характер функционирования в современном языке.

Изафетным ФЕ с немотивированным значением могут противостоять свободные изафетные словосочетания с аналогичным лексемным составом. Эти словосочетания в большинстве случаев настолько далеки друг от друга по значениям, что должны рассматриваться как омонимичные. Отношения между ФЕ и свободными словосочетаниями весьма сходны с отношениями слов-омонимов, образовавшихся из одного источника. Ср., например, изафетные ФЕ *дом-э горг* 'сумерки', 'предрассветная зорька', *чешм-э бӓд* 'сглаз', 'дурной глаз', *хаб-э хӓргуш* 'беспечность', 'беззаботность', 'обман', 'надувательство', *сӓр-э му-йи* 'нисколько', 'совсем', *мӓрг-е муш* 'мышьяк' и переменные словосочетания с тем же лексемным составом *дом-э горг* 'хвост волка', *чешм-э бӓд* 'плохой глаз', *хаб-э хӓргуш* 'сон зайца', *сар-э му-йи* 'кончик волоска', *мӓрг-е муш* 'смерть мыши'. Сопоставление тех и других словосочетаний показывает, насколько различен характер семантических взаимоотношений между ними. Но даже при сопоставительном анализе этих и других, им подобных, ФЕ и соответствующих свободных словосочетаний не всегда удается установить косвенную связь между буквальным и фразеологическим значениями³.

³ М. Шаки, рассматривая образование некоторых ФЕ с метафорическим значением, отмечает, что целостное значение далеко не всех ФЕ можно вывести из значения соответствующих свободных словосочетаний [118, с. 89].

Образование фразеологического значения немотивированных изафетных ФЕ шло не только путем семантических сдвигов, основанных на разных видах метафорического переноса, но и могло возникать как результат функционирования свободных словосочетаний в определенном контексте. Об этом, в частности, свидетельствуют рассмотренные выше изафетные ФЕ *фут-э касэгъри* 'умение', 'секрет ремесла', *бърг-е сѣбз* 'скромный дар', *боз-э Ах-фѣш* 'подпевала'.

Но не всем изафетным ФЕ с немотивированным значением соответствуют омонимичные свободные словосочетания. Это объясняется тем, что при восприятии компонентов в их прямом лексическом значении семантико-синтаксические связи между ними воспринимаются как алогичные, ибо они не отражают реальных связей между предметами и явлениями объективного мира, например: *чай-э вэйл* 'бездонная бочка' (букв. 'яма несчастья'), *бад-э гису* 'высокомерие', 'надменность (женщины)', 'женское достоинство', 'женская гордость' (из *бад* 'ветер', 'дуновение', 'опухоль' и *гису* 'коса'). А в тех случаях, когда слово полисеманлично (как, напр., слово *бад* в приведенном выше примере), бывает трудно установить, какое именно из значений послужило основой для образования фразеологического значения.

В основе значения многих изафетных ФЕ лежит метафора. В связи с этим встает вопрос, влияет ли прямое значение компонентов (одного или обоих) на возникновение общего образного значения ФЕ или образность при синхронном подходе не ощущается. В результате такого анализа удастся установить ФЕ, в которых метафорический перенос играл роль лишь в процессе фразеологизации и в настоящее время утратил силу, а образовавшееся новое значение стало фактом языка, и ФЕ, в которых образность является главным фактором, стержнем фразеологического значения и влияет на характер их функционирования. Совершенно очевидно необходимость в четком отграничении одних ФЕ от других для правильного использования их в речи, для практики преподавания и перевода, для лексикографической разработки фразеологизмов.

ФЕ, в которых метафора «стерлась», не ощущается носителями языка, принадлежат обычно к нейтральному или книжному стилю и обозначают различные предметы и явления, людей и живых существ. В основе фразеологического значения этих единиц наиболее часто лежит какое-либо сходство целостного значения ФЕ с буквальным значением первого компонента или с суммой буквальных значений обоих компонентов, например: *хаке-йе әррэ* 'опилки' (букв. 'порошок или мелкие крошки от пилы'), *бам-э чешм* 'веко' (букв. 'крыша глаза'), *әсир-э бәстәр* 'больной, прикованный к постели', 'лежачий больной' (букв. 'пленник постели'), *тәкйе-йе кәлам* 'слово-сорняк' (букв. 'опора речи'), *карван-э шади* 'карнавал' (букв. 'караван радости, веселья'). В последнем примере нашло отражение сопоставление общего понимания карнавала как праздничного шествия, сопровождаемого

весельем, с буквальными значениями компонентов. Причем в образовании общего значения ФЕ сыграли роль образное понимание первого компонента и сумма буквальных значений обоих компонентов.

Иногда на базе одного стержневого слова образуется несколько изафетных ФЕ идиоматического характера; при этом в основе фразеологического значения лежит метафорический перенос, основанный на каком-либо чисто внешнем сходстве предмета, обозначаемого этим стержневым словом, с предметом или явлением, обозначаемыми ФЕ, например: *аб-э дāһан* 'слюна' (букв. 'вода рта'), *аб-э бини* 'сопли' (букв. 'вода носа'), *аб-э чеши* 'слезы' (букв. 'вода глаз'), *аб-э морварид* 'катаракта' (букв. 'жемчужная вода'), *аб-э сәбз* 'глаукома' (букв. 'зеленая вода'), *гол-е атэш* 'горящая головня', 'раскаленный уголек' (букв. 'огненный цветок'), *гол-е синэ* 'брошь' (букв. 'цветок груди'). Фразеологизм *гол-е сар-э сәбәд* 'лучший представитель', 'украшение' (о ком-л.) (букв. 'цветок на верху корзины') образовался путем переноса образа самого красивого цветка, который кладут поверх корзины с цветами, на человека как лучшего представителя группы людей [120, с. 404]. Примеры:

Сәәди гол-е сәр-э сәбәд-э шаэран-э донйа-ст (АФ, с. 494) 'Саади — лучший представитель поэтов мира'.

Гол-е сәр-э сәбәд вә шәм'-э фәрузан-э ин мәдҗалес до сә нәфәр-и будәнд ке-бэрасти әһл-е фәзл-о кәмал будәнд (X, 68, с. 20) 'Подлинное украшение и блеск этих собраний составляли два-три человека, которые поистине были людьми весьма образованными и культурными'.

Составные термины с общим немотивированным значением

Как уже было отмечено, к изафетным ФЕ с немотивированным значением относятся и некоторые составные термины. На характере значения, выражаемого этими устойчивыми словосочетаниями, следует остановиться особо.

Известно, что терминологическое значение характеризуется почти полным отсутствием образности. Это соответствует общим требованиям, предъявляемым к терминам, а именно: однозначности, точности, краткости и системности. Целостное значение составных терминов в этом отношении не составляет исключения. Однако путем семантического анализа удастся установить, что в основе значения некоторых составных терминов лежит стертая метафора. Образование такого рода терминов, видимо, произошло в гуще народной жизни и явилось результатом и отражением непосредственного восприятия и образного осмысления людьми окружающих их предметов и явлений. Народные наименования получили «права гражданства» и вошли в терминологическую систему языка. Они обозначают названия химических веществ, минералов, лекарств, растений, животных и т. д. и составляют

сравнительно небольшое количество среди других составных терминов персидского языка. Все они возникли вследствие метафорического переосмысления переменных словосочетаний. В этих названиях предметов и явлений находит отражение внешнее сходство по форме или функции, сходство с хорошо известными предметами и явлениями по результатам воздействия на окружающую среду, отражаются какие-либо частные свойства самих предметов и явлений: *пәмбэ-йе ндсуз* 'асбест' (букв. 'несгораемая вата'), *сәнг-е па* 'пемза' (букв. 'камень для ног'), *сәнг-е джәһәннәм* 'ляпис' (букв. 'камень ада'), *джуш-е ширин* 'питьевая сода' (букв. 'сладкое кипение'), *әсб-э бохар* 'лошадиная сила' (букв. 'лошадь пара'), *мәрг-е муш* 'белый мышьяк' (букв. 'смерть мыши'), *мәрг-е казэб* 'летаргия', 'летаргический сон' (букв. 'мнимая смерть'), *әсб-э аби* 'бегемот' (букв. 'водяная лошадь'), *хук-е дәрйәи* 'дельфин' (букв. 'морская свинья'), *мәләх-э аби* 'креветка' (букв. 'водяная саранча'), *чәтр-э дәрйә* 'медуза' (букв. 'зонтик моря'), *дом-э әсб* 'хвощ полевой' (букв. 'хвост лошади'), *хаг-е кәбк* сорт винограда (с ягодами, напоминающими по форме яйцо куропатки; букв. 'яйцо куропатки'), *сәдд-э гәлтан* 'подвижной заградительный огонь', 'огневой вал' (букв. 'катящаяся стена', 'перекатывающийся заслон') и т. д.

Изафетные фразеологизмы терминологического характера, в основе значения которых лежит стертая метафора, не очень удобны в научном обиходе, где требуется высокая точность наименования. В их семантической структуре и во взаимоотношениях с другими терминами той же терминологической сферы нарушается системность — одно из требований, предъявляемых к каждому термину. Поэтому наряду с этими терминами начинают употребляться термины-дублиеты, заимствованные из западноевропейских языков или в состав которых входят западноевропейские заимствования. Ср., например, *мәрг-е муш* и *әрсәник-е сәфид* 'белый мышьяк', *джуш-е ширин* и *сода-йе ашамидәни* 'питьевая сода', *мәрг-е казэб* и *летаржи* 'летаргия', *хук-е дәрйә* и *дәлфин* 'дельфин', *чәтр-э дәрйә* и *мәдуз* 'медуза'.

Приведенные выше составные термины обнаруживают сходство с народными наименованиями некоторых предметов, веществ, болезней, трав и растений в русском языке, например: *адский камень* (название ляписа), *веселящий газ* (название закиси азота), *царская водка* (смесь азотной и соляной кислоты, действующая на золото), *адамово яблоко* (выдающаяся хрящевая часть гортани, кадык), *грудного жаба* (болезнь сердца, сопровождающаяся удушьем), *божья коровка* (название насекомого), *павлиний глаз* (название бабочки), *львиный зев* (вид цветов), *пастушья сумка* (растение), *анютины глазки* (разновидность трехцветной фиалки), *перекати-поле* (степное или пустынное растение, при созревании отрывающееся от корня и перекатываемое ветром), *мать-и-мачеха* (многолетнее растение из семейства сложноцветных), *адская машина* (снаряд или бомба с часовым механизмом).

Часть из приводимых названий уже почти не употребляется в современном языке, так как они воспринимаются как устарелые, а некоторые все еще сохраняют значение терминов (напр., *анютины глазки, перекаати-поле*).

В современном персидском языке наблюдается тенденция к замене подобного рода составных терминов на другие термины, более точно передающие содержание понятия. Тем не менее в «Словаре научных терминов», выпущенном «Боньяде фарханге Иран» в 1970 г. в Тегеране [129], зафиксированы как употребительные уже отмеченные нами составные термины *мәрг-е муш, сәнг-е на, пәмбә-йе нәсуз, сәнг-е джәһәннәм, джуш-е ширин, әсб-э бохар* и др.

Фразеологизмы с метафорическим значением

Наряду с ФЕ, в основе целостного значения которых лежит стертая метафора, в персидском языке получили значительное распространение изафетные ФЕ, в которых образное значение сохраняет полную силу. Эти ФЕ выделяются яркой образностью, возникающей на основе метафорического переосмысления значений компонентов. Метафоричность ФЕ особенно ощутима тогда, когда сосуществуют реальное значение свободного словосочетания и образовавшееся на его базе фразеологическое значение, например: *зәһр-э мар* 'мерзость', 'пакость' (букв. 'яд змеи'), *джоуфоруш-е гәндомнәма* 'ханжа', 'лицемер' (букв. 'продающий ячмень, а показывающий пшеницу'), *мар-э хошхәттохал* 'волк в овечьей шкуре' (букв. 'змея с красивыми крапинками'), *хорус-э бимәһәлл* 'человек, совершающий бестактности', 'выскачка', 'нахал', 'человек, говорящий невпопад' (букв. 'петух, не имеющий места'), *хәрс-э тирхордэ* 'разгневанный, разъяренный медведь' (о человеке, букв. 'раненый медведь'), *хәрмәгәс-э мәәрке* 'доучливый, надоедливый человек', 'чужой, посторонний человек' (букв. 'слепень в толпе народа').

Персидская фразеология включает в свой состав большое количество устойчивых метафорических оборотов, получивших широкое распространение в классической поэзии. Большинство из них имеет структуру изафетных словосочетаний. Это так называемые «кенайе» («аллегория», «метафора»); *зәраб-э пируз-рәнг* 'небо' (букв. 'фляга бирюзового цвета'), *зәраб-э зәррин* 'солнце' (букв. 'золотая фляга'), *золф-э шәб* 'ночная тьма', 'мрак' (букв. 'кудри ночи'), *хәнд-э джам* 'блеск вина' (букв. 'улыбка бокала'), *әшк-е әбр* 'слезы неба' (о дожде), *наф-э әрз* — Мекка (букв. 'пуп земли') и т. д. Высокая степень образности таких оборотов достигается неожиданным и необычным сочетанием слов, ярким переносным значением, возникающим на основе сопоставления предметов и явлений по форме и цвету, по выполняемым функциям. Эти ФЕ выражают различные метафорические назва-

ния неба, солнца, луны, небесных светил, вселенной, земли, явления природы, некоторых животных, драгоценных камней, вин, употребляются при обращении к богу, возлюбленной, детям и т. д.: *баше-йе фәлйк* 'сокол небес' (о солнце), *ғоббэ-йе зәррин* 'золотой свод' (о солнце), *ғоббэ-йе гәрдәндэ* 'вращающийся купол' (о небе), *ғоббэ-йе мина* 'глазуревый купол' (о небе), *касэ-йе атэшин* 'огненная чаша' (о солнце), *ғәрс-э симин* 'серебряный диск' (о луне), *ғәрс-э гәрм-о сәрд* 'горячий диск и холодный диск' (о солнце и луне), *кардан-э фәлйк* 'небесный секретарь' (о планете Меркурий), *золф-э зәмин* 'темная ночь' (букв. 'кудри земли'), *фәрш-е зәморродин* 'ярко-зеленый покров' (о луге), *дом-э гәрг* 'предзасветный полумрак', 'сумерки', 'предзасветная зорька' (букв. 'хвост волка'), *хәндэ-йе собһ* 'утренняя заря', 'рассвет' (букв. 'утренний смех'), *фәрзәнд-э афтаб* 'сын солнца' (о драгоценном камне), *дохтәр-э афтаб* 'дочь солнца' (о вине рубинового цвета), *хун-э рәз* 'кровь виноградной лозы' (о вине, виноградном соке), *ғәўғайи-йе голбон* 'крикун на кусте роз' (о соловье), *сәрв-э сәһи* 'красавица, стройная как кипарис' (букв. 'стройный кипарис'), *лә'л-е абдар* 'уста возлюбленной' (букв. 'блестящий рубин') и т. д.

Многие из фразеологизмов метафорического характера, получивших распространение в классической поэзии, перешли в современную поэзию. Вот почему в толковых словарях современного персидского языка фиксируются такого рода ФЕ. Кроме того, по устоявшимся моделям современными иранскими поэтами создаются новые поэтические фразеологизмы.

ФЕ метафорического характера занимают особое место в общем фразеологическом фонде персидского языка. В настоящее время ощущается большая необходимость в создании специального словаря таких фразеологизмов, во всестороннем изучении их семантических и структурных свойств и на этой основе выработки принципов их классификации, а для решения этих задач потребуются объединение усилий лингвистов и литературоведов.

В тех случаях, когда какое-либо сочетание слов, употребляющееся в переносном значении, начинает выражать не просто образное представление одного из носителей языка, а обозначать устойчивое образное понятие, оно становится фактом языка. Образные ФЕ типа «кенайе» следует отличать от авторских образных оборотов, встречающихся как в поэзии, так и в прозе. Образность «кенайе» является особенностью их семантической структуры и носит устойчивый характер в отличие от живой метафоры, сравнения и метонимии, используемых автором только в данный момент⁴.

Если рассмотренные выше изафетные ФЕ с немотивированным значением сопоставить с ФЕ, выделенными В. В. Виноградовым согласно его известной классификации фразеологии русского языка

⁴ М. Шаки обращает внимание на необходимость отличия идиом метафорического характера от переменных метафорических словосочетаний [118, с. 87].

ка, то среди них найдем и «фразеологические сращения» (сочетания слов типа *спустя рукава, козел отпущения*), и «фразеологические единства» (сочетания слов типа *стреляный воробей, последняя спица в колеснице*). К числу фразеологических сращений можно отнести наиболее слитные и семантически неделимые персидские изафетные ФЕ, в общем значении которых не содержится никакого намека на мотивированность, например: *пәрр-э Джебраил* 'деньги', 'взятка' (из *пәрр* 'крыло' и *Джебраил* 'архангел Гавриил'), *фут-э касэғари* 'умение', 'искусство', 'секрет ремесла' (из *фут* 'дутье', 'раздувание' и *касэғари* 'изготовление глиняной или фаянсовой посуды'), *ғәл'э-йе Бәғдад* 'пузо', 'брюхо' (из *ғәл'э* 'крепость' и *Бәғдад*— Багдад). К фразеологическим единствам можно отнести изафетные ФЕ, в которых фразеологическое значение образовалось в результате метафорического переноса и которые имеют омонимичные свободные словосочетания, например: *аб-э чеим* 'слезы' (букв. 'вода глаз'), *гол-е сини* 'брошь' (букв. 'цветок груди'), *мар-э хошхәттохал* 'волк в овечьей шкуре' (букв. 'змея с красивыми крапинками'). Однако далеко не все изафетные ФЕ с немотивированным значением могут быть распределены между семантическими разновидностями ФЕ, предложенными В. В. Виноградовым, поскольку в процессе образования персидских ФЕ по сравнению с образованием русских ФЕ действовали и действуют другие семантические закономерности. Например, куда относить ФЕ, которые хотя и не имеют омонимичных свободных словосочетаний, но сохраняют некоторую мотивированность в значении (*чаһ-э вэйл* 'бездонная бочка', букв. 'яма несчастья', *ғәбз-э хатәр* 'огорченность', 'печаль', букв. 'схватывание настроения'), как распределять между этими двумя группами поэтические ФЕ типа «кенайе», в основе образа которых лежат часто не только реальные отношения между предметами, но и чисто субъективные представления того или иного поэта. Все это свидетельствует о недостаточности классификационной схемы В. В. Виноградова для анализа семантической структуры именных ФЕ персидского языка и о необходимости поиска новых семантических критериев, более пригодных для материала персидской фразеологии.

Фразеологизмы

с частично мотивированным значением

Изафетные ФЕ с частично мотивированным значением характеризуются тем, что один из компонентов сохраняет свое лексическое значение, а другой компонент употребляется в переосмысленном значении. Переосмыслению могут подвергаться как первый, так и второй компоненты.

ФЕ, в которых первый компонент утрачивает свое значение, обладают наибольшей степенью устойчивости, поскольку он обычно является стержневым словом словосочетания: *энһэраф-э йхла-*

зи 'нравственное падение', 'разложение' (букв. 'нравственное отклонение'), *сәдд-э джу* 'утоление голода' (букв. 'преграда голоду'), *зә'ф-э вәдҗһ* 'безденежье' (букв. 'слабость денег'), *сәэл-е самээ* 'глухота' (букв. 'тяжесть слуха'), *сәэл-е кәлам* 'тяжеловесность речи' (букв. 'тяжесть речи') и т. д.

В ФЕ со вторым переосмысленным компонентом основное значение выражается первым компонентом, являющимся прямым названием предметов и явлений; второй компонент обозначает признак, указывает на видовую принадлежность предмета или явления: *зәбан-э зәргәри* 'условный язык', 'жаргон', 'арго' (букв. 'язык ювелирного дела'), *сәда-йе зәнгар* 'хриплый голос' (букв. 'ржавый голос'), *бәрәндҗ-е пордҗуш* 'долго не разваривающийся рис' (букв. 'кипящий рис'), *собһ-э казэб* 'предрасветная заря' (букв. 'ложная заря'), *һәрф-э будар* 'слова, содержащие в себе намеки' (букв. 'пахучие слова'), *әдҗәлл-е моәллә* 'внезапная смерть' (букв. 'неясная смерть') и т. д.

В роли второго компонента может выступать имя собственное: *гәндҗ-е Гарун* 'несметные богатства', 'сокровища' (букв. 'сокровища Гаруна', Гарун — имя богатого и алчного человека, упоминаемого в Коране), *һокм-э Солейман* 'неограниченная власть' (букв. 'власть царя Соломона'), *ғәзи-йе Бәлх* 'нечестный, несправедливый судья' (букв. 'судья Балха'), *тоһфә-йе Нәтәнз* 'неинтересный подарок', 'не представляющая никакого интереса вещь' (букв. 'подарок из Натанза'), *гол-е Бәмбәи* 'чайная роза' (букв. 'цветок Бомбея') и т. д. Причем свойства и качества, которые приобретает предмет или явление, обозначаемые первым компонентом, проистекают из свойств, качеств и особенностей, характерных или приписываемых лицу или месту, называемому этими именами собственными.

В изафетных ФЕ, как уже отмечалось, первый компонент играет ведущую роль в образовании целостного значения фразеологизма. Это дало основание для названия его стержневым. Однако встречаются ФЕ, в которых основная семантическая нагрузка переходит на второй компонент. В изафетных ФЕ с частично мотивированным значением это легко обнаруживается, например: *гол-е кәләм* 'цветная капуста' (букв. 'цветок капусты'), *пийаз-э мәғз* 'продолговатый мозг' (букв. 'луковица мозга'), *һосн-э мәйтә* 'счастливый исход', 'благополучное окончание' (из *һосн* 'красота', 'добро', 'благо' и *мәйтә* 'концовка', 'заключительный бейт стихотворения'). В приведенных примерах первый компонент выражает признак предмета.

Несвободное значение слова в составе ФЕ

Утрата лексического значения одним из компонентов — главный фактор, создающий устойчивость ФЕ с частично мотивированным значением. При этом в одних случаях можно обнаружить метафорическое переосмысление этого слова, в других случаях

такое переосмысление путем непосредственного семантического анализа выявить не удастся.

Фразеологичность того или иного изафетного словосочетания практически устанавливается путем сопоставления значения слова в составе словосочетания с фактическими значениями этого же слова, которые зафиксированы в словаре. Таким путем выявляются несвободные значения слова, которое ограничивает его сочетательные возможности. В немоделированных ФЕ сочетательный потенциал слова, как правило, имеет единичный характер. Так, в ФЕ *сърраф-э сохън* 'мастер слова' (букв. 'меняла слова') первый компонент полностью изменяет свое значение и в этом несвободном значении может сочетаться только со словом *сохън*; в ФЕ *мър-е мофаджат* 'внезапная, скоростижная смерть' (букв. 'смерть от внезапного нападения') второй компонент полностью утрачивает свое значение 'внезапное нападение' (кстати, значение устаревшее) и в новом, несвободном значении может сочетаться только со словом *мърг*.

Установление фразеологичности того или иного словосочетания в первую очередь опирается на четкое и объективное отражение значений слов, выступающих в роли компонентов этого словосочетания, в различных словарях персидского языка. Несвободное значение слова вне устойчивого словосочетания не играет никакой роли, и поэтому оно не должно фиксироваться в словарях. Словари должны отражать все прямые и переносные значения слов, отделяя их от несвободных значений, проявляющихся только тогда, когда слово входит в состав ФЕ. Но здесь составители словарей сталкиваются с рядом трудностей.

Как известно, выявление и выделение подлинных значений слова, особенно когда оно обладает широкой валентностью, — дело весьма сложное и трудоемкое, которое требует не только привлечения большого фактического материала, но и выработки специальной методики. Трудности вызывает отделение переносного значения, которое является свободным, от несвободного значения слова, а также установление того факта, что данное значение является несвободным. В связи с этим при определении фразеологичности того или иного изафетного словосочетания на основе переосмысления одного из компонентов необходимо обратить внимание на следующие три момента.

Во-первых, в персидских словарях значение слова не всегда выделяется как самостоятельная семема, хотя оно уже существует в языке независимо от словосочетания. Так, слово *вâт* 'время' приобрело атрибутивное значение 'тогдашний' и в этом значении может сочетаться с различными словами, например: *вâ-зир-э вâт* 'тогдашний министр', *доулят-э вâт* 'правительство, находившееся в то время у власти'. Слово *рâссам* 'художник', 'чертежник' в результате постоянного употребления в сочетании со словом *голуле* 'пуля', 'снаряд' получило самостоятельное терминологическое значение 'трассирующий': *голуле-йе рâссам* 'трассирующая пуля', 'трассирующий снаряд'. Следовательно,

словари наряду с другими значениями должны выделять у слов *vāyt* и *rāssam* отмеченные выше значения.

Во-вторых, нельзя выделять в качестве самостоятельной семемы переосмысленное значение, если оно вне данного словосочетания не встречается и отдельно не существует. Такое значение служит главным фактором образования устойчивого словосочетания. Так, на основе употребления слова *синэ* в составе словосочетаний *синэ-йе на* 'подъем ноги' (букв. 'грудь ноги') и *синэ-йе куһ* 'склон горы' (букв. 'грудь горы') у этого слова не могут быть выделены значения 'подъем' и 'склон'. По той же причине у слова *шахдар* 'рогатый' не может быть выделено значение 'явный' из фразеологического словосочетания *доруг-э шахдар* 'явная ложь'.

Таким образом, отделение свободного от несвободного значения в слове имеет самое непосредственное отношение к определению фразеологичности словосочетания.

В-третьих, в отдельных случаях наблюдается перенос общего значения ФЕ на один из ее компонентов. В результате этого слово-компонент получает значение, свойственное всей ФЕ, и начинает употребляться в этом значении самостоятельно. Например, слово *симбор* в результате употребления в составе устойчивого словосочетания *ймбордәст-э симбор* (букв. 'щипцы, режущие проволоку') приобрело значение 'кусачки', которое свойственно всему словосочетанию. Представляет интерес случай приобретения словом *тәвәрром* 'воспаление', 'опухание', 'вздутие' нового значения 'инфляция'. Первоначально в значении 'инфляция' использовалось словосочетание *тәвәрром-э пул* (букв. 'воспаление денег') и *тәвәрром-э мали* (из *тәвәрром* 'воспаление' и *мали* 'финансовый', 'денежный'), первый компонент которых впоследствии приобрел значение целых словосочетаний. В современном персидском языке в этом значении в основном употребляется слово *тивәрром*, хотя можно встретить и упомянутые выше фразеологизмы⁵. Примеры:

Һэзб-э каргяр мовәффағ нәшод тәвәрром-ра мотәвәггәғф конәд (Э, 13212) 'Лейбористской партии не удалось приостановить инфляцию'.

Бә хатәр дарәм дәр моғгә-э «энгэлабиййун» вә тәвәрром-э мали-йе Алман ... бәдун-э эграғ әгяр кәс-и мәсәлән йек эскенас-э һэзармарки (вә бәлке дәһһэзармарки) бәр зәмин мидид зәһмәт-э ин-ке хәм шодә ан-ра бәр-дарәд бә ход нәми-

⁵ Слово *тәвәрром* 'воспаление', 'опухание', 'вздутие' могло бы рассматриваться в новом значении 'инфляция' и как переводная калька с интернационального термина «инфляция» — *inflation* (от лат. *inflatio* 'вздутие'). Однако в персидском языке возникновение этого термина, видимо, шло не столько путем простого перевода, сколько путем переноса общего значения устойчивых словосочетаний *тәвәрром-э пул* и *тәвәрром-э мали* на значение слова-компонента *тәвәрром*. Вызывает удивление, что наиболее полные и современные толковые словари персидского языка, такие, как словарь М. Моина [131, т. 1, с. 1164] и словарь А. Деххода [126, т. 148, с. 1108], не выделяют этого значения в слове *тәвәрром*.

dad (X, 68, с. 21) 'Я помню, что в эпоху «революционеров» и инфляции в Германии.., без всякого преувеличения, если кто-либо видел на тротуаре ассигнацию в тысячу марок (и даже в десять тысяч марок), то не утруждал себя тем, чтобы нагнуться и поднять ее'.

Tāvārrom-э пул кешвārha-ра ан гāдр зāиғ миконād ке-ба си миллиун марк фāйāt йек тохм-э морғ митāван хāрид (X, 67, с. 9) 'Инфляция настолько ослабляет страны, что на тридцать миллионов марок можно купить только одно яйцо'.

Анатомический термин «дентин» в персидских словарях обычно передавался словосочетанием *адж-е дāндан* (*адж* 'слоновая кость', 'клык' и *дāндан* 'зуб'). Однако в новом «Словаре научных терминов» в этом значении зафиксировано только слово *адж* [129, с. 384], что может свидетельствовать о переносе значения всего словосочетания на первый компонент. Общее значение ФЕ становится исходным для образования нового значения слова.

Метафорическое переосмысление одного из компонентов ФЕ

При анализе фразеологического значения изафетных ФЕ с частично переосмысленным значением удается установить, что оно основывается часто на метафорическом переосмыслении одного из компонентов, но в синхронном плане эта метафора почти не ощущается пользующимися языком. Метафорическому переносу могут подвергаться как первые, так и вторые компоненты. Но наибольшее распространение получили ФЕ с образным переосмыслением первого компонента: *зāбан-э гāлām* 'кончик пера', 'острие пера' (*зāбан* 'язык'), *бāдайе'-э āш'ар* 'самые лучшие стихи' (*бāдайе* 'новинки', 'антикварные вещи'), *шеллик-е хāндэ* 'раскаты смеха', 'взрывы хохота' (*шеллик* 'стрельба', 'залп'), *гүзэ-йе аб* 'водяные пузырьки' (*гүзэ* 'коробочка хлопчатника, опийного мака и т. п.'), *дамāн-э куh* 'подножие горы', 'горный склон' (*дамāн* 'пола', 'кайма', 'край'), *дамāн-э шāб* 'конец ночи', 'время перед рассветом', *пāррэ-йе гоғл* 'дужка замка' (*пāррэ* 'лепесток', 'долька', 'лопасть') и т. д.

Образное переосмысление второго компонента связано с выражением какого-либо качества или признака предмета; причем в основе переосмысления лежит какое-либо внешнее или внутреннее сходство, совпадение по выполняемой функции: *колаh-э сāбāди* 'соломенная шляпа' (*сāбāди* 'похожий на корзину'), *дэл-е хара* 'жесткое, черствое сердце' (букв. 'сердце из гранита'), *чуб-э гāнун* 'полицейская дубинка' (букв. 'дубинка закона'), *нāрф-э будар* 'слова, содержащие в себе намек' (*будар* 'пахучий', 'ароматный'), *дэл-е порхун* 'сердце, обливающееся кровью', 'страдающее сердце' (*порхун* 'кровавый', 'залитый кровью'), *золф-э кāmāнд* 'вьющиеся, кудрявые волосы' (*кāmāнд* 'аркан', 'петля', 'веревочная

лестница'), *доруд-э шахдар* 'явная ложь' (букв. 'рогатая ложь') и т. д.

В отдельных изафетных ФЕ с частично мотивированным значением, обычно относящихся к разговорному стилю речи, сохраняется яркая образность, например: *hafэзэ-йе хяргуши* 'куриная память' (букв. 'заячья память'), *дохтър-э торшидэ* 'старая дева', 'вековуха' (*торшидэ* 'скисший', 'прокисший'), *доурэ-йе шах Вэз-вэзэк* 'при царе Горохе', 'во времена оны' (букв. 'время шаха Везвезака').

Рассмотренные выше поэтические метафоры («кенайе») представлены главным образом немотивированными изафетными ФЕ. Число «кенайе», образованных по модели изафетных ФЕ с частично мотивированным значением, сравнительно невелико: *гэмзэ-йе ахтър* 'мерцание звезды' (букв. 'кокетство, подмигивание звезды'), *кяманд-э золф* 'волосы, кудри возлюбленной' (букв. 'аркан, лассо из локонов', 'западня, ловушка из волос'), *корси-йе хак* 'земля' (букв. 'трон земли'), *корси-йе фялэк* 'небо', 'небеса' (букв. 'трон небес'), *гол-е хандан* 'распускающийся цветок' (букв. 'смеющийся цветок') и т. д.

Среди изафетных ФЕ этой семантической группы имеется немалое количество терминов из самых различных сфер: *дурбин-э аккаси* 'фотоаппарат' (*дурбин* 'бинокль' и *аккаси* 'фотографирование'), *дурбин-э филмбърдари* 'киносъемочная камера' (*филм-бърдари* 'киносъемка'), *сас-э гандом* 'хлебный долгоносик' (букв. 'пшеничный клоп'), *халесэджат-э энтедали* 'государственные земли, проданные частным лицам' (букв. 'государственные земли, подлежащие переводу, передаче'), *офог-э хятърнак* 'поражаемое пространство' (букв. 'опасный горизонт'), *дъриче-йе этминан* 'предохранительный клапан' (букв. 'клапан уверенности'), *дорр-э куши* 'кварц', 'горный хрусталь' (букв. 'горный жемчуг'), *зокам-э йондже* 'аллергический насморк' (*зокам* 'насморк' и *йондже* 'люцерна') и т. д.

В основе переосмысления одного из компонентов ФЕ-термина может лежать метафора, которая в настоящее время утратила силу: *аһак-е зэндэ* 'негашеная известь' (букв. 'живая известь'), *аһак-е мордэ* 'гашеная известь' (букв. 'мертвая известь'), *хятт-э кур* 'тупик' (железнодорожный; букв. 'слепая линия'), *пишани-йе гялэнгедан* 'боевая личинка' (букв. 'лоб затвора'), *джоуз-э буйа* 'мускатный орех' (букв. 'ароматный, пахучий орех'), *гол-е коукяб* 'георгин' (букв. 'цветок-звезда'), *асб-э дърйа* 'морской конек' (рыба) и т. д.

Несвободное значение одного из компонентов изафетных ФЕ данной семантической группы накладывает ограничения на сочетательные возможности компонента, обладающего этим значением, в результате чего данная лексема вступает в сочетание с одной и, редко, с двумя разными лексемами (напр., *дурбин-э аккаси* 'фотоаппарат', *дурбин-э филмбърдари* 'киносъемочная камера'). С этой точки зрения изафетные ФЕ с частично мотивиро-

ванным значением могут быть сопоставлены с «фразеологическими сочетаниями» — третьей разновидностью фразеологизмов, выделенных В. В. Виноградовым (типа русских *закадычный друг, окладистая борода, азбучная истина*).

Фразеологизмы с мотивированным значением

К изафетным ФЕ данной семантической разновидности относятся устойчивые словосочетания, в которых компоненты сохраняют свое прямое номинативное значение. Это наименее устойчивая разновидность изафетных ФЕ. Структурно-семантическое единство ФЕ обеспечивается постоянством состава компонентов и устойчивостью структуры, что, в свою очередь, ведет к устойчивости общего значения фразеологизма. Если в отдельных ФЕ с мотивированным значением и допускается замена компонентов, то она происходит в пределах фразеологической вариантности, не нарушает единства ФЕ и носит узальный характер. В большинстве же случаев замена компонентов невозможна даже на синонимы.

Особенно ощутима устойчивость тех ФЕ, в которых один из компонентов представлен архаичным или книжным словом. В этом случае замена слова на его более употребительный синоним не сделала бы эту ФЕ более доступной и понятной, а могла бы лишь привести к ее распаду, например: *тāназо*-э *бāза* 'борьба за существование' (вместо *тāназо* не употребляется *мобарэзэ* 'борьба' или другие синонимы этого слова), *тиб*-э *хатэр* 'добрая воля', 'доброе согласие' (*тиб* в значении 'удовольствие' не заменяется на синонимы).

Не допускается синонимическая замена компонентов, выраженных обычными словами нейтрального стиля. Например, в ФЕ *сāндудэ*-э *рāй* 'урна для голосования', 'избирательная урна' и *сāндудэ*-э *пост* 'почтовый ящик' слово *сāндудэ* 'ящик' не может быть заменено на синонимичное ему слово *джāбэ*.

Устойчивость ФЕ с мотивированным значением проявляется также в том, что в составе несвободного словосочетания исключается замена компонента на лексический вариант этого же слова, имеющего в основе тот же корень. Так, в персидском языке получило распространение устойчивое словосочетание *фāраэ*-э *хатэр* 'душевный покой'. И хотя слово *фāраэ* в значении 'покой', 'спокойствие' в современном языке почти не употребляется — в этом значении более употребителен другой вариант *фāраāйт*, — замена *фāраэ* на *фāраāйт* не происходит.

Структурная устойчивость изафетных ФЕ с мотивированным значением характеризуется неизменяемостью или ограниченной изменяемостью морфологических форм компонентов. Компоненты ФЕ, выраженные существительными, не могут получать ласкательные и уменьшительные суффиксы, а компоненты, выраженные качественными прилагательными, — суффиксы степеней

сравнения. Во многих ФЕ используется только одна из форм множественного числа (обычно форма арабского ломаного числа), например, в ФЕ — общественно-политических терминах: *эттэһад-э джэмаһир-э шоўрави-йе сосйалисти* 'Союз Советских Социалистических Республик' (*джэмаһир*, а не *джомһуриһа*), *афкар-э омуми* 'общественное мнение' (*афкар*, а не *фэкрһа*), *сазман-э мэлл-е моттәһэд* 'Организация Объединенных Наций' (*мэлл-л*, а не *мэлләтһа*), *ғорун-э воста* 'средние века' (*ғорун*, а не *ғәрһа*) и т. д. [57, с. 98]. В свободных словосочетаниях разные формы множественного числа одного и того же существительного обычно взаимозаменяемы.

По сравнению с рассмотренными выше двумя семантическими разновидностями изафетных фразеологизмов в формировании устойчивости данной разновидности ФЕ семантический фактор играет меньшую роль, поскольку все компоненты сохраняют лексические значения. Тем не менее следует подчеркнуть цельность и устойчивость общего значения ФЕ данной группы. В связи с тем, что при образовании общего значения ФЕ отсутствует переосмысление значений компонентов, из значения этих фразеологизмов полностью исключается образность.

Между общим значением многих ФЕ и суммой значений составляющих компонентов нет полного тождества, что создает определенную семантическую устойчивость этим словосочетаниям по сравнению со свободными словосочетаниями. Действительно, если проанализировать общее значение таких ФЕ, как *кошти-йе азад* 'вольная борьба', *тупханэ-йе сәһрайи* 'полевая артиллерия', *эштэбах-э бәсәри* 'оптический обман', то увидим, что значение вторых компонентов не просто уточняет и специализирует значение первых компонентов, но и вносит в общее значение такие оттенки, которых нет в прямых значениях этих слов, а в некоторых случаях имеет место сужение значения этих слов. Так, словосочетание *кошти-йе азад* обозначает не любую борьбу, а определенный вид спортивной борьбы, допускающий захваты противника ниже пояса, подножки и т. д. Словосочетание — военный термин *тупханэ-йе сәһрайи* обозначает артиллерию, предназначенную для непосредственной поддержки войск на поле боя, а словосочетание *эштэбах-э бәсәри* — зрительные ошибки наблюдателя в определенных условиях. Таким образом, в рассмотренных изафетных ФЕ имеется лишь приблизительное соответствие между их целостным значением и значениями компонентов.

Среди изафетных ФЕ с мотивированным значением выделяется и другая группа — устойчивые словосочетания, в которых компоненты хотя и сохраняют свои значения, но общее значение ФЕ не равняется простой сумме их значений. Для правильного понимания и употребления этих ФЕ необходимо знание реалий, которые они обозначают. Так, словосочетание *аб-э йәх* имеет значение 'вода со льдом', а не 'ледяная вода', как можно было бы его перевести при буквальном понимании компонентов; здесь как

бы пропущен предлог *ба 'с'*, который никогда не употребляется в составе этой ФЕ. Общее значение некоторых ФЕ имеет более конкретный и узкий характер, чем то значение, которое вытекает из суммы значений компонентов, например: *монтйзэр-э хэд-мйт* 'ожидающий назначения на должность' (о лицах, временно отстраненных от работы, букв. 'ожидающий работы'), *келас-э айкабэр* 'курсы по ликвидации неграмотности для взрослых' (букв. 'курсы для взрослых'). Несоответствие целостного значения подобного рода изафетных ФЕ сумме значений составляющих компонентов является причиной их большой устойчивости и обеспечивает им воспроизводимость в качестве готовых единиц.

Основную массу изафетных ФЕ с мотивированным значением составляют термины, относящиеся к самым различным сферам употребления. В этом состоит существенное отличие ФЕ данной разновидности от двух предыдущих семантических групп ФЕ.

Сама терминологичность, закрепленность словосочетания за определенным денотатом создают таким словосочетаниям особую устойчивость и обеспечивают воспроизводимость в качестве готовых единиц языка. Целостное значение составных терминов этой семантической группы представляет собой не простую сумму, а органическое соединение значений компонентов. Как правило, основное терминологическое значение несет на себе первый, стержневой компонент, а второй компонент уточняет его признаки и свойства, указывает на видовую принадлежность: *тормоз-э һавайи* 'воздушный тормоз', *пярчкари-йе һавайи* 'пневматическая клепка', *диг-е бохар* 'паровой котел', *маһиһа-йе гозруфи* 'осетровые', *набз-э бәти* 'замедленный пульс', *пэйвәнд-э ғәлб* 'пересадка сердца', *остохан-э кәфф-э дәст* 'пясть', 'кость пястья', *остохан-э кәфф-э па* 'плюсна', 'кость плюсны', *эштэбан-э бәсәри* 'оптический обман', *мази-йе элтәзи* 'прошедшее время сослагательного наклонения', *мозар-э элтәзи* 'настояще-будущее время сослагательного наклонения' и т. д.

Особое распределение семантической нагрузки между компонентами составных терминов с мотивированным общим значением, а также сохранение лексических значений компонентами позволяют образовывать большое количество терминов путем многократного использования первого или второго терминоэлемента. Особенно много составных терминов образуется на базе первого, стержневого компонента: *дәстгаһ* 'аппарат', 'прибор', 'машина', 'станок', 'агрегат' — *дәстгаһ-э отоматик* 'станок-автомат', *дәстгаһ-э бафәндәги* 'ткацкий станок', 'вязальная машина', *дәстгаһ-э бәрә* 'динамо-машина', *дәстгаһ-э тәхлийе-йе һава* 'установка для получения вакуума', *дәстгаһ-э тәлефон* 'телефонный аппарат', *дәстгаһ-э тоулид-э бәрә* 'генератор', *дәстгаһ-э тизгәри* 'заточный станок', *дәстгаһ-э һәрарәт-э мәркәзи* 'батарея центрального отопления', *дәстгаһ-э һәфр* 'буровой аппарат', *дәстгаһ-э хамушконәндә* 'огнетушитель', *дәстгаһ-э зәбт-э соут* 'магнитофон', *дәстгаһ-э фәрәстәндә* 'радиопередатчик', *дәстгаһ-э гирәндә* 'приемная радиостанция', *дәстгаһ-э ләһим-э*

бърғи 'электропаяльник'; *туп* 'пушка', 'орудие' — *туп-э элек-трони* 'электронная пушка', *туп-э бордж* 'башенное орудие', *туп-э тйрфиди* 'орудие сопровождения', *туп-э тондкар* 'скоро-стрельное орудие', *туп-э ходроу* 'самоходное орудие', *туп-э дурзйн* 'дальнобойное орудие', *туп-э сйхрайи* 'полевое орудие', *туп-э зэدد-э танк* 'противотанковое орудие', *туп-э зэدد-э һавайи* 'зенитное орудие'; *һаванэйма* 'самолет' — *һаванэйма-йе эктэша-фи* 'самолет-разведчик', *һаванэйма-йе барбйри* 'транспортный самолет', *һаванэйма-йе бомбйфкйн* 'самолет-бомбардировщик', *һаванэйма-йе бимотор* 'планер', *һаванэйма-йе бэндари* 'санитар-ный самолет', *һаванэйма-йе джет* 'реактивный самолет', *һава-нэйма-йе добале* 'биплан', *һаванэйма-йе шекари* 'самолет-истребитель', *һаванэйма-йе мосафэри* 'пассажирский самолет' и т. д.

Самые общие наблюдения над составными терминами, относящимися к разнообразным сферам терминологической системы современного персидского языка, неоспоримо свидетельствуют о том, что подавляющее большинство из них уже образовано или образуется по модели изафетных ФЕ с мотивированным значе-нием.

* * *

В заключение характеристики изафетных ФЕ отметим значи-тельное количество среди них фразеологических калек, представляющих собой буквальный перевод соответствующих фразеологи-ческих словосочетаний из западноевропейских языков (главным образом из французского и английского) и из русского языка: *эйтэсад-э сиаси* 'политическая экономия' (фр. *économie politique*), *йрзэш-е эзафи* 'прибавочная стоимость' (фр. *plus-value*), *йрзэш-е мйсрйфи* 'потребительная стоимость' (фр. *valeur d'usage*), *базар-э омуми* 'общий рынок' (англ. *common market*), *йср-э тй-лайи* 'золотой век' (фр. *l'âge d'or*, англ. *the Golden Age*), *тйб-э тйла* 'золотая лихорадка' (фр. *fièvre d'or*, англ. *gold fever*), *тйб-э зйрд* 'желтая лихорадка' (фр. *fièvre jaune*, англ. *yellow fever*), *фйрар-э мйгзһа* 'утечка умов' (выезд ученых из страны; англ. *brain drain*), *бошке-йе барут* 'пороховая бочка' (фр. *baril de poudre*, англ. *powder keg*), *мосабэгэ-йе тйслиһат* 'гонка воору-жений' (фр. *course aux armements*, англ. *armaments race*), *моса-бэгэ-йе сосйалисти* 'социалистическое соревнование' (из русского), *эйтэсадиййат-э дйстэджйм*'и 'коллективное хозяйство' (из рус-ского), *эйтэсадиййат-э энфэради* 'единоличное хозяйство' (из русского) и т. д.

Наряду с полными фразеологическими кальками, в которых компоненты представлены персидскими или арабскими словами⁶, в персидском языке получили распространение фразеологические

⁶ В данном случае арабские заимствования, которые глубоко проникли в лек-сическую систему персидского языка, не противопоставляются чисто персидским словам. При калькировании слов и словосочетаний из западноевропейских языков одинаково используются и персидские, и арабские слова.

гибриды (полукальки), в которых один из компонентов выражен европейским заимствованием, а другой компонент представляет собою буквальный перевод европейского слова, например: *физик-е һәстэ* 'ядерная физика' (фр. physique nucléaire), *карт-э дә'вәт* 'пригласительный билет' (фр. carte d'invitation), *мәһз-э электроники* 'электронный мозг' (фр. cerveau électronique, англ. electronic brain), *синэма-йе самэт* 'немое кино' (фр. sinema muet).

Что касается принадлежности фразеологических калек и полукалек к той или иной из рассмотренных выше семантических групп, то наибольшее количество составляют ФЕ с полностью мотивированным значением (*ноһтэ-йе нәзәр* 'точка зрения', *базар-э омуми* 'общий рынок', *энзәлаб-э сән'әти* 'промышленная революция', *мәләке-йе зибайи* 'королева красоты', *һәстэ-йе рәһ-бәри* 'руководящее ядро', *эһтэсадийәт-э дәстәдҗәм'и* 'коллективное хозяйство'); встречаются также ФЕ с немотивированным значением (*бошке-йе барут* 'пороховая бочка', *фәрар-э мәһһә* 'утечка умов', *сәнг-е ләһзәш* 'камень преткновения') и частично мотивированным значением (*пол-е һәвайи* 'воздушный мост', *мәһз-э электроники* 'электронный мозг', *дҗәйнг-е сәрд* 'холодная война', *мосабәһ-йе тәслиһат* 'гонка вооружений'). Причем семантические отношения между компонентами калькированных фразеологизмов, как правило, бывают уже определены в том языке, из которого заимствуется фразеологизм.

ПРЕДЛОЖНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

ФЕ, названные предложными, имеют структуру «имя+предлог+имя». По сравнению с рассмотренными выше изафетными ФЕ предложные фразеологизмы имеют меньшее распространение в языке и менее разнообразны с точки зрения семантической структуры словосочетаний, хотя, как известно, предлоги обладают большими возможностями для выражения различных отношений между словами, чем изафет.

В качестве средства грамматической связи компонентов данного вида именных ФЕ наиболее часто используются основные предлоги *бә* 'в', 'к', 'на', *дәр* 'на', 'в', *әз* 'из', 'от', *ба* 'с': *дәһан бә дәһан* 'из уст в уста', *дәст бә гәрдән* 'в обнимку', 'обнявшись', *нәфй дәр нәфй* 'отрицание отрицания', *тәвәһгәоф дәр тә'дийе* 'некредитоспособность', 'неплатежеспособность', *дәфа әз ход* 'самозащита', 'самооборона', *тирәндази ба нәшанәгири* 'прицельная стрельба', *тәмасс ба дошмән* 'соприкосновение с противником' и т. д. Количество ФЕ, в которых встречаются другие основные предлоги, весьма невелико.

Отыменные предлоги, обладающие более конкретным значением по сравнению с основными предлогами, встречаются реже в составе именных ФЕ: *тәрһ-э ру-йе аб* 'несбыточные мечты', 'нереальные планы', *хэдмәт-э зир-э пәрчәм* 'действительная военная служба', 'срочная служба', *маск-е зәдд-э газ* 'противогаз', *тофәнг-е бәдун-э әдәбнәшини* 'безоткатное ружье', *туп-э зәдд-э*

танк 'противотанковое орудие', *туп-э зэдд-э һавайи* 'зенитное орудие' и т. д. При этом отыменным предлогам в составе ФЕ обычно предшествует изафет, так что возникает изафетно-предложная связь, свидетельствующая о более тесной спаянности компонентов.

Предложная связь накладывает определенный отпечаток на лексемный состав этих ФЕ. В качестве стержневого компонента чаще всего используются имена существительные, но встречаются также прилагательные ФЕ, в которых стержневым компонентом является прилагательное или причастие (чаще всего арабское), например: *хали ай һәмэчиз* 'без обиняков', 'напрямик', 'откровенно', *дур ай зэһн* 'трудный для понимания', *моғәддәм-э бәр һәр чиз* и *моғәддәм-э бәр һәмэ* 'раньше всего', 'прежде всего', *мәсун ай хәта* 'не совершающий ошибок', 'непогрешимый', *мәдрун-э бә һәйгәт* 'близкий к истине', 'похожий на правду'. Прилагательные и причастия, выступающие в роли стержневого компонента, подобно некоторым именам действия, «требуют» употребления после себя определенных предлогов, например: *хали* 'свободный (от чего — ай)', 'лишенный (чего — ай)', *дур* 'далекий (от чего — ай)', 'несовместимый (с чем — ай)', *мәдрун* 'близкий (к чему — бә)', 'сопутствующий (чем — бә)'.

Если в качестве первого компонента предложных ФЕ помимо существительных могут быть использованы прилагательные или причастия, то в роли второго компонента предложная связь допускает употребление только имен существительных или слов, выступающих в субстантивной функции. В связи с этим сочетания-повторы *зуд-бә-зуд* 'часто', *дир-бә-дир* 'редко', 'изредка', 'иногда', 'время от времени' и *дэраз-бә-дэраз* 'вытянувшись', 'лежа', в которых повторяются прилагательные *зуд* 'ранний', *дир* 'поздний' и *дэраз* 'длинный', 'долгий', являются образованиями несинтаксического и нефразеологического характера, которые следует рассматривать как сложные слова с интерфиксом *бә*.

Несмотря на сравнительно небольшое общее количество предложных ФЕ, отмеченные выше три вида фразеологического значения наблюдаются и у предложных ФЕ.

Предложные ФЕ с немотивированным значением характеризуются утратой лексических значений не только у компонентов, но и у предлогов: *йәрн-и бә йәрн-и* 'очень редко', 'изредка' (букв. 'век в век'), *эһалә бә моһал* 'выдвижение заведомо невыполнимого условия' (букв. 'передача в невозможное'), *чекмә бә гәрдән* 'прося прощения', 'извиняясь' (букв. 'сапоги на шее'), *дәст бә гәрдән* 'в обнимку', 'обнявшись' (букв. 'руки на шее'), *дәст бә синз* 'покорно', 'смирненно' (букв. 'руки на груди') и т. д.

В основе общего значения некоторых ФЕ лежит образное переосмысление значений компонентов, например: *тәрһ-э ру-йе аб* 'несбыточные мечты', 'нереальные планы' (букв. 'план, чертеж на воде'), *мар-э дәр пираһән* 'змея в рубашке' (о скрытом, замаскированном враге из ближайшего окружения).

В предложных ФЕ с частично мотивированным значением об-

щее значение мотивируется либо стержневым компонентом (напр., *э'тэмад-э бэ нәфс* 'уверенность в себе' — *нәфс* 'душа', 'личность', 'человек', *тәлгін бэ нәфс* 'самовнушение', *хэдмәт-э зир-э нәрчәм* 'действительная военная служба'), либо вторым компонентом (напр., *тәнафор-э дәр хоруф* 'частое повторение одного из звуков или слогов, затрудняющее произношение', букв. 'взаимное отвращение звуков', *тәейзгоф дәр тә'дийе* 'некредитоспособность', 'неплатежеспособность', букв. 'остановка, задержка в уплате').

В предложных ФЕ с общим мотивированным значением все компоненты сохраняют лексические значения, однако между фразеологическим значением и суммой компонентов в большинстве случаев нет простого равенства. Общее значение таких словосочетаний бывает шире того значения, которое непосредственно вытекает из значений компонентов. Кроме того, компоненты в составе ФЕ получают специализацию в связи с постоянным обозначением одних и тех же предметов и явлений, что обычно не отражается в их лексическом значении, закрепляемом в словарях.

Основную массу предложных ФЕ данной семантической разновидности образуют составные термины, относящиеся к различным отраслям науки и техники, военного дела и т. д.: *туп-э зэдд-э танк* 'противотанковое орудие', *маск-е зэдд-э газ* 'противогаз', *һэфазәт әз тәшә'шо'-э хоршид* 'защита от солнечной радиации', *морәххәси-йе ба һоғуғ* 'оплачиваемый отпуск', 'отпуск с сохранением содержания' и т. д.

Устойчивость предложных ФЕ с мотивированным значением иногда создается постоянным адвербиальным значением таких словосочетаний, возникающим на основе необычного порядка следования компонентов и устойчивого отсутствия предлога перед первым компонентом, например: *дәст бэ әслеһэ* 'с оружием в руках' (букв. 'руки на оружии')⁷, *дәст бэ синэ* 'со сложенными на груди руками' (букв. 'руки на груди')⁸, *сал бэ сал* 'из года в год', 'с каждым годом' (букв. 'год в год'), *нәсл бэ нәсл* 'из поколения в поколение', 'из рода в род' (букв. 'поколение в поколение', 'род в род').

Предложные ФЕ-повторы

Среди предложных ФЕ особо следует выделить повторы — устойчивые бинарные словосочетания, в которых первый и второй компоненты представлены одним и тем же словом (обычно именем существительным). В качестве предлога, соединяющего компонен-

⁷ Устойчивость оборота *дәст бэ әслеһэ* становится особенно очевидной, если сравнить этот оборот с не получившим распространения оборотом *ба әслеһэ дәр дәст*, который, хотя и имеет правильный порядок слов, фактически является искусственным для персидского языка.

⁸ Выше при рассмотрении предложных ФЕ с немотивированным значением отмечалось другое значение ФЕ того же лексемного состава — переносное значение, возникшее на базе прямого значения: 'покорно', 'смирненно'.

ты таких парных сочетаний, чаще всего используется *бэ*. Встречаются также повторы с предлогами *дәр* (*дәст дәр дәст* 'рука об руку', 'рука в руку', *сәфф дәр сәфф* 'ряд в ряд', 'рядами'), *бәр* (*пэдәр бәр пэдәр* 'из поколения в поколение') и *та* (*сал та сал* 'из года в год', *мах та мах* 'из месяца в месяц')⁹. В отдельных случаях допустима замена одного предлога на другой: *пошт бэ пошт* и *пошт дәр пошт* 'от отца к сыну', 'из поколения в поколение', 'непрерывно', 'друг за другом', *дәһан бэ дәһан* и *дәһан та дәһан* 'из уст в уста', *сал бэ сал* и *сал та сал* 'из года в год', 'с каждым годом'.

Общее значение сочетаний-повторов в зависимости от утраты или сохранения значения повторяющимся компонентом бывает мотивированным или немотивированным.

Повторы с мотивированным значением подразделяются на два вида:

1. Сочетание обозначает постепенное и последовательное проявление временного значения, присущего одному слову: *руз бэ руз* 'изо дня в день', *сайт бэ сайт* 'час от часу', *мах бэ мах* 'из месяца в месяц', *ан бэ ан* 'каждый миг', 'ежеминутно', *дәф'э бэ дәф'э* 'каждый раз', 'раз за разом', 'время от времени' и т. д.

2. Сочетание имеет обстоятельственное значение, характеризующее способ объединения предметов: *дәжофт бэ дәжофт* 'парами', 'попарно', *гәлле бэ гәлле* 'стадами', 'табунами', 'стаями'. Последнее значение чаще выражается беспредложными повторами: *дәжофт дәжофт* 'парами', *дәстэ дәстэ* 'группами', 'отрядами'¹⁰.

Особая роль предлога *бэ* и постоянная адвербиальная функция его накладывают специфический оттенок на общее значение такого рода словосочетаний. Вместе с тем общее значение таких словосочетаний может быть приблизительно предсказано, подобно тому как предсказывается значение моделированных образований.

Повторы с немотивированным значением встречаются реже и представляют собой характеристику действия с точки зрения интенсивности его протекания, последовательности, постепенности и периодичности: *му бэ му* 'подробно', 'детально', 'тщательно', 'скрупулезно' (букв. 'по волоску'), *до бэ до* 'с глазу на глаз', 'один на один' (букв. 'по два'), *сәбил бэ сәбил* 'наедине', 'вдвоем' (букв. 'ус в ус'), *пэдәр бәр пэдәр* 'из поколения в поколение', *дәһан бэ дәһан* 'из уст в уста', *дәст бэ дәст* 'из рук в руки', 'рука об руку', 'рука в руку', *дәрәдҗе бэ дәрәдҗе* 'постепенно', 'мало-помалу', 'понемногу'.

⁹ А. Хомаюн-Фаррох отмечает, что в языке классического периода встречались повторы с общим временным значением, в которых в качестве соединительного элемента использовалось определительное местоимение *һәмэ* 'весь', 'вся', 'все', 'каждый': *шәб һәмэ шәб* 'всю ночь', 'все ночи', *руз һәмэ руз* 'весь день', 'все дни' [132, с. 572].

¹⁰ Подобного рода беспредложные повторы рассматриваются на с. 94 наст. изд.

Все рассмотренные выше ФЕ-повторы с предложениями (и с мотивированным, и с идиоматическим значением) по характеру выражаемого адвербиального значения могли бы быть отнесены и к сложным словам, если бы не отличались от последних своей просодической структурой — каждый компонент сохраняет самостоятельное ударение, между компонентами соблюдаются паузы, как между частями свободных и устойчивых словосочетаний. Нельзя не отметить также близость этих сочетаний, особенно повторов с мотивированным значением, по грамматической направленности значения и по способу образования этого значения к аналитическим конструкциям.

К сложным словам следует отнести повторы, которые допускают замену предлога на соединительный *a* (*ä*леф-э *эттэсал* 'связочный алеф'), являющийся типичным средством словообразования: *пэйдäрпэй* ↔ *пэйалэй* 'последовательно', 'непрерывно', 'последовательный', 'непрерывный', *дäмбэдäм* ↔ *дäмадäм* 'постоянно', 'беспрерывно', 'ежеминутно', 'с каждой минутой', *сäртасäр* ↔ *сäрасäр* 'весь', 'все', 'на протяжении', 'от начала до конца'. В этих сочетаниях предлог превратился в словообразовательный интерфикс. Таким сочетаниям часто свойственно не только адвербиальное, но и адъективное значение, что свидетельствует также об их большей семантической слитности.

Не менее трудно провести границы между рассматриваемыми ниже копулятивными ФЕ и ФЕ с примыкающей связью, с одной стороны, и сходными с ними по составу и структуре сложными словами — с другой.

КОПУЛЯТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

Копулятивные ФЕ и сложные слова с интерфиксом о

К копулятивным ФЕ мы относим устойчивые бинарные сочетания слов, принадлежащих к одному грамматическому ряду. В качестве связующего элемента этих словосочетаний используется сочинительный союз *vä/o* 'и', произносимый обычно в составе фразеологизмов как *o*¹¹. Такое произношение сочинительного сою-

¹¹ Копулятивные фразеологизмы — термин, не вполне соотносительный с термином «копулятивные сложные слова», используемым в иранистике. Последний употребляется для обозначения таких сложных слов, в которых семантически равноправные части объединяются не только интерфиксом *o* (или его фонетическими вариантами *э*, *во*, *йо*), но и интерфиксом *a* (или его вариантом *ва*) и другими или соединяются совсем без интерфикса: *шостошу* и *шостэшу* 'мытьё', 'умывание', 'стирка', *гофтогу* и *гофтэгу* 'разговор', *зäнашуйи* 'женитьба', *рäнгарäнг* и *рäнгварäнг* 'разноцветный', 'пестрый', *гирäгир* 'схватка', 'стычка', *шостэворофтэ* и *шостэрофтэ* 'почищенный', 'прибранный', 'чистый', 'опрятный', *рäфтэрäфтэ* 'постепенно', *шоторморä* 'страус' и т. д. Для копулятивных ФЕ весьма существенным является наличие формального показателя связи — союза *o*. Замена этого союза на другой вид связи влечет за собой переход данной разновидности именных ФЕ в другую разновидность.

за в персидском языке свидетельствует о тесном сцеплении объединяемых слов. Не случайно в персидских грамматиках этот вариант союза *vā* называется *vav-э эстэ́раб* 'соединительный вав' (букв. 'вав сближения').

Выделение копулятивных ФЕ связано с большими трудностями структурно-семантического и лексико-семантического порядка. Главной проблемой копулятивных ФЕ является отграничение этих единиц от сложных слов аналогичной структуры¹². До сих пор не найдены четкие формальные критерии, которые позволяли бы отграничивать одни единицы языка от других. Это весьма усложняет лексикографическую разработку такого рода единиц и приводит к большим противоречиям при подаче их в различных словарях персидского языка. Пожалуй, не существует столько противоречий при подаче ни одного из типов сложных слов и сходных с ними по структуре устойчивых словосочетаний, сколько можно обнаружить их при фиксации в словарях сложных слов с интерфиксом *o* и копулятивных ФЕ¹³. Вот почему в данном разделе подвергаются анализу как те, так и другие единицы языка.

Как известно, в синтаксисе копулятивный (сочинительный) вид связи выражает такие отношения, при которых сочетаемые элементы выступают как синтаксически равноправные и отсутствует зависимость одного члена от другого. В связи с этим возникает вопрос о правомерности отнесения к словосочетаниям сочинительных соединений слов, поскольку они не являются результатом распространения одного полнозначного слова другим, в них нет главного и распространяющего членов. В отличие от подчинительных словосочетаний они в меньшей степени способны выступать в номинативной функции и сближаться со словом. Как справедливо считает Н. Н. Прокопович, «...включение сочинительных сочетаний в отдел синтаксиса, посвященный учению о соединениях слов, не должно заслонять качественного различия между сочинительными и подчинительными сочетаниями, специфики тех и других, резко их разграничивающей» [70, с. 18].

В. В. Виноградов, рассматривая разные виды сочинительных связей слов в русском языке, пришел к выводу, что «понятие сочинительных, или однородных, словосочетаний вырастает на почве смешения словосочетаний и так называемых однородных членов предложения, на почве общего неразграничения словосочетания и предложения» [30, с. 42]. Вместе с тем В. В. Виноградов считает возможным сохранить термин «сочинительные словосочетания» за парными сочетаниями слов, принадлежащими к одной и той же части речи: *отец и мать (родители), день и ночь*

¹² Актуальность проблемы разграничения сложных слов копулятивного типа и соответствующих ФЕ для языка дари отмечает Л. Н. Киселева [42, с. 99].

¹³ К сожалению, правила письменности персидского языка не способствуют отграничению сложных слов от устойчивых словосочетаний, поскольку наблюдается и слитное, и раздельное написание сложных слов [84, с. 153].

(сутки), муж и жена, униженные и оскорбленные, отцы и дети и т. п. Такие сочетания подверглись лексико-семантической стабилизации и употребляются в номинативной функции [30, с. 42].

Л. С. Пейсиков, полностью разделяя точку зрения В. В. Виноградова на природу сочинительных словосочетаний, отмечает большое количество стабилизировавшихся парных сочетаний типа *отец и мать (родители)* в персидском языке и приводит примеры на объединение двух синонимов (*сә'й-йо кушеш* 'старание', *фэшар-о тәзййғат* 'репрессии'), несинонимичных пар (*зәйн-о фәрзәнд* 'жена и дети', 'семья'), двух антонимов (*һазэр-о ғайеб* 'поверка', 'переключка') [62, с. 29]¹⁴.

Объединение в паре синонимов — персидского и арабского слова (*сазэшкар-и-йо мосамэнэ* 'компромисс', *сост-о зәйф* 'слабый', *вазэһ-о ашекар* 'ясный', *сә'й-йо кушеш* 'старание', *рәһ-бәр-о ғазд* 'вождь') или двух слов арабского происхождения (*һазм-о тәртиб* 'порядок', *һәлл-о фәсл* 'решение', *манэ-о мәһ-зур* 'препятствие') — Л. С. Пейсиковым справедливо рассматривается как стилистический прием, используемый многими иранскими авторами в целях усиления, подчеркивания выражаемого понятия¹⁵.

Вместе с тем Л. С. Пейсиков отмечает другую группу парных сочетаний, которые благодаря процессу лексикализации приобрели ряд признаков сложного слова: *дәжедд-о-дәжәһд* 'старание', *аб-о-һәва* 'климат', *һәм-л-о-һәғл* 'транспорт', *һазэр-о-ғайеб* 'поверка', *мәрз-о-бум* 'территория' и т. д. К числу признаков, свидетельствующих о переходе сочетания в сложное слово, относятся: произнесение союза *вә* как *о* (в словосочетаниях союз произносится факультативно либо как *вә*, либо как *о* — *сазэшкар-и-йо мосамэнэ* или *сазэшкар-и вә мосамэнэ* 'соглашательство'), цельнооформленность, единое ударение, идиоматичность [62, с. 30].

В более поздней работе «Очерки по словообразованию персидского языка» Л. С. Пейсиков устанавливает основные группы сложных слов копулятивного типа [64, с. 160—163].

В связи с рассмотрением копулятивных ФЕ остановимся на тех разновидностях сложных слов с интерфиксом *о*, которые на основании своей внутренней структуры и акцентной характеристики более или менее четко отграничиваются от фразеологизмов. При этом, как нам представляется, главным показателем для отнесения к сложным словам копулятивного типа, а не к фразеологизмам служит лексико-семантическая, синтаксическая и фонетическая несамостоятельность одной или обеих частей таких сочетаний. На этом основании можно выделить четыре основные группы сложных слов.

¹⁴ Проблема устойчивости и единства копулятивных сочетаний стоит перед исследователями других языков, например немецкого [60, с. 392—395].

¹⁵ Широкое использование парных сочетаний слов-синонимов в языке пушту отмечает Н. А. Дворянков [31, с. 65].

1. Сочетания, одна или обе части которых лишены лексико-семантической и синтаксической самостоятельности, представлены следующими подгруппами:

(1) Звукоподражательные образования, части которых всегда употребляются вместе: *хяшофайш* 'шорох', *хартопурт* 'крик', *шяртошурт* 'галдеж', *шелешошолуп* 'плеск', 'всплеск'.

(2) Образования, первый компонент которых является самостоятельным словом, а второй — аллитерирующим элементом: *тй-котук* 'разрозненно', 'редко', 'изредка', *галомайгал* 'шум', 'гвалт', *шикопик* 'шикарный', 'роскошный', *сахтопахт* 'сговор', 'делка', *айхмотайхм* 'нахмуривание', *нэртонэрт* 'беспорядок', 'хаос', *назонуз* 'ломанье', 'кривлянье', 'чванство'.

(3) Образования, представляющие собой комбинации основ настоящего и прошедшего времени глаголов: *гиродар* 'схватка', 'бой', *рофторуб* 'подметание', *похтонайз* 'варка', 'готовка', *джембоджуш* 'возбуждение', 'волнение'¹⁶.

(4) Образования, состоящие из соединения существительных или прилагательных с морфемами, лишенными лексико-семантической самостоятельности: *майргомир* 'повальная смерть', 'мор', 'смертность', *хойлохойш* 'окрестности', 'предместья', *дджертогуз* 'нахал', *айрзогуле* 'мелкие долги', *вэленговаз* 'мешковатый', 'беспечный', 'распахнутый'.

2. Сочетания, представляющие собой несинтаксическое и нефразеологическое объединение глагольных словоформ, включают две подгруппы:

(1) Образования, состоящие из императивных форм от разных или одинаковых глаголов: *бэризобэпас* 'беспорядок', 'мотовство', 'расточительство', *кайджаромайриз* 'умеренно', 'осторожно', 'коекак', 'с грехом пополам', *бийавобороу* 'толкотня', 'столпотворение', 'хождение туда и обратно', *бэзайнобэкуб* 'бурное веселье', *бэхоронаймир* 'ничтожный', 'скромный', 'скудный' (о пище), *кармайкап* 'участок земли, половина которого засеивается, а половина остается под паром до будущего года'.

¹⁶ Приведенные примеры вследствие несамостоятельности объединяемых глагольных основ без всякого сомнения относятся к сложным словам. В том же случае, когда основы глаголов имеют самостоятельное значение и употребляются субстантивно, для отнесения образованных на основе их объединения сочетаний к сложным словам требуются дополнительные показатели, подтверждающие их отдельность и самостоятельность. Так, сочетание *хайридофоруш* 'торговля', 'купля-продажа' (*хайрид* — основа прош. вр. → существительное 'покупка', 'купля' и *форуш* — основа наст. вр. → существительное 'продажа') и *джайстохиз* 'прыжок', 'скачок' (*джайст* — основа прош. вр. → существительное 'прыжок', 'скачок' и *хиз* — основа наст. вр. → существительное 'прыжок', 'скачок') рассматриваются обычно как сложные слова на основании следующих признаков: невозможность замены соединительного *о* на союз *вай*, необратимость компонентов, единая акцентная структура и т. д. Но и эти показатели, как будет показано ниже, не имеют универсального характера, вследствие чего не во всех случаях могут оказать помощь в разграничении сложных слов и фразеологизмов.

(2) Образования, состоящие из двух основ прошедшего времени разных глаголов: *рәфтоамәд* 'движение', 'хождение', *зәдохорд* 'стычка', 'драка', 'бой', *дадосәтад* 'торговля', *гофтошенид* 'разговор', 'беседа', 'диалог', *нәшәстобәрхаст* 'общение', 'знакомство'.

Несинтаксичность обеих подгрупп сочетаний обнаружить довольно легко: они обладают акцентной структурой, свойственной сложным словам (главное ударение падает на последний слог второй словоморфемы), и четко противостоят союзным соединениям двух глаголов-сказуемых в форме повелительного наклонения или в формах простого прошедшего времени (3-е л. ед. числа). Общее значение такого рода образований не равняется сумме значений составных частей, а соединительный *о* никогда не заменяется на союз *вә* 'и'.

Рассмотренные обе подгруппы сочетаний отличаются также от фразеологических словосочетаний своей акцентной структурой и составом компонентов. Компоненты именных ФЕ выражаются именными частями речи или словами, выражающими функции именных частей речи. В данных сочетаниях компоненты не обладают ни семантическими, ни грамматическими признаками именных частей речи.

3. К отмеченным двум группам сложных слов примыкают сочетания, в качестве компонентов которых выступают разные части речи: *хабобидар* 'находящийся в полудремотном состоянии', 'переливающийся' (о бархате) (из *хаб* 'сон' и *бидар* 'бодрствующий'), *чешмодәлсир* 'пресытившийся', 'безразличный' (из *чешм* 'глаз' и *дәлсир* 'пресытившийся'), *сутокур* 'тихий', 'грустный', 'печальный' (из *сут* 'свист' и *кур* 'слепой'), *кәтоколофт* 'коренастый', 'приземистый' (из *кәт* 'плечо', 'лопатка' и *колофт* 'толстый'), *кәмоқәср* 'недостаток', 'нехватка' (из *кәм* 'мало' и *кәср* 'дефицит', 'недостача'). Несинтаксический и нефразеологический характер соединения компонентов дает все основания относить такие сочетания к сложным словам.

4. Особо следует остановиться на сочетаниях, в которых соединительный *о* может быть заменен на интерфикс *а* или совсем опущен. Такие образования, даже если они объединяют компоненты, имеющие лексико-семантическую самостоятельность, есть все основания рассматривать как сложные слова. Рассмотрим два случая:

(1) Образования, допускающие замену *о* на интерфикс *а*, являющийся типичным средством словообразования, относятся к сложным словам: *кәмобиш* ↔ *кәмабиш* 'более или менее', *пәсопиш* ↔ *пәсапиш* 'предпосылки и последствия', 'взад и вперед', *тәкопу* ↔ *тәкапу* и *тәкодоу* ↔ *тәкадоу* 'беготня', 'хлопоты', 'старания'.

(2) Образования, в которых соединительный *о* может быть опущен, также следует рассматривать как сложные слова, поскольку отсутствие связки между компонентами — показатель не-

синтаксического и нефразеологического их объединения¹⁷: *тарикорушайн* ↔ *тарикроушайн* 'сумерки', *шостэворофтэ* ↔ *шостэрофтэ* 'почищенный', 'прибранный', 'чистый', *дадобидад* ↔ *дадбидад* 'шум', 'скандал', *сурахосомбэ* ↔ *сурахсомбэ* 'уголки и закоулки', 'глухое место', *мързобум* ↔ *мързбум* 'страна', 'край', 'территория', *шоторогорбэ* ↔ *шоторгорбэ* 'две противоположности', 'две несовместимые вещи', *назэрогайеб* ↔ *назэргайеб* 'поверка', 'перекличка'.

В обоих рассмотренных выше случаях основанием для отнесения сочетаний к сложным словам копулятивного типа служит чередование связки *о* с интерфиксом *а* или с «нулем связки», т. е. со средствами, не характерными ни для синтаксиса, ни для фразеологии.

Мы перечислили разные типы сложных слов с интерфиксом *о*, обладающие признаками отдельного слова, для того чтобы более четко выявить те структурные модели сложных слов и ФЕ, разграничение которых представляет большие трудности и вызывает споры между специалистами.

О некоторых формальных критериях разграничения сложных слов и копулятивных ФЕ

Особо следует остановиться на образованиях, части которых, объединенные соединительным *о*, представлены одинаковыми частями речи — чаще всего существительными или прилагательными, например: *на́г-о энтэ́гал* 'перемещение', 'транспортировка', *хаб-о хийал* 'иллюзия', *на́м-о на́г* 'транспорт', 'транспортировка', 'перевозка', *дур-о дэраз* 'длинный', 'многословный', 'долгий', *та́р-о та́миз* 'чистый', 'опрятный', 'очень свежий'. Именно при анализе подобного рода сочетаний возникают главные трудности отграничения интерфиксальной связи в копулятивных сложных словах от союзной связи в устойчивых словосочетаниях.

Л. С. Пейсиков, анализируя два сочетания — *зо́умохиш* 'родственник' и *ша́б-о руз* 'все время', 'постоянно', приходит к выводу, что первое является сложным словом, а второе — фразеологизмом. Основанием для такого разграничения служит то, что в первом случае замена «связки» *о* на союз *ва́* и перестановка компонентов совершенно исключаются. Кроме того, интерфикс *о* может подвергаться фонетической деформации, превращаясь в *э* (*зо́умохиш* → *зо́умэхиш*). Во втором случае допускается замена *о* на *ва́*, а также перестановка компонентов, хотя, как отмечает

¹⁷ Иногда отсутствие соединительного *о* становится постоянным признаком сложного слова. Например, слово *афтабэла́гын* 'кувшин и таз' (для мытья рук до и после еды) в современном языке употребляется всегда без интерфикса *о* и поэтому, несмотря на то что каждая часть сохраняет свое значение, его целостность и неделимость не вызывают сомнений.

Л. С. Пейсиков, «и первое и второе имеют некоторые стилистические изъяны» [64, с. 168].

Приведенные выше рассуждения представляют интерес как попытка найти объективные критерии для разграничения сложных слов и фразеологизмов, части которых объединены связкой *о*. И все же эти критерии пока еще нельзя признать универсальными по следующим причинам:

1. Совершенно справедливо отмечен тот факт, что в типичных сложных словах интерфикс *о* никогда не произносится как *вā*. Но и во многих копулятивных ФЕ замена *о* на *вā* практически также невозможна, ибо она будет иметь чисто искусственный характер. Например, такие устойчивые словосочетания, как *Шир-о хоршид-э сорх* 'Красные лев и солнце' (название организации Красного Креста в Иране), *фил-о фэнджан* 'две несопоставимые вещи', *эмруз-о фārда* 'в ближайшие дни', 'вскоре', *шāб-о руз* 'днем и ночью', 'все время', 'постоянно', *кузэ-во ришпāһн* 'абсолютно несовместимые вещи', 'явное противоречие', в живой речи всегда произносятся с *о*. Примеры:

Сохāнан-āш һāмэ кузэ-во ришпāһн āст (АФ, с. 471) 'Все его слова — сплошное противоречие'.

Шāб-о руз дāр раһ-э сārболāнди-йе Иран тāлаш кārдāнд (X, 45, с. 7) 'Они непрестанно прилагали усилия во имя славы и величия Ирана'.

Даже в тех случаях, когда происходит распад ФЕ, произнесение сочинительного союза как *о* нередко сохраняется, например:

Кāсан-и-ке чāнд шāб-о руз-э мотāвали бэдун-э эстэраһāt сārғāрм-э дoмар вā йа кар-э модавэм вā порзāһмāt мибашāнд нās āз моддāt-и āз пай дāр миайāнд (X, 45, с. 37) 'Те, кто подряд несколько дней и ночей без отдыха играют в азартные игры или непрерывно заняты изнурительной работой, через некоторое время выходят из строя'.

В данном предложении сочетание *шāб-о руз* 'ночь и день' имеет явно неустойчивый характер, поскольку объединяемые слова сохраняют свои лексические значения и имеют при себе зависимые члены — *чāнд* 'несколько' и *мотāвали* 'непрерывный'. В связи с этим допустимо произнесение сочинительного союза не только как *о*, но и как *вā*, хотя последний вариант и в этом случае является менее распространенным.

Возможность произнесения соединительного союза одновременно как *о* и как *вā* может свидетельствовать о недостаточной фонетической слитности между компонентами. Но во всех ли случаях фразеологического объединения компонентов мы можем указать на возможность замены *о* на *вā*? К сожалению, в большинстве случаев не удастся точно и объективно ответить на этот вопрос, а словари не отражают произношения фразеологизмов. Самые общие наблюдения показывают, что фонетический вариант *вā* чаще коррелирует с *о* тогда, когда на месте первого компонента находится двух- или трехсложное слово и компонен-

ты словосочетания сохраняют свои лексические значения. В случае замены *о* на *вā* произношение словосочетания приобретает более книжный характер и относится к высокому стилю, а значение каждого компонента выступает более отчетливо и рельефно. Необходимы дальнейшие наблюдения в этом направлении.

Таким образом, формальный критерий, выражающийся в возможности/невозможности замены *о* на *вā*, не может быть использован как универсальное средство при разграничении сложных слов и фразеологизмов.

2. Одним из показателей фразеологичности тех или иных сочетаний слов является устойчивость их синтаксической структуры. Перестановка компонентов может привести к распаду ФЕ.

Большую роль в создании устойчивости структуры персидских копулятивных ФЕ играют эвфонические средства. М. Шаки отмечает явления эвфонии во многих сочетаниях, части которых объединяются связкой *о*. Он, в частности, указывает на постановку более короткого компонента (обычно односложного) перед сочетанием (*кар-о кушеш* 'старание', 'усилие', 'попытка', *һāгг-о һāггидāt* 'правда', 'истина', *дур-о дэраз* 'длинный', 'долгий', *кусэ-во ришпāһн* 'абсолютно несоместимые вещи', 'явное противоречие'), отмечает явления аллитерации (первый и второй компоненты начинаются с одинакового звука: *кās-о кар* 'родные и знакомые', 'родственники', *сәнн-о сал* 'возраст', *сār-о сāда* 'шум', *кар-о кушеш*, *һāгг-о һāггидāt*), рифмы (*хāстэ-во мандэ* 'уставший', 'измученный', *аб-о таб* 'великолепие', 'напыщенность', 'высокопарность', *сār-о сāда*) [118, с. 70—73].

И все же в отдельных случаях перестановка компонентов бывает возможной. Однако изменения порядка следования компонентов, наблюдаемые в некоторых ФЕ, носят вариантный характер и не нарушают тождества, например: *эйаб-о зāһаб* и *зāһаб-о эйаб* 'хождение туда и обратно', 'движение (по дорогам)', 'прибытие и отбытие', *амм-о хасс* и *хасс-о амм* 'знатный и плебей', 'все', 'весь народ', *шиб-о фāраз* и *фāраз-о шиб* 'подъем и спуск', 'спад и подъем', 'удачи и неудачи'.

В большинстве же случаев копулятивные ФЕ не допускают перестановки своих компонентов: *āһл-о айал* 'семья', 'жена и дети', *джолл-о пāлас* 'тряпье', *хāдām-о һāшām* 'свита', 'приближенные', *зэбр-о зэрāнг* 'шустрый', 'расторопный', 'находчивый', *нāгг-о энтэгал* 'перемещение', 'транспортировка'.

Перестановка компонентов не наблюдается и в менее устойчивых двучленных образованиях с союзом *о* — парных сочетаниях синонимов: *сā'й-йо кушеш* 'старание', 'усилие' (при невозможности *кушеш-о сā'й*), *бāст-о тоусэ* 'развитие', 'расширение', *рошд-о тоусэ* 'рост', 'развитие', *āсл-о нāсāб* 'происхождение', *мāһр-о мāһāббāt* 'любовь', 'дружба', 'расположение', 'доброта', *оўза-во āһвал* 'положение', 'обстановка' и т. д.

В то же время отдельные сложные слова с интерфиксом *о* допускают обратимость лексических морфем; при этом характер отношений между этими морфемами часто не противоречит ха-

рактору отношений между словами на синтаксическом уровне, например: *рѣфтоамѣд* ↔ *амѣдорѣфт* 'движение', 'общение', *додосѣтад* ↔ *сѣтадодад* 'торговля', *аборѣнг* ↔ *рѣнгоаб* 'красота', 'свежесть', 'акварельные краски', 'блеск'.

Интересно отметить, что сочетание *ѣоумохиш* 'родственник', так категорически рассматриваемое Л. С. Пейсиковым как сложное слово [64, с. 168], в словаре М. Моина дается как фразеологизм, допускающий обратимость составляющих. В связи с этим рассматриваемое сочетание приводится дважды с разным порядком следования компонентов: на *хиш*—*хиш-о ѣоум* [131, т. 1, с. 1464] и на *ѣоум*—*ѣоум-о хиш* [131, т. 2, с. 2752]; в первом случае дана ограничительная помета, указывающая на принадлежность сочетания к разговорному стилю, во втором случае никаких помет не дается.

Итак, и копулятивные ФЕ, и сложные слова с интерфиксом *о* в отдельных случаях допускают перестановку компонентов в пределах инвариантности рассматриваемых структур. Вероятно, копулятивные ФЕ допускают чаще изменение позиций компонентов, чем сложные слова, но это не дает права рассматривать обратимость/необратимость составляющих как существенный критерий при разграничении этих структур.

3. Возможность замены соединительного *о* на *э* может рассматриваться как дополнительный признак, свидетельствующий о переходе сочетаний, допускающих такую замену, в разряд сложных слов. Но во всех ли случаях возможность замены *о* на *э* — свидетельство наличия сложного слова, а не ФЕ?

М. Шаки, который обратил внимание на возможность фонетической деформации интерфикса *о*, отмечает случаи замены *о* на *э* только в сложных словах, образованных сочетанием основ прошедшего и настоящего времени от одного и того же глагола: *гофтогу* ↔ *гофтэгу* 'разговор', *ѣжостобѣжу* ↔ *ѣжостэѣжу* 'поиски', *шостошу* ↔ *шостэшу* 'стирка' [117, с. 61]. Количество слов, допускающих деформацию интерфикса *о* в *э*, весьма невелико.

Приводимый М. Шаки единственный пример на переход соединительного *о* в *э* при объединении двух имен — *ханоман* ↔ *ханэман* 'имущество', 'достояние' [117, с. 60] фактически является иллюстрацией исторического развития этого слова и превращения его составных частей из самостоятельных слов в лексические морфемы, поскольку в современном языке они утратили лексическую и семантическую самостоятельность. *Хан* 'дом' выступает как именная производящая основа, участвующая в образовании ряда слов (напр., *ханэ* 'дом', *ханэгаһ* 'обитель дервишей', 'жилище', *ханэдан* 'династия', 'семейство'), а *ман* 'дом' превратилось в суффиксальную морфему; ср. другие слова, в которые вошла эта морфема: *дудэман* 'семья', 'род', *кештман* 'нива', 'плантация', *гѣрзман* 'небо'.

Несколько иначе обстоит дело, когда допускается замена соединительного *о* на *э* в сочетаниях, объединяющих именные компоненты, обладающие лексико-семантической самостоятельностью

стью. В этом случае возникает вопрос: не является ли замена *o* на *э* выражением другой грамматической связи между компонентами фразеологизма, т. е. не происходит ли замена союзной связи на изафетную? Например, в таком сочетании, как *гандомнма-во джоуфоруш* 'обманщик', 'двурушник', 'лицемер' (букв. 'показывающий пшеницу, а продающий ячмень'), фразеологическая природа которого не вызывает сомнения, сочинительная связь может быть заменена на изафетную: *гандомнма-йе джоуфоруш*. Видимо, аналогичное чередование средств связи можно наблюдать и в ФЕ: *доур-о тасалсол* ↔ *доур-э тасалсол* 'замкнутый круг', 'заколдованный круг' (из *доур* 'круг' и *тасалсол* 'непрерывность', 'повторяемость'), *бад-о борут* ↔ *бад-э борут* 'высокомерие', 'тщеславие', 'мужское достоинство' (из *бад* 'дуновение', 'опухоль', 'воспаление' и *борут* 'усы').

Вполне возможно, что и в сочетании *гоум-о хиш* замена соединительного *o* на *э* (*гоум-э хиш*) есть результат изменения грамматической связи между компонентами. Семантика компонентов не противоречит возможности объединения их между собой, и они могут входить как в атрибутивное, так и в сочинительное словосочетание: *гоум* 'народ', 'племя', 'родственник', *хиш* 'свой', 'родственник'.

К сожалению, вопрос о переходе *o* в *э* с фономорфологической точки зрения изучен еще слабо, а персидские словари фиксируют, как правило, композиты только с интерфиксом *o*.

Таким образом, попытка использовать некоторые формальные приемы для разграничения сложных слов и фразеологизмов, части которых связываются соединительным *o*, в наиболее трудных случаях пока не дает надежных результатов. И причина этого заключается не столько в несовершенстве применяемых методов, сколько в противоречивости и нечеткости самих средств выражения исследуемых явлений языка.

Что касается морфологических показателей, используемых обычно для показа цельнооформленности сложных слов и раздельнооформленности ФЕ, то они не могут служить релевантными критериями, поскольку копулятивные ФЕ оформляются суффиксами множественного числа, получают артикль, подобно словам, т. е. в грамматическом отношении оказываются цельнооформленными: *суд-о зийанһа* 'прибыль и убытки', 'плюсы и минусы', *хаб-о хийалһа* 'иллюзии', *туп-о тайшарһа* 'ругань', 'брань' и т. д. Причем морфологическая цельнооформленность в персидском языке характерна не только для копулятивных ФЕ, но и для различных парных сочетаний слов, объединяемых союзом *o*¹⁸. Например:

Мадар пулһа-ййаш-ра бордэ ту-йе сурах-о соғбэна гайем кәррэ аст (АШ, с. 286) 'Мать свои деньги уносила и прятала в щелях'.

¹⁸ Групповое оформление слов характерно не только для персидского языка, но и для ряда других иранских языков, например, для таджикского, ягнобского, язгулямского, ишкашимского, гилянского.

В приведенном примере показатель множественного числа *ha* употреблен после второго синонима *soǰbā* 'дыра', 'щель'.

При разграничении сложных слов и фразеологизмов обращается внимание также на просодические и семантические особенности тех и других единиц.

В просодической структуре сложных слов с интерфиксом *o* и копулятивных ФЕ много общего, что объясняется особенностями произношения соединительного *o*, который сближает обе части. Эта связка произносится всегда слитно с предшествующим компонентом не только в сложных словах и фразеологизмах, но и в свободных парных сочетаниях. Вместе с тем в просодической структуре разграничиваемых единиц можно обнаружить некоторые отличия.

Слитному произношению обеих частей сложных слов способствует их акцентная структура — главное ударение падает на последний слог второй части слова: *hazǰrōgāyeb* 'поверка', *rāǰftomāyōd* 'движение', *kāmobīsh* 'более или менее'.

В копулятивных ФЕ после связки *o*, как и в свободных парных сочетаниях, может возникнуть пауза, свидетельствующая о фонетической раздельноформленности объединяемых частей. Однако, как показывают наблюдения, в частности наблюдения над произношением дикторов радио и телевидения, в потоке речи эта пауза исчезает. Особенно это заметно в тех сочетаниях, в которых первый компонент выражен односложным словом: *ǰǰkr-o zǰkr* 'мысли', 'помыслы', *šāb-o ruš* 'днем и ночью', 'постоянно', *šoyǰ-o zoyǰ* 'восторг', 'восхищение', 'энтузиазм', *haz-o nīyāz* 'игривый разговор' (между влюбленными), 'нежный лепет', *zǰbr-o zǰrāng* 'шустрый', 'расторопный', 'находчивый'. Такого рода копулятивные сочетания фактически повторяют просодическую структуру сложных слов.

Само собой разумеется, что в тех случаях, когда между компонентами фразеологизмов употребляется сочинительный союз *vā*, фонетическая самостоятельность объединяемых частей не вызывает сомнения и такие устойчивые словосочетания отчетливо противостоят сложным словам с интерфиксом *o*.

Просодическая структура сложных слов и фразеологизмов нуждается в специальном экспериментальном исследовании¹⁹ для того, чтобы составляющие ее элементы могли быть более эффективно использованы при разграничении этих единиц.

Семантическая структура копулятивных ФЕ и сложных слов

В семантической структуре сложных слов и фразеологизмов, части которых объединяются связкой *o*, в характере образования их целостного значения обнаруживается большое сходст-

¹⁹ В этом плане нам представляется перспективным экспериментальное изучение фонетических процессов и явлений на стыках морфем и слов в персидском языке, начатое К. И. Поляковым [69].

во²⁰. В образовании общего значения таких сочетаний находит отражение сочинительный вид связи между частями. Компоненты такого рода сочетаний могут утрачивать свое лексическое значение и подвергаться переосмыслению или сохранять лексическое значение неизменным. Остановимся на основных видах семантических взаимоотношений между компонентами.

1. Переосмыслению подвергаются оба компонента, образуя сочетания с немотивированным значением: *д̄ж̄а̄р-о т̄а̄дил* 'переделка', 'исправление' (из *д̄ж̄а̄р* 'ранение', 'опровержение', 'отвод' и *т̄а̄дил* 'урегулирование', 'выравнивание', 'приведение в равновесие'), *наз-о нийаз* 'игривый разговор' (между влюбленными), 'нежный лепет' (из *наз* 'кокетство', 'каприз', 'нежность', 'ласка' и *нийаз* 'потребность', 'просьба', 'обещание'), *д̄а̄хл-о т̄а̄с̄а̄рроф* 'вмешательство', 'вторжение', 'присвоение' (букв. 'доход и захват'), *инд̄жа-во анд̄жа* 'в разных местах' (букв. 'здесь и там'), *кусэ-во рипп̄а̄нн* 'абсолютно несовместимые вещи', 'явное противоречие' (букв. 'человек с реденькой бородкой и человек с большой бородой'), *р̄я̄нг-о бу* 'привлекательность', 'прелесть', 'пышность', 'великолепие' (букв. 'цвет и запах'), *р̄я̄нг-о роӯг̄а̄н* 'грунт' (на холсте для живописи), 'масляная краска' (букв. 'краска и масло'), *па-во п̄а̄р* 'сила', 'мощь', 'стойкость' (букв. 'нога и перо'), *з̄а̄мин-о з̄а̄ман* 'все сущее', 'мир', 'вселенная' (букв. 'земля и время'), *аб-о д̄жа̄ру* 'подметание', 'уборка' (из *аб* 'вода' и *д̄жа̄ру* 'веник', 'метла', 'щетка'), *ин-о ан* 'каждый встречный и поперечный'. Как видно из приведенных примеров, семантические отношения между компонентами, подвергшимися переосмыслению, не позволяют отграничивать сложные слова от ФЕ.

2. Один из компонентов таких образований может полностью утрачивать лексическое значение, а другой компонент сохраняет свое значение; таким путем образуются парные сочетания с частично мотивированным значением. При этом сочинительный характер связи между компонентами оказывает влияние на общее значение образующихся сочетаний: сочетание получает значение одного из компонентов, сохраняющего свое значение, а компонент, потерявший свое значение, либо совсем не влияет на общее значение, либо вносит дополнительные оттенки. Смысловому преобразованию подвергается как первый, так и второй компонент: *т̄а̄ф̄хим-о т̄а̄фа̄ном* 'взаимопонимание' (из *т̄а̄ф̄хим* 'растолкование', 'объяснение' и *т̄а̄фа̄ном* 'взаимопонимание'), *туп-о т̄а̄ш̄а̄р* 'ругань', 'брань' (из *туп* 'угроза', 'запугивание' и *т̄а̄ш̄а̄р*

²⁰ Сходство в характере образования значений слов и фразеологизмов, в частности сходство в возникновении идиоматичности тех и других единиц, послужило одной из главных причин расширительного понимания фразеологии отдельными учеными как науки о несвободных сочетаниях значимых единиц языка. В результате такого подхода в фразеологию включаются не только ФЕ со структурой словосочетания и предложения, но и некоторые разряды слов [см. 111], что делает предмет фразеологии расплывчатым и неопределенным, не имеющим конкретного объекта исследования.

'брань', 'ругань'), *āhl-o āyal* 'семья', 'жена и дети', 'чада и домочадцы' (из *āhl* 'жители', 'обитатели' и *āyal* 'жена', 'семья'), *кур-о пāшиман* 'крайне раскаивающийся', 'весьма сожалеющий' (из *кур* 'слепой' и *пāшиман* 'раскаивающийся', 'сожалеющий'), *зоур-о тāйммоғ* 'вдумчивое, углубленное изучение' (из *зоур* 'глубокая мысль', 'размышление' и *тāйммоғ* 'углубленное изучение'), *зэбр-о зэрāнг* 'шустрый', 'расторопный', 'находчивый' (из *зэбр* 'грубый', 'жесткий' и *зэрāнг* 'шустрый', 'ловкий', 'проворный'), *джāбр-о моғабэле* 'алгебра' (из *джāбр* 'алгебра' и *моғабэле* 'сравнение', 'сопоставление'), *фэкр-о зэкр* 'мысли', 'помыслы' (из *фэкр* 'мысль', 'идея' и *зэкр* 'упоминание', 'высказывание'), *пир-о кур* 'дряхлый', 'немогущий', 'очень старый' (из *пир* 'старый' и *кур* 'слепой'), *hāll-o fāsl* 'решение', 'разрешение', 'разбирательство' (из *hāll* 'решение', 'разрешение' и *fāsl* 'разделение', 'разъединение') и т. д. Семантические отношения между компонентами, как и в предыдущем виде сочетаний, не дают возможности для четкого разграничения сложных слов и ФЭ.

3. Оба компонента сохраняют свои лексические значения, в результате чего образуются сочетания с полностью мотивированным значением.

Структурно-семантическое единство подобного рода образований создается постоянством и незаменяемостью компонентов, устойчивостью порядка их расположения. По способу образования общего значения можно выделить два вида сочетаний:

(1) Сочетания, объединяющие несинонимы: общее значение представляет собой органическое соединение значений компонентов, их сумму, хотя в отдельных случаях оно может сохранять аналитический характер: *саз-о аваз* 'музыка', 'музыка и пение', *дāд-о дам* 'животные', 'всякое зверье' (из *дāд* 'дикое животное', 'зверь' и *дам* 'скот', 'домашние животные'), *зин-о йāрағ* 'конская сбруя' (из *зин* 'седло' и *йāрағ* 'упряжь', 'снаряжение'), *кот-о шāлвар* 'костюм' (мужской; из *кот* 'пиджак' и *шāлвар* 'брюки'), *кот-о дамāн* 'костюм' (женский; из *кот* 'жакет' и *дамāн* 'юбка'), *сāрф-о нāhv* 'грамматика', 'морфология и синтаксис', *ām'a-vo āhша* 'внутренности', 'потроха' (из *ām'a* 'кишки' и *āhша* 'внутренности'), *кāр-о гонг* и *кāр-о лал* 'глухонемой', *торш-о ширин* 'кисло-сладкий' и т. д. Семантический анализ такого рода образований, характеризующихся довольно высокой степенью смысловой слитности компонентов, не позволяет установить критерии для разграничения сложных слов и ФЭ.

К этому же виду сочетаний следует отнести различные наименования (названия учреждений, журналов, государственных гербов, эмблем): *Шир-о хоршид-э сорх* 'Красные лев и солнце' (название организации Красного Креста в Иране), *Дас-о чāкош* 'Серп и молот' (государственная эмблема СССР), *Сэнид-э сийāh* 'Белое и черное' (название журнала). Сохранение каждым компонентом лексического значения, просодическая структура, сходная с просодической структурой свободных словосочетаний, позволяют отграничивать такого рода наименования от слож-

ных слов с интерфиксом *o* и относить их к ФЕ с мотивированным значением.

(2) Сочетания, представляющие собой соединение синонимов. Семантический объем сочетания синонимов в силу слияния двух слов, каждое из которых имеет свои дополнительные смысловые и стилистические оттенки, оказывается несколько больше, нежели каждого из компонентов в отдельности. С точки зрения устойчивости можно выделить два подвида парных сочетаний синонимов.

Первый подвид включает сочетания, состоящие из слов, принадлежащих к разным стилистическим пластам современного персидского языка: одно слово — употребительное, другое — малоупотребительное (или редко употребляемое в данном значении) или устаревшее. Синонимические сочетания этого подвида являются наиболее устойчивыми и слитными: *д̄жедд-о д̄жāһд* 'старание', 'усердие', *г̄āl-о г̄ām* 'уничтожение', 'полный разгром', *ф̄āг̄р-о ф̄аг̄э* 'бедность и нищета', *н̄āг̄ш-о н̄эгар* 'узоры', 'орнамент', 'рисунок', 'роспись', *ш̄āрһ-о б̄āст* 'подробное объяснение', 'толкование', *мал-о м̄āнал* 'имущество', 'собственность', 'богатство', 'состояние', *д̄жаһ-о д̄жāлал* 'величие', 'торжественность' и т. д. Степень устойчивости таких сочетаний тем выше, чем меньше употребляется отдельно и чем меньше имеет семантическую самостоятельность одно из слов сочетания. Не случайно поэтому наиболее устойчивые парные сочетания синонимов рассматриваются как сложные слова копулятивного типа и даются в словарях самостоятельными словарными статьями, например: *г̄āl-о г̄ām*, *н̄āг̄ш-о н̄эгар*, *д̄жедд-о д̄жāһд*. Такие сочетания более употребительны в языке, чем любой из составляющих компонентов в отдельности.

Ко второму подвиду относятся сочетания, оба компонента которых принадлежат приблизительно к одинаковым стилистическим пластам. В основе возникновения таких сочетаний лежит стилистический прием усиления, «утяжеления» оборота, широко распространенный в персидском языке. От сочетаний синонимов первого подвида эти сочетания отличаются меньшей устойчивостью. Причем среди сочетаний второго подвида наибольшей стабильностью обладают те из них, которые характеризуются фразеологическими признаками — постоянством состава компонентов и устойчивостью структуры. В результате частого повторения в речи эти комбинации синонимов становятся настолько устойчивыми, что воспроизводятся как готовые единицы языка: *са'й-йо кушеш* 'старания', 'усилия', *б̄āст-о тоӯсэз* 'развитие', 'расширение', *т̄āбрик-о т̄āһнийāt* 'поздравление', *т̄āк-о т̄āһһа* 'один-одинешенек', 'в одиночку', *т̄āр-о тазэ* 'очень свежий, сочный' (о фруктах) и т. д. Рассматриваемые сочетания синонимов отличаются от сложных слов копулятивного типа своей просодической структурой (возможность возникновения паузы перед вторым словом, самостоятельное ударение у первого компонента), возможностью произнесения союза *o* как *вā* и находятся на стā-

дии перехода от свободных сочетаний слов к фразеологическим.

Поскольку стилистический прием усиления значения путем парного объединения синонимов имеет большое распространение в современном языке, этот подвид устойчивых сочетаний может постоянно пополняться за счет новых комбинаций синонимов.

В связи с анализом семантической структуры сочетаний слов, связанных соединительным *о*, обращают на себя внимание следующие факты, которые нельзя не учитывать при разграничении сложных слов и фразеологизмов.

1. В большинстве случаев общее грамматическое значение сочетания соответствует грамматическим значениям объединяемых слов, т. е. при объединении, например, существительных все сочетание имеет субстантивное значение, при объединении прилагательных — адъективное значение. Однако в отдельных случаях категориальное значение сочетания может не соответствовать категориальному значению компонентов — все сочетание получает новое грамматическое значение: *тарик-о рэушан* 'полумрак', 'сумерки' (из *тарик* 'темный' и *рэушан* 'светлый', 'ясный'), *һазэр-о ғайеб* 'поверка', 'перекличка' (из *һазэр* 'присутствующий' и *ғайеб* 'отсутствующий'), *бәд-о бираһ* 'брань', 'ругань', 'сквернословие' (из *бәд* 'плохой' и *бираһ* 'непутевый', 'беспутный') и т. д. Такого рода сочетания характеризуются большей монолитностью, чем те сочетания, в которых компоненты подверглись только семантическому преобразованию, и, по нашему мнению, должны рассматриваться как сложные слова.

2. Сочетания, образовавшиеся путем объединения компонентов связкой *о*, могут иметь несколько значений. Особо следует выделить среди них те сочетания, в которых наряду с новым, переносным, значением сохраняются прямые значения компонентов. Последние находят реальное применение и в таком парном объединении, подобно переносным значениям. Наибольшей слитностью компонентов обладают сочетания, переносное значение которых носит синтетический характер: *амузши-о пәврәрәш* 'образование и воспитание', 'просвещение и воспитание' (напр., *вәзарәт-ә амузши-о пәврәрәш* 'министерство просвещения и воспитания') и 'педагогика', *хасс-о амм* 'знатный и плебей' и 'все', 'весь народ', *дәл-ә джәгәр* 'сердце и печень' и 'потроха', 'ливер', *эйаб-о зәһаб* 'прибытие и отправление' и 'движение (туда и обратно)'. Меньшей слитностью характеризуются сочетания, в которых каждый компонент подвергается переосмыслению в отдельности: *суд-о зийан* 'прибыль и убыток', 'плюсы и минусы (какого-л. дела)', *фәраз-о нәшиб* 'подъем и спуск', 'удачи и неудачи', 'взлеты и падения'. Отнесение последних к числу фразеологизмов не вызывает сомнений.

* * *

Рассмотрение различных бинарных образований, части которых связаны соединительным *о*, позволяет выделить три основные группы сочетаний:

1. Типичные сложные слова-копулятивы. Они представлены сочетаниями, части которых лишены лексико-семантической самостоятельности, и сочетаниями несинтаксического и нефразеологического характера. В сложных словах интерфикс *о* никогда не произносится как *вә*; обе части произносятся слитно, без паузы, чему способствует акцентная структура — главное ударение падает на последний слог второй части слова: *гофтогу* 'разговор', *тахтогаз* 'набег', 'нападение', *гиродар* 'схватка', 'бой', *хартопурт* 'болтовня', 'пустые угрозы', *сахтопахт* 'сговор', 'делка', *дадосгад* 'торговля', *мәргомйр* 'повальная смерть', 'мор', *бэзәнобэкуб* 'бурное веселье', *тәкочу* 'беготня', 'хлопоты', 'старания', *тарикоруйшән* 'сумерки' и т. д.

2. Копулятивные фразеологизмы. К ним относятся устойчивые сочетания, компоненты которых выражены однозначными словами, относящимися к одинаковым частям речи (чаще всего существительными или прилагательными). Для них также характерно произнесение сочинительного союза как *о*, но в отдельных случаях допустимо и как *вә*. Копулятивные ФЕ обладают просодической структурой свободных словосочетаний — первый компонент имеет самостоятельное ударение, перед вторым компонентом возникает небольшая пауза: *гәндомнәма-во джәуфоруш* 'обманщик', 'двурушник', 'лицемер', *кусә-во ришпәһн* 'абсолютно несовместимые вещи', 'явное противоречие', *эмруз-о фәрдә* 'в ближайшие дни', 'вскоре', *нәтәрашидә-во нәхәрашидә* 'неотесанный', 'неуклюжий' и т. д.

3. Сочетания, занимающие промежуточное положение между сложными словами и копулятивными ФЕ. Они представлены образованиями, компоненты которых обладают лексико-семантической самостоятельностью и относятся к одинаковым частям речи. Межкомпонентная связка всегда звучит как *о*. Каждый компонент обладает фонетической самостоятельностью, что находит выражение в наличии отдельного ударения и в произнесении второго компонента после небольшой паузы. Однако в потоке речи эта группа сочетаний может произноситься, подобно сложным словам: между компонентами исчезает пауза, и главное ударение переносится на последний слог второго компонента. Таковы особенности произношения этой группы сочетаний, свидетельствующие об их двойственной природе.

Все сочетания третьей группы характеризуются большой семантической слитностью компонентов: *рәнг-о бу* 'привлекательность', 'прелесть', 'пышность', 'великолепие', *аб-о рәнг* 'красота', 'свежесть', 'акварельные краски', 'блеск', 'сверкание', *наз-о нийаз* 'игривый разговор', 'нежный лепет', *фәкр-о зәкр* 'мысли', 'помыслы', *дәд-о дам* 'животные', 'всякое зверье', *кәс-о кар* 'родственники', 'родные и знакомые', *зәбр-о зәрәнг* 'шустрый', 'расторопный', *дур-о дэраз* 'длинный', 'долгий', 'многословный', *һәлл-о фәсл* 'решение', 'разрешение', *гәл-о гәм* 'уничтожение', 'полный разгром', *дәжәдд-о джәһд* 'старание', 'усердие' и т. д.

М. Шаки, исследовавший различные типы именных композитов в персидском языке, выделяет два вида копулятивных сложных слов в зависимости от их соотношенности с фразеологизмами. К первому виду он относит «собственно-копулятивы (или сильные копулятивы)», характеризующиеся тем, что они не имеют эквивалентов во фразеологических формах, ко второму виду — «слабые копулятивы», которые иногда могут употребляться как «сочиненные фразеологизмы» (*coordinative phrase*) [117, с. 54]. Далее М. Шаки отмечает, что «слабые копулятивы» занимают промежуточное положение между сложными словами и фразеологизмами [117, с. 60]. Однако примеры на второй вид копулятивов, приводимые в работе, по своим фонетико-структурным свойствам являются типичными сложными словами: *мăрзбум* и *мăрзбум* 'страна', *шостэворофтэ* и *шостэрофтэ* 'чистый', *амăдошод* и *амăдишод* 'движение', *кăмобиш* и *кăмабиш* 'более или менее'. Поэтому и рассматриваться они должны среди «собственно-копулятивов».

В более поздней работе, посвященной описанию персидской фразеологии, М. Шаки наряду с ФЕ приводит в качестве примеров и типичные сложные слова копулятивного типа, например: *гиродар* 'схватка', 'стычка', *зăдобăнд* 'сговор', 'делка', *рăфто-амăд* 'движение', *безăнбэжуб* 'веселье' [118, с. 93—94]. Но для включения в фразеологию такого рода сочетаний, которые, как было показано выше, обладают всеми признаками сложных слов, нет никаких оснований.

Классификация М. Шаки обращает внимание на необходимость отграничения от типичных копулятивов тех сочетаний, которые занимают промежуточную позицию между сложными словами и копулятивными ФЕ. Выделенные же им «сильные копулятивы» и «слабые копулятивы» не получили четкой и развнутой характеристики, в результате чего в промежуточный вид сочетаний попадают типичные сложные слова.

Из рассмотренных нами трех групп копулятивных сочетаний только третью группу можно было бы отнести к «слабым копулятивам». Сочетания этой группы, обладая двойственной природой, имеют тенденцию к превращению в слова.

СОЧЕТАНИЯ-ПОВТОРЫ, ОБРАЗОВАННЫЕ НА ОСНОВЕ СОПОЛОЖЕНИЯ

К копулятивным ФЕ и сложным словам близко примыкают беспредложные и безызафетные сочетания-повторы, представляющие собой редупликацию самостоятельных слов, находящихся в состоянии соположения. В этом случае также возникает проблема разграничения сложных слов и устойчивых словосочетаний.

В связи с рассмотрением повторов необходимо обратить внимание на некоторые особенности в строении, просодической и семантической структуре этих образований, помогающие отграничивать одни единицы от других. Остановимся на наиболее

распространенных структурно-семантических разновидностях повторов.

1. Сложными словами, а не фразеологизмами являются следующие повторы:

(1) Сочетания, которые по сравнению с грамматическим значением повторяющегося компонента приобретают новое грамматическое значение. Повторяться могут: а) существительные, образуя имена прилагательные: *раһраһ* 'полосатый', 'в полоску', 'рубчатый', 'рифленный' (*раһ* 'дорога', 'полоса', 'полоска'), *нарэ-нарэ* 'рваный', 'разорванный', 'изношенный до лохмотьев' (*нарэ* 'кусок', 'лоскут'), *ханэханэ* 'клетчатый', 'в клетку' (*ханэ* 'клетка', 'квадрат'), *пустэпустэ* 'шелушащийся', 'отслаивающийся' (*пустэ* 'пласт', 'слой', 'перхоть'), *сурахсурах* 'ажурный', 'дырявый', 'изрешеченный', 'пористый', 'ноздреватый' (*сурах* 'дыра', 'отверстие'); б) причастия прошедшего времени, образуя наречия: *рәфтэрәфтэ* 'постепенно', 'мало-помалу' (*рәфтэ* — прич. прош. вр. от гл. *рәфтән* 'идти', 'ехать', 'уходить', 'уезжать'), *дэждэстэдэждэстэ* 'мало-помалу', 'постепенно', 'понемногу' (*дэждэстэ* — прич. прош. вр. от гл. *дэждэстән* 'прыгать'), *дэждэвидэдэждэвидэ* 'невнятно', 'шамкая' (*дэждэвидэ* — прич. прош. вр. от гл. *дэждэвидән* 'жевать', 'грызть'), *боридэборидэ* 'отрывисто', 'прерывисто' (*боридэ* — прич. прош. вр. от гл. *боридән* 'резать', 'отрезать', 'рубить', 'отрубать').

(2) Сочетания, первый компонент которых является самостоятельным словом, а второй — аллитерирующим элементом, не имеющим отдельного значения: *кетабмэтаб* 'книга', *ғазимази* 'судья', *нарчемарче* 'ткани', 'материал', *нарэпурэ* 'рваный'.

(3) Повторы, осложненные словообразовательными суффиксами: *йәвашйәвашәки* 'постепенно', 'мало-помалу', 'тихо', 'медленно', 'медленно-медленно', 'тихо-тихо', *куркуранэ* 'слепой', 'не раздумывая', 'слепой', 'безрассудный', *луслусәки* 'льстиво', 'подхалимски', *нәрмнәрмәк* 'мягко', 'нежно', 'постепенно', 'медленно', *һоүлһоүләки* 'поспешно', 'торопливо' и т. д.

Все сочетания-повторы этой группы обладают просодической структурой слова.

2. Сочетания-повторы имеют адвербиальное значение и занимают промежуточную позицию между сложными словами и устойчивыми словосочетаниями²¹. Причем многие из них проявляют тенденцию к превращению в слова и обнаруживают свойства аналитических форм. С просодической точки зрения такие сочетания могут иметь структуру слова или словосочетания, но, по мнению М. Шаки, «в большинстве случаев наблюдается тенденция к объединению элементов при произношении и к постановке ударения на последний слог» [117, с. 20].

(1) Есть основания рассматривать повторы, представляющие собой редупликацию причастий настоящего времени (формы на

²¹ Н. В. Хрисанов, рассматривавший использование повторов в качестве наречий, отмечает, что они выступают либо как слова, либо как ФЕ [102].

-ан), как сложные слова. Они сохраняют адвербиальное значение, свойственное отдельному слову. При этом интенсификация признака, характерная обычно для повторов, здесь проявляется не так четко и регулярно.

Если сравнить данный повтор в семантическом и функциональном плане с отдельным словом, которое в нем редуцируется, то можно отметить более узкое значение повтора — сохраняется только адвербиальное значение, тогда как отдельное слово имеет значение прилагательного и наречия (ср., напр., *лързан* 'трясущийся', 'дрожащий', 'трепещущий', 'трясаясь', 'дрожа', 'трепеща' и *лързан-лързан* 'трясаясь', 'дрожа', 'трепеща'). Повтор выступает как средство выделения адвербиального значения и в этом значении употребляется чаще, чем одиночный компонент: ср. *дъван* и *дъван-дъван* 'быстро', 'бегом', 'сломя голову', *лӓнган* и *лӓнган-лӓнган* 'хромая', 'прихрамывая', *хӓндан* и *хӓндан-хӓндан* 'смеясь', *порсан* и *порсан-порсан* 'спрашивая', 'путем расспросов'. В отдельных случаях только повтор обладает адвербиальным значением, а компонент либо имеет только адъективное значение, либо вне повтора совсем не употребляется: *дӓжомбан-дӓжомбан* 'двигааясь', 'передвигааясь', *гӓлтан-гӓлтан* 'катаясь', 'перекатываясь', 'переворачиваясь', *кешан-кешан* 'волоком'.

При повторении форм причастий настоящего времени в некоторых случаях допускается усечение окончания *-ан* у первого элемента, что свидетельствует о полном переходе данного сочетания в сложное слово: *хӓндан-хӓндан* → *хӓндхӓндан* 'смеясь', *гӓлтан-гӓлтан* → *гӓлтгӓлтан* 'катаясь', 'перекатываясь', *дӓжомбан-дӓжомбан* → *дӓжомбдӓжомбан* 'двигааясь', 'передвигааясь', *лързан-лързан* → *лързлързан* 'трясаясь', 'дрожа', *кешан-кешан* → *кешкешан* 'волоком'.

(2) При повторении слов, имеющих одновременно значение прилагательных и наречий, сочетание получает только адвербиальное значение:

а) в составе сочетания качественно-адвербиальное значение компонента сохраняется, но оно получает усиление²²: *сэфт-сэфт* 'крепко-накрепко', 'очень прочно', *болӓнд-болӓнд* 'высоко-высоко', 'громко-прегромко', *навӓрчин-навӓрчин* 'очень тихо', 'очень осторожно', *конд-конд* 'очень медленно', 'очень тихо', *моӓкӓм-моӓкӓм* 'очень крепко', 'очень прочно'; б) общее значение сочетания не совпадает со значением компонента: сочетание имеет новое значение (ср., напр., *ӓндӓк* 'мало', 'немного' и *ӓндӓк-ӓндӓк* 'исподволь', 'мало-помалу', 'постепенно', *кӓм* 'мало', 'немного', 'редко', 'нечасто' и *кӓм-кӓм* 'мало-помалу', 'постепенно') ли-

²² Ср. также использование повторов как средства для интенсификации значения качественных прилагательных; после первого слова обычно употребляется изафетный показатель: *гӓйшӓнг-е гӓйшӓнг* 'красивый-красивый', *сӓбз-э сӓбз* 'зеленый-зеленый', *сорх-э сорх* 'красный-красный', *бозорг-е бозорг* 'большой-пребольшой'.

бо, частично или полностью сохраняя значения компонента, получает дополнительное значение или оттенки значений (ср., напр., *тонд* 'быстро', 'скоро', 'учащенно', 'ловко', 'проворно', 'резко', 'грубо' и *тонд-тонд* 'быстро-быстро', 'очень быстро', 'бесперывно', *аһэстэ* 'тихо', 'негромко', 'медленно', 'неторопливо', 'слегка', 'несильно' и *аһэстэ-аһэстэ* 'тихо', 'негромко', 'медленно', 'потихоньку', 'постепенно', *арам* 'спокойно', 'тихо' и *арам-арам* 'спокойно', 'тихо', 'постепенно', 'мало-помалу'). Интенсификация признака в такого рода повторах проявляется нерегулярно.

3. Повторы, образовавшиеся в результате редупликации существительных с количественным или временным значением, по способу образования значения и его грамматической направленности, видимо, можно рассматривать как одну из разновидностей аналитических конструкций. Во многих случаях беспредложная связь таких сочетаний заменяется на предложную²³. Общее значение повтора может быть предсказано на основании значения одного компонента.

(1) Повторы с количественным значением существительного выражают способ группировки предметов: *зоудж зоудж* 'парами', 'попарно', *дастэ дастэ* 'группами', 'отрядами', *гялле гялле* 'стадами', 'табунами', 'стаями', *горух горух* 'группами', 'группа за группой', *ямбар ямбар* 'целыми амбарами'. Такого рода сочетания обнаруживают сходство с повторами количественных числительных, выражающих разделительное значение обычно относительно одушевленных предметов: *до до* 'по два', *дах дах* 'по десяти', *сад сад* 'по сотне', 'сотнями', *һэзар һэзар* 'тысячами', *мэлийун мэлийун* 'миллионами'.

Распределительное значение повторов иногда осложняется значением постепенности, последовательности: *зятрэ зятрэ* и *чекке чекке* 'по капле', 'капля за каплей', 'понемногу', *зяррэ зяррэ* 'по крупинке', 'по капле', 'понемножку'.

(2) Повторы с временным значением существительного выражают постепенное и последовательное проявление временного значения: *зэман зэман* 'временами', 'время от времени', *гаһ гаһ* 'временами', 'иногда', *ләһзэ ләһзэ* 'моментами', 'с каждым мигом'.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ПРИМЫКАЮЩЕЙ СВЯЗЬЮ

По сравнению с рассмотренными выше видами именных ФЕ количество ФЕ, построенных на примыкании, невелико. Они представлены главным образом сочетаниями имен существительных с местоимениями или количественными числительными, находящимися в препозиции. Поскольку ФЕ данного вида внешне,

²³ Повторы с предложной связью, образовавшиеся путем редупликации существительных с временным или количественным значением, были рассмотрены выше (см. с. 74 наст. изд.).

по своему строению совпадают со сложными словами детерминативного типа, большие трудности вызывает разграничение этих единиц между собой.

В лексикографической разработке такого рода единиц встречается немало путаницы и противоречий: они даются либо самостоятельными словарными статьями, подобно словам, либо внутри статей на первое или второе слово. Например, в словаре М. Моина сочетание *йек һава* 'чуть-чуть', 'немного' приводится дважды — самостоятельной статьей и в статье на *һава* [131, т. 4, с. 5268, 5214], в словаре М. Джамаль-заде — в статье на *һава* [122, с. 455]. Можно привести много примеров непоследовательной подачи таких образований и в двуязычных словарях. Все это вызвано трудностями отграничения единиц одного вида от единиц другого вида и, кроме того, является следствием слабой изученности таких сочетаний.

Важнейшим критерием для разграничения подобного рода единиц на данном этапе может служить их акцентная структура. Известно, что сложные слова-детерминативы, как и другие разновидности сложных слов, обычно объединяются единым ударением, которое падает на последний слог второй части слова, тогда как в ФЕ с примыкающей связью, подобно свободным словосочетаниям, каждый компонент сохраняет ударение. Однако акцентуация таких образований в персидском языке изучена слабо. Выделение тех и других единиц при лексикографической разработке основывается на чисто эмпирических наблюдениях, сведения об ударении не сообщаются в словарях вообще²⁴.

При разграничении сложных слов и словосочетаний помимо просодической структуры должна учитываться семантическая самостоятельность/несамостоятельность слов, вступающих в сочетание с другими словами. Например, существительные *тоур* 'способ', 'образ', *гаһ* 'время', *гунэ* 'образ', 'способ', 'вид', 'род', *гәдр* 'количество', 'размер', 'величина', 'степень' и т. п. без зависимых слов или артикля в современном персидском языке обычно не употребляются.

Как показывают наблюдения над акцентной структурой сочетаний, в которых в качестве второго элемента выступают перечисленные выше существительные, а в качестве первого элемента используются указательные местоимения *ин* 'этот', *ан* 'тот', *һамин* 'этот самый', *һаман* 'тот самый', вопросительное местоимение *че?* 'какой?', определительные местоимения *һәр* 'каждый', 'всякий', *һәмэ* 'весь', 'все', 'каждый', они объединяются единым ударением, падающим на последний слог второго элемента. Это позволяет рассматривать такие сочетания как сложные слова. Они обладают адвербиальным или адъективным

²⁴ Как исключение, следует отметить указание на ударение в единственном случае при разграничении значения двух идентичных по составу сочетаний в «Словаре просторечий и разговорной лексики» Ю. Рахмати: *йекһава* 'одного уровня', 'ровный', 'одинаковый' (ударение на последнем слоге) и *йек һава* 'чуть-чуть', 'немного' (ударение на первом слоге) [127, с. 132—133].

значением или и тем, и другим значениями вместе: *антоўр* 'так', 'таким образом', *интоўр* 'так', 'таким образом', 'такой', 'такого рода', *һаминтоўр* 'точно так же', 'таким же образом', 'точно такой же', *четоўр?* 'каким образом?', 'как?', 'какой?', 'какого рода?', *ангаһ* 'тогда', 'в то время', 'затем', 'потом', *һамангаһ* 'в то же самое время', 'тотчас', 'немедленно', *һәрғаһ* 'в случае если', 'если', 'когда', 'всякий раз, когда', *ангунэ* и *ингунэ* 'такой', 'такого рода', 'так', 'таким образом', *чегунэ?* 'какого рода?', 'какой?', 'каким образом?', 'как?', *һәмэгунэ* 'всякого вида', 'всякого рода', 'разнообразный', 'по-всякому', 'по-разному', *анғәдр* и *инғәдр* 'столько', 'настолько', 'в такой мере', *һаминғәдр* 'столько', 'настолько', *чегәдр?* 'сколько?', 'как?', 'насколько?', 'как много?', *һәрғәдр* 'сколько ни...', 'как бы ни...' и т. д.

Особенностью перечисленных выше сочетаний является то, что в фонетическом отношении они представляют собой единство—первый элемент, выраженный местоимениями, не отрывается от второго элемента, на который падает главное ударение. О слитности такого рода сочетаний может свидетельствовать и тот факт, что к некоторым из них (обычно в разговорном языке) может добавляться словообразовательный суффикс *-и*, не изменяющий общего значения: ср. *интоўр* и *интоўри* 'так', 'таким образом', 'такой', 'такого рода', *четоўр?* и *четоўри?* 'каким образом?', 'как?', 'какой?', 'какого рода?', *һаминтоўр* и *һаминтоўри* 'точно так же', 'таким же образом'.

К сложным словам, а не к ФЕ относятся многочисленные сочетания числительного *йек* 'один' с именами существительными. При этом о необходимости отнесения таких сочетаний к словам свидетельствует не только их просодическая структура, но и характер образования значения—они получают новое лексическое и иное категориальное значение, выступая как прилагательные и наречия: *йекданэ* 'один', 'единственный', 'дорогой', 'любимый', *йекдэл* 'единодушный', 'единогласный', 'искренний', 'прямой', 'единодушно', 'единогласно', *йекрәнг* 'одноцветный', 'искренний', 'откровенный', *йекшекл* 'одинаковый по форме', 'единообразный', 'одинаково', 'единообразно', *йекзәбан* 'единодушный', 'единогласный', 'единодушно', 'в один голос' и т. д.

Но не все сочетания указательных и определительных местоимений, числительного *йек* с именами существительными могут быть отнесены к словам с такой же определенностью, как рассмотренные выше сочетания. Имеется целая группа образований, которые по своим просодическим и семантическим свойствам занимают промежуточное положение между словами и устойчивыми словосочетаниями: *йек-донйа* 'огромный', 'большой', 'множество', 'уйма', 'очень', 'чрезвычайно', *йек-шекәм* 'досыта', 'вдоволь', *йек-аләм* 'очень много', 'уйма', 'огромный', 'большой', 'очень', 'чрезмерно', *йек-мәртәбэ* 'сразу', 'вдруг', 'внезапно', 'неожиданно', *йек-мошт* 'немного', 'некоторое количество', *йек-ғәләм* 'целиком', 'совсем', 'разом', 'сразу', *йек-хордэ* 'немного', 'небольшое количество', 'отчасти', 'до некоторой степени' и т. д.

Для более объективного решения вопроса о природе таких сочетаний необходимо подвергнуть их фонетико-экспериментальному исследованию в различных речевых ситуациях и с учетом разных значений, которыми они обладают.

Те же сочетания, в которых каждый из компонентов сохраняет самостоятельное ударение, должны рассматриваться как ФЕ с примыкающей связью. В них, как и в других разновидностях именных фразеологизмов, наблюдается ослабление или утрата значений компонентов.

Примыкание как вид подчинительной связи накладывает ограничения на возможности образования семантических разновидностей устойчивых словосочетаний. Весьма ограничен также состав лексем, образующих такие сочетания. Среди ФЕ с примыкающей связью получили распространение в основном два вида единиц — фразеологизмы с частично мотивированным значением (напр., *һәр кодам* и *һәр йек* 'каждый', 'всякий', *кодам йек?* 'кто именно?', 'который из них?', *чәнд могабэл* 'в несколько раз', *йек омр* 'всю жизнь') и фразеологизмы с немотивированным значением (напр., *си сал* 'никогда в жизни' — при отрицании, *сал-и дәваздәһ маһ* 'весь год', 'постоянно', *ин джәһан* 'земная, мирская жизнь', *ан джәһан* 'загробная жизнь', *ин джанэб* 'я', *ан джанэб* 'вы').

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМБИНИРОВАННЫМИ ВИДАМИ СВЯЗИ

Рассмотренные выше именные ФЕ представлены словосочетаниями двухкомпонентного состава. По аналогии со свободными словосочетаниями их можно назвать простыми. В отличие от них сложные именные ФЕ включают в свой состав три и более компонента. Для соединения компонентов сложных {именных ФЕ используются разные виды грамматической связи: изафет, предлоги, примыкание и сочинительный союз *о*.

Собранный нами фактический материал показывает, что только изафетная связь без участия других видов грамматической связи может обеспечить соединение компонентов сложных именных ФЕ, например: *Ростәм-э дәр-э һәммам* 'псевдобогатырь', 'хвостун', *дәр-э баг-э сәбз* 'приманка', 'соблазн'. Но наиболее часто компоненты многочленных ФЕ объединяются одновременно разными видами связи: *чешм-о чераг-э зәмин* 'соль земли' (о лучших представителях общества), *наз-о гәймзә-йе шотори* 'телячьи нежности' (копулятивная и изафетная связь), *горг дәр лебас-э миш* 'волк в овечьей шкуре', 'лицемер' (предложная и изафетная связь), *ин тәрәф-о ан тәрәф* 'в разных местах', *ин дәр-о ан дәр* 'везде', 'всюду' (примыкание и копулятивная связь), *ахэрин тир-э тәркеш* 'последний козырь', 'последняя ставка', 'последний шанс' (примыкание и изафетная связь).

В семантическом отношении фразеологизмы с комбинированными видами связи ничем не отличаются от уже рассмотренных

разновидностей именных ФЕ — компоненты таких словосочетаний частично или полностью изменяют свои значения (см. приведенные выше примеры) или сохраняют их неизменными. К числу сложных именных ФЕ с мотивированным значением относятся многие составные термины: *кешвәрһа-йе дәр һал-е рошд* 'развивающиеся страны', *әксәрийәт-э ғәриб-э бә эттәфағ* 'подавляющее большинство', *форуд ба шаси-йе джәм'шодә* 'посадка с убранным шасси', *атәш ба дид-э мостәғим* 'огонь прямой наводкой', *тәйрроз ба һәдәф-э мәһдуд* 'наступление с ограниченной целью' и т. д.

ПРЕПОЗИТИВНО-ПРЕДЛОЖНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

Именные ФЕ, в состав которых входит предлог, находящийся в препозиции по отношению ко всему словосочетанию, названы препозитивно-предложными. Препозитивный предлог выступает как неотъемлемый структурный элемент такого рода ФЕ, сообщая им адвербиальное значение: *әз бон-э дәндан* 'покорно', 'послушно', 'учтиво', 'вежливо', 'с готовностью', *ба тәмам-э доу* 'во весь опор', 'во весь карьер', *бә зуди-йе зуд* 'очень скоро', 'в ближайшее время', *бә һәмин зудиһа* 'в самое ближайшее время', *дәр ин нәздикһа* 'поблизости', 'на близком расстоянии', 'в ближайшее время', 'совсем недавно', *дәр йек чешм бәр һәм зәдән* 'в один миг', 'в мгновение ока', *та энгәраз-э аләм* 'навсегда', 'никогда' (в отрицательных предложениях) и т. д.

Ряд препозитивно-предложных ФЕ устойчиво функционирует как вводные обороты: *әз ин ғәрар* 'таким образом', 'итак', 'следовательно', *дәр ин мийан* 'между тем', 'тем временем', *әз ғәрар-э мә'лум* и *әз ғәрар-э эттәлә* 'на основании имеющихся сведений', 'как известно', 'как стало известно', *дәр ин бәйн* 'между тем'.

Необходимо отличать факультативное употребление предлогов в сочетании с уже рассмотренными разновидностями именных ФЕ от употребления предлогов в составе ФЕ данной разновидности. В первом случае предлог употребляется как средство выражения синтаксических отношений между ФЕ и другими членами предложения и поэтому всегда сохраняет значение; его употребление или неупотребление зависит от содержания высказывания и структуры предложения. Во втором случае предлог выступает как элемент структуры ФЕ, как ее неотъемлемая часть. В составе ФЕ предлог наиболее часто утрачивает или ослабляет свое значение. Ср., например, свободное употребление предлога *бәр* 'на' в сочетании с изафетной ФЕ —...*Нәמידанәст ке-бәр бошке-йе барут нәшәстә буд* (К, 7973) '...Он не подозревал, что сидел на пороховой бочке' — и употребление предлога *әз* 'из', 'с', 'от' в составе препозитивно-предложной ФЕ — *Аһа мә-ра әз тәһ-э дәл дуст дашти?* (ХСК, с. 88) 'Разве ты меня искренне любил?'

В составе препозитивно-предложных фразеологизмов обычно

используются основные предлоги *аз, бэ, дәр, бәр, та* и некоторые другие.

В связи с характеристикой препозитивно-предложных ФЕ справедливо поставить вопрос о возможности отнесения к фразеологизмам рассматриваемой разновидности двухэлементных предложно-именных сочетаний. Опыт лексикографической работы автора, основанный на анализе большого количества таких сочетаний, показывает, что большинство из них превратилось в слова или имеет тенденцию к превращению в слова. Но однозначного ответа на поставленный вопрос пока дать нельзя, так как это большая и сложная проблема, требующая всестороннего изучения предложно-именных сочетаний и в первую очередь их семантической и структурной слитности. Должны учитываться: изменение значений имени и предлога, возможность замены одного предлога на другой, возможность постановки слов, зависимых от имени. Наибольшую слитность представляют: а) сочетания, в которых предлог превратился в словообразовательную морфему-префикс, утрачивая свое значение и возможность замены на другой, синонимичный предлог, например: *бэхуби* 'хорошо', *бэтазги* 'недавно', 'на днях', 'только что', *бэдорости* 'правильно', 'верно', *бэсәхти* 'с трудом', 'едва', 'сильно', 'очень', *бэхосус* 'особый', 'специальный', 'особенно', 'специально', *бэджә* 'уместный', 'подходящий', 'своевременный', 'уместно'; ср. употребление предлога *бэ* в составе свободных предложно-именных сочетаний, где сохраняется его орудийно-комитативное значение: *бэ чешм-э ход* 'своими глазами', *бэ әджәле-йе тәмам* 'с большой поспешностью'; б) асинтагматичные с точки зрения современного персидского языка сочетания, например: *әзноу* 'снова', 'вновь', 'опять', 'заново', *дәрвагэ* 'действительно', 'в самом деле'.

Ряд предложно-именных сочетаний, части которых подверглись полному или частичному переосмыслению, занимает промежуточную позицию между ФЕ и производными словами: *аз-сәр* 'снова', 'сначала', *аз-бих* 'в корне', 'совсем', 'основательно', 'понастоящему', *дәр-һал* 'тотчас', 'немедленно', 'мгновенно', 'сразу', *дәр-сәйт* 'тотчас же', 'сейчас же', *дәр-зәман* 'немедленно', 'тотчас', *дәр-һәқиғәт* 'в действительности', 'на самом деле', 'поистине' и т. д.

Что касается отыменных предлогов, то вопрос об их участии в образовании препозитивно-предложных ФЕ требует особого рассмотрения, поскольку эта категория служебных слов еще не совсем четко грамматически оформилась в языке. Кроме того, полный состав их не выявлен, а семантико-грамматические свойства изучены недостаточно.

По сравнению с рассмотренными выше двухэлементными предложно-именными сочетаниями сочетания, в состав которых входят отыменные предлоги, с большей определенностью могут быть отнесены к ФЕ. К их числу относятся сочетания, в которых оба элемента или один из них подверглись переосмыслению: *ру-йе һәм* 'в общей сложности', 'в итоге', *зир-э ләб* 'тихо', 'ше-

потом', *пиш-е ход* 'мысленно', 'про себя', *пошт-э һәм* 'подряд', 'непрерывно', *дәм-э дәст* 'под рукой', 'рядом', 'близости'²⁵. Переосмысление одного или обоих элементов является необходимым условием для превращения предложно-именных сочетаний в ФЕ.

От предложно-именных ФЕ следует отличать устойчивые словосочетания, выступающие как сложные отыменные предлоги. В их состав входят имена существительные, утратившие лексическое значение и получившие новое грамматическое значение. Такие фразеологизированные словосочетания воспринимаются как цельные единицы и служат для выражения пространственных и временных отношений: *пошт-э сәр* 'за', 'вслед за' (напр., *пошт-э сәр-э пэдәр рәһ мирәфт* 'он шел следом за отцом'), *пиш-е руй* 'в присутствии', 'перед' (напр., *пиш-е ру-йе амузгар* 'в присутствии учителя'), *пиш-е пай* 'незадолго до', 'только что', 'перед' (напр., *пиш-е па-йе шома рәфт* 'он ушел перед вами') и т. д.

Особое место среди препозитивно-предложных ФЕ занимают сравнительные обороты с отыменным предлогом *мэсл* 'подобно', 'как' (или его синонимом *манһнд*)²⁶. Они выделяются своим количественным составом и особым переносно-образным значением, представляющим собой обобщенное уподобление чему-либо, сравнение с чем-либо: *мэсл-е аб-э һәна* 'как вода из-под хны' (о спитом чае), *мэсл-е аб-э һәммам* 'как бурда', как помой' (букв. 'как вода в бане'), *мэсл-е кәфф-э дәст* 'как ладонь' (о ровной, гладкой поверхности), *мэсл-е шотор-э лук* 'как некрасивый короткошерстный верблюд' (о некрасивом, уродливом человеке), *мэсл-е муш-е абкешидэ* 'как промокшая мышь' (о сильно промокшем человеке), *мэсл-е бордж-е зәһр-э мар* 'как башня со змеиным ядом' (о сильно разгневанном человеке) и т. д. Устойчивые сравнения характеризуют свойство или действие через конкретный образ, сопоставление с которым показывает, как выражено то или иное качество или как происходит то или иное действие. Компоненты таких ФЕ обычно сохраняют свои значения (иначе исчезнет наглядность образа), но фразеологизм в целом приобретает переносный смысл и благодаря необычности и яркости сравнения делает речь весьма живой и образной. Сравнительные ФЕ основываются на образах реальной действительности и выработаны в результате многовекового опыта народа. Они включают такие образы, которые хорошо известны каждому

²⁵ О возможности подхода к первому элементу как отыменному предлогу свидетельствует не только характер его переосмысления, но и употребление основных предлогов с некоторыми из таких сочетаний: *бәр ру-йе һәм*, *дәр зир-э ләб*, *дәр пошт-э һәм*.

²⁶ О целесообразности включения в состав фразеологии сравнительных оборотов писал С. И. Ожегов [58, с. 47]. Рассмотрению фразеологизмов-сравнений во французском языке посвящена книга А. Назаряна «Образные сравнения французского языка. Фразеологизмы» [55], на материале немецкого языка эти устойчивые обороты анализируются И. И. Чернышевой в книге «Фразеология современного немецкого языка» [108, с. 48—59].

члену данного языкового коллектива и передаются от поколения к поколению. Например:

Мърдом-э шйһр мэсл-е мур-о мӓлӓх ӓз ханэһа-йе ход бирун рихтӓнд вӓ дӓр мӓйдан-э шйһр эдӓжтэма' кӓрдӓнд (АФ, с. 555) 'Жители города как муравьи (букв. как муравьи и саранча) высыпали на улицы и собрались на площади'.

Кака Ростӓм ...мэсл-е бордӓж-е зӓһр-э мар нэшӓстэ буд (ХСК, с. 33) 'Кака Рустам ... сидел вне себя от гнева' (букв. 'как башня со змеиным ядом').

Сравнительные ФЕ благодаря своей структуре и ее лексической наполняемости обладают ярко выраженным оценочным характером и относятся к экспрессивным фразеологизмам.

Основную массу сравнительных фразеологизмов персидского языка составляют единицы, характеризующиеся самобытностью и неповторимостью заключенных в них образов.

Сравнительные ФЕ составляют продуктивную группу персидской именной фразеологии. Они постоянно пополняются за счет новых ФЕ. Однако не все образные сравнения обладают одинаковой степенью устойчивости, нередко они бывают индивидуально-авторскими, еще не вошедшими в постоянный фразеологический фонд языка. В словарях должны фиксироваться только те сравнительные обороты, которые благодаря постоянному использованию в устной и письменной речи получили широкое распространение в языке²⁷.

Препозитивно-предложные ФЕ тесно соприкасаются с другими разновидностями именных фразеологизмов и отличаются от них наличием предлога. Однако в некоторых случаях предлог может быть факультативным. При этом отсутствие предлога следует считать явлением вторичным, возникшим в результате использования данной ФЕ в речи, а сами ФЕ с опущенными предлогами— вариантами соответствующих препозитивно-предложных фразеологизмов: [бэ] *гӓймӓт-э аб-э дӓжуй* 'даром', 'за бесценок', [бэ] *гӓймӓт-э хун-э нӓдӓр-ӓш* 'баснословно дорого', [ба] *па-йе пийаде* 'пешком', [дӓр] *йек аб хордӓн* 'в один миг', 'в два счета', 'моментально' и т. д.

Компоненты препозитивно-предложных ФЕ могут объединяться изафетной связью (*ӓз тӓһ-э дӓл* 'от всей души', 'от всего сердца', *ӓз бон-э дӓндан* 'покорно', 'послушно', 'с готовностью', *ӓз бад-э һӓва* 'даром', 'нипочем', 'из ничего', *ба тӓмам-э доу* 'во весь опор', 'во весь карьер'), предложной связью (*ӓз сир та пийаз* 'все от начала до конца', 'со всеми подробностями', *ӓз ан вӓгт бэ ин тӓрӓф* 'начиная с того времени', *ӓз ин бэ бӓ'д* 'после этого', 'отныне'), примыканием (*дӓр ин зӓмн* 'между тем',

²⁷ Персидские сравнительные обороты обычно включаются в словари разговорного языка, но критерии их отбора еще не выработаны, поэтому представленные в различных словарях ФЕ сравнительного типа различаются как по составу, так и по количеству [см. 121, с. 529—556; 126, с. 110; 45, с. 310—374].

'тем временем', *āz in ru* 'поэтому', *āz hār d̄jehāt* 'во всех отношениях', *bē hār d̄jehāt* 'при всех обстоятельствах', 'во всяком случае', *ta in zāyāt* 'до сих пор', 'до настоящего времени') и сочинительным союзом *o* (*āz dāl-o d̄jan* 'от всей души', 'всем сердцем', *āz chāl-o rast* 'отовсюду', 'со всех сторон', *bē-dun-ē tākliḫ-o tākālloḫ* 'без церемоний', 'непринужденно', 'запросто', *dār hāla-vo māla* 'тайно и открыто', *dār sārra-vo zārra* 'в радости и горе').

Семантические взаимоотношения между компонентами препозитивно-предложных ФЕ не имеют существенных отличий по сравнению с семантическими взаимоотношениями компонентов других разновидностей именных ФЕ и позволяют выделить фразеологизмы с немотивированным, частично мотивированным и мотивированным значениями.

Глава III

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ, СТРУКТУРЫ И СЕМАНТИКИ ИМЕННЫХ МОДЕЛИРОВАННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

К именованным моделированным образованиям относятся такие устойчивые словосочетания, которые строятся по строго определенным структурно-семантическим моделям ограниченного характера. В персидском языке они представлены в основном двучленными словосочетаниями, в которых первый компонент, являющийся грамматически господствующим, многократно повторяется, а второй компонент выступает как переменный член. Первый компонент служит основой для образования моделированных словосочетаний и назван моделирующим.

Особенностью моделированных словосочетаний является то, что они обладают не только типовым строением, но и типовым семантическим результатом, который может быть предсказан на основании знания лексических значений компонентов. Слово, выступающее в роли моделирующего компонента, в отдельных случаях изменяет лексическое значение, но это изменение значения носит типовой характер и поэтому не нарушает серийности модели. Изменение лексического значения переменного компонента приводит к превращению моделированного словосочетания в собственно фразеологизм.

Каждый моделирующий компонент вступает в сочетание со словами определенной семантической группы, образуя целую серию моделированных словосочетаний: *āhl-e danēsh* 'знаток', 'эрудит', 'человек науки', *āhl-e zāban* 'знаток языка', *āhl-e lo-žāt* 'лексиколог', 'лексикограф', *āhl-e honār* 'человек, занимающийся искусством', 'деятель искусства', *āhl-e fānn* 'специалист

в области техники', 'знаток техники', *аһл-е а́дәб* 'литератор', 'знаток литературы' и т. д., *кәмал-е эстәфадә* 'полное использование', *кәмал-е эһтэрам* 'полное уважение', 'большое уважение', *кәмал-е аһәммийәт* 'огромное значение', *кәмал-е шоджа-әт* 'большая смелость', *кәмал-е сәбр* 'огромное терпение', *кәмал-е мэйл* 'большое желание' и т. д., *харэдж аз бәрнамә* 'внеплановый', 'вне плана', *харэдж аз моўзу* 'не относящийся к теме, к делу', 'неуместный', *харэдж аз ноўбат* 'внеочередной', *харэдж аз вәсф* 'неописуемый' и т. д.

Моделированные словосочетания в силу ограниченности семантических изменений первого компонента и серийности образования не обладают той степенью устойчивости, которой характеризуются собственно фразеологизмы. Поэтому в составе фразеологии они занимают самую периферийную позицию, приближаясь к свободным словосочетаниям. Тем не менее и для них характерна устойчивость, создаваемая рядом факторов. Рассмотрим важнейшие из них.

1. В составе моделированного словосочетания первый (моделирующий) компонент может подвергаться переосмыслению, частично изменять значение или сохранять его неизменным. В зависимости от этого устойчивость образующихся словосочетаний будет разной. При этом роль семантики компонентов в создании общего значения всей единицы неодинакова: грамматически господствующий компонент, как правило, несет наименьшую семантическую нагрузку. Этим моделированные словосочетания отличаются от немоделированных ФЕ, в которых, как было показано выше, основная семантическая нагрузка наиболее часто падает на первый, стержневой, компонент.

(1) Моделирующий компонент подвергается переосмыслению и получает новое значение, которое регулярно повторяется, но не обладает отдельностью и самостоятельностью и проявляется только в составе моделированных образований. Поэтому при фиксации значения моделирующего компонента в словаре должно быть указано, что это значение проявляется только в составе устойчивых словосочетаний. Например, слово *аһл* 'житель', 'обитатель', 'жители', 'обитатели' в составе моделированных словосочетаний приобретает значение 'лицо или лица, сведущие в какой-л. области', 'знаток или знатоки в каком-л. деле'²⁸ (см. приведенные выше примеры); слово *әрбаб*, представляющее собой форму множественного числа от *рәбб* 'господин', 'господь', 'владыка' и одновременно обладающее значением единственного числа — 'господин', 'хозяин', 'помещик', как моделирующий компонент получает значение 'лица, обладающие чем-л., сведущие в какой-л. области' (*әрбаб-э тәварих* 'историки', *әрбаб-э джәрайед* 'журналисты', 'газетчики', *әрбаб-э данэш* 'ученые', *әр-*

²⁸ Слово *аһл* в зависимости от контекста может сообщать словосочетанию значение единственного или множественного числа.

бaб-э сaн'aт 'ремесленники', 'мастеровые' и т. д.)²⁹. Существительные *hosn* 'добро', 'благо' и *су* 'зло', 'дурное качество' приобретают новое значение и выступают не как выразители предметности, а как выразители качества: первое — со значением 'добрый', 'хороший' (*hosn-э тaфaнoм* 'взаимопонимание', 'доброжелательное отношение', *hosn-э ниййaт* 'доброе намерение', 'доброжелательность', *hosn-э aхлaэ* 'добронравие'), а второе — со значением 'плохой', 'дурной' (*су-э эстaфaдэ* 'злоупотребление', 'плохое, неумелое использование', *су-э пишинэ* 'дурное прошлое', *су-э тa'бир* 'неправильное толкование', *су-э ниййaт* 'дурное намерение').

Некоторые прилагательные и арабские причастия, выступая в роли моделирующего компонента, приобретают переносное значение, проявляющееся только в составе моделированных словосочетаний. Так, прилагательное *дур* 'далекий', 'отдаленный' как первый элемент моделированных словосочетаний приобретает значение 'далекий от чего-л.', 'имеющий мало общего с чем-л.', 'не совместимый с чем-л.' (*дур aз энсаф* 'несправедливый', 'несправедливо', *дур aз зaнн* 'трудный для понимания', 'непонятный', *дур aз hаgиaт* 'далекий от действительности', 'нереальный'), арабское причастие *хaрeдж* 'внешний', 'наружный' — значение 'выходящий за пределы чего-л.', 'находящийся вне чего-л.' (*хaрeдж aз мoузу* 'не относящийся к теме', 'неуместный', *хaрeдж aз нoубaт* 'внеочередной', *хaрeдж aз вaсф* 'неописуемый'), арабское причастие *мaгрун* 'близкий', 'приближенный' — значение 'близкий к', 'сопутствуемый', 'сопровождаемый' (*мaгрун-э бэ hаgиaт* 'близкий к истине', 'похожий на правду', *мaгрун-э бэ сaррфэ* 'экономичный', 'выгодный', *мaгрун-э бэ мoвaффaгийaт* 'близкий к успеху', 'сопровождающийся успехом') и т. д.

Моделированные образования, в которых первый компонент подвергается переосмыслению, обладают наибольшей степенью устойчивости.

(2) Значение моделирующего компонента ослабляется и может частично изменяться, приобретая новый оттенок. Так, существительные *кaмaл* 'предел', 'крайняя степень', *фaрт* 'излишек', 'чрезмерность', *нaхaйaт* 'крайняя степень', 'предел', 'максимум', частично утрачивая абстрактное значение предметности, в состав-

²⁹ По характеру семантических взаимоотношений с последующим компонентом слова *аhл* и *aрбaб* можно сопоставить со словом *сaнэб* 'владелец', 'хозяин', которое также вступает в сочетание со многими существительными, получая значение 'обладатель', 'обладающий'. Однако в таких сочетаниях часто наблюдается ослабление синтаксической связи между компонентами — утрата изафета, что ведет к образованию сложных слов: *сaнэбхaнэ* 'домохозяин', 'домовладелец', *сaхэбзoуэ* 'талантливый', 'обладающий вкусом', 'ценитель', 'знаток', *сaнэбэхтийaр* 'полновластный, полноправный хозяин', *сaнэбтaдбир* 'мудрый', 'предусмотрительный', *сaнэбнaзaр* 'прозорливый', 'проницательный' и т. д. В связи с этим, видимо, целесообразно говорить об образовании сочетаний на основе словообразовательной модели. Вопрос о взаимоотношении таких сочетаний с моделированными образованиями нуждается в самостоятельном исследовании.

ве устойчивых словосочетаний выступают как выразители признака второго компонента, как показатели крайней степени проявления его значения: *кәмал-е тәйджәджәб* 'огромное удивление', *кәмал-е эһтәрам* 'полное уважение', *ба кәмал-е соһуләт* 'с огромной легкостью', *әз фәрт-э хәстәги* 'от чрезмерной усталости', *әз фәрт-э мәһәббәт* 'от большой любви', 'от избытка чувств', *ба нәһайәт-э джәддийәт* 'с полной серьезностью', 'очень серьезно', 'с большим усердием', 'весьма усердно', *ба нәһайәт-э хунсәрди* 'с полным хладнокровием', 'абсолютно хладнокровно' и т. д. Существительное *моүрэд* 'предмет', 'объект', несколько изменяя семантику, в составе моделированных словосочетаний получает значение 'подвергаемый чему-л.' (*моүрэд-э бәһс* 'обсуждаемый', *моүрэд-э моталәэ* 'изучаемый'), 'подлежащий чему-л.' (*моүрэд-э мобадәле* 'обмениваемый', *моүрэд-э гәбул* 'принимаемый'), 'пользующийся чем-л.' (*моүрэд-э эһтәрам* 'пользующийся уважением', 'уважаемый', *моүрэд-э нийәз* 'нужный', 'необходимый').

К этой же семантической группе моделированных словосочетаний следует отнести образования, в которых моделирующий компонент, частично ослабляя свое значение, выступает как формальный элемент, определяющий совместно с предлогом *бә* синтаксическую функцию всего словосочетания; переменный компонент несет на себе основную семантическую нагрузку. Среди них выделяются наречно-обстоятельственные обороты, образуемые сочетанием существительного *тоүр* 'способ', 'образ', 'манера' с препозитивным предлогом *бә* и последующего имени прилагательного или существительного: *бә тоүр-э камәл* 'полностью', 'в совершенстве', *бә тоүр-э рзәйәтбәхи* 'удовлетворительно', *бә тоүр-э мотәвәссәт* 'в среднем', *бә тоүр-э колли* 'в общем', 'вообще', *бә тоүр-э бисабгәэ* 'небывало', 'невиданно', 'беспрецедентно', *бә тоүр-э әтәсна* 'исключительно', 'как исключение', *бә тоүр-э возуһ* 'ясно', *бә тоүр-э әджмал* 'сокращенно', *бә тоүр-э тәсадоф* 'случайно' и т. д. Слово *тоүр* образует модель чрезвычайно широкого диапазона. Наречно-обстоятельственные обороты образуют также существительные *һәдд* 'мера', 'степень', *гәдр* 'мера', 'величина', 'степень', *нәһв* 'образ', 'способ', 'манера' и некоторые другие: *бә һәдд-э кәмал* 'в совершенстве', 'полностью', *бә һәдд-э эмкан* 'по мере возможности', *бә һәдд-э әфрат* 'в избытке', 'чрезмерно', *бә гәдр-э эмкан* 'по мере возможности', *бә гәдр-э кафи* 'в достаточной степени', *бә гәдр-э мәгдур* 'по возможности', *бә нәһв-э әһсән* 'наилучшим образом', 'в самом лучшем виде', *бә нәһв-э пәйгир* 'последовательно', 'систематически', 'постоянно', 'настойчиво', 'упорно' и т. д. Однако эти слова обладают значительно более ограниченной валентностью, чем слово *тоүр*.

Среди моделированных образований второй семантической группы особо следует выделить словосочетания, в которых в качестве моделирующего компонента используется арабское при-

частью *ǰабэл* 'способный', 'достойный', 'заслуживающий'. С помощью этого слова образуются многочисленные атрибутивные обороты, в которых оно сохраняет свое значение либо частично его изменяет. Как моделирующий компонент оно обладает несколькими значениями. При этом на каждое значение слова может быть образована целая серия устойчивых словосочетаний. В составе моделированных словосочетаний слово *ǰабэл* используется в значениях 'достойный чего-л.', 'заслуживающий чего-л.' (*ǰабэл-е энтэрам* 'достойный уважения', 'уважаемый', *ǰабэл-е э'тэмад* 'заслуживающий доверия', *ǰабэл-е тǰавǰджжон* 'достойный внимания', 'интересный'), 'допускающий', 'позволяющий' (*ǰабэл-е эджра* 'выполнимый', *ǰабэл-е бǰхшеш* 'извинительный', 'простительный', *ǰабэл-е тǰǰǰммол* 'терпимый', *ǰабэл-е тǰ'виз* 'заменяемый'), 'доступный' (*ǰабэл-е дǰрк* 'доступный для понимания', *ǰабэл-е дǰстрǰси* 'досягаемый', *ǰабэл-е обур* 'проходимый'), 'годный' (*ǰабэл-е эстэфадэ* 'годный к употреблению, к использованию', *ǰабэл-е ашамидǰн* 'пригодный для питья').

Следует отметить особую устойчивость словосочетаний с моделирующим компонентом *ǰабэл*, слитность их компонентов. Это находит выражение в том, что, постоянно выступая в адъективной функции, они, подобно словам-прилагательным, могут получать артикль, показатели степеней сравнения, присоединяемые ко второму компоненту. Например:

...*Порǰрзэштǰрин вǰ ǰабэл-е э'тэмадтǰрин вǰ мовǰссǰгтǰрин мǰвад вǰ мǰталев вǰ мǰдарэж-ра байǰд бэ дǰст авǰрд* (АФ, с. 4) '...Необходимо добыть наиболее ценные и наиболее надежные материалы и документы'.

Бэ кешвǰрǰа-йе дур-э нǰздик ко мǰк хǰним кǰрд та сǰтн-э зэндэги-йе ход-ра бэ сǰтн-э ǰабэл-е ǰǰбул-и бэ рǰсанǰнд (X, 75, с. 3) 'Мы будем помогать находящимся вблизи и вдали от нас странам, чтобы они подняли свою жизнь до более или менее нормального уровня'.

Выше были рассмотрены некоторые из наиболее часто встречающихся моделирующих компонентов, на основе которых образуются целые серии устойчивых словосочетаний. Дальнейшая задача состоит в том, чтобы установить наиболее полный список слов, выступающих в роли моделирующих компонентов, и дать обобщенную характеристику модификации и формализации их значений.

2. Одним из показателей, свидетельствующих об устойчивости моделированных образований, является ограниченность сочетательных возможностей моделирующего компонента по отношению к переменным компонентам. Даже те моделирующие компоненты, которые обладают способностью образовывать модели очень широкого диапазона, вступают в сочетание не со всеми словами определенной семантической группы. При этом на характер сочетательных возможностей моделирующего компонента влияет не столько его значение, сколько узус, традиция

употребления. Так, рассмотренные выше моделирующие компоненты *аһл*, *а́рбаб*, *ка́мал*, *моу́рэд*, *һосн*, *су*, *за́бэл* и другие обладают определенными ограничениями при соединении с другими словами, не вытекающими непосредственно из их семантики. Поэтому можно утверждать, что все словосочетания такого рода строятся по модели ограниченного характера. Задача заключается в том, чтобы раскрыть наиболее полно сочетательные возможности каждого моделирующего компонента, указав на типичные моделированные словосочетания, которые он способен образовывать.

Выше были названы некоторые из наиболее распространенных моделированных словосочетаний, образуемых этими моделирующими компонентами. Например, можно сказать *аһл-е а́дәб* 'литератор', 'знаток литературы', *аһл-е ше'р* 'знаток поэзии', но нельзя образовать словосочетания *аһл-е аваз* 'знаток пения', *аһл-е һәср* 'знаток прозы'; можно сказать *а́рбаб-э данәш* 'ученые', *а́рбаб-э джәрайед* 'журналисты', 'газетчики', но нельзя образовать словосочетания *а́рбаб-э забаншенаси* 'языковеды', *а́рбаб-э мәджәллеһа* 'журналисты'; можно сказать *су'-э эстәфадә* 'злоупотребление', 'плохое использование', *су'-э тәгзийе* 'плохое питание', но нельзя образовать словосочетание *су'-э эджра* 'плохое выполнение' и т. д. Искусственными выглядят словосочетания *ка́мал-е тәрс* 'большой страх', *ка́мал-е хәшм* 'большой гнев', *за́бэл-е хәндә* 'достойный смеха', *за́бэл-е герйе* 'достойный оплакивания', *моу́рэд-э тәйджәдҗоб* 'вызывающий удивление', *дур аз хәндә* 'несмешной', 'не вызывающий смеха' и т. д.

Отсутствие четких закономерностей в образовании моделированных словосочетаний свидетельствует о том, что они по своей воспроизводимости приближаются к типичным ФЕ и требуют запоминания.

Представляют интерес антонимические и синонимические взаимоотношения между моделирующими компонентами. При образовании моделированных словосочетаний некоторые моделирующие компоненты выступают как антонимы и синонимы: ср., например, *һосн-э ниййәт* 'доброе намерение', 'доброжелательность' и *су'-э ниййәт* 'дурное намерение', *һосн-э ахлағ* 'добронравие' и *су'-э ахлағ* 'развращенность', *һосн-э зәһн* 'высокое мнение', 'доброжелательство' и *су'-э зәһн* 'плохое мнение', 'подозрительность', *бә тоу́р-э рзәйәтбәхш* и *бә һәһв-э рзәйәтбәхш* 'удовлетворительно', *бә тоу́р-э аһсан* и *бә һәһв-э аһсан* 'наилучшим образом', 'в наилучшем виде'. Однако антонимичность и синонимичность моделирующих компонентов проявляются не всегда регулярно. Так, если можно сказать *су'-э тәгзийе* 'плохое питание', то нельзя сказать *һосн-э тәгзийе* 'хорошее питание'; можно сказать *һосн-э сурәт* 'красота', 'миловидность', 'привлекательность', но нельзя сказать *су'-э сурәт* 'некрасивость', 'неинтересность'. Существительные *тоу́р* и *һәһв* 'спо-

соб', 'образ', 'манера', образующие многочисленные адвербиальные обороты, не во всех случаях взаимозаменяются как синонимы. Так, получили распространение словосочетания *бэ тоур-э колли* 'в общем', 'вообще', *бэ тоур-э этэсна* 'исключительно', 'как исключение', *бэ тоур-э возуһ* 'ясно', *бэ тоур-э тасадоф* 'случайно', в которых слово *тоур* не может быть заменено на слово *наһв*. Аналогичные ограничения можно наблюдать при взаимозамене синонимичных моделирующих компонентов *аһл* и *арбаб*.

3. Важное условие образования моделированного словосочетания — наличие моделирующего значения у первого компонента и сохранение лексического значения переменного компонента. Сдвиги в значениях компонентов свидетельствуют о нарушении структурно-семантической модели и превращении таких словосочетаний в собственно фразеологизмы. Вместе с тем эти сдвиги выступают как ограничители образования словосочетаний на основе данной структурно-семантической модели и служат косвенными показателями устойчивости моделированных словосочетаний.

Изменениям могут подвергаться значения каждого из компонентов или обоих компонентов вместе. Изменение значения первого компонента — это утрата типового значения, которое он получил в результате регулярного использования в составе моделированных словосочетаний, например: *арбаб-э рэджу* 'клиенты', *аһл-е айал* 'жена и дети', 'чада и домочадцы'. В этом случае слово либо выступает в своем лексическом значении, либо утрачивает лексическое и моделирующее значение. В результате этого словосочетание выпадает из ряда моделированных образований.

При изменении значения переменного компонента независимо от того, сохраняет или не сохраняет первый компонент моделирующее значение, словосочетание становится чисто фразеологическим: *аһл-е гайлам* 'писатель', 'литератор' (*гайлам* 'ручка', 'слог', 'стиль'), *су-э наяр* 'недоброжелательность' (*наяр* 'взгляд', 'мнение'), *носн-э майта* 'счастливый исход', 'благополучное окончание чего-л.' (*майта* 'заключительный бейт стихотворения') и т. д.

Наиболее далеко от моделированных образований отстоят словосочетания, в которых оба компонента изменяют значения: *су-э гасд* 'покушение', *аһл-е дуд* 'курящий', *носн-э Йусэф* — род мха, лишайника и т. д.

4. За каждой структурно-семантической моделью закреплено определенное категориальное значение — в этом также проявляется устойчивость моделированных словосочетаний. Так, образования с моделирующими компонентами *аһл*, *арбаб*, *носн*, *су*, *каман* выступают исключительно как субстантивные словосочетания, образования с моделирующими компонентами *габэл*, *моурэд*, *харэдж*, *дур*, *магрун* — как адъективные словосочетания, образования с моделирующими компонентами *тоур*, *наһв*, *гадр*, *гадд* — как адвербиальные словосочетания. Примеры:

Һәмварэ нэсбят бэ әрбаб-э роджу' һосн-э солук заһэр сахтэ... (X, 42, с. 9) 'Он всегда хорошо относится к клиентам...'

Аз әһл-е данэш тәгаза дарим дәр әтраф-э ин мәтләб әгайед-э ход-ра бэнэвисәнд (ПН, 4, с. 2) 'Мы просим специалистов высказать свое мнение по этому вопросу в письменном виде'.

...Мәмләкәт-ра бэ кәмал-е гәдрәт рәсанид (ХМ, с. 7) '...Он превратил страну в могущественное государство'.

Мәбләг-и моадэл-е 6000 рийал бәрайе хәрид-э дару-ие моурэд-э нийаз аз мән бэ гәрз герэфт (X, 45, с. 39) 'Он взял у меня взаймы 6000 риалов для покупки необходимого лекарства'.

Ан-че бэ фарси нәшр дадәнд бэ зәбан-и буд ке-дур аз зәһн-о зоүг-э ирани нәбуд (X, 58, с. 20) 'То, что они опубликовали на персидском языке, было понятно и близко иранцам'.

Ин рәвэш һәнүз ру-ие энсан азмайеш нәшодә вә эзафэ нәмуд-ке дәр джанвәран мәгрун-э бэ моваффагыйит будә әст (X, 48, с. 38) 'Этот метод еще не испытан на человеке, а на животных, — добавил он, — близок к успеху'.

Холадад бэ тоур-э тәсадоф ин аваз-ра шенидә буд (ХСК, с. 74) 'Холадад случайно услышал это пение'.

Обладая устойчивым категориальным значением, те или иные моделированные словосочетания выступают как средства выражения определенных частей речи, восполняя недостаточную выраженность этих частей речи отдельными словами. Так, в персидском языке количество слов, имеющих четкие лексико-грамматические свойства наречий, весьма невелико, поэтому в качестве адвербиальных оборотов широко используются устойчивые словосочетания с моделирующими компонентами *тоур*, *нәһв*, *гәдр* и др.

5. Моделированные словосочетания характеризуются устойчивостью структуры, что проявляется в следующем:

(1) Компоненты моделированных образований соединяются между собой при помощи тех же грамматических средств связи, которые были отмечены выше при рассмотрении именных фразеологизмов. Эти средства закреплены за каждой структурно-семантической моделью и остаются неизменными в пределах данной модели. Выделяются моделированные словосочетания с изафетной связью (*әһл-е логәт* 'лексиколог', 'лексикограф', *кәмал-е әһтәрам* 'полное уважение', *һосн-э ниййәт* 'доброе намерение', 'доброжелательность', *моурэд-э пишнәһад* 'предложенный'), с предложной связью (*дур аз зәһн* 'трудный для понимания', 'непонятный', *харэдж аз вәсф* 'неописуемый', *мәгрун-э бэ сәрфә*³⁰ 'экономичный', 'выгодный') и с примыкающей связью (*һәр-че биштәр* 'как можно больше', *һәр-*

³⁰ В словосочетаниях с моделирующим компонентом *мәгрун* наряду с предлогом *бэ* устойчиво употребляется изафетный показатель.

че зудтәр 'как можно раньше', 'как можно быстрее', һәр-че садэтәр 'как можно проще'). Моделированные словосочетания с сочинительной связью отсутствуют.

Моделированные словосочетания с примыкающей связью представлены устойчивыми сочетаниями слов, в которых в качестве моделирующего компонента выступает словосочетание *һәр-че*, подвергшееся переосмыслению и требующее постановки прилагательного в сравнительной степени (см. приведенные выше примеры):

Ба бәрәфрухтэги-йе һәр-че тәмамтәр хәтаб бә мән фәрмуд... (X, 70, с. 25) 'С большим волнением, обращаясь ко мне, он сказал...'

Һәр-че зудтәр бәр-мигәрдим вә эншайллаһ мождә-йе хуб бәрай-әт миавәрим (ДЖТ, с. 178) 'Мы должны как можно быстрее возвратиться и, бог даст, принесем вам хорошее известие'.

(2) Среди моделированных образований выделяются препозитивно-предложные словосочетания, в которых предлог является неотъемлемым элементом их структуры, например: *бә тоур-э колли* 'в общем', 'вообще', *бә һәдд-э эмкан* 'по мере возможности', *бә гәдр-э кафи* 'в достаточной степени', *әз фәрт-э хәстэги* 'от большой усталости'.

От словосочетаний с облигаторным предлогом необходимо отличать словосочетания, в которых предлог, не являясь элементом их структуры, выступает как выразитель синтаксической функции этих словосочетаний и употребляется в зависимости от требований контекста. Такие словосочетания встречаются как с предлогами, так и без них. Ср., например, употребление двух словосочетаний с предлогом и без него, образованных на основе моделирующего компонента *кәмал*: *Сәпаһ-э Иран кәмал-е шоджайт-ра боруз дад* (ХМ, с. 3) 'Иранская армия проявила огромную отвагу' и... *Тәванэст ин бәрнамә-йе мәлли-ра ба кәмал-е эфтэхар бә пайан бәрәсанәд* (ХМ, с. 664) '...Он сумел выполнить с большой для себя честью эту национальную программу'.

(3) Каждая структурно-семантическая модель характеризуется твердым порядком следования компонентов, между которыми не могут вклиниваться другие слова. На первом месте находится моделирующий компонент, за которым следует переменный компонент; грамматическая форма последнего остается неизменной в пределах данной модели.

ОТЛИЧИЕ СЕРИЙНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ-ТЕРМИНОВ ОТ МОДЕЛИРОВАННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

К моделированным словосочетаниям по структуре и характеру своего образования весьма приближаются многочисленные серийные словосочетания терминологического типа, возникающие на базе одного, неоднократно повторяющегося опорного слова.

В составных терминах первый компонент является выразителем основного значения, а второй компонент указывает на его видовую принадлежность, конкретизирует и уточняет значение, ограничивает сферу его применения, например: *ротубът-э мотлӓ* 'абсолютная влажность', *ротубът-э джӓвв* 'атмосферная влажность', *ротубът-э һӓва* 'влажность воздуха', *ротубът-э һигроскопик* 'гигроскопическая влажность', *ротубът-э хак* 'влажность грунтов', *ротубът-э боһрани* 'критическая влажность' и т. д. [52, с. 87], *һӓмле аз пиш* 'атака спереди', *һӓмле аз чӓп* 'атака слева', *һӓмле аз һалът-э ширдӓже* 'атака с пикирования', *һӓмле аз ӓӓӓб* 'атака с тыла', *һӓмле аз кӓмин* 'атака из засады', *һӓмле аз һӓва* 'нападение с воздуха' и т. д. [7, с. 117]³¹.

Сочетательные возможности опорного слова составных терминов определяются не традицией, не его валентностью, а другими факторами, в частности необходимостью наиболее полно и точно выразить понятия, предметы и явления реальной действительности. Поэтому серийные словосочетания терминологического характера не относятся к моделированным образованиям.

Большое количество составных терминов, образовавшихся на основе общего опорного слова, составляют названия цветов, деревьев, рыб и птиц. В качестве повторяющегося опорного слова используются слова *гол* 'цветок', *дэрӓхт* 'дерево', *маһи* 'рыба', *морз* 'птица': *гол-е ӓбришӓм* 'шелковая акация', *гол-е ӓхтӓр* 'канна индийская', *гол-е эстӓкан* 'колокольчик', *гол-е ӓшрӓфи* 'ноготки', 'пион', *гол-е аһар* 'цинния изящная', *гол-е бӓһмӓн* 'подснежник', *гол-е бушӓһри* 'рододендрон', *гол-е давуди* 'хризантема', *гол-е моһӓммӓди* 'дамасская роза' и т. д.; *дэрӓхт-э бӓлут* 'дуб', *дэрӓхт-э алу* 'слива', *дэрӓхт-э сиб* 'яблоня', *дэрӓхт-э кадӓж* 'сосна', *дэрӓхт-э ӓнгур* 'виноградная лоза' и т. д.; *маһи-ӓе азад* 'лосось', 'семга', *маһи-ӓе эсӓмри* 'макрель', 'скумбрия', *маһи-ӓе тас* 'осетр', *маһи-ӓе сӓфид* 'кутум', 'белорыбница', *маһи-ӓе суф* 'судак', *маһи-ӓе кусӓ* 'акула' и т. д.; *морз-э сӓгӓа* 'пеликан', *морз-э зӓмбурхор* 'синица', *морз-э баран* 'ржанка', *морз-э солейман* 'удод', *морз-э мӓлӓх* 'пигалица' и т. д.

Своеобразие приведенных выше серийных образований по сравнению с моделированными словосочетаниями заключается в следующем:

1. Первый компонент составных терминов-названий нередко факультативен, поэтому названия многих цветов, деревьев, птиц и т. д. могут быть выражены одним словом или словосочетанием³²: *михӓк* и *гол-е михӓк* 'гвоздика', *шӓббуй* и *гол-е шӓббуй* 'левкой', *бӓлут* и *дэрӓхт-э бӓлут* 'дуб', *кадӓж* и *дэрӓхт-э кадӓж* 'сосна', *алубалу* и *дэрӓхт-э алубалу* 'вишня', *кусӓ* и *маһи-ӓе кусӓ* 'акула', *суф* и *маһи-ӓе суф* 'судак' и т. д.

³¹ Характеристику составных терминов серийного характера см. также на с. 69—70 наст. изд.

³² Характеристику факультативных именных фразеологизмов см. на с. 41 наст. изд.

2. Во многих составных названиях пропуск первого компонента полностью исключается: *гол-е аһар* 'цинния изящная', *гол-е давуди* 'хризантема', *гол-е моһәммади* 'дамасская роза', *маһи-йе азад* 'лосось', 'семга', *маһи-йе сәфид* 'кутум', 'белорыбица', *морғ-э баран* 'ржанка', *морғ-э мәләх* 'пигалица', *морғ-э солейман* 'удод', *морғ-э сәғга* 'пеликан'. В этих случаях второй компонент утрачивает свое лексическое значение.

Итак, ознакомление с различными видами составных терминов, образованных на основе общего опорного слова, показывает, что они отличаются от именных моделированных словосочетаний как по семантическим, так и по структурным свойствам и на этом основании не могут рассматриваться как моделированные образования.

Часть третья

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Среди ФЕ со структурой словосочетания наиболее многочисленную группу составляют глагольные фразеологизмы. Они весьма широко распространены в современном персидском языке, — и это не случайно, ибо в языке с ярко выраженными чертами аналитизма, каким является персидский, получают большое развитие не только различного вида аналитические конструкции (в основном в области глагола), но и различного типа фразеологические сочетания слов, служащие, подобно лексическим единицам, структурным материалом для синтаксиса. Они весьма разнообразны как по своему компонентному составу, так и по семантической структуре.

К глагольным ФЕ относятся устойчивые словосочетания, состоящие из двух основных частей — именной и глагольной. Именная часть (далее — ИЧ)¹ может состоять из одного, двух или более слов, глагольная часть выражается простым, префиксальным или сложным глаголами. Во всех разновидностях глагольных фразеологизмов глагол всегда находится в конце словосочетания. Такая позиционная обусловленность глагола диктуется строгим порядком расположения слов в персидском языке.

В зависимости от состава ИЧ и всей структуры словосочетания глагольные ФЕ можно разделить на двучленные и многочленные. При этом предлоги, относящиеся к ИЧ, при определении состава глагольного фразеологизма в расчет не принимаются.

Обладая всеми основными свойствами фразеологизмов, глагольные ФЕ выступают в предложении как единый член, наиболее часто как сказуемое. Они обозначают действие, состояние или процесс, выполняя в предложении все грамматические функции глагола. Глагол — грамматически господствующее слово, обладающее формами словоизменения, сообщает всему словосочетанию категориальное значение глагольности и позволяет вводить

¹ Следует отметить условный характер данного наименования, поскольку ИЧ может быть выражена не только именными, но и другими частями речи (напр., наречиями, междометиями).

глагольные ФЕ в состав предложения по законам грамматики персидского языка. Будучи сходными по своим свойствам с инфинитивом простого глагола, они могут выступать и в роли субстантивных членов предложения, т. е. употребляться как отглагольные существительные, приобретая грамматические свойства последних. В этом проявляется связь между именными и глагольными ФЕ. Примеры:

Бэ д̄жоз хокм дад̄ан чиз-э диг̄ар-и нэмиданэст (ХСК, с. 109) 'Он ничего другого не знал кроме как приказывать'.

... Ба т̄амам-э р̄анд̄жа ва хун-э дэл хорд̄анхайи-ке зэн-дэги д̄яр йек ченин моһит бэначар п̄дид миав̄ард ба зорур ва шайестэги кушид̄анд та д̄жамээ ва ф̄арһанг-е Иран-ра д̄яр м̄асир-э мот̄арэг̄ги бэ д̄желоу б̄ар̄анд (РК, с. 235) '... Несмотря на все мучения и трудности, которые в этих условиях волей-неволей создавала жизнь, они с присущими им гордостью и достоинством старались направлять иранское общество и культуру на путь прогресса'.

Наибольшее распространение в персидском языке получили двучленные глагольные ФЕ.

Глава I

СЛОЖНЫЙ ГЛАГОЛ

Двучленные глагольные ФЕ в многочисленных работах, грамматиках и учебниках персидского языка обычно называются сложными глаголами. Именно эта разновидность глагольных фразеологизмов более всего изучена теоретически [см. 10, с. 34—39; 98; 62, с. 288—290; 99; 123, с. 23—79] и больше, чем любой другой вид устойчивых сочетаний слов, отражена в словарях персидского языка.

По своим фразеологическим и грамматическим свойствам СГ представляют весьма пеструю картину: они неоднородны как по семантической слитности компонентов, так и по характеру лексико-грамматических взаимоотношений между ними; обладая свойствами фразеологизмов, они в то же время обнаруживают признаки аналитических конструкций, а отдельные их разновидности приближаются к свободным глагольным словосочетаниям.

Одна из больших трудностей, с которыми приходится сталкиваться при изучении персидского языка,— это овладение разнообразными видами СГ: запоминание различных вариантов сочетания имен с компонирующими глаголами (далее — КГ) и образующихся при этом многочисленных значений, запоминание способов глагольного управления и особенностей употребления тех или иных СГ в форме РК. К сожалению, в имеющихся переводных и толковых словарях персидского языка СГ отражены недостаточно полно якобы из-за ясности и понятности значений этих устой-

чивых глагольных словосочетаний; неполно представлены КГ, выступающие как эквиваленты при образовании вариантных форм СГ; как правило, не указываются способы управления.

Хотя проблема персидского СГ давно занимает иранистов, тем не менее вопросы о природе СГ, об отношении его к сложному слову и словосочетанию, о его месте в системе языка, т. е. в грамматике и фразеологии, о его фразеологических и аналитических свойствах не являются до конца выясненными². Решенность указанных вопросов затрудняет дальнейшее изучение этой фразеолого-грамматической категории, мешает единообразной и правильной подаче СГ в персидских словарях. Различное понимание природы СГ приводит к тому, что в словарях они даются либо внутри словарных статей на ИЧ (при рассмотрении СГ как фразеологического словосочетания), либо самостоятельными словарными статьями (при рассмотрении СГ как сложного слова)³.

В грамматиках, изданных в Иране, природа СГ либо совсем не раскрывается, либо СГ рассматриваются как сложное слово. В них СГ, как правило, не отделяются от префиксальных; характеристика их носит весьма общий характер и ограничивается констатацией единого значения, которое выражают СГ, и указанием на служебную роль глагольного компонента. Среди этих работ следует особо выделить книгу П. Ханляри «Структура глагола» [123], изданную в 1970 г. как часть многотомного труда «История персидского языка». Хотя эта работа основывается на материале раннего периода в развитии языка (IX—XIII вв.), методика исследования, примененная в ней, и выводы, вытекающие из обследования большого количества текстов, могут быть использованы при исследовании структурных видов глагола современного персидского языка.

Главное внимание уделено характеристике СГ, которым посвящена вся третья глава, занимающая почти половину книги. П. Ханляри определяет СГ как словосочетание, состоящее из двух слов, первое из которых — существительное или прилагательное, а второе — глагол [123, с. 23]. К сожалению, автор недостаточно глубоко и подробно затрагивает такие важные вопросы природы СГ, как отношение СГ к сложному слову и устой-

² Слабую изученность СГ в иранских языках отмечает Ю. Ю. Авалиани [2; 3].

³ В толковых словарях персидского языка СГ представлены непосредственно: СГ, ИЧ которых не имеет предлога, даются, как правило, самостоятельными статьями; СГ с предлогами перед ИЧ приводятся как внутри словарных статей, так и самостоятельно. В толковом словаре М. Моина [131] двучленные глагольные словосочетания без предлога рассматриваются как одна лексема и поэтому даются в виде самостоятельных вокабул; глагольные словосочетания с предлогами чаще приводятся в словарных статьях на ИЧ, но можно встретить немало случаев, когда такого рода устойчивые словосочетания даются самостоятельными статьями в алфавитном порядке с учетом предлога. Аналогичный подход к подаче СГ наблюдается и в толково-энциклопедическом словаре А. Деххода [126].

чивому словосочетанию, контактное и дистантное положение компонентов, отношение СГ к различным видам составных сказуемых и т. д. Общая непоследовательность в определении такого рода глагольных словосочетаний, характерная для иранских авторов, иногда наблюдается и в этой работе. Например, на с. 25 в отношении СГ употреблен термин «сложное слово». Имеются неточности и иного порядка, связанные с определением количественного состава компонентов, исключением некоторых простых глаголов из числа компонирующих и т. д.

Приступая к характеристике структурно-семантических свойств этих сочетаний, прежде всего укажем на отличительные особенности СГ по сравнению со сложным словом.

ОТЛИЧИЕ СГ ОТ СЛОЖНОГО СЛОВА

СГ, обладая всеми семантическими, морфологическими и синтаксическими свойствами глаголов, не являются сложными словами, а представляют собой глагольные словосочетания разной степени устойчивости, компоненты которых сохраняют словесную автономность. В этом убеждает нас фонетический, лексико-морфологический и синтаксический анализ.

1. СГ состоит из именной и глагольной части, составляющих в предложении (при контактном положении) одну синтагму. Каждая часть сохраняет самостоятельное ударение и отделяется от другой небольшой паузой. Главное ударение падает на ИЧ, несущую на себе основную семантическую нагрузку, а второстепенное — на КГ. Однако в речи в отдельных случаях главное ударение может переходить и на КГ (напр., в вопросительных предложениях с определено-альтернативным вопросом, в отрицательных предложениях).

Следует отметить, что даже в таких СГ, в которых ИЧ не имеет самостоятельного лексического значения (благодаря этому создается наибольшая структурно-семантическая спаянность между компонентами; а сами глагольные словосочетания ближе всего стоят к сложным словам — *мотйсә ррэф шодән* 'захватывать', *йадавар шодән* 'напоминать', *гом кәрдән* 'терять'), каждый компонент сохраняет свое словесное ударение и отделяется паузой.

Как известно, персидский язык обладает связанным словесным ударением, характеризующимся тем, что в слове оно падает на последний слог⁴. Сложные слова не представляют в этом отношении исключения: какого бы типа они ни были (состоящими из двух или трех основ именного или глагольного происхождения), главное ударение всегда несет на себе последний слог последней основы. Таким образом, каждая часть СГ в отличие от

⁴ В данном случае слова, в которых ударение находится не на последнем слоге, по причине их немногочисленности в расчет не принимаются. Не учитывается также ударение в личных формах глагола, так как в зависимости от наличия приставок и интонации всей фразы оно может меняться.

составных частей сложных слов обнаруживает фонетическую самостоятельность.

В персидском языке ударение и следующая за ним пауза играют большую роль в установлении границ слова и отграничении сложного слова от свободных и фразеологических словосочетаний. Так, сложное слово *kāmbāhā* 'дешевый' (из *kām* 'малый' и *bāha* 'цена') отличается от сочетания слов *kām* и *bāha* в составе устойчивого глагольного словосочетания *kām bāha dadān* 'недооценивать' (напр., *Bē hātār-ē zēlzēle kām bāha midēhād* 'Он недооценивает опасности землетрясения') единым ударением и отсутствием паузы между составными элементами. Многие сложные слова, такие, как *īekdāst* 'однорукий', 'с одной рукой', 'однородный', *īekna* 'одноногий', 'на одной ноге', *īekrāng* 'одноцветный', 'искренний', *īekdža* 'вместе', 'целиком', 'сразу' и т. д., в отличие от свободных словосочетаний аналогичного состава — *īek dāst* 'одна рука', *īek na* 'одна нога', *īek rāng* 'один цвет', *īek dža* 'одно место' и т. д., помимо семантического сдвига характеризуются ударением на последнем слоге и отсутствием паузы между составными элементами.

В связи с разграничением СГ и сложного слова на основе акцентной структуры этих сочетаний следует обратить внимание на место ударения в причастных формах, образованных от СГ. Так, в причастиях прошедшего времени, употребляемых в составе аналитических форм, главное ударение падает на ИЧ, которая отделяется от причастной формы КГ небольшой паузой: *tāhšīl kārdē budānd* 'они учились', *zīgāl šodē āst* 'занято', *asīb didē ānd* 'они понесли убытки' и т. д. Однако в тех случаях, когда причастия прошедшего времени СГ используются в субстантивной и атрибутивной функциях, ударение с ИЧ переносится на последний слог причастной формы КГ, а пауза исчезает: *tāhšīl kārdē* 'обученный', 'полученный', *zīgāl šodē* 'оккупированный', 'занятый', *asīb didē* 'поврежденный', 'понесший убыток' и т. д. Перенос ударения на последний слог последнего слова, сопровождаемый утратой паузы, свидетельствует о превращении этих сочетаний в сложные слова.

Аналогичный перенос ударения на последний слог и превращение сочетаний в сложные слова наблюдаются при образовании так называемых причастий «долженствования» от СГ: *ēdžrašō dānī*, *āndžamšōdānī* 'выполнимый', 'осуществимый', *bavār kārdānī* 'заслуживающий доверия', 'правдоподобный', 'надежный', *ramšōdānī* 'покоряющийся', 'подчиняющийся', 'поддающийся приручению' и т. д.

В причастиях настоящего времени на *-āndē*, образованных от СГ, главное ударение падает на последний слог причастной формы: *tāmāšakōndē* 'зритель', *emzakōndē* 'подписывающийся', *tāškil dāhāndē* 'организатор' и т. д. В связи с этим они также являются сложными словами.

2. Глагольная часть СГ полностью сохраняет свои парадигма-

тические свойства. При образовании различных временных форм и форм наклонений к КГ прибавляют соответствующие глагольные приставки (*ми-*, *бэ-*), а вспомогательный глагол *хастън*, образующий форму будущего категорического времени, помещается между ИЧ и КГ.

Наоборот, имя существительное, входящее в состав СГ, обычно выступает в наиболее обобщенном виде как выразитель целого класса однородных предметов и явлений и поэтому теряет свои парадигматические свойства. Тем не менее при определенных синтаксических и стилистических условиях между компонентами СГ «оживают» синтаксические связи, и ИЧ может обнаруживать свои грамматические свойства: принимать артикль, получать показатели множественного числа, оформляться послелогом *-ра*, сопровождаться определениями. Но единство СГ при этом не нарушается, ибо само по себе наличие грамматических формантов и зависимых от ИЧ слов не может служить причиной распада СГ, если между компонентами сохраняется семантическая монолитность. Примеры:

Та аз у соал-и нэмикърдънд, джъаваб-и нэмидад (АЧ, с. 10) 'Пока у него не спрашивали, он не отвечал'.

Һәмин-ке ан һәрф-ра зәддәм чәһрә-йе әндуһгин вә гийафә-йе наомид-э зән дәр йек ләһзә тәгйир кәрд (X, 43, с. 25) 'Как только я произнес эти слова, грустное и не выражавшее никакой надежды лицо женщины сразу преобразилось'.

Аз һәмин хала һәмсайена чәп-э раст бә мән нишхәндһаво тә'нәһа мизәнд (АШ, с. 258) 'С этого момента соседи повсюду подсмеиваются надо мной'.

Компоненты сложных слов, независимо от того, представлены ли они основами именного или глагольного происхождения, полностью утрачивают свои парадигматические свойства, и последние не восстанавливаются в зависимости от тех или иных грамматико-стилистических условий.

3. Многие СГ могут иметь не только контактное построение своих компонентов, но и дистантное, т. е. при определенных синтаксических и стилистических условиях способны образовывать РК. Например, СГ *дахэл шодън* 'входить', имеющий контактное построение (именная и глагольная части примыкают друг к другу), образует рамку — *дахэл-е джа-йи шодън* 'входить куда-либо', — представляющую собой дистантное построение (между ИЧ и КГ вклинивается непостоянный член — обстоятельство места). РК способны образовывать также и СГ, ИЧ которых не обладает самостоятельным лексическим значением, что свидетельствует о неправомерности отнесения таких СГ к сложным словам. Например:

... Ан руз аз шеддәт-э тә'джил молтәфәт-э ан нәшодә буд (ХСК, с. 29) '...В тот день из-за большой спешки он не обратил на него внимания'.

Персидские сложные слова не допускают дистантного поло-

жения образующих их частей, являются непроницаемыми образованиями.

4. У многих СГ КГ могут быть заменены на другие КГ, выступающие как их эквиваленты. Причем один КГ может иметь два-три, а иногда и больше эквивалентов: *азад кӳрдӳн* — *азад сахтӳн* — *азад нӳмудӳн* 'освобождать', *э'лам кӳрдӳн* — *э'лам дадӳн* — *э'лам даштӳн* 'объявлять', *сӳдӳмэ дидӳн* — *сӳдӳмэ хордӳн* 'получать повреждение', 'терпеть ущерб' и т. д.

Компоненты сложного слова образуют настолько тесное фонетическое, семантическое и структурное единство, что замена их становится невозможной. Сложное слово перестало бы быть таким, если допускало бы замену своих компонентов на другие.

5. Иногда в текстах встречаются случаи инверсии ИЧ — постановки ее после КГ, что вызывается определенным стилистическим заданием или необходимостью соблюдения ритма стихотворной речи. Примеры:

Һӳмэ зӳдӳнд зир-э хӳндэ ... (ХСК, с. 32) 'Все вдруг громко расхохотались...'

Зӳбан-э сорх сӳр-э сӳбз мидэһӳд бӳр бад 'Бойкий язык способен загубить незрелую голову' (пословица; соотв. 'Язык мой — враг мой').

6. Нередко в текстах наблюдаются пропуски КГ, но общее значение СГ при этом остается неизменным. Примеры:

Ба дӳстһа-йе зомохт-э ход-ӳш ... кешт-э дӳрзӳ минӳмуд (ХСК, с. 71) 'Своими огрубелыми руками он ... сеял и убирал урожай'.

...У-ра ӳз сӳлтӳнӳт хӳл' вӳ мӳһбус кӳрдӳнд (ХМ, с. 30) '... Его лишили престола и арестовали'.

Рассмотренные выше случаи инверсии и пропуска одной из частей сочетания несвойственны сложным словам.

В текстах (особенно в газетных) можно встретить слитное написание ИЧ и КГ. Но слитное написание частей СГ не может служить показателем превращения их в сложные слова и отражает только лишь неустойчивость и ненормированность современной персидской орфографии [см. 84, с. 153].

Итак, в СГ отсутствуют главнейшие признаки сложного слова: фонетическая цельность, обеспечиваемая постановкой главного ударения на последнем слоге, неразрывность и незаменяемость составляющих компонентов, грамматическая цельноформленность.

Компоненты СГ при всех обстоятельствах в структурном отношении остаются самостоятельными словами, несмотря на то что отдельные значения компонентов могут поглощаться целостным значением СГ, а синтаксические связи между ними сильно ослаблены.

Сам термин «сложный глагол» не соответствует природе этих глагольных сочетаний, ибо СГ, как было показано выше, сохраняет раздельноформленность своих компонентов и не может рас-

сма­тривать­ся как слож­ное сло­во⁵. Пред­при­нимались по­пыт­ки за­менить это на­зва­ние дру­гими — «состав­ной гла­гол», «слож­но­имен­ной гла­гол», «гла­голь­ная пе­риф­ра­за». Тер­мин «слож­ный гла­гол» не соот­но­сителен с та­кими тер­минами, как «слож­ное су­ществитель­ное», «слож­ное при­ла­гатель­ное», обо­зна­чаю­щими слож­ные сло­ва, а не сло­восочетания. Тем не менее, вряд ли было бы це­лесо­образно от­ка­зы­ваться от этого на­имено­вания, по­сколь­ку тер­мин «слож­ный гла­гол» по­лучил боль­шое рас­про­стране­ние в науч­ной ли­тературе и учеб­никах пер­сид­ского язы­ка и по тра­диции со­храняется и в на­сто­ящее время.

Если рас­сма­тривать со­отно­ше­ние СГ с син­так­сическими сло­восочетаниями, аналитическими кон­струк­циями и типичными фразеологизмами, то без пред­варительного все­сторон­него анал­и­за се­ман­тической струк­туры СГ и их струк­турно-грам­матических свойств от­ве­тить на во­прос об их сход­стве и различии не пред­ставляется воз­мож­ным.

СГ КАК РАЗ­НО­ВИ­ДНОСТЬ ГЛА­ГОЛЬ­НЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Что же пред­став­ляет собой СГ как раз­но­вид­ность ус­той­чивых гла­голь­ных сло­восочетаний и каковы его струк­турные, грам­матические и се­ман­тические особен­ности по срав­нению с мно­го­членными ФЕ?

В ра­ботах по пер­сид­скому язы­ку нет опре­деленного и четкого от­ве­та на этот во­прос. Очень часто в раз­ряд СГ вклю­чают не толь­ко двучленные со­че­тания, состо­ящие из имени и гла­гола, но и мно­го­членные, состо­ящие из двух и даже более имен и гла­гола.

П. Хан­ляри, опре­деляя СГ как со­че­тание, состо­ящее из двух слов, од­но­вре­менно от­ме­чает (в примечании на той же странице), что СГ может состо­ять и более чем из двух слов [123, с. 23]. Тем не менее, когда речь за­ходит о гла­голь­ных сло­восочетаниях, состо­ящих из трех и более слов, одно из которых — пред­лог, он от­де­ляет эти сло­восочетания от СГ и рас­сма­тривает в са­мо­стоя­тельной главе, на­зы­вая их «гла­голь­ными выра­жениями» [123, с. 81]. Та­кая не­чет­кость в опре­делении ко­личественного со­ста­ва ком­понентов СГ за­труд­няет от­гра­ни­чение их от ус­той­чивых мно­го­членных гла­голь­ных сло­восочетаний.

М. Шаки, анал­и­зируя двучленные гла­голь­ные сло­восочетания различ­ной се­ман­тической струк­туры, на­зы­вает их «фразеологическими гла­голами». Од­но­вре­менно он от­ме­чает, что к фразеоло­гии могут быть от­несены толь­ко те фразеологические гла­голы, в которых имеет место се­ман­тический сдвиг, а все ос­тальные пред­став­ляют со­бою свободные груп­пы слов [118, с. 48].

⁵ На неточность термина «сложный глагол» справедливо указывалось в ряде работ [см. 119, с. 329; 62, с. 288—289; 99, с. 141]. Ж. Лазар в «Грамматике современного персидского языка» в знак условности применения этого термина за­ключает слово «сложный» в кавычки [114, с. 287].

На основе семантических критериев различные исследователи относят к СГ разнообразные глагольные словосочетания, начиная от самых идиоматических и кончая малоустойчивыми, в которых значения компонентов сохраняются неизменными.

Таким образом, понятие «сложный глагол» не имеет четкого определения и по существу включает в себя разные виды глагольных словосочетаний, что неизбежно ведет к теоретической путанице.

Изучение структуры и особенностей функционирования различных видов глагольных фразеологизмов в персидском языке показывает, что ФЕ типа СГ представляют собой сложное и подчас противоречивое явление в структурном и семантическом отношениях и отличаются от многочленных глагольных фразеологизмов (далее — МГФ) не только количеством компонентов, но и рядом структурно-семантических свойств.

Большинство СГ имеет одно типовое строение — «ИЧ+КГ». В состав многих СГ входят предлоги, помещаемые перед ИЧ. Порядок расположения компонентов строго фиксирован. Но несмотря на кажущееся внешнее единообразие, СГ очень различаются между собой по лексическому составу компонентов и семантическим взаимоотношениям между ними. Вместе с тем, независимо от того, подвергаются компоненты семантическим изменениям или сохраняют свои значения без изменений, все эти глагольные словосочетания характеризуются цельностью номинации и устойчивостью общего значения. Это означает, что СГ всей совокупностью образующих его компонентов выражает одно определенное действие (а не действие и его объект или признак).

В составе предложения СГ выступают как единые члены. Будучи употребленными в роли сказуемого — основная синтаксическая функция СГ, — они управляют зависимыми от них второстепенными членами, подобно простым глаголам, при помощи предлогов и послелога *-ra* — все это свидетельствует об утрате свободных синтаксических отношений между компонентами этих словосочетаний и о превращении их в ФЕ. О слитности компонентов СГ свидетельствуют следующие примеры:

Курш адаб-э майзһаби-йе анан-ра моһтӓрӓм мидашт (ХМ, с. 2) 'Кир с уважением относился к их религиозным обычаям'.

Бӓдри сӓр-ӓш-ра болӓнд кӓрд (ХСК, с. 17) 'Бадри подняла голову'.

Һомайун хирэ бэ атэш-е бохари нэгаһ микӓрд (ХСК, с. 15) 'Хомайун с удивлением смотрел на огонь в камине'.

... *Һӓмсӓр-ӓш чӓнд руз ӓст ба у кӓлам-и һӓрф нӓзӓдэ ӓст* (К, 8588) '... Жена вот уже несколько дней не обменялась с ним ни одним словом'.

СГ представляют собой ФЕ разной степени устойчивости. Наибольшей устойчивостью обладают те СГ, в которых один или оба компонента подверглись переосмыслению; они выступают как типичные ФЕ. СГ этого типа легко отделить от свободных сло-

восочетаний. Ср. свободное словосочетание *сиб хордāн* 'есть яблоко' и СГ *зāмин хордāн* 'падать' (букв. 'есть землю'), свободное словосочетание *кетаб форухтāн* 'продавать книги' и СГ *тāккāбор форухтāн* 'проявлять высокомерие', 'важничать' (букв. 'продавать высокомерие'). В приведенных примерах одни и те же простые глаголы употреблены в свободных и устойчивых словосочетаниях.

Наименьшей устойчивостью характеризуются СГ, являющиеся моделированными образованиями; они составляют большинство глагольных ФЕ данной разновидности.

В персидском языке СГ выражают наиболее важные и жизненно необходимые действия и процессы. Обозначая такие глагольные понятия, как 'работать'— *кар кārдāн*, 'дышать'— *нāфās кешидāн*, 'любить'— *дуст даштāн* и т. д., они выполняют функции, которые в других языках обычно выполняют простые глаголы, т. е., подобно простым глаголам, характеризуются семантической цельностью и неделимостью. В количественном отношении они значительно преобладают над простыми глаголами, число которых строго ограничено⁶. При этом состав СГ постоянно пополняется⁷.

В настоящее время в тех случаях, когда возникает необходимость выразить в языке какие-либо действия, процессы и состояния, ранее не имевшие словесного обозначения, как правило, не создаются новые простые и префиксальные глаголы, а образуются СГ. Тем самым способы образования СГ по существу вытеснили собой способы собственно глагольного словообразования.

С точки зрения семантической соотнесенности с простыми глаголами можно выделить следующие три группы СГ:

1. СГ, обозначающие действия, которые не выражаются простыми глаголами (т. е. язык вообще не знает однословного выражения этих действий): *кар кārдāн* 'работать', 'трудиться', *зāнг зāдāн* 'звонить', *сārма хордāн* 'простужаться', *дуст даштāн* 'любить', *зāсāм хордāн* 'клясться', *бэ хатэр даштāн* 'помнить', *āз дāст рāфтāн* 'пропадать', 'исчезать', 'погибать' и т. д. Это наиболее многочисленная группа СГ.

2. СГ, которые в отдельных или во всех значениях совпадают с простыми глаголами и выступают как их стилистические и семантические синонимы: *эрсал даштāн* 'посылать', 'отправлять' (син. *фэрэстадāн*), *пāйда кārдāн* 'находить', 'обнаруживать' (син. *йафтāн*), *молтāйфэт шодāн*, *мотāвāйджджеш шодāн* 'по-

⁶ П. Ханляри отмечает, что общее количество простых глаголов в новоперсидском языке не превышает трехсот. Он включает в это количество употребительные, малоупотребительные и вышедшие из употребления глаголы [123, с. 13].

⁷ П. Ханляри приходит к выводу, что СГ в современном персидском языке вытеснили многие простые и префиксальные глаголы, и приводит список простых глаголов, вместо которых употребляются СГ [123, с. 95—96]. Процесс активного образования СГ наблюдается в персидском языке начиная с XIII в. [123, с. 91]. Этот процесс характерен и для других иранских языков [см. 110, с. 131].

нимать' (син. *фāһмидāн*), *бирун кārдāн* 'гнать', 'выгонять' (син. *рандāн*), *мāрғум даштāн* 'писать' (син. *нэвэшитāн*) и т. д.⁸.

3. СГ, выступающие как дублетные формы, как полные эквиваленты простых глаголов. К ним относятся:

(1) Некоторые СГ, ИЧ которых выражена существительными (иногда прилагательными), выступающими одновременно и как производящая основа простых глаголов, называемых отыменными: ср. *дэжāнғ кārдāн* и *дэжāнғидāн* 'воевать', 'вести войну', 'сражаться', *тāлāб кārдāн* и *тāлāбидāн* 'требовать', 'просить', 'звать', 'вызывать', 'искать', 'добиваться', *амас кārдāн* и *амасидāн* 'опухать', 'распухать', *бāл кārдāн* и *бāл'идāн* 'глотать', 'проглатывать', *рāғс кārдāн* и *рāғсидāн* 'танцевать', 'плясать', *хис шодāн* и *хисидāн* 'промокать', 'становиться сырым, мокрым' и др.⁹.

(2) СГ, ИЧ которых выражена причастиями прошедшего времени простых и префиксальных глаголов-эквивалентов: ср. *бэрэшитэ кārдāн* и *бэрэшитāн* 'жарить', 'поджаривать', 'обжигать', *ағāндэ кārдāн* и *ағāндāн* 'набивать', 'наполнять', 'начинать'. Часто такие СГ совпадают с простыми и префиксальными глаголами лишь в одном, основном значении: ср. *вазāдэ кārдāн* 'браковать' и *ва-зāдāн* 'браковать', 'отклонять', 'отвергать', *бāр-равāрдэ кārдāн* 'исполнять', 'осуществлять' и *бāр-авāрдāн* 'исполнять', 'осуществлять', 'вынимать', 'вытаскивать', *амихтэ кārдāн* 'смешивать', 'перемешивать' и *амихтāн* 'смешивать', 'перемешивать', 'общаться', 'поддерживать отношения'¹⁰.

Итак, СГ третьей группы свидетельствуют о том, что в персидском языке в отношении некоторых ФЕ можно говорить не

⁸ Термин «глагольные перифразы», который употребляется некоторыми иранистами в отношении СГ [см. 119], целесообразно применять для названия второй группы СГ, так как перифраза представляет собой передачу (часто образную) несколькими словами того же понятия (смысла), который выражается одним словом.

⁹ Совпадая полностью по значению, СГ и соответствующие им отыменные глаголы могут различаться частотой употребления, распространенностью в современном языке. Например, более употребительным является простой глагол *рāғсидāн*, чем СГ *рāғс кārдāн*, и СГ *хис шодāн*, чем простой глагол *хисидāн*. Однако не все СГ и соответствующие им отыменные глаголы совпадают всеми своими значениями: *чāрх хордāн* 'кружиться', 'вертеться', 'вращаться' и *чāрхидāн* 'кружиться', 'вертеться', 'вращаться', 'шататься', 'шляться', 'танцевать', 'делать пируэты'. Некоторые СГ и отыменные глаголы имеют совершенно разные значения: ср. *лāнғ шодāн* 'приостанавливаться', 'задерживаться', 'отставать' и *лāнғидāн* 'хромать', 'прихрамывать', 'ковылять'.

Интересный материал о соотношении сложных и простых глаголов содержится в книге Равана Фархади «Разговорный фарси в Афганистане» [96, с. 141—142].

¹⁰ СГ, в роли ИЧ которых используются причастия прошедшего времени, в отличие от так называемых двузаложных глаголов четко выражают залоговые значения: ср. СГ *алудэ кārдāн* 'пачкать', 'грязнить', 'осквернять', 'бесчестить', *алудэ шодāн* 'пачкаться', 'грязниться', 'оскверняться' и простой глагол *алудāн* 'пачкать(-ся)', 'грязнить(-ся)', 'осквернять(-ся)', СГ *годахтэ кārдāн* 'плавить', 'расплавлять', *годахтэ шодāн* 'плавиться', 'расплавляться' и простой глагол *годахтāн* 'плавить(-ся)', 'расплавлять(-ся)'.

только о соотносённости со словом, но и об их полной семантической эквивалентности слову.

Наличие предлога перед ИЧ отражается на структурных и семантических свойствах СГ, в частности оказывает влияние на взаимоотношения ИЧ и КГ, в связи с чем СГ подразделяются на две большие группы: СГ, ИЧ которых не имеет предлога, и СГ, перед ИЧ которых находится предлог.

СГ, ИЧ которых не имеет предлога

Прежде чем анализировать семантическую структуру СГ, типы сцеплений между ИЧ и КГ и вытекающие отсюда разные фразеологические свойства СГ, необходимо ознакомиться с лексическими средствами выражения именной и глагольной частей.

Именная часть СГ

В роли ИЧ используется чрезвычайно широкий круг лексем, обладающих одним или несколькими значениями, являющихся как исконно персидскими, так и заимствованными словами и относящихся к различным частям речи. ИЧ СГ может быть выражена именами существительными и прилагательными, причастиями персидского и арабского происхождения, наречиями и некоторыми другими грамматическими категориями слов. В большинстве случаев она выступает как выразитель семантики всего глагольного словосочетания, как его смысловое ядро. В зависимости от выражения ИЧ двучленные словосочетания бывают субстантивно-глагольными, адъективно-глагольными, адвербиально-глагольными и т. д.

В роли ИЧ употребляются простые, производные и сложные слова, например: *д̄жа* 'место' — *д̄жа дад̄ан* 'помещать', 'размещать', *с̄абз* 'зеленый' — *с̄абз к̄ард̄ан* 'окрашивать в зеленый цвет', 'проращивать', *гедайи* 'нищенство' — *гедайи к̄ард̄ан* 'попрошайничать', *л̄аккедар* 'в пятнах', 'загрязненный', 'опозоренный' — *л̄аккедар к̄ард̄ан* 'грязнить', 'пачкать', 'пятнать', 'позорить', *а̄рзйаби* 'оценка' — *а̄рзйаби к̄ард̄ан* 'давать оценку', 'оценивать', *дадобидад* 'шум', 'скандал', 'спор' — *дадобидад к̄ард̄ан* 'поднимать шум', 'скандалить', 'спорить', *д̄ж̄аванм̄арг* 'умерший в молодости' — *д̄ж̄аванм̄арг шод̄ан* 'умирать в молодости'.

Огромное количество арабских заимствований, являющихся по форме масдарами и причастиями различных пород, а также прилагательными, выступает в роли ИЧ. Иногда в роли ИЧ можно встретить арабские словосочетания и даже целые предложения, например: *к̄ай̄нл̄ай̄м̄ай̄кон* (букв. 'будто бы вовсе не было') — *к̄ай̄нл̄ай̄м̄ай̄кон шоморд̄ан* 'игнорировать', 'считать несуществующим', *конф̄ай̄й̄кун* (букв. 'будь, и сразу будет') — *конф̄ай̄й̄кун к̄ард̄ан* 'разрушать дотла', 'уничтожать полностью'.

Нередко на основе одного и того же слова (чаще всего многозначного) может быть образовано большое количество СГ.

В этом случае в образовании целой группы СГ участвуют не только разные КГ, но и разные значения слова: *пэй бордән* 'постигать', 'понимать', *пэй джостән* 'искать следы', 'выслеживать', *пэй рихтән* 'закладывать основу', 'возводить фундамент', *пэй кәрдән* 'идти по следам', 'преследовать', 'следовать', 'придерживаться', 'продолжать заниматься', *пэй герэфтән* 'напасть на след', *сәр афкәндән* 'потупиться', 'опустить голову', 'смириться', *сәр амәдән* 'истекать', 'кончаться', *сәр бахтән* 'жертвовать собой', *сәр бәр-даштән* 'поднимать голову', 'проявлять непокорность', *сәр дадән* 'сложить голову', 'погибнуть', 'давать волю', *сәр рафтән* 'протливаться через край', 'убегать', 'иссякать', *сәр зәдән* 'заходить ненадолго', 'заглядывать' и т. д.

Принадлежность слова, выступающего в роли ИЧ, к той или иной части речи, его морфемный состав и лексическое значение являются немаловажными факторами, оказывающими влияние на выбор КГ и облегчающими понимание не только прямых, но и переносных значений СГ. Поэтому знание значений этих слов, их морфологической структуры и морфологической принадлежности необходимо для понимания природы СГ и их структурно-семантической классификации.

Самую большую группу составляют СГ, ИЧ которых выражены именами существительными.

Существительные в роли ИЧ

ИЧ СГ может быть выражена различными семантическими разрядами существительных.

Из абстрактных существительных в составе СГ наиболее часто встречаются существительные со значением действия, среди которых арабские масдары занимают первое место: *э'лам* 'объявление'— *э'лам кәрдән* 'объявлять', *эһнар* 'выражение'— *эһнар даштән* 'выражать', 'заявлять', *энтэшар* 'опубликование'— *энтэшар йафтән* 'опубликовываться', 'издаваться', *эстәфадэ* 'использование'— *эстәфадэ кәрдән* 'использовать', *тәслим* 'вручение'— *тәслим кәрдән* 'вручать', *тәрмим* 'исправление', 'ремонт'— *тәрмим кәрдән* 'исправлять', 'ремонтировать', *ташкил* 'организация'— *ташкил дадән* 'организовывать', *бәһс* 'дискуссия'— *бәһс кәрдән* 'дискутировать', *мәһв* 'уничтожение'— *мәһв шодән* 'уничтожаться', *моғабәле* 'сопоставление'— *моғабәле кәрдән* 'сопоставлять' и т. д.

В роли ИЧ СГ используются также чисто персидские существительные со значением действия: *әфзайеш* 'увеличение'— *әфзайеш дадән* 'увеличивать', *хаһэш* 'просьба'— *хаһэш кәрдән* 'просить', *нәмайеш* 'показ', 'демонстрация'— *нәмайеш дадән* 'показывать', 'демонстрировать', *нәвазэш* 'ласка'— *нәвазэш кәрдән* 'ласкать', *азар* 'мучение'— *азар дадән* 'мучить', *пәйвәнд* 'соединение'— *пәйвәнд кәрдән* 'соединять', *пәрһиз* 'воздержание'— *пәрһиз кәрдән* 'воздерживаться', *нәгәһдари* 'охранение', 'оберегание'— *нәгәһдари кәрдән* 'охранять', 'оберегать', *фәр-*

манбордари 'повиновение', 'подчинение' — *фәрманбордари кәр-дән* 'повиноваться', 'подчиняться' и т. д.

В сочетании с существительными этой группы чаще всего употребляются самые распространенные КГ: *кәрдән* 'делать', *дадән* 'давать', *даштән* 'иметь', *шодән* 'становиться', *йафтән* 'находить'. Целостное значение таких СГ полностью основывается на значениях этих существительных. Такого рода СГ обычно немногочисленны и редко имеют переносные значения.

В роли ИЧ могут выступать и другие группы абстрактных существительных, например, существительные, обозначающие отвлеченные признаки или качества, состояния, представляющие собой названия каких-либо общих понятий: *нәрми* 'мягкость', 'нежность' — *нәрми кәрдән* 'относиться мягко, нежно', *диванәги* 'безумство' — *диванәги кәрдән* 'безумствовать', *дҗесарәт* 'смелость' — *дҗесарәт кәрдән* 'осмеливаться', *гәһрәмани* 'героизм', 'геройство' — *гәһрәмани кәрдән* 'проявлять героизм', 'поступать, как герой', *бидадгәри* 'беззаконие', 'несправедливость' — *бидадгәри кәрдән* 'творить беззаконие', 'поступать несправедливо', *һәйа* 'стыдливость', 'застенчивость' — *һәйа кәрдән* 'стыдиться', 'стесняться' и т. д.

В приведенных в качестве примеров СГ употреблен КГ *кәрдән*; другие КГ встречаются редко в сочетании с такого рода абстрактными существительными. СГ, образованные на основе этих слов, выражают в виде действий те отвлеченные признаки, качества и понятия, которые передаются существительными.

В роли ИЧ СГ используются также конкретные существительные. Известно, что конкретные существительные, как и другие семантические разряды существительных, могут иметь не одно, а несколько значений, при этом вторичные значения иногда бывают абстрактными. В формировании значений СГ участвуют как конкретные, так и абстрактные значения существительных. Например, слово *зәнг* имеет два значения: 'звонок', 'колокольчик' и 'звон'; оба эти значения проявляются в семантике СГ *зәнг зәдән* 'звонить (в звонок, колокольчик)' и 'издавать звон', 'звенеть'. Слово *сәда* имеет несколько значений: 'голос', 'звон', 'шум', 'крик (животных)'; эти же значения отражаются в значениях СГ *сәда дадән* — 'откликаться', 'отзываться', 'звенеть', 'шуметь', 'кричать' (о животных).

Нередко СГ, образованные на основе конкретных существительных, выражают значения, не имеющие непосредственной связи со значениями этих существительных¹¹. Однако непосредственно связь между значениями СГ и значениями существитель-

¹¹ Наличие у СГ значений, непосредственно не связанных со значениями слова, выступающего в роли ИЧ, не дает права лексикографу выделять соответствующие значения у этого слова. Однако в некоторых словарях персидского языка (чаще всего в толковых) имеют место случаи выделения значений у слов на основании значений СГ. Так, М. Джамаль-заде выделяет у слова *борағ* 'пушистый' значение 'злой', 'пришедший в ярость', исходя из значения СГ *борағ шо-дән* 'злиться', 'приходить в ярость' [122, с. 16].

ных все же в большинстве случаев установить можно: значения СГ либо косвенно вытекают из суммы значений компонентов и имеют чаще всего переносный и переносно-образный характер (напр., *дуст даштāн* 'любить'—из *дуст* 'друг' и *даштāн* 'иметь', *на боридāн* 'перестать посещать'—из *на* 'нога' и *боридāн* 'отрезать', 'отрубать', *дэл бахтāн* 'влюбляться' и 'пугаться', 'теряться'—из *дэл* 'сердце', 'душа' и *бахтāн* 'проигрывать'), либо возникают на основе переосмысления первичных и вторичных значений СГ [напр., *на зāдāн* а) 'бить ногой'; 'топать'; б) 'работать ногами (при плавании или езде на велосипеде)'; в) 'протаптывать тропинку'; г) 'давать подножку (в борьбе)'; д) 'обманывать'; е) 'обсчитывать', 'надувать'—из *на* 'нога' и *зāдāн* 'бить'; *чеشم зāдāн* а) 'подмигнуть', 'сделать знак глазами'; б) 'сглазить'—из *чеشم* 'глаз' и *зāдāн* 'бить'; *дорр софтāн* (букв. 'просверливать жемчуг') а) 'нанизывать жемчуг'; б) 'сочинять стихи'; в) 'говорить красноречиво']¹².

В связи с рассмотрением конкретных существительных в роли ИЧ СГ особо следует выделить слова, обозначающие части тела человека и животных, инструменты и орудия, предметы быта. В образовании значений СГ с этими словами прослеживается определенная закономерность, представляющая несомненный практический интерес и объясняющая причину прямой соотносительности, а иногда и несоотносительности общих значений СГ со значениями ИЧ.

СГ, в состав которых входят существительные—названия частей тела человека и животных, выражают действия, которые выполняются этими органами: *на* 'нога'—*на шодāн* 'вставать', 'подниматься', *чеشم* 'глаз'—*чеشم āндахтāн* 'смотреть', *дāст* 'рука'—*дāст зāдāн* 'трогать', 'ощупывать', 'аплодировать', *гуш* 'ухо'—*гуш кāрдāн* 'слушать', *нок* 'клюв'—*нок зāдāн* 'клевать', *чāнг* 'лапа', 'когти'—*чāнг зāдāн* 'вонзать когти', 'цепляться', 'хвататься' и т. д.

СГ, образованные на основе существительных со значением инструментов и орудий, предметов быта, обозначают действия, которые выполняются при помощи этих предметов: *āррэ* 'пила'—*āррэ кāрдāн* 'отпиливать', *чāкош* 'молот', 'молоток'—*чāкош зāдāн* 'ковать', *рāндэ* 'рубанок'—*рāндэ зāдāн* 'строгать', *бил* 'лопата'—*бил зāдāн* 'копать', 'рыть лопатой', *сухан* 'напильник'—*сухан кāрдāн* 'отделывать, подпиливать напильником', *зофл* 'замок'—*зофл кāрдāн* 'запирать на замок', *келид* 'ключ'—*келид кāрдāн* 'закрывать ключом', *āфсар* 'узда'—*āфсар зāдāн* 'взнуздывать', *шанэ* 'гребень', 'расческа'—*шанэ зāдāн* 'причесывать', *мэсвак* 'зубная щетка'—*мэсвак зāдāн* (*кāрдāн*) 'чистить зубной

¹² В данном случае мы ограничиваемся лишь констатацией некоторых особенностей возникновения значений у СГ, образованных на основе конкретных существительных. Что касается вопросов развития семантики СГ, и в частности вопроса образования многозначных СГ, то они требуют самостоятельного исследования. Частично вопрос о путях появления многозначных ФЕ был затронут в первой части данной работы.

щеткой', *тэлефон* 'телефон' — *тэлефон кярдан (зядан)* 'звонить по телефону' и т. д. Как видно из приведенных примеров, с такого рода существительными в основном сочетаются КГ *кярдан* и *зядан*.

ИЧ СГ может быть выражена именами существительными с вещественным значением, но количество таких СГ сравнительно невелико. Значения СГ либо основываются непосредственно на значениях существительных, либо связаны с изменением первичных и вторичных значений СГ: *аб* 'вода' — *аб шодан* а) 'таять'; б) 'растопливаться', 'расплавляться'; в) 'растворяться'; г) 'смущаться', 'тушеваться', *аб дидан* а) 'размокать', 'отсыревать'; б) 'получить пятна от воды', *аб рэфтан* 'садиться' (о ткани), *ард* 'мука' — *ард кярдан* 'молоть', *намак* 'соль' — *намак зядан* 'солить', 'засаливать', *бохар* 'пар' — *бохар шодан* 'испаряться', *хак* 'пыль' — *хак хордан* 'пылиться', 'покрываться пылью', *арэг* 'пот' — *арэг рихтан* 'потеть' и т. д. В сочетании с такими существительными используются разные КГ.

Изучение имен существительных, выступающих в роли ИЧ СГ, показывает, что почти все семантические разряды имен существительных участвуют в образовании СГ. И все же не каждое существительное и даже не каждая семантическая группа существительных образует СГ; например, существительные, обозначающие людей, животных, растения, обычно не употребляются в роли ИЧ.

Если подходить к анализу СГ с точки зрения их внутреннего строения, то существительные, выступающие в роли ИЧ, можно было бы квалифицировать как прямые или косвенные дополнения и предикативы по отношению к КГ. Некоторые исследователи пытаются построить классификацию СГ на основе синтаксических взаимоотношений между именной и глагольной частями, но такую классификацию нельзя считать основанной на объективных критериях, ибо реальные синтаксические связи между компонентами СГ утрачиваются. ИЧ обычно не имеет послелога *-ра*, артикля, показателей множественного числа, не сопровождается определениями¹³.

М. Моин в предисловии к шеститомному словарю персидского языка отмечает, что СГ, в которых ИЧ выражена существительными, произошли из свободных сочетаний дополнений с глаголами. Так, СГ *кар кярдан* 'работать', *джахан хордан* 'пользоваться земными благами', 'наслаждаться жизнью', по его мнению, образовались из словосочетаний *кар-ра кярдан* и *джахан-ра хордан* в результате опущения послелога *-ра* [131, т. 1, с. 58]. Можно допустить, что предположение М. Моина относительно

¹³ Случаи «восстановления» синтаксических связей между именной и глагольной частью, отмеченные выше (с. 118 наст. изд.), возникают при определенных синтактико-стилистических условиях и возможны далеко не во всех СГ. Кроме того, употребление релятивных показателей с ИЧ и постановка определений в отдельных случаях приводят к распаду СГ.

образования многих СГ, в которых в роли ИЧ выступает имя существительное, является справедливым. Однако в большинстве случаев СГ выступают как моделированные образования, что специально рассматривается в следующем разделе работы. Поэтому и образование их происходит по определенным структурно-семантическим моделям, что исключает стадию превращения свободных словосочетаний в устойчивые.

Благодаря утрате синтаксических связей между компонентами достигается семантическая цельность и устойчивость СГ. А если учесть, что во многих СГ один или оба компонента утрачивают свое лексическое значение, то устойчивость таких словосочетаний достигает наивысшей степени. П. Ханляри в работе «Структура глагола» справедливо критикует тех иранских грамматистов, которые, не учитывая семантических изменений, склонны рассматривать взаимоотношения между компонентами СГ как отношения дополнения и сказуемого [123, с. 71].

Прилагательные и причастия в роли ИЧ

ИЧ СГ может быть выражена прилагательными и причастиями персидского и арабского происхождения.

При рассмотрении особенностей употребления такого рода слов в составе СГ необходимо иметь в виду подвижность и неопределенность границ между многими существительными и прилагательными, существительными и причастиями, прилагательными и причастиями, прилагательными и наречиями, наблюдаемые в персидском языке [см. 77, с. 813—814; 56]. Кроме того, слова, которые принято называть в грамматиках персидского языка причастиями, почти не обладают глагольными свойствами и выступают как существительные, прилагательные и наречия.

Известно, что наряду со словами, которые имеют четкие грамматические и семантические признаки существительных и прилагательных, многие слова одновременно обладают свойствами и той и другой части речи и нередко могут выступать как наречия. Значительная часть качественных прилагательных выражает не только признак предмета, но и признак действия, т. е. выступает и как наречие образа действия. Подлинное лексико-грамматическое значение таких слов обнаруживается только в контексте.

Слова, имеющие семантико-грамматические признаки существительных, прилагательных и наречий, могут выступать в роли ИЧ СГ; при этом в составе СГ чаще всего проявляется одно из грамматических значений (обычно основное значение, помещаемое в словарях на первом месте), но могут обнаруживаться и другие грамматические значения. Тип избранного грамматического значения отражается на выборе КГ, проявляется в употреблении или неупотреблении предлога перед ИЧ. Особенности употребления имен существительных в роли ИЧ были рассмотрены выше. По сравнению с СГ, в составе которых выступают существитель-

ные, СГ, образованные на основе прилагательных, более однотипны по своей структуре и менее многочисленны.

Принадлежность прилагательного к тому или иному семантическому разряду — к качественным или относительным прилагательным — не препятствует использованию его в роли ИЧ СГ, однако анализ случаев употребления показывает, что в роли ИЧ преимущественно выступают качественные прилагательные.

Употребление прилагательных в качестве ИЧ СГ оказывает влияние на выбор КГ. Наиболее употребительными КГ, сочетающимися с именами прилагательными, являются *кӑрдӑн* 'делать', *шодӑн* 'становиться' и их эквиваленты: *бӑрӑрар кӑрдӑн* 'устанавливать', 'упрочивать' (*бӑрӑрар* 'прочный', 'устойчивый'), *бозорг кӑрдӑн* 'увеличивать', 'воспитывать', 'растить (детей)', 'преувеличивать' (*бозорг* 'большой', 'великий', 'выдающийся', 'взрослый'), *сӑфид кӑрдӑн* 'белишь (мелом, известкой)', 'белишь', 'отбеливать', 'лудить' (*сӑфид* 'белый', 'белого цвета'), *сорх шодӑн* 'подрумяниваться', 'поджариваться', 'накаляться докрасна' (*сорх* 'красный', 'румяный'), *рӑнгин кӑрдӑн* 'раскрашивать', 'расцвечивать', 'оживлять', 'делать более ярким' (*рӑнгин* 'цветистый', 'красочный', 'яркий', 'красивый') и т. д.

Наблюдения над употреблением СГ, в состав которых входит глагол *сахтӑн* 'изготавливать', 'строить', показывают, что этот КГ, выступая как эквивалент глагола *кӑрдӑн*, сочетается, как правило, только с прилагательными: ср. *агаһ кӑрдӑн* и *агаһ сахтӑн* 'извещать', 'уведомлять', 'осведомлять' (*агаһ* 'сведущий', 'знающий', 'извещенный', 'осведомленный'), *остовар кӑрдӑн* и *остовар сахтӑн* 'делать устойчивым', 'укреплять' (*остовар* 'устойчивый', 'крепкий', 'прочный'), *паймал кӑрдӑн* и *паймал сахтӑн* 'топтать', 'истреплять', 'попирать' (*паймал* 'поверженный', 'истребленный', 'попранный'), *хӑшмгин кӑрдӑн* и *хӑшмгин сахтӑн* 'гневить', 'сердить' (*хӑшмгин* 'гневный', 'сердитый', 'злой') и т. д.

Другие КГ (кроме отмеченных выше общеупотребительных глаголов *кӑрдӑн* и *шодӑн*) вступают в сочетание с прилагательными редко. В составе СГ, ИЧ которых выражена прилагательным, встречаются также глаголы *даштӑн* 'иметь', *амӑдӑн* 'приходить', *авӑрдӑн* 'приносить', *будӑн* 'быть' и некоторые другие: *бозорг даштӑн* 'уважать', 'почитать', *остовар даштӑн* 'верить', 'полагаться', *хош даштӑн* 'иметь желание, охоту', *пӑдид амӑдӑн* 'появляться', 'возникать', 'происходить', *хош амӑдӑн* 'нравиться', 'приходиться по вкусу', *пӑдид авӑрдӑн* 'делать видимым, зримым', 'создавать', *бӑд авӑрдӑн* 'не везти', *бӑд будӑн* 'быть в плохих отношениях', 'плохо относиться', *остовар дадӑн* 'делать устойчивым', 'укреплять' и т. д. Подобного рода КГ в составе СГ не обладают каким-то единым значением (даже одинаковые глаголы, например, *даштӑн*, *амӑдӑн*), и поэтому сами эти СГ следует рассматривать как единичные образования, представляющие собою типичные ФЕ.

В роли ИЧ СГ могут выступать причастия прошедше-

го времени простых, префиксальных и сложных глаголов¹⁴. В персидском языке многие из этих форм обладают двойственной природой: с одной стороны, выступают как причастия (при образовании аналитических форм времени и пассивного залога), а с другой — как имена прилагательные или существительные, приобретая все грамматические свойства последних. Выступая в роли прилагательных, они присоединяются к предшествующему имени при помощи изафета, могут образовывать степени сравнения; будучи употребленными в роли существительных, могут получать грамматические показатели, выражающие значение предметности (показатели множественного числа, артикль, предлоги и послелог *-ra*). Часто адъективация и субстантивация причастных форм сопровождается появлением новых лексических значений.

Особо следует остановиться на причастиях прошедшего времени, образованных от префиксальных и сложных глаголов. Именно на примере этих форм благодаря различиям в ударении особенно четко прослеживается сосуществование разных грамматических и лексико-фразеологических образований. В тех случаях, когда эти формы являются действительно причастиями, главное ударение падает на префиксы и ИЧ: *бā-р-амāдэ āст* 'он поднялся, взошел', 'он появился, показался', *вā-зāдэ им* 'мы забраковали', *тā'лим дидэ āнд* 'они выучились', *тāгдīm шодэ āст* 'было преподнесено' и т. д. В случае использования этих форм в атрибутивной или субстантивной функции ударение переносится на последний слог причастия: *бā-рамāдэ* 'поднявшийся', 'взошедший', 'появившийся', 'показавшийся', *вā-зāдэ* 'бракованный', 'забракованный', *тā'лимдидэ* 'обученный', *тāгдимшодэ* 'преподнесенный' и т. д. Перенос ударения на последний слог причастной формы позволяет сделать вывод об образовании новых производных и сложных слов на основе причастий прошедшего времени префиксальных и сложных глаголов¹⁵.

¹⁴ Здесь не рассматриваются случаи употребления в составе СГ так называемых причастий настоящего времени, образованных от основ настоящего времени глаголов путем прибавления к ним суффиксов *-āндэ*, *-а*, *-ан*. Эти слова по существу утратили глагольные признаки и используются как существительные и прилагательные [77, с. 831].

¹⁵ О лексико-грамматической самостоятельности слов, образованных на базе причастий прошедшего времени от СГ, может свидетельствовать и тот факт, что некоторые из такого рода образований только по форме напоминают причастия прошедшего времени от СГ. В действительности же они образовались по определенной структурной модели, минуя стадию СГ, и поэтому не находят соответствий в СГ, например, *зэлзэлэздэ* 'пострадавший при землетрясении', *вāһийтзāдэ* 'испуганный', 'запуганный', 'испуганно', 'запуганно', *һэджранзāдэ* 'находящийся в разлуке', 'разлученный'.

Основываясь на трансформационном анализе, З. Телегди обращает внимание на разнообразие сложных слов, имеющих в качестве второго компонента причастие прошедшего времени [120]. Л. С. Пейсков отмечал, что так называемые сложнопричастные формы соотносятся не только с глагольными ФЕ, но и образуются на базе свободных сочетаний слов, например: *мадāрмордэ* 'сирота', 'потерявший мать' [64, с. 53].

Следует отметить также, что употребление причастий прошедшего времени в атрибутивной или субстантивной функции нередко сопровождается появлением нового лексического значения, непосредственно не связанного со значением глагола, от которого образовано данное слово. Например, *герэфтэ* (от гл. *герэфтән* 'брать', 'получать', 'задерживать', 'овладевать' и т. д.) получает значения 'мрачный', 'удрученный', 'охрипший', 'сдавленный' (о голосе), *офтадэ* (от гл. *офтадән* 'подать', 'быть пропущенным' и т. д.)— 'кроткий', 'мягкий', 'немошный', 'ослабевший', 'скромный', 'простой', *кешидэ* (от гл. *кешидән* 'тянуть', 'тащить', 'вытягивать', 'удлинять' и т. д.)— 'вытянутый', 'продолговатый', 'длинный', *дидэ* (от гл. *дидән* 'видеть', 'считать' и т. д.)— 'глаз', 'око', 'зрачок'.

Отмеченные выше особенности некоторых причастий прошедшего времени, способных выступать в роли прилагательных и существительных, свидетельствуют о том, что эти слова получают постоянные категориальные свойства данных частей речи.

Анализ собранных нами примеров на употребление причастий прошедшего времени в роли ИЧ СГ показывает, что, во-первых, количество СГ, в состав которых входят причастия прошедшего времени, невелико, и, во-вторых, причастия прошедшего времени, используемые в роли ИЧ СГ, выступают как имена прилагательные, выражающие постоянный признак, семантически связанный с понятием действия. Вот несколько примеров на употребление адъективированных причастий прошедшего времени в роли ИЧ: *бэрэштэ кәрдән* 'жарить', 'поджаривать', 'обжигать' (*бэрэштэ* 'жаренный', 'поджаренный' от гл. *бэрэштән*), *бәрәвәрдэ кәрдән* 'исполнять', 'осуществлять' (*бәрәвәрдэ* 'исполненный', 'осуществленный' от гл. *бәрәвәрдән*), *алудэ кәрдән* 'пачкать', 'грязнить', 'осквернять', 'бесчестить' (*алудэ* 'запачканный', 'оскверненный', 'обесчещенный' от гл. *алудән*), *амихтэ кәрдән* 'смешивать', 'перемешивать', 'соединять' (*амихтэ* 'смешанный', 'перемешанный', 'соединенный' от гл. *амихтән*), *годахтэ кәрдән* 'расплавлять', 'раскалять', 'накалять' (*годахтэ* 'расплавленный', 'раскаленный', 'накаленный' от гл. *годахтән*), *вазәдэ кәрдән* 'браковать', 'признавать негодным' (*вазәдэ* 'бракованный', 'забракованный' от гл. *ва-зәдән*), *абдидэ кәрдән* 'закалять', 'делать закаленным, стойким' (*абдидэ* 'подмоченный', 'намокший' и 'закаленный' от СГ *аб дидән*).

Арабские причастия довольно часто используются в качестве ИЧ СГ. Среди массы арабских заимствований эти формы выделяются и по количеству и по лексико-грамматическим особенностям. Если заимствованные арабские существительные и прилагательные по функциям и грамматическим свойствам ничем существенно не отличаются от чисто персидских существительных и прилагательных, то арабские причастия не обладают едиными лексико-грамматическими характеристиками: разные причастные формы обнаруживают либо чисто именные, либо причастно-адъективные свойства. При этом принадлежность причастий к той или

иной арабской породе в большинстве случаев не влияет на характер их функционирования в персидском языке.

На основании изучения арабских причастий в функции распространяющих членов изафетного словосочетания Л. С. Пейсиков выделяет три группы причастий [62, с. 84]. Это деление арабских причастий, несмотря на то что состав каждой группы нуждается еще в дополнительной проверке и уточнении, в основном правильно отражает характер использования и семантические изменения этих заимствованных слов в современном персидском языке.

К первой группе относятся арабские причастия, выступающие в персидском языке как существительные и прилагательные, а иногда как отыменные предлоги и наречия: *агэл* 'умный', 'мудрый', 'мудрец', *маһдуд* 'ограниченный', *мотахассэс* 'специалист', *мотахдэм* 'служащий', *мохтасар* 'краткий', 'небольшой', 'незначительный' и 'кратко', 'сокращенно', *мораттаб* 'приведенный в порядок', 'упорядоченный', 'регулярный', 'бесперебойный' и 'регулярно', 'бесперебойно', *мозэрр* 'вредный', *мофид* 'полезный', *мотакяббэр* 'гордый', 'высокомерный', *мотагэлл* 'самостоятельный', 'независимый' и т. д. Выступая в роли существительных и прилагательных, эти слова получают все семантико-грамматические свойства последних.

Из причастий первой группы в роли ИЧ СГ в основном употребляются те, которые функционируют как прилагательные, т. е. обозначают постоянные свойства предмета, хотя семантически и связаны с понятием действия: *маһдуд кардэн* 'ограничивать', 'ставить в какие-л. рамки, границы' (*маһдуд* 'ограниченный'), *мотамайл кардэн* 'вводить в употребление', 'изнашивать' (*мостамайл* 'употребительный', 'распространенный', 'поношенный', 'старый'), *малум кардэн* 'выяснять', 'определять' (*малум* 'известный', 'ясный', 'очевидный'), *мохтарам даштан* 'почитать', 'уважать' (*мохтарам* 'уважаемый', 'почитаемый'), *мохтасар кардэн* 'сокращать', 'резюмировать' (*мохтасар* 'краткий', 'сокращенный') и т. д.

Вторая группа включает причастия, не имеющие самостоятельного употребления и встречающиеся только в составе глагольных фразеологизмов: *мосаммам*, *мотазаккер*, *мотахаммэл*, *молтафэт*, *монтягэл*, *маджбур*, *азэм*, *садэр* и т. д.

Отличительной особенностью этих арабских причастий является их лексическая несамостоятельность. Не имея самостоятельного лексического значения, они не могут выступать в предложении как отдельные его члены и лишь в сочетании с КГ образуют СГ¹⁶: *мосаммам шодэн* 'принимать решение', 'решаться', *мота-*

¹⁶ Следует отметить, что некоторые из арабских причастий второй группы, получая суффикс -э — окончание женского рода в арабском языке, приобретают способность к самостоятельному употреблению. В этом случае они как определения сочетаются не только с формами арабского ломаного множественного числа (согласно правилам арабской грамматики), но и с различными по происхождению словами в единственном и множественном числе:

зайккер шодан 'напомянуть', 'указывать', 'упомянуть', *мотайхам-мэл шодан* 'испытывать', 'терпеть', 'переносить', *мотайфэт шодан* 'замечать', 'обращать внимание', 'понимать', *монтэйгэл кярдан* 'переносить', 'перевозить', 'переводить', 'перемещать', *маджбур кярдан* 'вынуждать', 'принуждать', *моряххас кярдан* 'отпускать', *азэм шодан* 'отправляться', 'уезжать', 'намереваться', 'собираться', *садэр кярдан* 'выпускать', 'издавать', 'экспортировать', 'выдавать', 'выписывать (справку, документ)' и т. д.

И тем не менее в различных переводных и толковых словарях персидского языка у арабских причастий этой группы выделяются лексические значения, подобно тому, как они выделяются у слов, имеющих свободное употребление. Так, у слова *мотазайккер* значение 'напомянувший', 'указывающий', 'упомянувший', у *мотайхаммэл* — 'испытывающий', 'переносивший', 'претерпевавший', у *мотайфэт* — 'замечающий', 'обращающий внимание', 'понимающий', у *маджбур* — 'вынужденный', 'принужденный' и т. д.

Чем же вызвано выделение в словарях значений у такого рода причастных форм вопреки характеру их употребления? Думается, что это можно объяснить несколькими причинами:

1. Влиянием арабского языка, где эти слова имеют свободное синтаксическое употребление и самостоятельное лексическое значение. Возможно, что некоторые из этих причастных форм в ранневоперсидском и в языке классического периода имели свободное употребление, но позднее его утратили, вместо них стали употребляться другие слова или персидские причастия прошедшего времени, образованные от простых глаголов или от СГ, в роли ИЧ которых выступают эти арабские причастия.

2. Наличием других арабских лексических форм, образованных от того же корня и имеющих самостоятельное значение и свободное употребление. Например, кроме *мотазайккер* в персидском языке употребительны — *зэкр* 'упоминание', 'высказывание', *мазкур* 'вышеупомянутый', 'вышеуказанный', *закер* 'высказывающий', 'упоминающий', 'прославляющий (бога)', кроме *мотайхам-мэл* — *хамл* 'несение', 'перенесение', 'перевозка', 'транспортировка', *хамэл* 'несущий', 'податель', 'предъявитель', *хаммал* 'носильщик', 'грузчик'.

3. Арабские причастия данной группы при образовании СГ обычно сочетаются с наиболее употребительными КГ *кярдан* 'делать', *шодан* 'становиться', а также с КГ *будан* 'быть', что делает значение ИЧ весьма прозрачным и создает впечатление о ее лексико-семантической самостоятельности. На самом же деле значение таких слов выделяется чисто логически по соотносительности с общим значением СГ, в состав которых они входят.

натайедж-е монтэйзэрэ 'ожидаемые результаты', *ахам-э садэрэ* 'изданные приказы', *калаһа-йе садэрэ* 'экспортируемые товары', *хэсарат-э варэдэ* 'нанесенный ущерб', *говвэ-йе могойнэнэ* 'законодательная власть' и т. д. Однако с КГ в такой форме они никогда не сочетаются.

4. Влиянием установившейся традиции — авторы новых словарей персидского языка, подобно своим предшественникам, выделяют значения у такого рода арабских слов.

При характеристике арабских причастных форм второй группы следует иметь в виду, что многозначные причастия в отдельных значениях могут иметь самостоятельное употребление. Так, некоторые причастия, имеющие несколько значений, самостоятельно не употребляются в каком-либо одном или двух значениях, которые проявляются только в составе глагольного фразеологизма, а в других значениях (эти значения в основном возникли на персидской почве) имеют свободное употребление. Например, слово *варэд*, образующее СГ *варэд шодан* 'входить', 'приходить', 'наноситься', 'быть причиненным', 'импортироваться', в значениях 'входящий', 'приходящий', 'нанесенный', 'причиненный' самостоятельно, вне устойчивого глагольного словосочетания, не употребляется. Но это слово имеет также значения 'осведомленный', 'сведущий', 'уместный', 'правильный', которые встречаются в свободных словосочетаниях, например: *Дар ин кар ё адъм-э бэсайр варэд-и буд* 'В этом деле он был очень сведущим человеком'; *Ин э'тэраз варэд нист* 'Это возражение неуместно'.

Слово *мотайссарэф*, входящее в состав СГ *мотайссарэф шодан* 'овладевать', 'захватывать', в значении 'овладевающий', 'захватывающий' самостоятельно не употребляется, а в значении 'склоняемый', 'спрягаемый' встречается в свободных словосочетаниях. Слово *дахэл*, входящее в состав СГ *дахэл шодан* 'входить', 'вступать', 'поступать', в значении 'входящий', 'вступающий' самостоятельно не употребляется, зато широко используется как отыменный предлог со значениями 'в', 'внутри', 'внутри'.

Отсутствие самостоятельного значения у арабских причастий второй группы придает особую устойчивость глагольным словосочетаниям, в состав которых они входят¹⁷. Но вряд ли сочетания типа *мотайссарэф шодан* можно было бы рассматривать как сложные слова, ибо они сохраняют свойства словосочетаний, подобно другим СГ¹⁸. Поэтому и анализировать их следует как разновидности одной фразеолого-грамматической категории. Ряд СГ, в состав которых входят такого рода арабские причастные формы, способны образовать РК, свидетельствующую о структурно-грамматической самостоятельности компонентов СГ, например: *варэд-э джа-йи шодан* 'входить куда-л.', 'приходить куда-л.', *мотайһаммэл-е чиз-и шодан* 'испытывать, переносить что-л.', 'терпеть что-л.', *мотайвэджджеһ-э чиз-и шодан* 'смотреть, обращать внимание на что-л.', 'быть направленным на что-л.', *мор-*

¹⁷ Тесная спаянность частей СГ, в которых первый элемент утратил лексическую самостоятельность, отмечается в таджикском языке, напр., *хай кардан* 'гнать', *хит кардан* 'обижать', 'огорчать'. А в глаголе *ғундоштан* 'собирать' объединение элементов пошло еще дальше: первый элемент *ғун* полностью слился со вторым, о чем свидетельствует употребление глагольной приставки *ме-* перед первым элементом *меғундораи* [71, с. 25].

¹⁸ Об отличии СГ от сложных слов см. с. 116—120 наст. изд.

такеб-э чиз-и шодан 'совершать что-л.' (напр., ошибку, преступление)¹⁹.

Третья группа включает арабские причастия, имеющие самостоятельное лексическое значение и способные образовать изафетные или предложные адъективно-причастные обороты. К ним относятся *вагэ* 'находящийся', 'расположенный', *маһрум* 'лишенный', *мотайлеғ* 'принадлежащий', *нави* 'содержащий', *моғим* 'находящийся', 'проживающий', *һазз* 'владеющий', 'обладающий', *һамэл* 'переносящий', 'перевозящий', *мотад* 'привыкший', *машрут* 'обусловленный', *машһун* 'наполненный', 'переполненный', *шамэл* 'содержащий', 'включающий', *мораккаб* 'состоящий' и мн. др.

Выступая стержневым словом в адъективно-причастных оборотах, эти причастные формы распространяются зависимыми от них словами, присоединяемыми изафетом или предлогами: *вагэ дар куһ* 'расположенный в горах', *маһрум аз комак-е дустан* 'лишенный помощи друзей', *мотайлеғ бэ арбаб* 'принадлежащий хозяйну', *нави-йе сэ гэсмат* 'включающий три части', *моғим-э Парис* 'находящийся в Париже', *һазз-э аһамийят* 'имеющий значение', 'важный' и т. д.

Способность образовывать адъективно-причастные обороты не препятствует использованию причастий третьей группы в роли ИЧ, и многие из такого рода причастий входят в состав СГ: *маһрум кардан* 'лишать', *машрут кардан* 'обусловливать', 'ставить в зависимость', *мосавваб шодан* 'утверждаться', 'быть одобренным', *масун даштан* 'защищать', 'охранять', *һазз шодан* 'завладевать', 'достигать', 'приобретать', *нави будан* 'содержать', 'заключать', 'охватывать', *шамэл будан* 'содержать', 'состоять', 'относиться', 'касаться' и т. д.

Характерной особенностью СГ, в состав которых входят причастные формы третьей группы, является то, что они сохраняют для связи с зависимыми от них словами те же предлоги, которые употребляются в адъективно-причастных оборотах, например: *маһрум кардан* 'лишать (чего — аз)' — *Ин бимари-йе сахт у-ра аз эмкан-э молагат ба дустан-э гадим-э ход маһрум кард* 'Эта тяжелая болезнь лишила его возможности встретиться со своими старыми друзьями'; *машрут кардан* 'обусловливать

¹⁹ Подобно арабским причастиям второй группы, в роли ИЧ СГ иногда выступают чисто персидские слова, заимствования из других языков и слова смешанного происхождения. Все они также не обладают самостоятельным лексическим значением: *йадавар шодан* 'напоминать', 'упоминать', 'отмечать', *хатэрнэшач кардан* 'упоминать', 'указывать', 'подчеркивать', 'доводить до сведения', *гати кардан* 'смешивать', 'перемешивать', 'подмешивать', *ладжичмал кардан* 'пачкать', 'чернить', 'порочить', *хит шодан* 'проваливаться', 'терпеть неудачу', 'краснеть' и т. д. Многие из такого рода СГ свойственны исключительно разговорному языку.

Видимо, использование в роли ИЧ СГ слов, не имеющих самостоятельного значения, свойственно не только персидскому и таджикскому, но и другим иранским языкам. Так, аналогичное явление отмечается Т. Н. Пахалиной в ишканимском языке [61, с. 57].

(чем — бэ)', 'ставить в зависимость (от чего — бэ)' — *Этмам-э сахтэман-э башгаһ-э афсәран-ра бэ тәшдид комәк-е мали мәшрут мисазәнд* 'Завершение строительства офицерского клуба они ставят в зависимость от усиления финансовой помощи'; *мәсун даштән* 'защищать', 'оберегать (от чего — әз)' — *Куһһа-йе боләнд ин наһийе-йе һасәлхиз-ра әз нофуз-э бадһа-йе сәрд мәсун мидард* 'Высокие горы защищают этот плодородный район от проникновения холодных ветров'.

Другие части речи в роли ИЧ

Количество СГ, в которых ИЧ выражается другими лексико-грамматическими классами слов (помимо рассмотренных выше), сравнительно невелико.

Как известно, персидские глаголы нередко функционируют в форме инфинитива как существительные. Использование же инфинитивов простых глаголов в роли ИЧ — явление редкое. Обычно в этой роли встречается глагол *дидән* 'видеть', который помимо глагольного значения получил чисто субстантивные значения — 'визит', 'посещение', 'свидание', 'встреча', 'осмотр', проявляющиеся при употреблении этого слова в свободных именных словосочетаниях и предложениях, а также в составе СГ *дидән кәрдән* 'посещать', 'наносить визит', 'осматривать'. Кроме того, в качестве ИЧ СГ используется глагол *дәжәстән* 'прыгать', 'скакать'; образующийся СГ *дәжәстән кәрдән* сохраняет значения этого простого глагола.

П. Хорн отмечает как новое явление использование в раннем новоперсидском языке в качестве ИЧ СГ ряда инфинитивов и приводит примеры из «Шахнаме» Фирдоуси: *дә р-нәһофтән кәрдән* 'скрывать', 'прятать', *тахтән кәрдән* 'скакать', 'мчаться', *арәмидән дадән* 'успокаивать', *фәрэстадән сахтән* 'посылать' и т. д. [113, с. 156]. В современном персидском языке эти инфинитивы не употребляются в качестве ИЧ СГ; произошло резкое сокращение количества инфинитивов, используемых в составе СГ.

Вместе с тем следует отметить довольно продуктивное сочетание в современном языке некоторых инфинитивов с 3-м л. ед. числа глагола *герәфтән*, выражающего начало действия: *баридән герәфт* 'пошел', 'начал идти' (о дожде, снеге), *вәзидән герәфт* 'начал дуть', *руидән герәфт* 'начал расти', *шекофтән герәфт* 'распустился', 'расцвел', 'начал распускаться', 'начал расцветать' и т. д. Есть все основания рассматривать подобные сочетания не как СГ, а как особые аналитические формы, служащие для выражения инхоативного вида.

В роли ИЧ встречаются некоторые наречия: *әзбәр* 'наизусть' — *әзбәр кәрдән* 'учить наизусть'; *һэйф* 'зря', 'попусту', 'напрасно' — *һэйф шодән* 'пропадать зря, попусту', *һэйф кәрдән* 'растрачивать зря, напрасно', *кешанкешан* 'волоком' — *кешанкешан бордән* 'волочить', 'насиленно тащить', 'тянуть'; *баз* 'снова',

‘опять’, ‘еще раз’— *баз авърдән* ‘возвращать’, ‘отдавать’, *баз хәридән* ‘выкупать’, *баз даштән* ‘удерживать’, ‘не допускать’, ‘останавливать’, ‘задерживать’, ‘арестовывать’, *баз дадән* ‘отдавать’, ‘возвращать’ и т. д.

Особо следует остановиться на случаях, когда некоторые слова, обладающие одновременно лексико-грамматическими значениями существительных, прилагательных, наречий, а также нередко отыменных предлогов (напр., *бала* ‘верх’, ‘верхний’, ‘наверх’, ‘вверх’, ‘на’, ‘над’, *пиш* ‘перёд’, ‘передний’, ‘дальше’, ‘вперед’, ‘к’, *бирун* ‘внешняя часть’, ‘наружный’, ‘наружу’, ‘вне’), в роли ИЧ чаще всего выступают как наречия. Вступая в сочетание с КГ, имеющими значения движения, перемещения, они как бы видоизменяют значения этих глаголов в отношении направления в пространстве. В результате образуется ряд СГ, которые объединяются общей идеей направления движения, определяемой значением ИЧ: *бала*→движение наверх: *бала амәдән* ‘подниматься’, ‘идти наверх’, *бала әндахтән* ‘подбросить вверх’, ‘поднять’, *бала авърдән* ‘поднимать’, ‘подавать наверх’, ‘возводить’, ‘воздвигать’, *бала бордән* ‘подымать’, ‘повышать’, ‘возносить’, ‘вышшать’, ‘продвигать’, ‘повышать (кого-л.)’, *бала рәфтән* ‘идти вверх’, ‘подниматься’, ‘взбираться’, ‘повышаться’, *бала кешидән* ‘тянуть вверх’, ‘поднимать’; *пайин*→движение вниз: *пайин амәдән* ‘сходить вниз’, ‘спускаться’, ‘падать’, ‘понижаться’, *пайин әндахтән* ‘бросать вниз’, ‘сбрасывать’, ‘опускать’, *пайин авърдән* ‘опускать’, ‘спускать’, ‘понижать’, ‘снижать’, *пайин рәфтән* ‘идти вниз’, ‘спускаться’, ‘убывать’, ‘спадать’, ‘снижаться’, ‘понижаться’, *пайин кешидән* ‘опускать’, ‘спускать’; *пиш*→движение вперед: *пиш офтадән* ‘опережать’, ‘обгонять’, *пиш амәдән* ‘выходить вперед’, ‘выступать’, ‘выдаваться’, *пиш әндахтән* ‘двигать вперед’, ‘продвигать’, *пиш рәфтән* ‘идти вперед’, ‘продвигаться’, *пиш кешидән* ‘выдвигать’, ‘продвигать’; *бирун*→движение наружу: *бирун офтадән* ‘выпадать’, *бирун авърдән* ‘выводить’, ‘выносить’, ‘вынимать’, ‘вытаскивать’, *бирун амәдән* ‘выходить’, ‘появляться’, ‘выступать’, *бирун джәстән* ‘выскакивать’, *бирун рәфтән* ‘выходить’, *бирун рихтән* ‘выливать’, *бирун фэрэстадән* ‘высылать’, ‘изгонять’, *бирун кешидән* ‘вынимать’, ‘вытаскивать’.

ИЧ может быть выражена междометиями и звукоподражательными словами. При этом следует иметь в виду, что в персидском языке слова, выступающие как междометия и звукоподражательные слова, могут одновременно называть чувства, волеизъявления, а также обозначать крики, шумы, звуки, т. е. могут выступать и как существительные, например: *вай* ‘ай’, ‘ах’, ‘ох’ и ‘крик’, ‘вопл’, *әфәрин* ‘браво!’, ‘молодец!’, ‘прекрасно’ и ‘хвала’, ‘похвала’, *мийоў-мийоў* ‘мяу-мяу’ и ‘мяуканье’, *оў-оў* ‘гав-гав’ и ‘гавканье’, ‘лай’, *гур-гур* ‘ква-ква’ и ‘кваканье’. Поэтому в значениях СГ, образованных на базе этих слов, переkreщиваются значения междометий и существительных, а также звукоподражательных слов и существительных.

СГ, в роли ИЧ которых выступают междометия: *авāх бāр-авāрдāн* 'ахать', 'охать', 'сожалеть', *аh кешидāн* 'вздыхать', 'зариться', 'завидовать', *вай кāрдāн* 'ахать', 'охать', *хура кешидāн* 'кричать ура', *нэй кāрдāн* 'понукать', 'погонять (животных)', *ах нāгофтāн* 'не пикнуть' и т. д.

СГ с ИЧ, выраженной звукоподражательными словами: *бā'-бā' кāрдāн* 'блеять', *гугулигу кāрдāн* 'кукарекать', *джир-джир кāрдāн* 'чирикать', 'щебетать', *гур-гур кāрдāн* 'квакать', *миюу-миюу кāрдāн* 'мяукать', *год-год кāрдāн* 'кудахтать', *оу-оу кāрдāн* 'гавкать', 'лаять', *хор-хор кāрдāн* 'хрипеть', 'храпеть', 'хрюкать', 'рычать' (о собаке), 'мурлыкать', *ху-ху кāрдāн* 'гудеть' (о моторе и т. п.) и т. д.

Западноевропейские заимствования в роли ИЧ

Активное проникновение заимствованных слов из западноевропейских языков в современный персидский язык непосредственно отражается на процессе образования СГ. Многие заимствованные слова, включаясь в общую парадигму моделированных образований, сочетаются с наиболее употребительными КГ: *модэрнизэ кāрдāн* 'модернизировать', *модэрнизэ шодāн* 'модернизироваться', *сансур кāрдāн* 'подвергать цензуре', *сансур шодāн* 'проходить через цензуру', 'подвергаться цензуре', *эстэрэлизэ кāрдāн* 'стерилизовать', *эстэрэлизэ шодāн* 'стерилизоваться', *контрол кāрдāн* 'проверять', 'контролировать', *контрол шодāн* 'подвергаться проверке, контролю', 'контролироваться', *вэто кāрдāн* 'накладывать вето' и т. д.

Среди СГ, образованных на основе западноевропейских заимствований, наряду с чисто моделированными образованиями встречаются фразеологические гибриды (полукальки), в которых ИЧ выражена заимствованным словом, а глагольная часть представлена персидским глаголом, являющимся буквальным переводом глагола какого-либо западноевропейского языка, например: *ржорд шекāстāн* 'побивать рекорд' (ср. фр. *battre le record*, англ. *to break the record*), *ван герэфтāн* 'принимать ванну' (ср. фр. *prendre un bain*, англ. *to take a bath*), *консэрт дадāн* 'давать концерт' (ср. фр. *donner un concert*, англ. *to give a concert*).

Наибольшее количество составляют СГ, в роли ИЧ которых выступают заимствования из французского языка: *диктэ кāрдāн* 'диктовать', *абсэ кāрдāн* 'воспалиться' (о ране), *мэканизэ кāрдāн* 'механизировать', *йонизэ кāрдāн* 'ионизировать', *масаж дадāн* 'делать массаж', 'массировать', *конфэранс дадāн* 'читать лекцию', 'делать доклад', *мановр дадāн* 'проводить маневры', *пип кешидāн* 'курить трубку', *эскорт кāрдāн* 'эскортировать', *марш рāфтāн* 'маршировать' и т. д.

Количество английских заимствований, выступающих в роли ИЧ СГ, значительно уступает количеству французских слов, вы-

ступающих в той же роли: *тайп кярдан* 'печатать на машинке', *паркинг кярдан* 'ставить на стоянку (автомашину)', *эспрэй кярдан* 'опылять', 'опрыскивать', 'пульверизировать', *гол зядан* 'забивать гол', *пас дадан* 'пасовать', 'передавать (мяч)', *бокс зядан* 'боксеровать', *шампу зядан* 'мыть шампунем' и т. д.

Глагольная часть СГ

Глагольная часть СГ выполняет формально-грамматическую роль показателя действия и в зависимости от семантической структуры СГ в большей или меньшей степени участвует в формировании общего значения ФЕ. Она может быть выражена простыми и префиксальными глаголами, а иногда и СГ.

Общая характеристика КГ и их состава

Глаголы, выступающие в составе устойчивых двучленных глагольных словосочетаний и сообщающие им глагольные свойства, в силу специфики их функционирования и приобретаемого ими нового лексико-грамматического значения получили название компонирующих²⁰.

В роли КГ наиболее часто используется сравнительно небольшая группа простых глаголов: *кярдан* 'делать', *дадан* 'давать', *зядан* 'бить', *шодан* 'становиться', *хордан* 'есть', *герэфтйан* 'брат', 'получать', *кешидан* 'тянуть', *йафтйан* 'находить', *даштйан* 'иметь', *дидан* 'видеть'. Другие простые глаголы реже используются в этой функции, причем большинство из них выступает как полные эквиваленты перечисленных выше глаголов.

Среди простых глаголов, используемых в качестве компонирующих, имеются глаголы с широким, абстрактным значением (*кярдан* 'делать', *шодан* 'становиться', 'делаться') и глаголы с конкретным лексическим значением (напр., *зядан* 'бить', *хордан* 'есть', *хандан* 'читать', *форухтйан* 'продавать'). Последние в составе СГ, как правило, утрачивают лексическое значение.

Наиболее употребительные КГ, сочетаясь с разными семантическими и грамматическими категориями слов, образуют целые серии СГ: *кярдан—иджад кярдан* 'создавать', *кар кярдан* 'работать', *са'й кярдан* 'стараться', *фэкр кярдан* 'думать', *нэган кярдан* 'смотреть' и т. д.; *шодан—агаз шодан* 'начинаться', *э'лам шодан* 'объявляться', 'быть объявленным', *энтэшар шодан* 'публиковаться', 'быть опубликованным', *фйрамуш шодан* 'забываться', *йадавар шодан* 'напоминать', 'отмечать' и т. д.; *дадан—эдамэ дадан* 'продолжать', *фйриб дадан* 'обманывать', *пайан дадан* 'заканчивать', 'завершать', *нэшан дадан* 'показывать',

²⁰ Характеристика этих глаголов дана в статье Л. С. Пейсикова [63]. Из работ, изданных в Иране, наиболее подробная характеристика КГ и их состава содержится в книге П. Ханляри «Структура глагола» [123, с. 23—68].

ташкил дадән и т. д.; *зәдән* — *һәрф зәдән* 'разговаривать', *зәдәм зәдән* 'шагать', 'прогуливаться', *сэда зәдән* 'звать', 'окликать', *фәйриад зәдән* 'кричать', 'вопить', *тәккье зәдән* 'опираться', 'прислоняться', *тәлефон зәдән* 'звонить по телефону' и т. д.

Не все КГ обладают одинаково широкой валентностью: одни КГ образуют большое количество СГ (напр., *кәрдән*, *дадән*, *шодән*), другие КГ используются сравнительно мало для образования СГ (напр., *бәхшидән* 'дарить', *гофтән* 'говорить', *фәрухтән* 'продавать').

Наряду с употребительными простыми глаголами в качестве КГ можно встретить малоупотребительные и архаичные глаголы, образующие единичные глагольно-именные словосочетания, например: *тәравидән* 'просачиваться', 'проступать' — *бу тәравидән* 'пахнуть', 'источать аромат'; *нәвәрдидән* 'проходить', 'странствовать', 'путешествовать' — *раһ нәвәрдидән* 'проходить путь', 'путешествовать', 'странствовать'; *йазидән* (*йахтән*) 'поднимать', 'извлекать', 'намереваться' — *дәст йазидән* 'посягать', 'покушаться'.

Из префиксальных глаголов в роли КГ наиболее часто встречается *бәр-даштән* 'поднимать', 'брать': *дәст бәр-даштән* 'оказываться', 'прекращать', 'приостанавливать', *гам бәр-даштән* 'шагать', *нәрдә бәр-даштән* 'приподнимать завесу', 'разглашать тайну', 'разоблачать', *әкс бәр-даштән* 'фотографировать', *дәл бәр-даштән* 'отречься', 'отказываться', 'разлюбить', 'отвыкать', 'покидать', 'оставлять' и т. д. В роли КГ употребляются также префиксальные глаголы *бәр-авәрдән* 'исполнять', 'осуществлять', 'вынимать', *дәр-авәрдән* 'вынимать', 'вытаскивать' и некоторые другие. Все префиксальные глаголы обычно сочетаются с именами существительными.

Особо следует остановиться на использовании некоторых СГ в роли КГ. Видимо, компонирующими можно считать только те СГ, которые выступают как полные синонимы простых глаголов, ср. *нәйда кәрдән* и *йафтән* 'находить', *бә ймәл авәрдән* и *кәрдән* 'делать', 'производить'. Глагольные словосочетания, образованные с участием таких сложных и простых глаголов, не имеют ни семантических, ни стилистических различий, ср. *эдамә йафтән* и *эдамә нәйда кәрдән* 'продолжаться', *эгдам кәрдән* и *эгдам бә ймәл авәрдән* 'прилагать усилия', 'принимать меры'. В связи с этим глагольные фразеологизмы, несмотря на то что они представлены словосочетаниями трехкомпонентного состава, целесообразно рассматривать как СГ. В то же время нельзя не отметить двойственную природу таких глагольных словосочетаний, представляющих собой пограничное явление между СГ и многочленными глагольными фразеологизмами.

КГ может иметь устойчивую отрицательную форму, которая является неотъемлемым элементом структуры некоторых СГ идиоматического характера. Без отрицания нарушилось бы структурно-семантическое единство таких СГ: *дәст бәр-нәдаштән* 'на-

стойчиво добиваться', 'домогаться', *чешм бяр-надаштән* 'не отводить глаз', *ах нагофтән* 'не пикнуть', *му наьзядән* 'быть очень точным', 'не расхотиться', 'совпадать', *кәм наьямәдән* 'не уступать', 'не отставать', *фатэһэ наьхандән* 'не считается', 'пренебрегать'²¹.

Характерной особенностью большинства КГ является то, что они, не будучи лексическими синонимами, выступают как КГ-эквиваленты, образуя варианты формы СГ, почти не различающиеся между собой ни семантически, ни стилистически: *асиб хордән (дидән, йафтән)* 'получать повреждение', 'нести убыток', *э'тэраф кярдән (даштән)* 'признавать(ся)', 'сознавать(ся)', *пайан пәзирофтән (йафтән)* 'заканчиваться', *тәгйир кярдән (пәзирофтән, йафтән)* 'изменяться' и т. д.

*Использование некоторых простых глаголов
в составе устойчивых и свободных словосочетаний*

Общее определение КГ не во всех случаях позволяет четко отграничить фразеологически связанное функционирование глаголов от свободного функционирования этих же глаголов в качестве самостоятельных сказуемых или в качестве глагольной части именных и глагольно-именных сказуемых²². Отсюда могут возникнуть неясности и противоречия в отнесении тех или иных глагольных сочетаний к СГ или к синтаксическим словосочетаниям. Для решения вопроса о природе глагольного словосочетания необходим всесторонний анализ семантических и структурно-грамматических взаимоотношений между компонентами.

Совершенно очевидно, что в тех случаях, когда один или оба компонента изменяют свои значения, отнесение глагольных словосочетаний к СГ не вызывает сомнений. Трудности возникают обычно тогда, когда ИЧ полностью сохраняет лексическое значение, а КГ либо сохраняет свое значение, либо подвергается незначительной десемантизации (напр., в моделированных СГ). Проанализируем некоторые глагольно-именные словосочетания с глагольными компонентами *кярдән* 'делать', *шодән* 'становиться', 'делаться', *будән* 'быть', 'существовать', 'находиться' и *даштән* 'иметь'.

Глагол *кярдән* — самый употребительный КГ. Новые СГ, постоянно появляющиеся в современном языке, образуются главным образом путем сочетания этого глагола как с чисто персидскими, так и с заимствованными словами. Активному процессу образования новых СГ на основе глагола *кярдән* способствует

²¹ В случае пропуска отрицательной частицы образуются либо другие СГ (ср. *дәст бяр-надаштән* и *дәст бяр-даштән* 'отказываться', 'переставать', 'прекращать'), либо свободные словосочетания (ср. *му наьзядән* и *му зядән* 'стричь волосы', *фатэһэ наьхандән* и *фатэһэ хандән* 'читать первую суру Корана').

²² Имеются значительные расхождения между авторами различных работ в определении общего количества КГ и в отнесении тех или иных глаголов к числу компонирующих.

его широкое значение, которое частично нейтрализуется и поглощается общим значением СГ. Большинство СГ с КГ *кӑрдӑн* — моделированные образования.

К моделированным относятся такие СГ, значение которых непосредственно вытекает из значений компонентов и поэтому всегда может быть предсказано. СГ, ИЧ которых выражена существительными, образованы по структурно-семантической модели ограниченного характера. Иначе обстоит дело, когда в роли ИЧ выступают прилагательные, — в этом случае не наблюдается ограничений в сочетательных возможностях глагола *кӑрдӑн*, вызванных не семантическими причинами, а языковым узусом²³. Этот глагол может свободно сочетаться с качественными прилагательными и со многими относительными, например: *остовар кӑрдӑн* 'делать устойчивым, стойким', 'укреплять', 'упрочивать', *агаһ кӑрдӑн* 'извещать', 'уведомлять', 'осведомлять', *кӑсиф кӑрдӑн* 'марать', 'пачкать', 'грязнить', *хӑшмгин кӑрдӑн* 'гневить', 'сердить', 'злить'. Качественные прилагательные иногда берутся в сравнительной степени, например:

...*Бэ фӑкр-э ин буд ке-дӑрамӑд-э ӑмлак-е һадӑжи-ра зийад-тӑр бӑконӑд* (ХСК, с. 39) '... Он думал о том, как увеличить (букв. сделать больше) доходы с принадлежащей Хаджи собственности'.

Сочетания прилагательных с глаголом *кӑрдӑн* представляют собою чрезвычайно широкую структурно-семантическую модель, вследствие чего границы между ними и переменными сочетаниями крайне неустойчивы. Семантико-синтаксические отношения между прилагательными и глаголом *кӑрдӑн* можно рассматривать как отношения между членами глагольно-именных сказуемых. Вместе с тем такие образования нельзя полностью отделить от СГ и рассматривать только как глагольно-именные сказуемые, в которых прилагательное является предикативным атрибутом. Необходимо видеть их двойственную природу. В рамках моделированных СГ эти словосочетания удерживает то обстоятельство, что в них глагол *кӑрдӑн* может быть свободно заменен на другие КГ *сахтӑн* 'изготавливать', 'производить', строить²⁴ и *нӑмудӑн* 'показывать', 'казаться', не являющиеся синонимами этого глагола при свободном употреблении. В высоком стиле и при вежливом обращении КГ *кӑрдӑн* может быть заменен на глагол *фӑрмудӑн* 'приказывать': *рӑушӑн фӑрмудӑн* 'освещать', 'разъяснять', *агаһ фӑрмудӑн* 'извещать', 'осведомлять' и т. д. Образующиеся на основе этих глаголов сочетания без сомнения являются СГ, поскольку КГ подвергаются переосмыслению.

²³ Речь идет об устойчивости словосочетаний, в которых имена прилагательные сохраняют лексические значения. Отнесение же глагольных словосочетаний с переосмысленным значением ИЧ-прилагательных к СГ не вызывает сомнений, например: *сӑбз кӑрдӑн* 'проращивать', *сӑбок кӑрдӑн* 'уничтожать', *болӑнд кӑрдӑн* 'поднимать', 'будить', 'воровать'.

²⁴ Глагол *сахтӑн* в отличие от КГ *кӑрдӑн* и *нӑмудӑн* сочетается в основном с прилагательными. Эту же особенность глагола отмечает П. Ханляри, основываясь на языковых материалах IX—XIII вв. [123, с. 29—30].

Другой вопрос, который приходится решать в связи с употреблением глагола *кӳрдӳн*, — это отличие его функционирования в качестве КГ от функционирования в качестве самостоятельного сказуемого. В самостоятельной функции этот глагол выступает нечасто в связи с широтой и неопределенностью семантики, постоянно требующей для уточнения употребления других слов с конкретным значением. Лексическое значение глагола *кӳрдӳн* проявляется более отчетливо и рельефно тогда, когда слово, зависящее от этого глагола, также сохраняет свою лексико-синтаксическую самостоятельность и выступает в роли второстепенного члена предложения. К таким случаям следует отнести сочетание этого глагола с прямыми дополнениями — вопросительным местоимением *че* и именами существительными, имеющими при себе определения, послелог *-ра* или артикль. Примеры:

Ӓндӳрзһа-ӳе чӳнд-и-ра бӳрайе зӳнан авӳрдӳ ӳм ке-че байӳд бӳконӳнд вӳ че нӳконӳнд (К, 8588) 'Я дал несколько советов женщинам — что они должны делать и чего не делать'.

...*Чера Бӳһрам ин кар-ра кӳрд?* (ХСК, с. 17) '...Почему Бахрам это сделал?'

...*Коштар-ӳ бӳсӳар кӳрд* (ХМ, с. 8) '...Он совершил массовые убийства'.

Сочетание глагола *кӳрдӳн* с обстоятельством образа действия:

...*Бӳ нӳмин нӳтидӳже рӳсидӳ ӳм ке-һӳр кар-и миконим байӳд ӳз бих бӳконим* (ДЖТ, с. 193) '...Я пришел к тому же выводу, что, какое бы дело мы ни делали, мы должны его делать основательно'.

Глагол *шодӳн*, обладая не менее широким и абстрактным значением, чем глагол *кӳрдӳн*, также выступает как типичный КГ. В составе СГ он используется главным образом для выражения непереходного значения и в этом плане противостоит глаголу *кӳрдӳн* (а иногда — глаголу *дадӳн*) как его коррелят. В этой функции лексическое значение этого глагола еще более утрачивается, чем значение глагола *кӳрдӳн*, особенно в тех случаях, когда ИЧ выражается именами существительными. Так что между общим значением СГ и значениями компонентов не устанавливается такой прямой зависимости, которая наблюдается в СГ с глаголом *кӳрдӳн*. Схематически образование общего значения СГ с глаголом *шодӳн* можно представить следующим образом: *ӳ'лам* 'объявление' + *шодӳн* 'становиться' = *ӳ'лам шодӳн* 'объявляться', 'быть объявленным', *аӳаз* 'начало' + *шодӳн* 'становиться' = *аӳаз шодӳн* 'начинаться'.

СГ, непереходное значение которых выражается КГ *шодӳн*, являются моделированными образованиями, построенными по структурно-семантической модели ограниченного характера. Моделированные СГ с ИЧ-существительным легко отделить от перемешанных сочетаний слов, в которых глагол *шодӳн* выступает как связка, например: *У данӳшдӳжу шод* 'Он стал студентом'; *Дох-*

tār ǰāšānǰ mišāwād 'Девушка становится красивой'. В именных сказуемых этот глагол выражает процесс становления и может быть заменен на другой связочный глагол *будān*, выражающий длительность проявления признака, обозначенного предикативом, или его наличие.

Особо следует остановиться на случаях сочетания глагола *шодān* с прилагательными. Возникает вопрос, можно ли такие словосочетания рассматривать как СГ. Несмотря на трудности отграничения некоторых видов моделированных образований от свободных сочетаний слов, анализ этих глагольных словосочетаний показывает, что в большинстве случаев имя прилагательное, сохраняющее свое значение неизменным, выступает в них как предикативное определение, а глагол *шодān*, выполняя функцию показателя предикативности, приписывает подлежащему становление некоего признака. В составе таких сочетаний прилагательное обозначает признак предмета, степень проявления которого может меняться, например:

Чешмһа-йе у доршиттār мишод вā бārǰ мизād (ХСК, с. 8) 'Ее глаза становились больше и ярко сверкали'.

Һāбжм-э кетаб бэсар биштār мишод вā кар-э тāб' сā'втār мигārдиd (ДА, т. 1, с. 8) 'Объем книги сильно увеличился, и печатать ее становилось труднее'.

В глаголе *шодān* лексическая самостоятельность проявляется еще меньше, чем в глаголе *кārдān*. Связочный характер глагола *шодān* в сочетании с прилагательными, которые сохраняют свои лексические значения, становится особенно очевидным, если сопоставить данные словосочетания с устойчивыми словосочетаниями аналогичного лексемного состава, в которых компоненты подверглись переосмыслению²⁵. Ср. следующие глагольные словосочетания:

болāнд шодān 'становиться высоким'

сāбз шодān 'становиться зеленым', 'окрашиваться в зеленый цвет'

хошк шодān 'становиться сухим'

сорх шодān 'становиться красным'

болāнд шодān 'вставать', 'подниматься'

сāбз шодān 'расти', 'вырастать', 'неожиданно появляться'

хошк шодān 'замерзать', 'застывать', 'цепенеть', 'столбенеть'

сорх шодān 'поджариваться', 'поджариваться'.

В сочетаниях первой группы глагол *шодān* может быть заменен на глагол *будān*, в сочетаниях второй группы такая замена невозможна, — все это дает основание сочетания первой группы рассматривать как именные сказуемые, а сочетания второй группы — как СГ.

К сочетаниям глагола *шодān* с арабскими причастными формами следует подходить дифференцированно.

²⁵ П. Ханляри считает, что глагол *шодān* только в сочетании с существительными выступает как КГ, а в сочетании с прилагательными является всегда связочным, не учитывая того, что прилагательные в составе таких словосочетаний могут изменять свои значения [123, с. 55, 58, 76].

Как было отмечено выше, арабские причастия в зависимости от семантико-грамматических изменений и характера функционирования в персидском языке подразделяются на три группы²⁶. При сочетании этого глагола с причастиями первой группы, выступающими как прилагательные и существительные, образуются именные сказуемые: *Эгамйт дяр ин шähr мофид мишавд* 'Пребывание в этом городе становится полезным'; *Мйрдом мотайээл шоданд* 'Люди стали независимыми' и т. д.

Арабские причастия второй группы, не имеющие самостоятельного лексического значения, образуют с *шодан* СГ: *мотайһаммэл шодан* 'испытывать', 'терпеть', *мотайзаккер шодан* 'напомянуть', 'указывать', 'упомянуть', *мотайсаррэф шодан* 'захватывать', 'занимать', *мотайаббэл шодан* 'брать на себя', *мосайммам шодан* 'принимать решение', 'решаться' и т. д.

Арабские причастия третьей группы, обладающие самостоятельным значением, связанным с понятием глагольного действия, при сочетании с *шодан* образуют СГ: *майһрум шодан* 'лишаться', *мотайаррез шодан* 'нападать', 'приставать', 'досаждать', *мосаввайб шодан* 'утверждаться', 'быть одобренным', *һазз шодан* 'завладевать', 'достигать', 'приобретать' и т. д.

Вопрос об использовании глагола *будан* в качестве КГ совершенно не затрагивается в работах по персидскому языку. П. Ханляри, отмечая употребление этого глагола как вспомогательного и как связочного, считает, что он не может образовывать СГ [123, с. 76]. Поэтому этот глагол им не включен в список КГ. Однако с этим мнением согласиться нельзя. В частности, к СГ следует относить сочетания глагола *будан* с прилагательными и арабскими причастиями, которые не могут рассматриваться как именные сказуемые. Эти словосочетания только внешне напоминают именные сказуемые.

(1) Прежде всего отметим словосочетания, в которых компоненты подвергаются частичному или полному переосмыслению: *остовар будан* 'опираться', 'основываться' (букв. 'быть устойчивым', 'быть прочным'), *дур будан* 'быть чуждым', 'не иметь ничего общего' (букв. 'быть далеким'), *хуб будан* 'быть в хороших отношениях', 'хорошо относиться' (букв. 'быть хорошим'), *бад будан* 'быть в плохих отношениях', 'плохо относиться' (букв. 'быть плохим'), *карэ-и будан* 'иметь вес, влияние', 'занимать ответственный пост' (букв. 'быть деловым, деятельным'), например:

Акнун компаниһа-йе харэджи дяр Иран карэ-и нистанд (ХА, 15, с. 3) 'В настоящее время иностранные компании не имеют влияния в Иране'²⁷.

²⁶ О делении арабских причастий см. с. 133—137 наст. изд.

²⁷ В современном персидском языке вместо форм настоящего времени глагола *будан* преимущественно используются полные и краткие формы глагола-связки *һаст* 'есть', 'имеется'. Поскольку эти формы в составе различных СГ выступают как эквиваленты форм настоящего времени КГ *будан*, СГ, образованные и теми и другими КГ, и приводимые на них примеры рассматриваются вместе.

Изменение значения одного или двух компонентов создает устойчивость словосочетаний и позволяет относить их к СГ.

(2) Словосочетания, в которых ИЧ представлена несамостоятельным арабским причастием или другим словом, не имеющим самостоятельного значения, следует рассматривать как СГ, а не как именные сказуемые, например: *мосайммай будайн* 'решать', *молтайфэт будайн* 'понимать', 'обращать внимание', *мотайваджджеи будайн* 'смотреть', 'обращать внимание', 'понимать', 'видеть', *оһдэдар будайн* 'отвечать', 'нести ответственность', *форугозар найбудайн* 'не щадить', 'не жалеть'.

Мосайммай будайм-ке айз омр та анджа-и-ке байрай-айм мой-айссар-о майдур айт тайматто бэзирайм (ДЖК, с. 141) 'Я решил брать от жизни все, что позволяют мои возможности'.

Ханом, мотайваджджеи башид бэ бохари найхорид. Молтайфэт хастид-ке омад дяр табло че хэкайтмиконад? (АЧ, с. 60) 'Госпожа, смотрите, не заденьте печку. Вам понятно, о чем рассказывает художник в своей картине?'

(3) К СГ относятся все словосочетания с глаголом *будайн*, которые имеют прямопереходное значение и требуют употребления прямого дополнения²⁸: *талэб будайн* 'требовать', 'искать', 'стремиться', *арзуманд будайн* 'желать', 'хотеть', 'стремиться', 'мечтать', *хаһан будайн* 'желать', 'просить', 'требовать', *дара будайн* 'иметь', 'обладать', *хастар будайн* 'желать', 'просить', 'требовать', *һазз будайн* 'владеть', 'обладать', *байад будайн* 'знать', 'уметь', 'быть сведущим', *шамэл будайн* 'содержать', 'включать', 'относиться', 'касаться', *фагэд будайн* 'не иметь', 'быть лишенным' и т. д.

Ин кетаб ... айз калемат-э забанһа-йе дигяр-һам ан-че дяр фарси бэ кар райфтэ айт шамэл айт (НФ, б) 'Эта книга ... включает также слова из других языков, которые употребляются в персидском языке'.

Сайламйти-йе һамэги-ра хастар-айм (К, 8084) 'Я желаю всем вам здоровья'.

Чап-э айвэйл-е «Амсал-э хэкайм» ... могаддаймз-йе мойллеф-ра фагэд айт (ДА, т. 1, с. 8) 'Первое издание «Пословиц, поговорок и афоризмов»... не имеет предисловия автора'.

(4) Сочетания глагола *будайн* с некоторыми арабскими причастиями, значение которых сохраняет связь с глагольным действием, следует рассматривать как СГ, поскольку такие словосочетания выражают действия и состояния подлежащего, а не приписывают ему какие-либо качества и признаки: *майшгул будайн* 'быть занятым', 'заниматься', *могим будайн* 'проживать', 'находиться', *һаки будайн* 'говорить', 'указывать', 'рассказывать', *джари будайн* 'течь', 'литься', 'быть действующим', 'иметь силу', *модаи будайн* 'утверждать', 'заявлять', *мораккаб будайн* 'состо-

²⁸ Мы согласны с Л. С. Пейсиковым, который считает, что именованное сказуемое не может быть переходным [62, с. 325—326].

ять', 'быть составленным', *монтәһи будән* 'оканчиваться', 'завершаться' и т. д. Примеры:

Пәс әз фәһһ-э Лиди, Курош моддәт-э дән сал ... бә ләшкәркеши вә джәһангири мәшғул буд (ХМ, с. 2) 'После победы над Лидией Кир в течение десяти лет ... был занят военными походами и завоеваниями'.

Руд-э әзим-э Мисисипи ба шахәһа-йәш дәр ан джари буд (ХА, 10, с. 40) 'По нему протекала великая река Миссисипи со своими притоками'.

В заключение следует отметить, что СГ с КГ *будән*, подобно другим СГ, обладают семантической цельностью. Это выражается в том, что для связи с зависимыми от них словами при контактном положении ИЧ и КГ они требуют употребления определенных предлогов и послелога *-ра*. Например: СГ *мәшғул будән* требует предлога *бә*, СГ *һаки будән* — *әз*, СГ *морәккәб будән* — *әз*, СГ *арзумәнд будән* и *дара будән* — послелога *-ра*.

Глагол *даштән*, будучи КГ, вступает в сочетание с существительными, прилагательными и арабскими причастиями.

При сочетании глагола *даштән* с прилагательными и арабскими причастиями отнесение таких образований к СГ не вызывает сомнений, поскольку этот глагол изменяет свое лексическое значение: *пәнһан даштән* 'скрывать', 'прятать', 'утаивать', *мәсун даштән* 'защищать', 'оберегать', *мәмну даштән* 'воспрещать', 'запрещать', *мостәррәдд даштән* 'возвращать', 'передать', 'вручать', *моһәввәл даштән* 'возлагать', 'поручать', 'переносить', 'откладывать', *мәшғул даштән* 'занимать', 'развлекать' и т. д. В приведенных примерах слова, выступающие в роли ИЧ, сохраняют свое значение, а глагол *даштән* подвергается типовому переосмыслению и выступает как эквивалент КГ *кәрдән*. Образовавшиеся таким путем СГ являются моделированными: они строятся по модели ограниченного характера, глагол *даштән* выступает как моделирующий компонент, общее значение СГ может быть заранее предсказано.

Глагол *даштән* вступает в сочетание с разными семантическими разрядами существительных. При сочетании этого глагола с конкретными существительными СГ образуется только в тех случаях, когда эти существительные подвергаются переосмыслению, например: *дәст даштән* 'быть знающим, опытным', 'иметь влияние, власть', 'быть связанным', 'иметь отношение', 'быть замешанным (в чем-л.)' (букв. 'руку иметь'), *дәл даштән* 'быть храбрым, смелым', 'решаться', 'осмеливаться' (букв. 'сердце иметь'), *па даштән* 'иметь силу' (букв. 'ногу иметь'), *дуст даштән* 'любить' (букв. 'друга иметь'). Если же конкретное существительное сохраняет свое значение, то образуется свободное сочетание глагола-сказуемого с прямым дополнением.

Отвлеченные существительные в сочетаниях с глаголом *даштән* обычно сохраняют лексические значения, а глагол *даштән*, будучи КГ, подобно КГ *кәрдән*, частично ослабляет и нейтрали-

зует свое значение. Причем степень утраты лексического значения этого глагола может быть различной и зависит от лексического значения ИЧ. Образующиеся СГ по своим характеристикам относятся к моделированным образованиям.

Если же глагол *даштӑн*, сочетаясь с отвлеченными существительными, полностью сохраняет лексическое значение, то такие словосочетания вряд ли можно считать устойчивыми, например: *йӑгин даштӑн* 'иметь уверенность', 'быть уверенным', *рзайӑт даштӑн* 'иметь согласие', 'быть согласным'. Различие между использованием *даштӑн* в самостоятельной функции и в функции КГ особенно ощутимо в тех случаях, когда одновременно допустимо сочетание одного и того же имени существительного с глаголами *кӑрдӑн* и *даштӑн*, причем значения образующихся словосочетаний различны: ср. *джор'ӑт даштӑн* 'иметь смелость', 'быть смелым' и *джор'ӑт кӑрдӑн* 'осмеливаться', 'проявлять смелость', *хиле даштӑн* 'иметь хитрость', 'быть хитрым' и *хиле кӑрдӑн* 'хитрить'.

В составе многих СГ КГ *даштӑн* выступает как эквивалент КГ *кӑрдӑн* и может быть заменен на этот КГ: *энар даштӑн* 'заявлять', 'высказывать', 'выражать', *элам даштӑн* 'объявлять', 'извещать', 'предупреждать', *дӑриг даштӑн* 'жалеть', 'воздерживаться', *госил даштӑн* и *эрсал даштӑн* 'отправлять', 'посылать', *сӑй даштӑн* 'стараться', 'прилагать усилия', 'стремиться', *соһӑт даштӑн* 'говорить', 'разговаривать', *дӑрйафт даштӑн* 'получать', 'брать' и т. д.

В составе других СГ лексическое значение КГ *даштӑн* проявляется более явно. В этих СГ в качестве эквивалентов КГ *даштӑн* используются глаголы *йафтӑн* 'находить', *кешидӑн* 'тянуть', *герзфтӑн* 'брать', 'получать' и некоторые другие либо КГ *даштӑн* совсем не имеет эквивалентов: *эдамэ даштӑн* 'длиться', 'продолжаться' (экв. *йафтӑн*), *рӑвадж даштӑн* 'быть в обращении, в ходу', 'быть распространенным', 'находить сбыт' (экв. *йафтӑн*), *тӑйллог даштӑн* 'принадлежать', 'относиться', 'иметь отношение' (экв. *герзфтӑн*), *һӑсрӑт даштӑн* 'томиться', 'тосковать', 'желать' (экв. *хордӑн* и *кешидӑн*), *тул даштӑн* 'длиться', 'продолжаться' (экв. *кешидӑн*), *водӑжуд даштӑн* 'быть в наличии', 'иметься' и т. д.

Возможность замены глагола *даштӑн* на эквиваленты, не являющиеся синонимами этого глагола при свободном употреблении, является показателем устойчивости глагольных словосочетаний с глаголом *даштӑн* и свидетельствует о принадлежности этого глагола к категории КГ.

Другим показателем принадлежности глагола *даштӑн* к категории КГ служит то, что этот глагол, не получающий формообразующих приставок при самостоятельном функционировании, в составе СГ может употребляться с приставками *ми-* и *бз-*, например:

Ӑгӑр ӑз йек нӑфӑр оладгар бӑпорсим ке-чопог'ӑт-ра биш-

тӕр дуст мидари ӕа ше'р вӕ шаэри-ра... (ДЖТ, с. 167) 'Если у какого-либо хозяина осла спросить, что ты больше любишь свою трубку или поэзию...'

Шӕб-э дигӕр-и... дӕр барэ-ӕе элм-э зӕбаншенаси вӕ фӕгӕһол-логӕ соһбӕт мидашт (X, 70, с. 26) 'На следующий вечер... он вел беседу о языкознании и филологии'.

...ӕӕр-ке мӕ-ра дӕр куче-зо хийабан мибинӕд байӕд мӕһв-э дӕӕмал-е мӕн башӕд вӕ мӕ-ра дуст бӕдарӕд (XC, с. 162) '...Каждый, кто меня увидит на улице, должен быть покорен моей красотой и должен влюбиться в меня'.

* * *

В результате изучения особенностей функционирования четырех глаголов в роли компонирующих приходится констатировать, что не всегда удается установить четкие границы между СГ и свободными глагольными словосочетаниями. Как и при исследовании других языковых явлений, обнаруживаются не совсем определенные, пограничные случаи. Подобные переходные случаи можно наблюдать и при использовании других простых глаголов, обладающих более конкретным лексическим значением.

При решении вопроса о том, является ли данное сочетание слов СГ или свободным словосочетанием, должны применяться разные методы анализа, в частности метод синтаксического анализа, метод субституции глагольного компонента, но наиболее эффективным и универсальным следует считать метод компонентного семантического анализа, позволяющий в большинстве случаев охарактеризовать данное сочетание слов либо как одну из разновидностей СГ (моделированное или немоделированное образование), либо как свободное словосочетание. Рассмотрение этого вопроса мы ограничили четырьмя простыми глаголами, поразному проявляющими себя в функции КГ. Изучение особенностей функционирования этих глаголов позволяет сделать некоторые общие выводы о закономерностях использования различных простых и префиксальных глаголов в роли КГ и помогает в трудных случаях отграничения СГ от свободных словосочетаний, когда в роли глагольного компонента выступают другие глаголы.

Роль КГ в создании грамматических свойств СГ

СГ представляет собою ФЕ с грамматической направленностью. Благодаря КГ СГ приобретает все грамматические свойства глагола²⁹. Глагольная часть выполняет формально-грамматическую роль показателя действия. КГ обычно частично или полностью теряет значение конкретного действия и сообщает всему слово-

²⁹ Не случайно поэтому в различных работах по грамматике персидского и таджикского языков, языка дари Афганистана СГ рассматриваются среди других структурных разновидностей глагола [см. 123, с. 23—79; 77, с. 828—829; 71, с. 20—26; 32, с. 46].

сочетанию грамматические категории лица, времени, наклонения. В результате между простыми глаголами и СГ устанавливаются самые тесные семантико-грамматические связи.

В семантико-грамматическом плане сходство СГ с простыми глаголами проявляется в следующих явлениях:

1. От СГ могут быть образованы различные причастные формы: причастия прошедшего времени (напр., *эшгашодэ* 'занятый', 'окупированный', *а́нджамшодэ* 'выполненный', 'законченный', *та́шкилка́рдэ* 'обученный', 'полученный'), причастия настоящего времени на *-а́ндэ* (напр., *эдамэда́һа́ндэ* 'продолжатель', *ха́фэко́на́ндэ* 'удушливый', *ма́шгу́лконáндэ* 'занимательный', 'интересный'), причастия «долженствования» (напр., *э́джрашодáни* 'выполнимый', 'осуществимый', *фасэ́дшодáни* 'скоропортящийся'). От некоторых СГ образуются деепричастия, например: *да́ст зáнан* 'аплодируя', 'хлопая в ладоши', *а́са зáнан* 'опираясь на палку', *гер́е конан* 'плача'.

2. Имеются СГ с переходным и непереходным значениями. Большинство СГ с переходным значением находится в коррелятивных отношениях с СГ, имеющими непереходное значение. При этом пассивное значение прямопереходных СГ (напр., в случае необходимости образовать пассивную конструкцию) обычно выражается не грамматическим способом (в отличие от простых глаголов), а лексическим: КГ, сообщающий переходное значение СГ, регулярно заменяется на другой КГ, четко противостоящий ему и выражающий непереходное значение³⁰. Круг КГ, используемых для выражения непереходного значения, весьма ограничен. Наиболее часто в этой функции используется КГ *шодáн* 'становиться', который находится в оппозиции к КГ *ка́рдáн* 'делать', *да́дáн* 'давать' и *даштáн* 'иметь'. При образовании СГ с непереходным значением КГ *шодáн* сочетается с существительными и арабскими причастиями:

Переходное значение	Непереходное значение
<i>монтáшер ка́рдáн</i> 'издавать'	<i>монтáшер шодáн</i> 'издаваться'
<i>морáххáс ка́рдáн</i> 'отпускать'	<i>морáххáс шодáн</i> 'быть отпущенным'
<i>ма́рғум даштáн</i> 'писать'	<i>ма́рғум шодáн</i> 'быть написанным'
<i>эмза ка́рдáн</i> 'подписывать'	<i>эмза шодáн</i> 'подписываться'
<i>а́нджам да́дáн</i> 'заканчивать'	<i>а́нджам шодáн</i> 'заканчиваться'
<i>та́шкил да́дáн</i> 'организовывать'	<i>та́шкил шодáн</i> 'организовываться'
<i>э́браз даштáн</i> 'проявлять'	<i>э́браз шодáн</i> 'проявляться'
<i>э́һар даштáн</i> 'выражать'	<i>э́һар шодáн</i> 'выражаться'

³⁰ Некоторые СГ могут иметь форму пассивного залога, образованную аналитическим путем, напр.: *энтэ́шар да́дáн* 'публиковать' — *энтэ́шар да́дэ шодáн* 'публиковаться', *нэ́шан да́дáн* 'показывать' — *нэ́шан да́дэ шодáн* 'быть показанным', 'показываться'. Поскольку в отдельных случаях пассивное значение СГ может одновременно передаваться грамматическим и лексическим способами, представляет интерес установление семантических и стилистических различий между этими способами выражения пассивного значения СГ. Но этот вопрос требует специального исследования.

Вместе с тем следует отметить, что КГ *шодан*, употребляемый обычно для выражения непереходного значения СГ, встречается в составе СГ с переходным значением, однако количество таких СГ сравнительно невелико: *мотассарэф шодан* 'овладевать', 'захватывать', *мотайаккер шодан* 'напоминать', 'указывать', 'упоминать', *мотайхаммэл шодан* 'испытывать', 'переносить', 'терпеть', *йадавэр шодан* 'напоминать', 'упоминать', 'отмечать', *хастар шодан* 'просить', 'требовать', *пайзира шодан* 'принимать', 'одобряя' и т. д. Особенностью этих переходных СГ является то, что они не могут иметь в качестве коррелятов СГ с непереходным значением.

Для выражения непереходного значения СГ могут использоваться также КГ *йафтан* 'находить', *хордан* 'есть' и некоторые другие. Они вступают в сочетание с именами существительными и противостоят КГ *дадан*, сообщающему СГ прямопереходное значение:

Переходное значение		Непереходное значение	
<i>эдамэ дадэн</i>	'продолжать'	<i>эдамэ йафтэн</i>	'продолжаться'
<i>энтэшар дадэн</i>	'публиковать'	<i>энтэшар йафтэн</i>	'публиковаться'
<i>пайан дадэн</i>	'оканчивать'	<i>пайан йафтэн</i>	'оканчиваться'
<i>тэкан дадэн</i>	'трясти'	<i>тэкан хордэн</i>	'трястись'
<i>чярх дадэн</i>	'вращать'	<i>чярх хордэн</i>	'вращаться'
<i>фяриб дадэн</i>	'обманывать'	<i>фяриб хордэн</i>	'обманываться'

Приведенные выше примеры, в которых СГ с прямопереходным значением коррелируют с СГ с непереходным значением, свидетельствуют о наличии в СГ значительных признаков анализа. И все же такие СГ нельзя считать аналитическими конструкциями, поскольку аналитические признаки в них не имеют системного характера³¹.

3. Некоторые СГ обладают одновременно переходными и непереходными значениями и, подобно простым глаголам, могут быть названы «двузначными», например: *тадарж дидэн* 'подготавливать', 'готовить' и 'подготавливаться', 'готовиться', *акс герэфтэн* 'фотографировать' и 'фотографироваться', *эграр кардэн* 'признавать', 'сознавать' и 'признаваться', 'сознаваться', *вэфэ дадэн* 'согласовывать' и 'согласовываться'.

4. СГ, подобно простым глаголам, могут выступать в роли различных субстантивных членов, получая изафет и сочетаясь с предлогами и послелогом *-ра*, например:

Дяр сийасят-э харэджи сйлах-ра гябл ай саросаман дадэн бэ омур-э дахэли дяр сазэш ба Ром дид (ХМ, с. 27) 'В своей внешней политике он считал целесообразным, прежде чем налаживать внутренние дела, установить мирные отношения с Римом'.

³¹ Невозможность рассмотрения СГ как аналитических конструкций обосновывается в нашей статье «Сложный глагол в персидском языке — слово или фразеологизм?» [83, с. 39—40].

Наконәд-ке ин зән-э ходхәһ бәрйе пәнһан кәрдән-э әсрәр-э гоәштә-йе зәндәги-йәш бә ру-йе ход нәйавәрәд-ке ан пәрдә-йе әсли дәр талар воджуд нәдарәд (АЧ, с. 50) 'Не дай бог, если эта своенравная женщина для того, чтобы скрыть тайные стороны своей жизни, никак не отреагирует на то, что главной картины в зале нет'.

5. В синтаксическом плане СГ обладают теми же свойствами, которыми характеризуются и простые глаголы. Выступая в роли сказуемого, СГ управляют субстантивными членами предложения при помощи предлогов и послелога *-ра*, могут определяться обстоятельственными членами, что свидетельствует об их семантической цельности как ФЕ (см. примеры на с. 121).

Структурно-семантическая типология СГ

Семантические взаимоотношения между компонентами, сохранение или изменение значений ИЧ и КГ³², а также сочетательные свойства КГ (валентность КГ) определяют характер сцепления двучленных глагольных словосочетаний и позволяют выделить два структурно-семантических типа СГ — моделированные и немоделированные СГ³³. Между этими типами не существует резких отличительных граней, поскольку возможен постоянный переход СГ из одного типа в другой, особенно немоделированных СГ в моделированные СГ.

Кроме того, как уже отмечалось, в составе одних и тех же СГ в роли КГ могут выступать разные, несинонимичные глаголы, являющиеся эквивалентами и образующие вариантные формы СГ. В этом случае вариантные формы одного и того же СГ могут быть либо моделированными, либо немоделированными, либо относиться к разным семантическим группам этих СГ.

³² Вопросы семантической структуры СГ рассматриваются в нашей статье «Персидский сложный глагол как разновидность глагольных фразеологизмов» [79, с. 178—182].

³³ В данном случае и далее при анализе семантики СГ в основном речь идет об однозначных СГ или берется одно основное значение СГ (при многозначности СГ). Вопрос о полисемии СГ, как и о полисемии других ФЕ, и ее отношении к омонимии нуждается в специальном исследовании.

В многозначных СГ могут объединяться разные виды фразеологического значения. При объединении двух и более моделированно-фразеологических значений образуются моделированные СГ (напр., *занә кәрдән а*) 'давать пособие, субсидию', 'оказывать материальную помощь'; б) 'жертвовать'; *әһәр даштән а*) 'заявлять'; б) 'выражать', 'проявлять'), двух и более немоделированно-фразеологических значений — немоделированные СГ (напр., *чешм зәдән а*) 'подмигнуть', 'сделать знак глазами'; б) 'сглазить'; *дәл бахтән а*) 'увлекаться', 'влюбляться'; б) 'сильно пугаться', 'теряться'). В результате соединения моделированно-фразеологического и немоделированно-фразеологического значений образуются СГ смешанного типа (напр., *зәһр кәрдән а*) 'ссориться'; б) 'гневаться', 'приходить в ярость'; в) 'дуться', 'сердиться'; *бу дәдән а*) 'пахнуть', 'издавать запах'; б) 'поджаривать'; 'калить (зерна, семечки)'.

К моделированным СГ относятся такие глагольно-именные словосочетания, в которых ИЧ полностью сохраняет свое значение, а КГ либо сохраняет свое лексическое значение, частично его ослабляя в большинстве случаев, либо его полностью изменяет. И в том и в другом случае КГ, являясь опорным словом такого рода образований, вступает в сочетание со многими словами. При этом изменение значения КГ имеет постоянный, регулярный характер. В результате образуются серии СГ, в которых моделирующим компонентом выступает один и тот же КГ в строго определенном значении. В этих СГ ИЧ — переменный компонент, а КГ — постоянный.

Все СГ, образованные на основе одного КГ, употребленного в определенном значении (при многозначности КГ), строятся по одинаковой структурно-семантической модели ограниченного характера. Каждая серия моделированных СГ может быть представлена в виде пучка лучей: в центре его находится КГ, а в конце каждого луча — СГ, образованный при помощи данного КГ.

В составе этого типа СГ весьма ощутима служебная, формализующая роль КГ, а сами СГ напоминают аналитические конструкции³⁴. Изучение закономерностей функционирования КГ в составе моделированных СГ, характера изменения или ослабления значений КГ и их сочетательных возможностей — все это оказывает значительную помощь в запоминании многочисленных групп СГ и облегчает процесс овладения персидским языком.

Моделированные СГ в зависимости от того, сохраняет или изменяет значение КГ, подразделяются на СГ с мотивированным значением и СГ с частично мотивированным значением. При этом один и тот же КГ, сочетаясь с разными лексико-грамматическими группами слов (напр., КГ *даштāн*) или с разными семантическими разрядами существительных (напр., КГ *кешидāн*), может изменять или сохранять свое значение. В связи с этим СГ, образованные на основе одного КГ, могут относиться к разным семантическим группам моделированных СГ.

СГ с мотивированным значением

Это наиболее многочисленная группа СГ. В качестве КГ используются простые глаголы с широкой семантикой: *кārдāн* 'делать', *шодāн* 'становиться', 'делаться', *дадāн* 'давать', *йафтāн*

³⁴ Л. С. Пейсиков рассматривает все КГ как разновидность служебных глаголов [63]. Однако следует иметь в виду, что только КГ, выступающие в составе моделированных СГ, по своему значению и выполняемой функции близки к служебным словам. Что касается КГ в составе немоделированных СГ (эти СГ анализируются ниже), то они не обладают признаками служебных глаголов.

‘находить’, ‘приобретать’, *кешидән* ‘терпеть’, ‘испытывать’, *даштән* ‘иметь’ и некоторые другие.

В образовании глобального значения СГ главную роль играет ИЧ. КГ сообщают СГ переходное или непереходное значение; при этом в создании общего переходного или непереходного значения участвует также и лексическое значение слова-ИЧ. Так, значение СГ *тәрәгги кәрдән* ‘прогрессировать’, ‘развиваться’ является непереходным благодаря значению ИЧ *тәрәгги* ‘прогресс’, ‘развитие’.

КГ, будучи глаголами широкого семантического объема, в составе СГ несколько утрачивают, ослабляют лексическое значение и приобретают абстрактное значение, характерное для служебных слов, становятся выразителями действия вообще.

Наиболее часто в роли КГ используется глагол *кәрдән*. С помощью этого КГ образуются СГ с прямопереходным значением (*эджра кәрдән* ‘выполнять’, ‘исполнять’, *иджад кәрдән* ‘создавать’, *эджарэ кәрдән* ‘брать в аренду’, ‘нанимать’, *тоўлид кәрдән* ‘производить’, ‘вырабатывать’ и т. д.), с косвенно-переходным значением (*фэкр кәрдән* ‘думать’, *шарэ кәрдән* ‘указывать’, *тәлгин кәрдән* ‘внушать’, ‘втолковывать’, *соһбәт кәрдән* ‘разговаривать’ и т. д.) и с непереходным значением (*вәфат кәрдән* ‘умирать’, *эджтэма кәрдән* ‘собираться’, ‘скапливаться’, *сорфэ кәрдән* ‘кашлять’ и т. д.)³⁵.

КГ *шодән* в большинстве случаев образует СГ с непереходным значением и коррелирует с КГ *кәрдән* (а иногда с *дадән*), сообщаящим СГ переходное значение: *эджра шодән* ‘выполняться’, ‘исполняться’, *иджад шодән* ‘создаваться’, *тоўлид шодән* ‘производиться’, ‘вырабатываться’, *мәһкум шодән* ‘осуждаться’, ‘приговариваться’, *монтәшер шодән* ‘издаваться’, ‘публиковаться’. Следует отметить большую степень утраты лексического значения КГ *шодән* при сочетании с именами существительными, чем при сочетании с арабскими причастными формами.

КГ *дәдән* частично утрачивает свое реально-вещественное значение и вступает в сочетание с именами существительными абстрактными (обычно с именами действия). СГ с КГ *дәдән* имеют переходное значение: *энтәшар дәдән* ‘публиковать’, ‘издавать’, *пэйвәнд дәдән* ‘соединять’, ‘связывать’, *тәшкил дәдән* ‘организовывать’, ‘создавать’, *азар дәдән* ‘мучить’, *шәрһ дәдән* ‘излагать’, ‘объяснять’ и т. д.

Некоторые СГ с КГ *дадән* управляют зависимым от них дополнением как при помощи послелога *-ра*, так и при помощи предлога *бэ*, например: *эдамэ дәдән* ‘продолжать’, *тәһкан дәдән* ‘толкать’, ‘трясти’, *шекәст дәдән* ‘наносить поражение’, ‘побеждать’, *пайан дәдән* ‘заканчивать’, ‘завершать’. Наличие предло-

³⁵ В гиланском языке глагол *кидан* ‘делать’, также широко используется и в двучленных глагольных словосочетаниях, образует СГ с переходным и непереходным значениями [72, с. 133].

га бэ перед дополнением свидетельствует в некоторой степени о проявлении лексического значения *дадән* 'давать' в составе СГ.

КГ *йафтән* выступает как коррелят КГ *дадән*, сообщая СГ непереходное значение. В отличие от КГ *шодән* КГ *йафтән* сочетается только с существительными, поэтому в количественном отношении СГ с КГ *йафтән* значительно уступают СГ с КГ *шодән*: *энтэшар йафтән* 'публиковаться', 'издаваться', *тйшкил йафтән* 'организовываться', 'создаваться', *эдамэ йафтән* 'продолжаться', *пайан йафтән* 'заканчиваться', 'завершаться', *каһэши йафтән* 'уменьшаться' и т. д. В большинстве СГ КГ *йафтән* может быть заменен на КГ *шодән*.

КГ *кешидән*, сочетаясь с существительными, обозначающими переживания и отрицательные эмоции человека, образует сравнительно небольшую группу непереходных СГ: *әндүһ кешидән* 'горевать', 'печалиться', *азаб кешидән* 'мучиться', 'страдать', *дәрд кешидән* 'испытывать боль', 'мучиться', *хари кешидән* 'терпеть унижения', *кинэ кешидән* 'питать злобу, ненависть'.

Как уже отмечалось выше (с. 149 наст. изд.), КГ *даштән* при сочетании с отвлеченными существительными, частично ослабляя и нейтрализуя свое значение, образует моделированные СГ, значение которых является полностью мотивированным.

СГ с частично мотивированным значением

В СГ с частично мотивированным значением КГ полностью изменяет лексическое значение. При этом переосмысление КГ имеет типовой характер и регулярно проявляется во всей серии СГ, образованных на основе данного КГ. Вне устойчивых глагольных словосочетаний, при самостоятельном употреблении глагола это значение не сохраняется. В роли КГ этой группы моделированных СГ выступают в основном глаголы с конкретным лексическим значением — *зәдән* 'бить', *хордән* 'есть', *нәмудән* 'показывать', *сахтән* 'строить', 'изготавливать', *вәрзидән* 'упражняться', *фәрмудән* 'приказывать' и т. д.

Утрачивая реально-вещественное значение, эти глаголы приобретают стандартно-обобщенное значение выразителей действия вообще и сообщают СГ значение переходного или непереходного действия. Во многих СГ эти КГ могут быть заменены на КГ *кәрдән* и *шодән*. Но даже те КГ, которые не являются постоянными эквивалентами этих наиболее употребительных КГ, в основном сообщают СГ те же значения, которые сообщают им КГ *кәрдән* и *шодән*.

В качестве эквивалентов КГ *кәрдән* используются КГ *нәмудән*, *сахтән*, *варзидән*, *фәрмудән*. Каждый из этих КГ, сообщая СГ одинаковое лексико-грамматическое значение, отличается от КГ *кәрдән* стилистическими оттенками и сочетательными возможностями.

КГ *нәмудән* сочетается как с существительными, так и с при-

лагательными и причастиями. Этот КГ практически во всех случаях может быть употреблен вместо КГ *кәрдән*: *эджра нәмудән* 'выполнять', 'исполнять', *иджад нәмудән* 'создавать', *фәкр нәмудән* 'думать', *эшарә нәмудән* 'указывать', *агаһ нәмудән* 'извещать', 'уведомлять', *мөттәһэд нәмудән* 'соединять', 'объединять' и т. д.³⁶ КГ *нәмудән* вносит в значение СГ оттенки книжного стиля.

КГ *сахтән*, заменяя КГ *кәрдән*, сочетается с прилагательными и причастиями: *агаһ сахтән* 'извещать', 'уведомлять', *мөттәһэд сахтән* 'соединять', 'объединять', *амадә сахтән* 'готовить', 'снаряжать', *роушән сахтән* 'освещать', 'разъяснять' и т. д.

КГ *фәрмудән* в основном выступает как вежливый эквивалент КГ *кәрдән* и сочетается с существительными, прилагательными и причастиями: *әлам фәрмудән* 'объявлять', *иджад фәрмудән* 'создавать', *һэкайәт фәрмудән* 'рассказывать', *агаһ фәрмудән* 'извещать', 'уведомлять', *мөттәһэд фәрмудән* 'соединять', 'объединять' и т. д. В отдельных случаях этот КГ может выступать как эквивалент КГ *дадән* (напр., *эджазә фәрмудән* 'разрешать'), КГ *даштән* (напр., *мәрғум фәрмудән* 'писать') и некоторых других. СГ, в состав которых входит КГ *фәрмудән*, употребляются в высоком стиле, когда речь идет о высокопоставленных лицах, или в обычном, нейтральном стиле для выражения уважения, почтения по отношению к кому-либо. Особая стилистическая направленность СГ с КГ *фәрмудән* ограничивает круг их использования 2-м л. мн. числа и 3-м л. ед. и мн. числа. Примеры:

Ага-йе Тәғизадә бәрай-йәм һэкайәт фәрмуд ... (X, 35, с. 42) 'Господин Таги-заде мне рассказал...'

Һәман тоур-ке молаһзәзә фәрмудид фәкр-э ин һаджи Фәтһоллаһ дашт мә-ра диванә микәрд (ДЖК, с. 19) 'Как вы заметили, мысль об этом Хаджи Фатхоллахе меня сводила с ума'.

Эджазә бэфәрмаид мәс'әле-ра әз завийе-йе дигәр-и бәррәси коним (X, 15, с. 3) 'Разрешите, пожалуйста, подойти к рассмотрению вопроса с другой точки зрения'.

КГ *даштән* при сочетании с прилагательными и арабскими причастиями подвергается переосмыслению и выступает как эквивалент КГ *кәрдән*: *мәмну' даштән* 'воспещать', 'запещать', *пәнһан даштән* 'скрывать', 'прятать', *мәшғул даштән* 'занимать', 'развлекать' и т. д. В составе некоторых СГ КГ *даштән* приобретает значение глагола *шомордән* 'считать', 'признавать', например: *моһтәрәм даштән* 'почитать', 'уважать', *герәми даштән* 'читать', 'уважать', *сәбок даштән* 'считать слабым, незначительным', 'недооценивать'.

³⁶ П. Ханляри отмечает, что в ранних текстах новоперсидского языка КГ *нәмудән* встречается редко, однако позднее, в связи с резким увеличением СГ с КГ *кәрдән*, авторы во избежание повторения КГ *кәрдән* стали широко употреблять вместо него КГ *нәмудән* [123, с. 32].

Курош адаб-э мәзһаби-ие анан-ра моһтәрәм мидашт (ХМ, с. 2) 'Кир с уважением относился к их религиозным обычаям'.

КГ *вәрзидән* вступает в сочетание с отвлеченными существительными. Используется как эквивалент КГ *кәрдән*, придавая значению КГ книжный характер. В составе СГ как бы возрождается устаревшее значение *вәрзидән* 'совершать', отмечаемое некоторыми толковыми словарями персидского языка. Использование этого КГ в современном персидском языке имеет ограниченный характер: *эс рар вәрзидән* 'настаивать', 'настойчиво утверждать', *дәжор'ат вәрзидән* 'осмеливаться', 'проявлять смелость', *дәриғ вәрзидән* 'жалеть', 'воздерживаться', *мохалейфат вәрзидән* 'выступать против', 'возражать', *моғавэмат вәрзидән* 'сопротивляться', 'упорствовать' и т. д.

КГ *зәдән* сочетается как с существительными отвлеченными, так и с конкретными и образует большое количество моделированных СГ. Этот КГ настолько утрачивает свое конкретное значение, что становится равноценным КГ *кәрдән*, но в качестве эквивалента последнего выступает сравнительно редко: *һәдс зәдән* 'предполагать', 'догадываться', *ләбхәнд зәдән* 'улыбаться', *тәшәар зәдән* 'бранить', 'ругать', *шәбихун зәдән* 'нападать внезапно ночью', *тәкйе зәдән* 'опираться', *кенәйе зәдән* 'намекать', *бусэ зәдән* 'целовать', *тә'нэ зәдән* 'упрекать' и т. д.

В сочетании с существительными, обозначающими инструменты и орудия, различные предметы быта, КГ *зәдән* образует СГ со значениями действий, которые выполняются при помощи этих инструментов и предметов: *кард зәдән* 'ударять, резать ножом', *рәндэ зәдән* 'строгать рубанком', *бил зәдән* 'копать', 'рыть лопатой', *суһан зәдән* 'отделять, подпиливать напильником', *пару зәдән* 'грести', 'работать веслами', *шанэ зәдән* 'причесывать', *әфсар зәдән* 'взнуздывать', *мэсвак зәдән* 'чистить зубной щеткой', *сабун зәдән* 'мыть', *тәлефон зәдән* 'звонить по телефону' и т. д.³⁷

В сочетании с существительными, обозначающими части тела человека и животных, КГ *зәдән* образует СГ, выражающие действия этих органов: *дәст зәдән* 'трогать', 'ощупывать рукой', 'аплодировать', *па зәдән* 'бить ногой', 'топтать', 'работать ногами', *чешм зәдән* 'подмигнуть', 'сделать знак глазами' *дәндән зәдән* 'кусать', 'прикусывать', *чәнг зәдән* 'вонзать когти', *нок зәдән* 'клевать' и т. д.

КГ *кешидән* сочетается только с именами существительными.

³⁷ КГ *кәрдән*, утрачивая свое значение, может также сочетаться с существительными, обозначающими инструменты и предметы быта, однако сочетательные возможности этого КГ значительно меньше, чем КГ *зәдән*, например: *келид кәрдән* 'запирать ключом', *гофл кәрдән* 'запирать на замок', *мэсвак кәрдән* 'чистить зубной щеткой', *рәндэ кәрдән* 'строгать рубанком', *суһан кәрдән* 'отделять, подпиливать напильником', *тәлефон кәрдән* 'звонить по телефону'. СГ, образованные на основе КГ *кәрдән* с измененным значением, относятся к моделированным СГ с частично мотивированным значением.

Утрачивая свое основное значение 'тянуть', этот КГ становится выразителем действия вообще, подобно КГ *кърдән*. СГ имеют обычно непереходное значение: *зәһмәт кешидән* 'трудиться', *энтэзар кешидән* 'ждать', *нәфәс кешидән* 'дышать', *хәммәзә кешидән* 'зевать', *бикари кешидән* 'влачить существование безработного', 'быть безработным' и т. д.

Особо следует отметить способность КГ *кешидән* сочетаться с некоторыми существительными, обозначающими всевозможные крики, звуки и т. п.: *фәрийад кешидән* 'кричать', 'вопить', *нә'рә кешидән* 'кричать', 'выть', *дад кешидән* 'кричать', 'вопить', *зузз кешидән* 'визжать', 'выть', *һәвар кешидән* 'громко кричать', *һура кешидән* 'кричать ура' и т. д.

КГ *хордән* вступает в сочетание с именами существительными и образует СГ с непереходным значением. Главная функция этого КГ состоит в том, чтобы сообщать СГ непереходное значение. Утрачивая свое реальное значение, КГ в составе СГ приобретает значение 'подвергаться', 'терпеть', 'получать' и противостоит как коррелят КГ *зәдән* и *дадән*, сообщаящим СГ переходное значение: *гул хордән* 'поддаваться на обман', 'обманываться', *шекјәст хордән* 'терпеть поражение', *ләтмә хордән* 'получать повреждение', 'нести убыток', *котәк хордән* 'получать побои', 'быть побитым', *мошт хордән* 'получать удар кулаком', *кард хордән* 'получать удар ножом', *ғоссә хордән* 'печалиться', 'грустить' и т. д.

Иногда КГ *хордән* образует СГ с непереходным значением безотносительно к тому, противостоит ли СГ с КГ *хордән* СГ с переходным значением. СГ, образованные на основе этого КГ, обычно выражают переживания и отрицательные эмоции человека: *әфсус хордән* 'тосковать', *әндуһ хордән* 'горевать', 'печалиться', *тәйссөф хордән* 'сожалеть', *һәрс хордән* 'нервничать', 'раздражаться', 'злиться', *һәсрәт хордән* 'томиться', 'тосковать' и т. д.

Рассмотренные выше две семантические разновидности моделированных СГ охватывают несколько серий СГ, образованных на основе наиболее употребительных КГ. Дальнейшая задача состоит в более детальном и углубленном изучении этих серий СГ, а также в изучении еще не рассмотренных серий СГ, образованных на основе других КГ. Все это, в свою очередь, теснейшим образом связано с изучением сочетательных возможностей каждого КГ и образованных на его основе СГ, их значений и их семантической структуры.

Одни и те же КГ могут образовывать не только моделированные, но и немоделированные СГ. К немоделированным СГ двучленные глагольные словосочетания относятся в том случае, когда между их компонентами отсутствуют стандартные структурно-семантические отношения. Основную массу таких СГ составляют устойчивые глагольные словосочетания, в которых КГ характеризуется нестандартным изменением значения или сочетается с ИЧ, выраженной словом с измененным значением.

Немоделированные СГ в количественном отношении значительно уступают моделированным СГ. По сравнению с моделированными СГ они лишены той стандартности структурно-семантических взаимоотношений между компонентами, которая создается благодаря сохранению значения ИЧ и регулярной повторяемости КГ с сохраненным или измененным значением. КГ в составе немоделированных СГ в значительной степени утрачивает ту служебно-формальную функцию, которую он выполняет в моделированных СГ.

На основе семантических взаимоотношений между ИЧ и КГ, мотивированности или немотивированности общего значения СГ можно выделить три семантические группы немоделированных СГ: СГ с немотивированным значением, СГ с частично мотивированным значением и СГ с мотивированным значением.

СГ с немотивированным значением

Общее значение таких СГ не вытекает из суммы значений ИЧ и КГ, реальные семантические связи между компонентами полностью нарушены. По характеру стилистического употребления, на основе экспрессивно-эмоциональной направленности среди СГ этой группы выделяются две разновидности: стилистически нейтральные СГ и стилистически окрашенные СГ.

Стилистически нейтральные СГ выражают обычные действия, процессы, состояния. В составе большинства СГ этой разновидности выступают те же КГ с измененным значением, которые образуют моделированные СГ с частично мотивированным значением. Однако в данном случае вследствие изменения значения именного компонента нарушается структурно-семантическая модель, в результате чего такие СГ следует рассматривать как немоделированные: *займин хордйн* 'падать' (букв. 'землю есть'), *сърма хордйн* 'простужаться' (букв. 'холод есть'), *сър хордйн* 'разочаровываться', 'терпеть неудачу' (букв. 'голову есть'), *сър зяддйн* 'заходить ненадолго', 'заглядывать' (из *сър* 'голова' и *зяддйн* 'бить'), *чанэ зяддйн* 'торговаться', 'болтать' (из *чанэ* 'подбородок' и *зяддйн* 'бить'), *дамйн зяддйн* 'раздувать', 'разжигать', 'обострять', 'усиливать' (из *дамйн* 'пола', 'подол' и *зяддйн* 'бить'), *бад кешиддйн* 'портиться', 'тухнуть' (из *бад* 'ветер', 'воспаление', 'вздутие' и *кешиддйн* 'тянуть') и т. д.

К этой же разновидности относятся СГ, в качестве КГ которых выступают глаголы, не подвергающиеся стандартному пересмыслению и не образующие поэтому серии однотипных СГ: *дэл бахтйн* 'увлекаться', 'влюбляться' (из *дэл* 'сердце' и *бахтйн* 'терять', 'проигрывать'), *на бориддйн* 'перестать посещать' (из *на* 'нога' и *бориддйн* 'отрезать'), *гяравол рэфтйн* 'целиться' (из *гяравол* 'караул' и *рэфтйн* 'идти', 'уходить'), *чешм пушиддйн* 'смотреть сквозь пальцы', 'потворствовать', 'отказываться', 'отре-

каться' (из *чешм* 'глаза' и *пушидән* 'закрывать'), *дәрһәм кубидән* 'разбивать', 'уничтожать' (из *дәрһәм* 'приведенный в беспорядок' и *кубидән* 'бить', 'ударять'), *дәст джомбандән* 'бежать', 'убегать' (из *дәст* 'рука' и *джомбандән* 'двигать', 'шевелить') и т. д.

Стилистически окрашенные СГ выделяются своей образностью и экспрессивностью. В качестве составных компонентов такого рода СГ используются слова с конкретным лексическим значением. Экспрессивность таких СГ создается благодаря их семантической двуплановости — возможности одновременного осознания значения целого и не соответствующего ему буквальному значению компонентов: *муш дāvандән* 'заниматься подстрекательством, интриганством' (букв. 'мышь гонять'), *муш коштән* 'ставить палки в колеса', 'мешать' (букв. 'мышь убивать'), *һәрф джәвидән* 'мямлить' (букв. 'слова жевать'), *мәгәс пәрандән* 'гонять мух', 'бездельничать', 'бить баклуши' (букв. 'муху запускать'), *сэрке фөрүхтән* 'быть нелюбезным', 'хмуриться' (букв. 'уксус продавать'), *сәр харандән* 'колебаться', 'мешкать' (букв. 'голову чесать'), *һә'л әндахтән* 'отставать из-за усталости' (букв. 'подкову бросать'), *абзурә чәландән* 'попусту лить слезы' (букв. 'сок неспелого винограда выдавливать'), *палуш духтән* 'околпачить', 'обвести вокруг пальца' (букв. 'домашние туфли шить') и т. д. Большинство из приведенных выше глагольных ФЕ встречается в живой разговорной речи.

СГ с частично мотивированным значением

В СГ этой семантической группы один из компонентов утрачивает лексическое значение, а другой компонент сохраняет свое значение. Выделяются три подгруппы СГ с частично мотивированным значением.

К первой подгруппе относятся такие СГ, ИЧ которых сохраняет свое значение, а КГ подвергается переосмыслению: причем это переосмысление имеет не регулярный, а случайный, единичный характер. На основании стилистического употребления СГ этой подгруппы подразделяются на две разновидности.

Стилистически нейтральные СГ обозначают обычные действия, процессы: *тәрк гофтән* 'покидать' (из *тәрк* 'покидание' и *гофтән* 'говорить'), *сохән рандән* 'говорить', 'разговаривать' (из *сохән* 'разговор' и *рандән* 'гнать'), *рише дāvандән* 'пускать корни', 'укореняться' (из *рише* 'корень' и *дāvандән* 'гнать', 'заставлять бежать'), *тоутэә чидән* 'подготавливать заговор' (из *тоутэә* 'заговор' и *чидән* 'рвать', 'собирать') и т. д.

Стилистически окрашенные СГ выражают не только характеристику действия, но также и отношение к нему со стороны говорящего (пишущего). Эмоционально-экспрессивная окрашенность таких СГ создается необычным употреблением КГ, например: *чешм дәрандән* 'тарашить глаза', 'бесстыдно смотреть'

(букв. 'глаза разрывать'), *сәлам аңдахтән* 'небрежно здороваться' (букв. 'приветствие бросать'), *нәгаһ духтән* 'уставиться', 'приковать взгляд' (букв. 'взгляд пришивать').

Вторую подгруппу составляют СГ, в которых ИЧ подвергается переосмыслению, а КГ сохраняет свое значение. В этой подгруппе СГ также можно выделить стилистически нейтральные СГ и стилистически окрашенные СГ.

К стилистически нейтральным относятся СГ, у которых в качестве КГ чаще всего используются такие употребительные глаголы, как *кәрдән*, *шодән*, *дадән*, *даштән*, *будән* и некоторые другие. Вокруг этих КГ создаются серии СГ. ИЧ хотя и выражается словом с переосмысленным значением, но это переосмысление не вносит образности в общее значение СГ. КГ *кәрдән* — *чешм кәрдән* 'сглазить' (*чешм* 'глаз'), *бу кәрдән* 'нюхать' (*бу* 'запах'), *пәйда кәрдән* 'находить', 'обнаруживать' (*пәйда* 'видимый', 'явный') и т. д.; КГ *шодән* — *вагә шодән* 'случаться', 'происходить' (*вагә* 'находящийся', 'расположенный'), *момтаз шодән* 'отличаться', 'выделяться' (*момтаз* 'отличный', 'лучший'), *һоул шодән* 'теряться', 'волноваться' (*һоул* 'страх', 'ужас') и т. д.; КГ *дадән* — *тән дадән* 'предаваться', 'отдаваться', 'соглашаться' (*тән* 'тело'), *руй дадән* 'происходить', 'случаться' (*руй* 'лицо'), *дәл дадән* 'ободрять', 'вдохновлять' (*дәл* 'сердце', 'душа') и т. д.; КГ *даштән* — *дуст даштән* 'любить' (*дуст* 'друг'), *дәст даштән* 'быть сведущим, знающим' (*дәст* 'рука'), *бозорг даштән* 'уважать', 'почитать' (*бозорг* 'большой', 'великий') и т. д.; КГ *будән* — *эбарәт будән* 'состоять' (*эбарәт* 'фраза', 'выражение'), *сәр будән* 'превосходить', 'быть лучше' (*сәр* 'голова'), *остовар будән* 'опираться', 'основываться' (*остовар* 'устойчивый', 'прочный') и т. д.

В стилистически окрашенных СГ экспрессивно-эмоциональную нагрузку несет на себе ИЧ. Среди СГ этой стилистической разновидности выделяются две категории. В СГ первой категории в качестве КГ используются глаголы *кәрдән*, *шодән* и некоторые другие употребительные КГ: *чәрби кәрдән* 'быть ласковым, любезным' (*чәрби* 'жирность'), *куфт кәрдән* 'лопать', 'жрать' (*куфт* 'удар'), *кучеки кәрдән* 'проявлять учтивость', 'проявлять покорность' (*кучеки* 'малость', 'незначительность'), *бораг шодән* 'злиться', 'приходить в ярость' (*бораг* 'пушистый'), *коффри шодән* 'выходить из себя', 'беситься' (*коффри* 'безбужный'), *мум шодән* 'становиться мягким, послушным' (*мум* 'воск') и т. д.

Ко второй категории относятся СГ, в качестве КГ которых выступают глаголы с конкретным лексическим значением. В такого рода СГ ИЧ подвергается метафорическому переосмыслению и часто получает значение предмета, с которым что-либо сравнивается или которому что-либо уподобляется. Общее значение таких СГ аналитично: ИЧ приобретает как бы значение обстоятельства образа действия и позволяет более ярко оттенять смысловое содержание КГ: *гачаг рәфтән* 'ехать зайцем, без биле-

та' (*гачаг* 'контрабанда', 'контрабандным путем'), *сих истадән* 'вставать дыбом' (*сих* 'вертел', 'шампур'), *кур хандән* 'ошибочно, неверно прочитать' (*кур* 'слепой'), *ноходи хәндидән* 'тихо смеяться', 'хихикать' (*ноходи* 'маленький', 'с горошину'), *хун геристән* 'горько плакать' (*хун* 'кровь').

К третьей подгруппе относятся СГ, состоящие из ИЧ, не имеющей самостоятельного лексического значения, и КГ *кәрдән*, *шодән* и *будән*, сообщающих СГ отвлеченное значение действия: *тәлләгги кәрдән* 'воспринимать', 'встречать', *гәти кәрдән* 'смешивать', 'перемешивать', *йадавар шодән* 'напоминать', 'упоминать', *мотәһәммэл шодән* 'испытывать', 'терпеть', *молтәфәт будән* 'понимать', 'обращать внимание', *мосәммәм будән* 'решать' и т. д.

СГ с мотивированным значением

Эта семантическая группа немоделированных СГ не получила большого развития в персидском языке.

Как уже было отмечено, количество глаголов, используемых в качестве компонирующих, весьма ограничено. Особенно невелико число КГ, сохраняющих свое лексическое значение. Поэтому вокруг каждого КГ с непереосмысленным значением, как правило, образуется целая серия СГ, которые при сохранении значения ИЧ рассматриваются нами как моделированные.

К данной группе СГ относятся такие устойчивые глагольные словосочетания, в которых ИЧ и КГ полностью сохраняют свои значения. Однако такого рода СГ, несмотря на лексическую значимость компонентов, характеризуются целостностью своего значения.

От соответствующих моделированных СГ эти СГ отличаются необычным, индивидуальным сцеплением компонентов. В качестве КГ используются глаголы с конкретным лексическим значением, которые несут основную семантическую нагрузку, а ИЧ дополняет и конкретизирует значение КГ, например: *рах рәфтән* 'ходить', 'ездить', 'путешествовать' (*рах* 'дорога', 'путь'), *гәза хордән* 'есть', 'принимать пищу' (*гәза* 'пища', 'еда'), *фәриад хастән* 'звать на помощь' (*фәриад* 'крик о помощи'). Стабильность структуры и семантики некоторых из такого рода СГ поддерживается устойчивым пропуском предлога перед ИЧ.

К этой же группе, видимо, следует отнести СГ, ИЧ которых вносит в общее значение СГ дополнительные оттенки экспрессивности и эмоциональности, например: *һайһай геристән* 'рыдать', 'плакать навзрыд' (*һайһай* 'рыдание', 'плач'), *гәһгәһә хәндидән* 'хототать', 'заливаться смехом' (*гәһгәһә* 'хохот'). В последнем случае устойчивость глагольного словосочетания создается необычностью соединения ИЧ и КГ с точки зрения синтаксических норм персидского языка и позволяет сделать предположение об эллипсисе предлога *ба* 'с' перед ИЧ.

СГ, ИЧ которых имеет предлог

В различных работах по грамматике персидского языка двучленные глагольные словосочетания, к ИЧ которых относится предлог, специально не рассматриваются и такие словосочетания, как правило, включаются в состав СГ. Однако в некоторых толковых словарях персидского языка, как уже отмечалось, проводится различие между двучленными глагольными словосочетаниями без предлогов и глагольными словосочетаниями с предлогами: первые даются самостоятельными словарными статьями, вторые — внутри словарных статей.

П. Ханляри в работе «Структура глагола» глагольные словосочетания с предлогом отделяет от СГ, называя их «глагольными выражениями». Они рассматриваются вместе с многочленными глагольными словосочетаниями, состоящими из трех и более знаменательных слов [123, с. 81—87]. Однако аргументы в пользу такого противопоставления не приводятся.

Фразеологическая природа этих глагольных словосочетаний с точки зрения семантической слитности их компонентов не вызывает сомнений. Однако возникает вопрос — можно ли такие глагольные словосочетания, как *бэ сяр бордән* 'жить', 'проживать', *дәр мийан нэнадән* 'рассказывать', 'делиться', *бэ әмәл авәрдән* 'совершать', 'осуществлять', *бэ гәтл рәсандән* 'убивать', *әз бәйн бордән* 'уничтожать', *әз кар рәфтән* 'выходить из строя', 'изнашиваться' и т. д., рассматривать как одну из структурных разновидностей СГ? Возможен и другой подход к такого рода предложным словосочетаниям — рассматривать их как особого рода двучленные глагольные фразеологизмы или включать в состав многочленных глагольных фразеологизмов в качестве одной из их разновидностей.

Изучение глагольных словосочетаний с предлогами показывает, что они обладают рядом специфических особенностей по сравнению с рассмотренными выше СГ, в состав которых не входят предлоги. Тем не менее по своим структурным и семантическим свойствам они ближе всего стоят к СГ. Включая такие глагольные словосочетания в число СГ, необходимо сделать некоторые оговорки и показать характерные для них особенности.

Характеристика компонентного состава предложных СГ

Все предложные СГ имеют одинаковое строение — «предлог+ИЧ+КГ». В количественном отношении они значительно уступают СГ без предлогов.

Рассматриваемые СГ отличаются от СГ без предлогов своим компонентным составом.

В роли ИЧ предложных СГ выступают имена существительные. Общее число существительных, используемых в роли ИЧ предложных СГ, сравнительно невелико. Основную массу их составляют существительные конкретные (напр., *па* 'нога', *дәст* 'рука', *сәр* 'голова', *чешм* 'глаз'); абстрактные существительные, особенно существительные со значением действия, редко встречаются в роли ИЧ. Многие СГ образуются на основе одних и тех же существительных, например:

кар 'дело', 'работа', 'труд' ...: *әз кар офтадән* а) 'выходить из строя', 'останавливаться'; б) 'обессиловать', 'изнемогать'; в) 'быть снятым с работы'; *әз кар әндахтән* а) 'выводить из строя'; б) 'увольнять с работы'; *әз кар рәфтән* 'выходить из строя', 'изнашиваться'; *бә кар офтадән* 'начать действовать, работать'; *бә кар амәдән* а) 'оказываться полезным, нужным'; б) 'идти в дело', 'годиться' и т. д.

дәст 'рука'...: *әз дәст дадән* а) 'упускать', 'выпускать из рук'; б) 'поплатиться'; 'терять'; *әз дәст рәфтән* а) 'пропадать', 'исчезать'; б) 'погибать'; в) 'выйти из повиновения'; *бә дәст авәрдән* а) 'приобретать', 'получать'; б) 'достигать', 'добиваться' и т. д.

В качестве ИЧ предложных СГ могут выступать указательное местоимение *ан* 'тот' и отрицательное местоимение *һич* 'ничто': *бәр ан будән* 'намереваться', 'собираться', *бә һич герэфтән* 'не ставить ни во что'.

Важным показателем устойчивости глагольных словосочетаний с предлогами и превращения их в СГ является утрата одним или всеми компонентами лексических значений. С этой точки зрения не все основные предлоги оказываются способными изменять свое значение и обеспечивать структурно-семантическую устойчивость глагольных словосочетаний. Из собственно предлогов в образовании СГ участвуют следующие предлоги: *әз* 'из', 'с', *бә* 'в', 'к', 'на', *дәр* 'на', 'в', *бәр* 'на', обычно выражающие пространственные и временные отношения. В составе СГ эти предлоги часто полностью утрачивают свое значение. Другие собственно предлоги не встречаются в составе СГ.

Тем не менее нельзя не учитывать семантическую нагрузку предлогов в составе СГ — они играют важную роль в формировании общего значения СГ. Так, если взять несколько СГ, которые имеют одинаковые ИЧ и КГ, но различаются предлогами, то будет весьма наглядно видна роль предлогов в дифференциации значений этих СГ:

әз кар әндахтән а) 'выводить из строя', 'делать непригодным'; б) 'увольнять', 'снимать с работы';

бә кар әндахтән а) 'приводить в движение'; б) 'пускать в ход, в обращение (напр., капитал)';

әз кар рәфтән 'выходить из строя', 'изнашиваться';

бә кар рәфтән 'быть использованным', 'быть примененным';

ӑз насӑл офтадӑн 'переставать плодоносить';

бӑ насӑл офтадӑн 'начинать плодоносить'.

Поскольку предлоги при обычном употреблении с существительными в составе предложений являются ярким показателем подчинительной связи между глаголами и относящимися к ним дополнениями и обстоятельствами, то условием для превращения синтаксических глагольных словосочетаний во фразеологические является фактическое нарушение, обрыв этой связи. Это происходит тогда, когда один или оба компонента глагольного словосочетания, выраженные знаменательными словами, частично или полностью теряют свое реальное значение. Если сравнить словосочетания *ӑз сӑндӑли офтадӑн* 'падать со стула' и *ӑз на офтадӑн* 'валиться с ног', 'выбиваться из сил', 'разоряться', *ӑз рудханӑ гозӑрандӑн* 'перевозить, переправлять через реку' и *аз сӑр гозӑрандӑн* 'переносить', 'переживать', *бӑ ханӑ бордӑн* 'уносить домой' и *бӑ сӑр бордӑн* 'жить', 'проживать', *бӑ чуб бӑстӑн* 'привязывать к палке' и *бӑ атӑш бӑстӑн* 'обстрелять', то первые из них являются свободными словосочетаниями, поскольку компоненты сохраняют лексические значения, а вторые — фразеологическими вследствие утраты компонентами своих значений.

Наиболее часто в составе СГ употребляются предлоги *бӑ* и *ӑз*, предлог *дӑр* имеет более ограниченное употребление. Наименьшее количество СГ встречается с предлогом *бӑр*.

Характерной особенностью предложных СГ является то, что в отдельных случаях допустима взаимозаменяемость предлогов *бӑ*, *бӑр* и *дӑр*; при этом значение СГ не изменяется: *бӑ* (или *бӑр*) *зӑбан авӑрдӑн* 'произносить', 'упомянуть', *бӑр* (или *бӑ*) *бад дадӑн* 'пускать по ветру', 'проматывать', 'губить', *бӑ* (или *дӑр*) *дӑст герӑфтӑн* 'захватывать', 'овладевать', *бӑ* (или *дӑр*) *фӑкр будӑн* 'думать', 'размышлять', *бӑ* (или *дӑр*) *нӑзӑр авӑрдӑн* 'напоминать' и т. д.

Возможность замены упомянутых выше предлогов в составе СГ является отражением обычной взаимозаменяемости этих предлогов при свободном употреблении в речи.

В связи с рассмотрением предложных СГ нельзя пройти мимо случаев употребления в их составе отыменных предлогов. Случаи употребления отыменных предлогов в составе СГ немногочисленны, более часто отыменные предлоги встречаются в составе многочисленных глагольных фразеологизмов. Из отыменных предлогов в составе СГ можно встретить предлоги *зир* 'под', *руй* 'на', *сӑр* 'на', *туй* 'в' и некоторые другие: *зир-ӑ на кӑрдӑн* 'обойти', 'исходить', 'объездить', *зир-ӑ на гозаштӑн* 'топтать', 'попирать', *ру-ӑе кар амӑдӑн* 'становиться во главе дела', 'приходить к власти', *сӑр-ӑ хал амӑдӑн* 'приходить в хорошее настроение', 'приходить в сознание', *сӑр-ӑ дӑмаӑ будӑн* 'быть в хорошем расположении духа', *ту-ӑе фӑкр рӑфтӑн* 'погружаться в раздумье', 'задумываться' и т. д.

Иногда допускается замена одного отыменного предлога на

другой, например: *сър-э* (или *ру-йе*) *һәрф истадән* 'держать слово'. Встречаются случаи взаимозамены отыменных и основных предлогов, например: *ту-йе* (или *бэ*) *фэкр рәфтән* 'задумываться', *сър-э* (или *бэ*) *зэй рәт амдән* 'проявлять рвение', 'загораться'. Возможность замены отыменных предлогов на основные свидетельствует о структурном сходстве и тех и других глагольных словосочетаний.

Как известно, главной отличительной особенностью отыменных предлогов по сравнению с собственно предлогами является то, что они в большинстве случаев сохраняют семантико-грамматическую связь с теми существительными, прилагательными и причастиями, от которых образовались. Благодаря этому они обладают более конкретным значением и менее многозначны, чем собственно предлоги. Это свойство отыменных предлогов в какой-то степени отражается и на значении СГ, в состав которых они входят: СГ, как правило, немногочисленны. Кроме того, конкретное значение отыменных предлогов способствует образованию устойчивых глагольных словосочетаний с образным, экспрессивным значением, используемым в основном в разговорной речи: *сър-э зүз офтадән* 'упрямиться', 'упорствовать' (букв. 'на горб падать'), *ру-йе дом ншйстән* 'раздражаться', 'выходить из себя' (букв. 'на хвост садиться'), *ру-йе дәст бордән* 'расхватывать', 'раскупать все быстро и целиком' (букв. 'на руках уносить'), *зир-э сяр гозаштән* 'наметить (что-л.) для покупки' (букв. 'под голову положить') и т. д. Приведенные выше глагольные ФЕ выделяются среди других предложных СГ своей яркой образностью и экспрессивностью и рассматриваются нами как стилистически окрашенные предложные СГ, весьма близко примыкающие к многочисленным глагольным фразеологизмам.

КГ в составе предложных СГ

В роли КГ предложных СГ выступают как простые, так и префиксальные глаголы. Они являются выразителями действия, участвуют в формировании общего значения СГ, сообщают СГ грамматические свойства глагола.

По своему составу КГ предложных СГ отличаются от КГ беспредложных СГ.

В качестве КГ предложных СГ наиболее часто используются следующие простые глаголы: *офтадән* 'падать', *амдән* 'приходить', *андахтән* 'бросать', *авәрдән* 'приносить', *бордән* 'нести', 'уносить', *рәсандән* 'доставлять', *рәсидән* 'достигать', *рәфтән* 'идти', 'уходить', *гозаштән* 'проходить', *гозәрандән* 'проводить', *гозаштән* 'ставить', 'класть'. КГ *кәрдән* и *шодән*, широко используемые для образования беспредложных моделированных СГ, в составе предложных СГ встречаются редко, например: *бэ дәст кәрдән* 'надевать на руку', *бэ па кәрдән* 'надевать на ногу', 'ставить на ноги', *әз вир шодән* 'забываться', *дәр джовал шодән* 'замолчать', 'стусеваться'.

Из префиксальных глаголов в составе предложных СГ встречаются глаголы *дәр-амәдән* 'выходить', *дәр-авәрдән* 'вынимать', *дәр-рәфтән* 'уходить' и некоторые другие: *әз кар дәр-амәдән* 'проходить испытание', *әз на дәр-авәрдән* 'изматывать', 'губить', 'уничтожать', *әз аб дәр-амәдән* 'получаться', 'выходить', *әз джа дәр-рәфтән* 'выходить из себя', 'сердиться'.

Приведенные выше КГ обладают разной степенью валентности, однако даже те КГ, которые чаще других встречаются в составе предложных СГ (напр., *офтадән*, *амәдән*, *рәсидән*), не обладают теми сочетательными возможностями, которые характерны для КГ при образовании беспредложных СГ (напр., *кәрдән*, *шодән*, *дадән*, *зәдән*).

Большинство КГ в составе предложных СГ утрачивает реальное значение и, подвергаясь единичному или типовому переосмыслению, наряду с ИЧ активно участвует в образовании общего значения СГ.

Некоторые КГ сообщают СГ значение переходного или непереходного действия. Однако система корреляции «переходное действие — непереходное действие» предложных СГ не имеет того регулярного характера, который наблюдается в беспредложных СГ. Тем не менее можно выделить КГ, которые более или менее регулярно сообщают СГ переходное или непереходное значения. Эти КГ объединяются в следующие пары: *авәрдән*—*амәдән*, *рәсандән*—*рәсидән*, *әндахтән*—*офтадән*. При этом оппозиция переходного и непереходного значений сохраняется только в том случае, если в составе СГ употребляется один и тот же предлог.

Переходное значение	Непереходное значение
<i>бә һәркәт авәрдән</i> 'приводить в движение'	<i>бә һәркәт амәдән</i> 'приходить в движение'
<i>бә һуш авәрдән</i> 'приводить в сознание'	<i>бә һуш амәдән</i> 'приходить в сознание'
<i>бә джүш авәрдән</i> 'доводить до кипения'	<i>бә джүш амәдән</i> 'закипать'
<i>бә гәтл рәсандән</i> 'убивать'	<i>бә гәтл рәсидән</i> 'быть убитым'
<i>бә эсбат рәсандән</i> 'доказывать'	<i>бә эсбат рәсидән</i> 'быть доказанным'
<i>бә фәкр әндахтән</i> 'натолкнуть на мысль'	<i>бә фәкр офтадән</i> 'прийти к мысли'
<i>бә хәтәр әндахтән</i> 'подвергать опасности'	<i>бә хәтәр офтадән</i> 'подвергаться опасности'
<i>бә тә'виғ әндахтән</i> 'откладывать'	<i>бә тә'виғ офтадән</i> 'откладываться'

Структурно-семантическая типология предложных СГ

На основании семантической структуры предложных СГ и сочетательных возможностей КГ выделяются два структурно-семантических типа — моделированные и немоделированные СГ.

В моделированных СГ ИЧ полностью сохраняет лексическое значение, а предлог и КГ либо сохраняют свои значения, либо их изменяют. При этом изменение значений предлога и КГ, как правило, происходит синхронно и имеет постоянный, регулярный характер. В образовании моделированных СГ существенную роль играет не только КГ, но и соответствующий предлог. КГ и предлог являются постоянными элементами структурно-семантической модели, ИЧ выступает как переменный компонент. Как правило, все предложные СГ образуются по моделям узкого диапазона.

Основную массу моделированных СГ составляют устойчивые глагольные словосочетания с частично мотивированным значением, в которых КГ и соответственно предлог изменяют свои значения. КГ вместе с соответствующим предлогом выступают как моделирующие элементы, на основе которых образуются серии моделированных СГ. Так, можно выделить модели «бэ+ИЧ+офтадән», «бэ+ИЧ+амәдән», «бэ+ИЧ+әндахтән», «бэ+ИЧ+авәрдән», «бэ+ИЧ+бордән», «бэ+ИЧ+рәсидән», «бэ+ИЧ+рәсидән» и т. д.; «әз+ИЧ+офтадән», «әз+ИЧ+рәфтән» и т. д. Вот некоторые примеры на наиболее распространенные модели предложных СГ:

Модель «бэ+ИЧ+офтадән»: бэ *һасэл офтадән* 'начинать давать урожай', 'начинать плодоносить', бэ *кар офтадән* 'начинать работать, функционировать', бэ *герйе офтадән* 'начинать плакать', бэ *локнәт офтадән* 'начинать заикаться', бэ *фәкр офтадән* 'прийти к мысли' и т. д.

Модель «бэ+ИЧ+амәдән»: бэ *һсаб амәдән* 'учитываться', бэ *зоһур амәдән* 'появляться', 'возникать', бэ *джуш амәдән* 'закипать', бэ *дәрд амәдән* 'болеть' и т. д.

Модель «бэ+ИЧ+әндахтән»: бэ *хәтәр әндахтән* 'подвергать опасности', бэ *кар әндахтән* 'пускать в движение', бэ *гәһгәһә әндахтән* 'заставлять смеяться', бэ *герйе әндахтән* 'доводить до слез', 'заставлять плакать' и т. д.

Модель «бэ+ИЧ+рәсидән»: бэ *форуш рәсидән* 'продаваться', бэ *эмза рәсидән* 'быть подписанным', бэ *тәрджомә рәсидән* 'быть переведенным', бэ *моджәзат рәсидән* 'понести наказание', бэ *һләкәт рәсидән* 'погибать' и т. д.

Модель «әз+ИЧ+офтадән»: әз *һасэл офтадән* 'переставать плодоносить', әз *джуш офтадән* 'переставать кипеть', әз *кар офтадән* 'выходить из строя', 'останавливаться', әз *шекл офтадән* 'терять вид, форму', 'деформироваться' и т. д.

СГ — немоделированные образования

Анализ семантических взаимоотношений между компонентами позволяет выделить три семантические группы предложных СГ немоделированного характера: СГ с немотивированным

значением, СГ с частично мотивированным значением и СГ с мотивированным значением. Это деление имеет предварительный характер и нуждается в более глубоком и всестороннем изучении семантических взаимоотношений между компонентами СГ.

СГ с немотивированным значением

В СГ с немотивированным значением реальные семантические связи между ИЧ и КГ полностью нарушены. Тем не менее в целостном значении многих предложных СГ весьма ощутимобразный характер переосмысления компонентов, например: *бэ донйа амäдäйн* 'появляться на свет', 'рождаться' (букв. 'в мир придти'), *äз сäр гозäрандäйн* 'переносить', 'переживать' (букв. 'через голову переносить'), *бäр бад дадäйн* 'пускать по ветру', 'проматывать', 'губить' (букв. 'на ветер отдавать'), *бэ хак сэпордäйн* 'хоронить' (букв. 'земле отдавать'). Общее значение таких СГ может быть осмыслено и выведено из значений компонентов.

Некоторые предложные СГ сосуществуют наряду с омонимичными свободными словосочетаниями, в результате переосмысления которых они образовались. Ср., например, СГ *бэ дäст герэфтäйн* 'захватывать', 'овладевать' и свободное словосочетание *бэ дäст герэфтäйн* 'брать в руки', СГ *зир-э на гозаштäйн* 'топтать', 'попирать' и свободное словосочетание *зир-э на гозаштäйн* 'класть под ноги'.

На основе одинаковых предлогов и КГ может быть образовано по несколько предложных СГ: *бэ зäбан амäдäйн* 'начинать говорить', *бэ джан амäдäйн* 'доходить до изнеможения', 'выходить из себя', *бэ донйа амäдäйн* 'появляться на свет', 'рождаться', *äз на офтадäйн* 'валиться с ног', 'выбиваться из сил', *äз зäбан офтадäйн* 'замолкать, переставать говорить', *äз нäзäр офтадäйн* 'забываться', 'терять значение' и т. д. Однако эти СГ нельзя рассматривать как моделированные образования, поскольку (в связи с утратой значений компонентами) они не обладают единой структурно-семантической моделью.

СГ с немотивированным значением бывают стилистически нейтральными и стилистически окрашенными. Стилистически окрашенные СГ характеризуются повышенной экспрессивностью, эмоциональностью и являются принадлежностью живой разговорной речи: *бäр йäх нэвэштäйн* 'толочь воду в ступе', 'заниматься пустым, бесполезным делом' (букв. 'на льду писать'), *бэ хода рäсидäйн* 'дойти до белого каления' (букв. 'достичь бога'), *сäр-э зуз офтадäйн* 'упрямиться' (букв. 'на горб падать'), *ту-йе зойү зäдäйн* 'вызывать отвращение', 'быть неприличным' (букв. 'ударять по вкусу') и т. д.

СГ с частично мотивированным значением

К этой группе предложных СГ относятся такие двучленные глагольные словосочетания, в которых один из компонентов подвергается переосмыслению, а другой компонент сохраняет свое

значение. Эта группа СГ весьма немногочисленна и в основном представлена СГ, в которых КГ и предлог изменяют свои значения. При этом изменение значений КГ и предлога имеет не регулярный, а единичный характер: *аз нăзър гозăранидăн* 'просматривать', 'пробежать глазами' (*аз* 'через', *нăзър* 'взгляд', *гозăранидăн* 'проводить', 'пропускать'), *аз һăдд гозăранидăн* 'переходить границы дозволенного', 'не знать меры' (*һăдд* 'граница', 'норма'), *бэ тул ăнджамидăн* 'длиться', 'продолжаться' (*бэ* 'в', *тул* 'долгота', 'длительность', *ăнджамидăн* 'выполняться'), *дър сăдăд бър-амăдăн* 'замышлять', 'намереваться' (*дър* 'в', 'на', *сăдăд* 'намерение', 'цель', *бър-амăдăн* 'подниматься', 'восходить'), *бэ кар чăсбидăн* 'ревностно, усердно браться за работу' (*бэ* 'к', *кар* 'работа', *чăсбидăн* 'приклеиваться', 'прилипать') и т. д.

В случае изменения значения ИЧ вместе с ней утрачивает значение и предлог, а КГ имеет то же значение, что и СГ, например: *бэ джа мандăн* 'оставаться', 'сохраняться' (*джа* 'место'), *дър дăст даштăн* 'владеть', 'иметь' (*дăст* 'рука'), *бэ бар авърдăн* 'приносить', 'давать' (*бар* 'груз', 'плод').

СГ с мотивированным значением

Эта группа предложных СГ не имеет распространения в персидском языке, ибо, как показывают наблюдения, наличие предлога в составе глагольного словосочетания способствует пересмыслению глагольной части, что создает устойчивость этих словосочетаний.

К СГ с мотивированным значением можно отнести такие глагольные словосочетания, устойчивость которых, несмотря на сохранение значений компонентами, создает необычную ролью значения ИЧ в общем значении СГ. КГ этих СГ и без ИЧ имеют почти то же значение, что и СГ, но ИЧ вносит некоторое усиление и уточнение в общее значение СГ, например: *бэ рăсмийăт шенахтăн* 'признавать официально' (*рăсмийăт* 'официальность'), *бэ дэраза кешидăн* 'затягиваться', 'долго длиться' (*дэраза* 'продолжительность', 'длительность'), *бэ фăрасăт дър-йафтăн* 'догадываться' (*фăрасăт* 'догадливость'), *бэ зăмин нăшăстăн* 'садиться', 'приземляться' (о самолете; *зăмин* 'земля').

Взаимосвязь предложных и беспредложных СГ

Сравнение предложных и беспредложных СГ с точки зрения их строения и семантической структуры показывает большую близость этих глагольных словосочетаний и позволяет рассматривать их в пределах одной структурной группы глагольных фразеологизмов. Об этом свидетельствуют также случаи образования одинаковых по значению предложных и беспредложных

СГ от одного и того же имени и случаи пропуска предлогов в некоторых предложных СГ.

На основе одной и той же ИЧ в отдельных случаях могут быть образованы беспредложные и предложные СГ, обладающие одинаковым значением и выступающие как полные синонимы. Ср., например, следующие СГ: *тăсвиб кăрдăн* и *ăз тăсвиб гозăрандăн*, *бэ тăсвиб рăсандăн* 'утверждать', 'ратифицировать'; *моджазат шодăн* и *бэ моджазат рăсидăн* 'быть наказанным', 'понести наказание'; *вогу' йафтăн* и *бэ вогу' пэывăстăн* 'происходить', 'случаться'; *шăһадăт йафтăн* и *бэ шăһадăт рăсидăн* 'отдать жизнь', 'погибнуть'; *зафийе авăрдăн* и *бэ зафийе дăр-авăрдăн* 'рифмовать'. Однако полное совпадение значений беспредложных и предложных СГ имеет место не во всех случаях. Иногда эти СГ могут совпадать в одном каком-либо значении.

Возможность пропуска предлогов в некоторых сложных глаголах следует рассматривать как факт, свидетельствующий о структурной близости предложных и беспредложных сложных глаголов.

Пропуск предлогов перед именами существительными, выступающими в роли обстоятельств места и времени,— явление весьма распространенное в современном персидском языке, особенно в разговорной речи. Это явление получило распространение и среди глагольных ФЕ.

Наблюдения над случаями пропуска предлогов в составе СГ показывают, что отыменные предлоги почти никогда не опускаются, а из собственно предлогов могут опускаться два: *бэ* (наиболее часто) и *дăр*.

Таким образом, для отдельных сложных глаголов следует признать наличие двух форм существования: с предлогом и без предлога. При этом одни СГ чаще употребляются с предлогом, другие более употребительны без предлога, а третьи встречаются одинаково как с предлогом, так и без предлога. Ср.: *дăрд амăдăн* и *бэ дăрд амăдăн* 'заболеть', *аб офтадăн* и *бэ аб офтадăн* 'зреть', 'наливаться', 'набухать', *рах андахтăн* и *бэ рах андахтăн* 'проводить в дорогу', 'направлять', 'приводить в движение', 'пускать в ход', *на кăрдăн* и *бэ на кăрдăн* 'надевать (на ноги)', *йад авăрдăн* и *бэ йад авăрдăн* 'вспоминать', 'припоминать', *йад даштăн* и *дар йад даштăн* 'помнить', *гур кăрдăн* и *дăр гур кăрдăн* 'погребать', 'хоронить' и т. д.

Иногда на протяжении очень небольшого отрывка текста у одного и того же автора можно встретить одинаковые сложные глаголы, употребленные как с предлогом, так и без предлога, например:

У добарэ бэ рах офтад (ХСК, с. 26) 'Он снова пустился в путь'.

У бидэранг раһ офтад (ХСК, с. 26) 'Он немедленно отправился в путь'.

Джэанг-е аввал-е Шапур-э доввом ба Ром аз 338 та 350 милади бэ тул кешид (ХМ, с. 22) 'Первая война Шапура II с Римом продолжалась с 338 по 350 г. н. э.'.

Ин джэанг аз 540 та 557 милади тул кешид (ХМ, с. 28) 'Эта война продолжалась с 540 по 557 г. н. э.'.

Пропуск предлога может превращаться в постоянный фактор и служить средством для образования беспредложных СГ. Так, путем эллипсиса предлогов и фразеологизации словосочетаний образованы некоторые беспредложные СГ, например: *бала рэфтэйн* 'подниматься', 'взбираться', 'повышаться', 'подниматься' (из бэ *бала рэфтэйн* 'идти наверх'), *бала бордэйн* 'подымать', 'повышать', 'возносить', 'возвеличивать' (из бэ *бала бордэйн* 'уносить наверх'), *пайин амэдэйн* 'падать', 'понижаться' (из бэ *пайин амэдэйн* 'идти вниз'), *кенар амэдэйн* 'договариваться', 'приходить к соглашению' (из бэ *кенар амэдэйн* 'приходить к краю').

П. Ханляри отмечает пропуск предлогов в наиболее ранних произведениях персидского языка, например: *бэ фэрийад хандэйн* и *фэрийад хандэйн* 'кричать', 'звать на помощь', *бэ фэрийад рэсидэйн* и *фэрийад рэсидэйн* 'приходить на зов' [123, с. 87]. Ср.:

Гофт тэрсидэйн-ке нэбада-ке хода-йе тэалара бэ фэрийад хандэйн вэ рэстгари йабэд (Тэрджомэ-йе Бэл'ами) 'Он сказал: «Я испугался, что как бы он не обратился за помощью к богу и не спасся»'.

Нэми-бэ-р-хорушид-э фэрийад ханд

Джэан-ра сэрэсэ-суй-йе дад ханд («Шахнамэ») 'Он кричал и звал на помощь, весь мир призывал к справедливости'.

Если в ранненоперсидском языке наблюдаются только отдельные случаи эллипсиса предлогов в устойчивых глагольных словосочетаниях, то в современном персидском языке, особенно в разговорном стиле, пропуск предлогов, по мнению П. Ханляри, стал обычным явлением. П. Ханляри справедливо отмечает, что в случае пропуска предлога глагольное словосочетание ничем не отличается от обычных СГ [123, с. 87].

Глава II

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФЕ И ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ РАМОЧНОЙ КОНСТРУКЦИИ

При изучении структурных типов персидской фразеологии обращает на себя внимание особое построение многих ФЕ, при котором между постоянными членами фразеологизмов вклиниваются одно или несколько слов, не входящих ни структурно, ни семантически в их состав. В грамматической литературе по пер-

сидскому языку такое разобщенное построение принято называть рамочной конструкцией³⁸.

Однако сведения, имеющиеся в работах по теории персидского языка, в грамматиках, учебниках и учебных пособиях, об особенностях образования РК, о характере ее функционально-стилистического использования, весьма неполны и несистематичны. Авторы этих работ обычно ограничиваются упоминанием о возможности образования РК некоторыми СГ, при этом не указываются различия между рамочным и нерамочным построениями СГ, не отмечаются стилистические, лексико-синтаксические и другие особенности РК. Совершенно не затрагиваются вопросы образования РК другими видами ФЕ.

Между тем РК является одной из структурных моделей персидской фразеологии. Дистантное расположение компонентов не является просто свободным синтаксическим построением, а зависит от целого ряда структурно-семантических свойств самого фразеологизма, от синтаксической структуры предложения, от логико-стилистической направленности высказывания. Причем разобщенное положение компонентов ФЕ ни в коей мере не нарушает ее фразеологического единства, а вставочный компонент (далее — ВК) — может быть представлен одним или несколькими словами — относится не к отдельным компонентам ФЕ, а ко всей ФЕ в целом, развивая и уточняя ее значение.

Случаи замыкания отдельных слов и словосочетаний компонентами ФЕ встречаются и в других языках³⁹, в частности в ряде иранских языков⁴⁰. Замыкание второстепенных членов можно встретить и в русском языке, например:

Под монастырь	хочет меня	подвести.
---------------	------------	-----------

Однако в персидском языке это явление получило особо большое развитие и распространение в силу того, что такого рода построение относится не только к сфере стилистических средств языка, но и выступает как постоянная структурная модель мно-

³⁸ Термин «рамочная конструкция» заимствован из грамматической литературы по немецкому языку, где он употребляется для характеристики такого синтаксического построения, при котором наиболее тесно связанные части высказывания находятся в дистантном положении. В немецком языке РК образуется в предложении путем расщепления сказуемого на спрягаемую и неизменяемую части, причем она может охватывать все члены предложения, входящие в состав группы сказуемого или близкие к ней. На материале немецкого языка РК подверглась обстоятельному изучению, при этом в силу особого характера функционирования в этом языке главное внимание было обращено на логико-синтаксические особенности ее употребления [см. 6, с. 377—380].

³⁹ В более широком плане явления замыкания зависимых слов рассматриваются в книге И. И. Мещанинова «Члены предложения и части речи» [51, с. 59].

⁴⁰ Исследователи курдского языка отмечают возможность контактного и дистантного построения СГ [см. 49, с. 266—270; 2, с. 22—24].

гих ФЕ. Большое распространение рамки среди ФЕ персидского языка вызывается также строем персидского предложения, характеризующимся относительно твердым порядком членов, в котором глагол-сказуемое всегда занимает последнее место. Способность ФЕ образовывать РК или иметь данное построение как единственно возможную форму существования фразеологизма свидетельствует о том, что нечленимость ФЕ нельзя считать универсальным фразеологическим свойством для различных языков.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РК И ЕЕ РАЗНОВИДНОСТЕЙ

РК в персидском языке охватывает фразеологизмы, соотносимые по своему строению как со словосочетаниями, так и с предложениями. Причем из ФЕ, имеющих форму словосочетаний, РК свойственна глагольным ФЕ, именные ФЕ характеризуются только контактными построением своих компонентов.

Различные структурные типы ФЕ, способные иметь дистантное построение своих компонентов, характеризуются разными видами РК. Однако виды РК изучены недостаточно. Это приводит к тому, что многие глагольные ФЕ, для которых РК является единственной формой существования, либо совсем не представлены в словарях персидского языка, либо представлены неправильно — в форме нерамочной конструкции (далее — НРК); все это отрицательно сказывается на составлении учебников персидского языка и практике преподавания: изучающие персидский язык, как правило, слабо владеют теми ФЕ, которые имеют устойчивое построение в виде РК или преимущественно употребляются в форме РК.

ФЕ, которые способны иметь не только контактное, но и дистантное положение компонентов, образуют факультативную РК. Она по преимуществу свойственна СГ. В этом случае рамочное и нерамочное построения одного и того же фразеологизма выступают как коррелятивная пара. Например, СГ *тāслим кārдāн* 'вручать', 'передавать', ИЧ и КГ которого находятся в контактном положении, может образовать РК — *тāслим-э кās-и кārдāн* 'вручать кому-л.', — которая представляет собой дистантное построение СГ (между ИЧ и КГ вклинивается непостоянный член *кās-и* 'кто-л.', выступающий в роли косвенного дополнения). Даже в пределах небольшого отрывка текста нередко можно встретить рамочное и нерамочное построение одного и того же СГ.

Изучение случаев образования РК различными СГ свидетельствует о том, что дистантное расположение компонентов — это не просто свободное построение глагольного фразеологизма. Факультативная РК дает возможность более гибко и дифференцированно выражать различные оттенки высказывания и используется как одно из средств стилистического и логического

выделения членов предложения. Кроме того, образование факультативной РК в некоторых случаях зависит от структурно-семантических свойств самого СГ. Именно этот вид РК является объектом рассмотрения в грамматиках и грамматических исследованиях по персидскому языку [см. 10, с. 36; 62, с. 390]. При ее образовании изменяется интонационное строение и синтаксическое членение предложения.

Факультативной РК противостоит постоянная РК, характерная главным образом для многочленных глагольных фразеологизмов и ФП, а также для некоторых СГ, требующих обязательного рамочного построения при наличии определенных видов дополнений (см. ниже).

Постоянная РК может быть охарактеризована как единственно допустимое построение, как устойчивая структурная модель данной ФЕ. Например, она встречается в глагольных фразеологизмах, состоящих из двух, трех и более постоянных членов: *дандан-э кас-и-ра шомордён* 'знать о ком-л. всю подноготную', 'видеть кого-л. насквозь', *дёр пуст-э кас-и офтадён* 'за глаза ругать кого-л.', 'злословить на чей-л. счет', *ангошт дёр шир-э кас-и задён* 'мешать кому-л.', 'вмешиваться в чьи-л. дела', *сайе-йе кас-и-ра ба тир задён* 'сильно ненавидеть кого-л.', 'не выносить кого-л.'. При постоянной РК ВК является хотя и переменным, но конституирующим элементом ФЕ.

В ФП ВК чаще всего выражается слитным или личным местоимением. Эти местоимения обычно изменяются по лицам и являются выразителями субъекта или объекта действия: *Даст-айш бэ дом-э гав банд шодэ а́ст* 'Он кое-как устроился'; *Дёрд-айм миайёд* 'Мне больно'; *Му-йи дёр мийан-э анна нэмигонджад* 'Они очень дружны', 'их водой не разольешь'; *Ин колаһ бэрайе сёр-э у гошад а́ст* 'Это дело ему не по плечу' и т. д.

Если подходить к рассмотрению РК с точки зрения соотношения языка и речи, то на языковом уровне РК можно было бы назвать виртуальной (т. е. мыслимой как элемент языковой системы независимо от ее реализации), а на речевом уровне — актуализованной (т. е. примененной в конкретной речевой ситуации). Иными словами, можно говорить о виртуальной или актуализованной формах факультативной и постоянной РК. В словарях, грамматиках и учебниках персидского языка должна фиксироваться виртуальная форма РК тех ФЕ, которые имеют постоянное дистантное построение своих компонентов. Эту же форму РК следует использовать и в тех случаях, когда возникает необходимость показать возможность образования дистантного построения ФЕ.

В чем же состоят различия между виртуальной и актуализованной формами РК?

В актуализованной форме РК ВК получает конкретное лексическое выражение в соответствии с содержанием и целью высказывания, а КГ употребляется в личной форме (в соответствующую

щем времени и наклонении)⁴¹. Так, виртуальная форма РК СГ *тәғйи р-э чиз-и дадән* 'изменять что-л.' и *бэ тәсәрроф-э кәс-и дәр-амәдән* 'быть захваченным кем-л.' при ее актуализации в конкретных предложениях получает следующий вид:

...*Нә кәлемат-э әрәби камәлән фарси шодэ вә нә фарси тәғйи р-э шекл дадэ* (ХД, с. 10) '...Ни арабские слова не превратились полностью в персидские, ни персидские слова не изменили своей формы'.

Сәпәс шәһра-йе йунани-йе Асия-йе Сәғир, һәмәги бэ тәсәрроф-э Курош дәр-амәдәнд (ХМ, с. 2) 'Затем Киром были захвачены все греческие города Малой Азии'.

Кроме того, именные члены актуализованной РК (т. е. именная часть СГ и ВК) могут получать дополнительное грамматическое оформление — артикль, послелог *-ра*, — вызываемое синтаксическими и стилистическими потребностями предложения, а также конкретным значением ВК, например:

Бәһрам сәрпәрәсти-йе ханз-йе у-ра микәрд (ХСК, с. 17) 'Бахрам брал на себя заботу о его доме'.

До сә бар сәр-и бэ Һәбибэ Солтан зәдәм (ДЖК, с. 14) 'Два-три раза я заглядывал к Хабибе Солтан'.

Дәст бэ энзәлаб-э бозорг-и зәдим (К, 7936) 'Мы начали великую революцию'.

На уровне речи можно говорить и о другом виде РК — о собственно речевой РК. Если актуализованная РК — это реализация виртуальной РК на уровне речи, то собственно речевая РК возникает исключительно в процессе речи, ее образование не основывается на каких-либо структурных особенностях ФЕ. Этот вид РК наиболее характерен для СГ. При этом следует иметь в виду, что поскольку образование собственно речевой РК не связано непосредственно со структурно-семантическими свойствами СГ, поэтому даже наиболее семантически слитные и фразеологически устойчивые из них способны иметь разобщенное построение своих компонентов. В этом отношении собственно речевая РК отличается от факультативной РК, образование которой зависит не только от синтактико-стилистических особенностей предложения, но и от структурно-семантических свойств самого СГ. Таким образом, РК в широком понимании этого термина — любое дистантное построение ФЕ, между компонентами которой заключены знаменательные или служебные слова, непосредственно не входящие в ее состав.

На образование собственно речевой РК влияют факторы, связанные с синтаксической и стилистической структурой предложения, с общим стилем и содержанием высказывания. Собственно речевая РК выделяется лексико-грамматическим составом слов, замыкаемых между постоянными членами ФЕ. В роли ВК

⁴¹ При употреблении СГ в субстантивной функции КГ сохраняет форму инфинитива, например: *Джәнг би нәһәнг кәрдән вә дәр дәрйә мандән* 'Сражаться с китом и оставаться в море' (т. е. подвергать себя большой опасности).

этого вида РК выступают такие слова, как временной союз *ке* 'когда', 'как только', усилительные частицы, слитные местоимения, а также модальные глаголы и обороты, например:

Сир-ке шодām рāфтām отаг-э Геда Али (ХСК, с. 66) 'Когда я наелась, отправилась в комнату Геда Али'.

У рāһ нэмитāванэст бэрāвād (К, 7961) 'Он был не в состоянии идти'.

Дэлхош будām-ке эншайллаһ фāрамуш-ām кārдэ āнд (ДЖК, с. 141) 'Я был доволен тем, что они, авось, меня забыли'.

Во всех приведенных выше предложениях помещение различных слов между компонентами СГ не связано с его семантикой. Так, употребление союза *ке* после ИЧ СГ *сир шодām* 'насыщаться', 'наедаться' вызвано тем, что этот союз никогда не может находиться в начале сложного предложения; благодаря постановке модального глагола *тāванэстāн* 'мочь' между ИЧ и КГ достигается логическое выделение значения СГ *рāһ рāфтām* 'идти'; употребление местоименных энклитик после ИЧ СГ в разговорной речи позволяет более кратко выразить объект действия.

Собственно речевая РК используется также как средство чисто логического выделения, подчеркивания значения СГ (напр., в случае постановки усилительной частицы *һām* 'даже' после ИЧ):

...Эһсас кārдām-ке биэ'тэнайи-һām миконād (АЧ, с. 81) '...Я почувствовала, что он даже не обращает на меня внимания'.

Эстэхарэ-һām кārдэ будām, бād амādэ буд (ХСК, с. 69) 'Я даже гадала, было дурное предзнаменование'.

Кроме того, к собственно речевой РК следует отнести случаи употребления имен прилагательных и существительных в роли ВК-определения к ИЧ СГ, если не нарушается при этом структурно-семантическое единство глагольного фразеологизма, например:

Ханāндэ-йе монсэф āгār дār мйтлāб-э āсли-йе ин кетаб дэггāт-э кафи конād, дар пайан мо'тārрэф ханād буд-ке... (РК, с. 250) 'Если беспристрастный читатель обратит особое внимание на основную тему этой книги, то в конце признает, что...'

Ходадад... чалак вā зэндэдэл гамһа-йе моһкām бār-мидашт (ХСК, с. 70) 'Ходадад ...ловкий и жизнерадостный, твердо шагал по дороге'.

Вместе с тем нельзя не видеть двойственной природы собственно речевой РК, в которой в качестве ВК используется прилагательное (или существительное в атрибутивной функции). С одной стороны, образование РК в данном случае, как и всякой собственно речевой РК, носит индивидуально-стилистический характер — образование ее нельзя предусмотреть заранее, исходя только из структурно-семантических свойств СГ; с другой сто-

роны, ВК-определение, как и ВК актуализованной формы РК, уточняет и дополняет значение СГ, выполняя функцию, сходную с семантико-синтаксической функцией обстоятельства образа действия, т. е. обозначает качество действия СГ или определяет степень его проявления.

РК И СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ФЕ

В связи с тем, что между постоянными членами ФЕ вклиниваются слова, не относящиеся к составу фразеологизма, возникает ряд вопросов, связанных с сохранением или нарушением его фразеологической цельности. Во всех ли случаях дистантного построения ФЕ сохраняется ее структурно-семантическое единство, т. е. не нарушаются ли внутренние зависимости между составными компонентами? Каковы те границы сохранения устойчивой связи между компонентами ФЕ в разобленном положении, нарушение которых приводит к превращению фразеологических отношений между ними в свободные синтаксические отношения между второстепенными членами и глаголом-сказуемым предложения? Ответы на эти вопросы имеют важное значение для теории и практики перевода, лексикографической работы и обучения персидскому языку.

Вполне понятно, что, поскольку постоянная РК является единственно допустимой формой построения ФЕ, этот вид рамки не может привести к нарушению устойчивости значения и взаимоотношений между компонентами ФЕ. Таким образом, само по себе дистантное положение компонентов фразеологизма по отношению к друг другу не является причиной его распада. Иначе обстоит дело, когда РК является одним из возможных вариантов построения ФЕ. Она возникает в процессе речи и вызывается логико-стилистическими и синтаксическими особенностями структуры предложений. Речь идет о факультативной и собственно речевой РК. Поскольку эти виды РК характерны преимущественно для СГ, поэтому и вопрос о сохранении или утрате устойчивости фразеологизма целесообразно рассмотреть на материале данной разновидности ФЕ.

При образовании факультативной РК, несмотря на отрыв ИЧ от КГ, между ними сохраняется устойчивая фразеологическая связь, и они выступают всегда в предложении как единый член-сказуемое с тем же значением, которое имеет СГ при контактном положении компонентов. Подтверждением этого может служить тот факт, что обстоятельственные члены и дополнения, предшествующие РК, относятся не к отдельным частям, а ко всему СГ как единому члену предложения. Между этими второстепенными членами и СГ сохраняются те же виды подчинительной связи, что и при контактном положении его компонентов: предложно-последняя и примыкающая. Например:

Дар ин бэйи мърд-и ба пәстәк-е мяхмәл, шәлвар-э гошад, колаһ-э нәмәди-йе кутаһ сәрасимэ варэд-э ғәһвәханэ

шод (ХСК, с. 39) 'В это время в чайную поспешно вошел человек в бархатном жилете, широких штанах и невысокой войлочной шапке'.

Һәр джа-ра гәштим, аз һәр кәс сораг-э у-ра герэфтим биһудэ буд (ХСК, с. 10) 'Где мы только ни искали (ее), у кого только ни спрашивали о ней, все было бесполезно'.

Фразеологическое единство СГ сохраняется и в тех случаях, когда ВК выражается не одним словом, а целым словосочетанием, например:

Аңнун Хомайун афсус-э руһа-йе гозәйтэ-ра михорд (ХСК, с. 17) 'Теперь Хомаюн сожалел о прошедших днях'.

Критерием для решения вопроса о том, происходит ли распад СГ и превращение его компонентов в члены предложения, служит не количество слов, отделяющих ИЧ от КГ, и не их грамматическое оформление, а семантические взаимоотношения между компонентами СГ. Если КГ или ИЧ или оба компонента одновременно выступают не в своем лексическом значении, а в таком, в каком они обычно встречаются в составе СГ при контактном положении его частей, то фразеологическая цельность глагольного словосочетания сохраняется. В то же время нельзя не отметить, что наличие грамматических показателей после ИЧ (напр., артикля) или после ВК (напр., послелога *-ра*) приводит к некоторому ослаблению структурной монолитности фразеологизма.

Ярким примером решающей роли семантических связей между ИЧ и КГ при определении фразеологической цельности словосочетания может служить сопоставительный анализ рамочного построения СГ *әкс бәр-даштән* 'фотографировать' и омонимичного свободного словосочетания *әкс бәр-даштән* 'брать фотографию'.

Если сравнить два предложения — *Акс-э дохтәр-әм-ра бәр-даштәм* 'Я сфотографировал свою дочь' и *Акс-э дохтәр-әм-ра бәр-даштәм* 'Я взял фотографию моей дочери', — то внешне, составом слов и грамматическим оформлением, они совпадают. Но это только формальный анализ. Конкретный семантико-синтаксический анализ этих двух предложений показывает, что в первом предложении употреблена РК СГ *әкс бәр-даштән*: в роли ВК выступает приглагольное дополнение *дохтәр-әм-ра*, а глагол *бәр-даштән* утрачивает свое лексическое значение 'брать', обеспечивая тем самым фразеологическую слитность глагольного словосочетания. Во втором предложении все слова сохраняют лексические значения и выступают как самостоятельные члены: *әкс* 'фотография' — прямое дополнение, *дохтәр-әм* 'моя дочь' — определение к дополнению и *бәр-даштәм* 'взял' — сказуемое. Подтверждением правильности грамматического построения второго предложения и сохранения префиксальным глаголом *бәр-даштән* значения 'брать' может служить прибавление к этому предложению обстоятельства места *аз ру-йе миз* 'со стола': *Аз*

ру-йе миз äкс-э дохтйр-äм-ра бйр-даштйм 'Я взял со стола фотографию моей дочери'.

Поскольку при факультативной РК допустимо также и контактное построение ФЕ, следует обратить внимание на характер подчинительной связи между второстепенными членами предложения и СГ при рамочном и нерамочном его построении. Здесь возможны два случая: при образовании РК характер подчинительной связи между зависимым членом и СГ либо изменяется, либо остается прежним. В случае изменения подчинительной связи второстепенный член предложения (напр., прямое дополнение, обстоятельство места), связанный с СГ при помощи предлога, послелога *-ра* или примыканием, ставится после ИЧ СГ, присоединяясь к ней при помощи *изафета*. При этом ВК, обозначающий определенный предмет или явление и выраженный именами собственными или местоимениями, получает послелог *-ра* при переходных КГ, образуя формально единую синтаксическую группу с ИЧ. *Изафетное* присоединение ВК возможно не только в тех случаях, когда ИЧ СГ сохраняет лексическое значение, но также и тогда, когда она полностью утрачивает свое значение. Ср., например, рамочное и нерамочное построение СГ *кучеки кйрдйн* 'проявлять учтивость, обходительность', 'проявлять покорность, смирение', приводимое А. Амини в «Словаре разговорно-просторечного языка»:

Мйн зййр äз ин-ке кучеки-йе шом-ра кйрдэ äм (йа äз шом кучеки кйрдэ äм) кар-э дигйр-и нйкйрдэ äм (АФ, с. 468) 'Я только проявил учтивость по отношению к вам и ничего больше'.

Возникает вопрос: приводит ли изменение способа подчинительной связи в случае образования факультативной РК к изменению синтаксической функции второстепенного члена? Анализ употребления различных видов дополнений и обстоятельственных членов в роли ВК дает основание отрицательно ответить на этот вопрос. Действительно, если считать, что СГ, несмотря на дистантное положение своих компонентов, выступает как цельная ФЕ, то нельзя говорить об изменении синтаксической функции того члена предложения, который замыкается компонентами СГ, по сравнению с синтаксической функцией, которую этот член выполняет в предложении при контактном положении частей СГ. Происходит лишь изменение синтаксической позиции второстепенного члена предложения.

При образовании собственно речевой РК такие вставки, как временной союз *ке*, слитные местоимения, усилительные частицы, модальные глаголы и обороты, не могут нарушить структурно-семантического единства СГ в силу их особой синтаксической функции в составе предложения. К этому следует добавить, что фразеологическая связь между компонентами СГ сохраняется даже тогда, когда в качестве ВК употребляются модальные обороты, равные по своей структуре самостоятельному предложению, например:

Джоз чярндарчар гофтән һәрф-э 'дигәр-и бәләд нист бзәйнәд (АФ, с. 192) 'Кроме всякой чепухи, он ничего другого не может сказать'.

Особо следует остановиться на случаях образования собственно речевой РК, когда ВК выражен именами прилагательными или существительными, формально выступающими в качестве определения к ИЧ СГ. Между ними и ИЧ устанавливаются тесные семантические взаимоотношения, благодаря чему последняя получает некоторую семантическую самостоятельность, например:

...Ромийан бар-э әввәл дәр 296 милади шекәст-э фәһш-и хордәнд (ХМ, с. 22) '...Первое огромное поражение римляне потерпели в 296 г. н. э.'.

Возможность употребления того или иного слова в роли ВК-определения зависит от семантической валентности ИЧ СГ. При этом нередко ИЧ берется в форме множественного числа. Примеры:

У ангәдр хәндан буд вә һәрфһа-йе бамәзә мизәд! (ХСК, с. 14) 'Он был такой веселый и так шутливо разговаривал!'

У аһәстә гамһа-йе боләнд бәр-мидашт (ХСК, с. 26) 'Он ходил неторопливо большими шагами'.

Казалось бы, наличие семантических взаимоотношений между ВК и одним из компонентов фразеологизма, употребление ИЧ в форме множественного числа должны привести к нарушению цельности ФЕ, но этого не происходит, поскольку реальное лексическое значение глагольных компонентов в приведенных выше примерах не восстанавливается⁴². Однако в тех случаях, когда КГ сохраняет свое лексическое значение, фразеологическая связь между компонентами СГ либо сильно ослабевает, либо полностью утрачивается, например:

Бист сал буд-ке тәк-о тәнһа зәндәги-йе таркәдонийи микәрд (ХСК, с. 71) 'Вот уже двадцать лет он вел отшельнический образ жизни'.

Әз асиабан-э Чәшмә Ала порсид, у-һәм джәваб-э мәнфи дад (ХСК, с. 72) 'Он спросил мельника из Чашмә Ала, и тот также дал отрицательный ответ'.

Подобного рода глагольные словосочетания занимают промежуточное положение между фразеологизмами и свободными словосочетаниями. При решении вопроса о сохранении или утрате фразеологической слитности между компонентами СГ нельзя ограничиваться чисто формальным анализом, необходим конкретный семантико-синтаксический анализ всего предложения. В связи с этим важно учитывать семантическую структуру самого СГ: взаимоотношения между общим значением СГ и лексическими зна-

⁴² Нельзя также считать, что в такого рода двучленных глагольных словосочетаниях КГ получает новое значение, поскольку он сочетается только с определенным кругом имен и при самостоятельном употреблении нового значения не сохраняет.

чениями компонентов, а также семантические отношения между ИЧ и КГ. Само собой разумеется, что только у СГ с мотивированным значением возможно полное нарушение устойчивой связи между компонентами при образовании РК.

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ ФАКУЛЬТАТИВНОЙ РК СГ

В связи с образованием факультативной РК возникают вопросы, связанные с особенностями ее функционирования. Какие СГ могут образовывать факультативную РК и в каких случаях она употребляется? В чем состоят различия между рамочным и нерамочным построениями одного и того же СГ? Ответы на эти вопросы имеют важное значение для понимания природы факультативной РК и изучения характера синтактико-стилистического функционирования различных видов СГ. Однако анализ случаев образования факультативной РК на практике оказывается весьма сложной задачей, поскольку в этом явлении тесно переплетаются структурно-семантические особенности СГ и логико-стилистические моменты в строении предложения, оказывающие влияние на выбор той или иной конструкции. Собранный нами материал позволяет сделать некоторые выводы об особенностях образования факультативной РК.

1. Строгой зависимости между образованием факультативной РК и семантической структурой СГ проследить не удастся. И все же наиболее часто факультативную РК образуют моделированные СГ с мотивированным значением. В роли ИЧ этих СГ обычно выступают имена существительные со значением действия или арабские и персидские причастия, семантически связанные со значением действия и способные иметь при себе дополнения, обстоятельства места и цели. Здесь в первую очередь следует отметить СГ, в роли ИЧ которых выступают арабские масдары (напр., *эгдам кярдән* 'начинать', 'приступать', *эһсас кярдән* 'ощущать', 'чувствовать', *тәслим кярдән* 'вручать', 'сдавать', *тәшкил дадән* 'организовывать', *дәфа кярдән* 'защищать', 'оборонять'), персидские существительные (напр., *рәсидэги кярдән* 'расследовать', 'контролировать', 'проверять', *бәррәси кярдән* 'изучать', 'рассматривать', *поштибани кярдән* 'поддерживать', 'оказывать покровительство', *дәлдари дадән* 'утешать', 'успокаивать'), арабские причастия (напр., *азэм шодән* 'отправляться', 'уезжать', *монтәзэр будән* 'ожидать', *мобтәла шодән* 'подвергаться', 'заболеть', 'пристраститься', *дахэл шодән* 'входить', 'поступать', *шамэл будән* 'содержать', 'включать'), персидские адъективно-причастные формы (напр., *дәжуйа шодән* 'отправиться на поиски', 'расспрашивать', *дара будән* 'иметь', 'обладать', *рәванэ кярдән* 'отправлять', 'посылать').

Решающую роль в образовании РК играет лексико-грамматическое значение ИЧ, к которой при помощи изафета или предлога присоединяется ВК, например:

...*Бахрам сярпярэсти-йе ханэ-йе у-ра микярд* (ХСК, с. 17) '...Бахрам брал на себя заботу о его доме'.

Добарэ нэгаһ-и бэ сярмана-йе у кярд (ХСК, с. 35) 'Он снова оглядел его с ног до головы'.

РК способны образовывать не только мотивированные, но и частично мотивированные и немотивированные СГ⁴³. Примеры:

Аз һяр джа вә һяр кәс сораг-э Голбабу-ра герэфт кәс-и аз у хябяр надашт (ХСР, с. 63) 'Где только и у кого только ни разыскивала она Гольбабу, никто ничего не знал о нем'.

Вәли чон дяр ан кенайе бэ Ростәм зәдэ буд бәдтяр хяндэ шеддәт кярд (ХСК, с. 34) 'Однако, поскольку в нем он на-мекал на Рустама, смех еще больше усилился'.

До сә бар сяр-и бэ Һябибэ Солтан зәдәм (ДЖК, с. 14) 'Два-три раза я заглядывал к Хабибе Солтан'.

2. На образование факультативной РК оказывают влияние такие факторы, как общее значение СГ и особенно лексико-грамматическое значение ИЧ, способность последней иметь при самостоятельном употреблении зависимые члены (напр., дополнения, присоединяемые предлогами или при помощи изафета).

(1) СГ, в роли ИЧ которых выступают различные прилагательные, и в первую очередь качественные прилагательные, независимо от того, являются ли эти глаголы прямо- или косвенно-переходными, обычно не образуют факультативную РК: *боләнд кярдән* 'поднимать', 'делать длинным, долгим', 'будить', *бозорг кярдән* 'воспитывать', 'выращивать', 'преувеличивать', *хошк шодән* 'замерзать', 'застывать', *сәбз шодән* 'расти', 'вырастать', *сәбок кярдән* 'облегчать', 'унижать' и т. д.

(2) Факультативную РК не образуют многие СГ, в роли ИЧ которых выступают различные имена существительные (чаще всего имена конкретные): *зәнг зәдән* 'ржаветь', *тул кешидән* 'длиться', 'продолжаться', *зәмин хордән* 'падать', *руй дадән* 'происходить', 'случаться', *чорт зәдән* 'дремать', *сурәт герэфтән* 'случаться', 'осуществляться', *на шодән* 'подниматься', 'вставать' и т. д.

(3) Наличие предлога в составе СГ не является препятствием для образования факультативной РК — в этом случае сохраняют силу отмеченные выше факторы. Так, предложные СГ *бэ фәкр офтадән* 'приходить к мысли', 'намереваться', *бэ эмза рәсидән* 'быть подписанным', *бэ тәсәррәф дәр-амәдән* 'быть захваченным', *бэ эсарәт дәр-амәдән* 'попадать в плен', 'попадать в рабство', *бэ эстәһзар рәсанидән* 'доводить до сведения', 'сообщать' и др. при наличии соответствующих дополнений образуют РК. Примеры:

Аз ан нәс тәмам-э мәмалек-и-ке табә'-э Бабол будәнд бэ

⁴³ Ч. Х. Бакаев отмечает большую слитность курдских сложноименных глаголов, семантика которых непосредственно не вытекает из значений составных компонентов. В этих СГ помещение между компонентами каких-либо слов или словосочетаний почти полностью исключается и разобшенное положение компонентов наблюдается как исключение [17, с. 272].

этайт-э Парс дәр-амәдәнд (ХМ, с. 2) 'В дальнейшем все страны, которые зависели от Вавилона, стали подчиняться Фарсу'.

Рәйс-э мәдҗлес-э шура-йе мәлли бә эстәһзар-э нәмайәндәган рәсанид-ке... (К, 7957) 'Председатель меджлиса сообщил депутатам, что...'

Вместе с тем многие СГ, ИЧ которых выражена именами существительными с предлогами, не способны образовывать факультативную РК, например: *бә әндҗам рәсанидән* и *бә эт-мам рәсанидән* 'завершать', 'заканчивать', *бә пайан рәсидән* 'заканчиваться', *бә тул әндҗамидән* 'продолжаться', *бә мийан амәдән* 'появляться', 'возникать', *әз бәйн бордән* 'уничтожать', *әз на дәр-авәрдән* 'изматывать', 'изнурять', 'губить', 'уничтожать'.

3. Как уже отмечалось, в персидском языке имеется немало количество слов, которые самостоятельно (вне словосочетания) не употребляются и лишены отдельного лексического значения. Многие из них выступают в роли ИЧ СГ: *тәләгги кәрдән* 'воспринимать', 'встречать', *ғати кәрдән* 'смешивать', 'перемешивать', *хит кәрдән* 'ставить в неловкое положение', 'заставлять краснеть', *йадавар шодән* 'напоминать', 'отмечать', *фәругозар нәбудән* 'не щадить', 'не жалеть', *рәһсәнар шодән* 'направляться', 'отправляться' и т. д. В большинстве случаев такие СГ не образуют факультативную РК, но в отдельных случаях рамка не только возможна (напр., *йадавар-э ан шод-ке...* 'он напомнил о том, что...'), но и более типична и употребительна, чем нерамка (напр., *рәһсәнар-э Тәһран шод* 'он отправился в Тегеран').

Необходимо особо остановиться на СГ, в качестве ИЧ которых выступают арабские причастные формы, не имеющие в персидском языке самостоятельного употребления⁴⁴: *мотәсәррәф шодән* 'захватить', 'овладеть', *монтәшер кәрдән* 'издавать', 'публиковать', *молтәфәт шодән* 'обращать внимание', 'понимать', *мотәзәккер шодән* 'напоминать', 'упоминать', *мондҗәйр шодән* 'заканчиваться', 'завершаться', *мотәвәдҗдҗеһ шодән* 'быть направленным', 'быть адресованным', 'понять', 'уяснить себе', 'замечать', 'обращать внимание' и т. п. Казалось бы, лексико-синтаксическая несамостоятельность такого рода причастных форм должна обеспечивать структурную слитность и неразделимость компонентов СГ, однако в действительности многие из таких СГ способны образовывать факультативную РК, например:

Ан руз әз шеддәт-э тә'дҗил молтәфәт-э ан нәшодә буд (ХСК, с. 29) 'В тот день из-за спешки он не обратил внимания на это'.

...Һич йек әз нәвисәндәган мотәзәккер вә мотәвәдҗдҗеһ-э ан нәшодә әнд мәгәйр йек нәфәйр мостәшрә-э энҗелиси моу-

⁴⁴ Характеристика такого рода причастных форм дана на с. 133—136 наст. изд.

сум бэ сэр Вильям Джиоунз (ХД, с. 18) '...Никто из авторов не упомянул и не обратил внимания на это, за исключением английского востоковеда сэра Уильяма Джоунза'.

Ин һэдэсэ мондѣжэр бэ тирэги-йе рывабэт-э до кешвэр шод (К, 7936) 'Этот случай привел к ухудшению отношений между двумя странами'.

Вместе с тем следует отметить, что ряд СГ, в состав которых входят такие «несамостоятельные» арабские причастия, не образует факультативной РК: *мотайсэррэф шодан* 'захватить', 'овладеть', *монтэйэл кэрдан* 'переносить', 'перевозить', 'переводить', 'перемещать', *монтэйшер кэрдан* 'издавать', 'публиковать', *садэр кэрдан* 'выпускать', 'издавать', 'экспортировать' и т. д.

Таким образом, рассмотрение многих СГ и особенно СГ с ИЧ, не имеющей самостоятельного (вне устойчивого словосочетания) употребления, с точки зрения возможности образования ими факультативной РК приводит к выводу о том, что при изучении СГ необходимо запоминать, обладает ли способностью тот или иной СГ образовывать факультативную РК, подобно тому, как запоминают способы управления глаголов.

4. Если СГ обладает несколькими значениями, то факультативная РК может быть образована не со всеми значениями, а лишь с одним или двумя, — в других значениях СГ употребляется только при контактном положении компонентов. Так, СГ *азэм шодан* а) 'отправляться', 'уезжать'; б) 'намереваться', 'собираться (что-л. сделать)' — РК образует в первом значении: *азэм-э джа-йи шодан* 'отправляться, уезжать куда-л.'; СГ *сэрф кэрдан* а) 'расходовать', 'тратить'; б) 'съесть', 'принимать (пищу)'; в) 'склонять', 'спргать' — РК образует в первом значении: *сэрф-э кэс-и (чиз-и) кэрдан* 'расходовать, тратить на кого-л.'; СГ *таслим кэрдан* а) 'вручать', 'передавать'; б) 'подчинять', 'покорять' — РК образует в первом значении: *таслим-э кэс-и кэрдан* 'вручать, передавать кому-л.'; СГ *даст зэдан* а) 'трогать', 'прикасаться'; б) 'аплодировать', 'хлопать в ладоши'; в) 'приступать', 'начинать' — РК образует в первом и третьем значениях: *даст бэ кэс-и (чиз-и) зэдан* 'трогать кого, что-л.', 'прикасаться к кому, чему-л.' и *даст бэ кар-и зэдан* 'приступать к какому-л. делу', 'начинать какое-л. дело'.

5. Общее значение СГ и особенно значение его ИЧ оказывают влияние на то, какой вид дополнения (прямое или косвенное) выступает в роли ВК факультативной РК. На это необходимо обращать внимание в тех случаях, когда СГ одновременно может иметь два разных дополнения: прямое и косвенное. Так, в одних случаях в роли ВК выступает косвенное дополнение (напр., *чиз-и-ра сэрф-э кэс-и (чиз-и) кэрдан* 'что-л. расходовать на кого, что-л.', *кэс-и-ра (чиз-и-ра) мотайвэджджеһ-э кэс-и (чиз-и) сахтан* 'кого, что-л. направлять на кого, что-л. '); в других случаях в роли ВК — прямое дополнение (напр., *аз кэс-и энтэзар-э*

чиз-и-ра кешидән 'от кого-л. ожидать что-л.', *бэ кәс-и мотә-зәккер-э чиз-и шодән* 'кому-л. напоминать что-л.').

6. Изучение случаев образования РК различными СГ показало, что некоторые СГ при необходимости выразить определенные виды объектов имеют постоянную (обязательную) РК, т. е. РК является единственно допустимым построением в определенных семантико-синтаксических условиях, — без объекта СГ сохраняет контактное построение своих компонентов. Таким образом, значительное количество СГ при наличии дополнений вообще или дополнений определенного вида всегда образует РК: *энтэгам герэфтән* 'мстить' — *энтэгам-э кәс-и-ра (чиз-и-ра) герэфтән* 'мстить за кого, что-л.'; *бэ эстэхзар рәсидән* 'быть доведенным до сведения' — *бэ эстэхзар-э кәс-и рәсидән* 'быть доведенным до сведения кого-л.'; *бэ фәкр офтадән* 'приходить к мысли', 'подумать' — *бэ фәкр-э кар-и офтадән* 'подумывать, намереваться что-л. сделать'; *бэ әрз рәсанидән* 'докладывать', 'доводить до сведения' — *бэ әрз-э кәс-и рәсанидән* 'докладывать кому-л.', 'доводить до сведения кого-л.'; *бэ тән кәрдән* 'надевать (одежду)' — *бэ тән-э кәс-и кәрдән* 'надевать на кого-л.' и т. д.

Наличие постоянной РК и двучленного словосочетания может свидетельствовать о превращении такого словосочетания в многочленный глагольный фразеологизм, однако в данном случае этого не происходит по следующим причинам: а) СГ полностью сохраняет свое значение; б) при отсутствии соответствующего дополнения компоненты СГ находятся в контактном положении.

7. Обращает на себя внимание особо устойчивый характер РК, образуемый некоторыми СГ, в роли ИЧ которых выступают арабские масдары *эһар* 'выражение', 'проявление', *тәғйир* 'изменение', *эбраз* 'проявление', 'выражение', *дәжәлб* 'привлечение', *э'мал* 'употребление', 'применение': *эһар-э әғидә кәрдән* 'выражать мнение', *тәғйир-э шекл дадән* 'изменять вид', 'изменяться', *эбраз-э тәнәффор кәрдән* 'выражать отвращение', *дәжәлб-э нәзәр кәрдән* 'привлекать внимание', *э'мал-е нофуз кәрдән* 'использовать влияние'. Каждый из такого рода СГ, образуя РК, сочетается с определенной группой слов или с одним-двумя словами.

Среди этих СГ наибольшей валентностью обладают СГ *эһар кәрдән* и *эбраз кәрдән* 'выражать', 'проявлять', в качестве ВК которых используются абстрактные существительные со значением мыслительной деятельности и чувств: *эһар-э омидвари кәрдән* 'выражать надежду', *эһар-э рэзайт кәрдән* 'выражать удовлетворение', *эһар-э этминан кәрдән* 'выражать уверенность', *эбраз-э һәмдәрдә кәрдән* 'выражать сочувствие', *эбраз-э әһсасат кәрдән* 'выражать свои чувства' и т. д. Образуется целая группа устойчивых моделированных образований, в которых моделирующими элементами одновременно выступают ИЧ и КГ.

Отмеченные выше СГ могут иметь в качестве КГ и глагол *даштӓн*: *эһар даштӓн* и *эбраз даштӓн* 'выражать', 'проявлять', т. е. каждый из СГ имеет по два взаимозаменяемых глагольных компонента — *даштӓн* 'иметь' и *кӓрдӓн* 'делать', — выступающих как полные эквиваленты. Однако РК этих СГ образуется только с КГ *кӓрдӓн*. В роли ВК такого рода СГ выступают имена существительные в обобщенном виде как представители класса однородных предметов и явлений, без зависимых слов и, как правило, без грамматических показателей.

При образовании факультативной РК меняется синтаксическая позиция зависимого члена, который становится ВК; при этом может изменяться и способ подчинительной связи. Факультативная РК всегда допускает и обратный процесс превращения РК в НРК.

В случае преобразования РК рассматриваемых СГ в НРК происходит не только изменение синтаксической позиции зависимого члена (постановка его перед ИЧ) и способа подчинительной связи (изафетная связь заменяется на послеложную или примыкающую), но и зависимый член обязательно получает определение, конкретизирующее его значение. Чаще всего в роли определения используются слитные и личные местоимения, определительное местоимение *ход* 'свой', а также имена прилагательные и существительные, например: *ӓгидз-ӓе ход-ра эһар миконӓм* 'я выражаю свое мнение', *рзайӓт-с-ход-ӓш-ра эбраз дашт* 'он выразил свое согласие', *нӓзӓр-э анһа-ра бӓжӓлб кӓрд* 'он привлек их внимание', *ӓлагз-ӓе зийад-и эбраз мидарӓд* 'он проявляет большой интерес'. Без добавления соответствующих определений к зависимому члену — прямому дополнению конструкция оказалась бы грамматически невозможной и, следовательно, нельзя было бы произвести трансформацию РК в НРК. В этих условиях РК становится единственно допустимым построением СГ.

Таковы отличительные особенности РК некоторых СГ, позволяющие говорить об устойчивом характере данной РК по сравнению с обычной факультативной РК.

8. На употребление СГ в форме РК или НРК оказывает влияние сам СГ, его общее значение и значение компонентов. При этом у многозначных СГ выбор преимущественно РК или НРК может зависеть от того, в каком конкретном значении используется данный СГ в контексте.

Если подходить к анализу структуры СГ с точки зрения того, какое построение компонентов — дистантное или контактное — является наиболее типичным для того или иного СГ, то можно выделить три следующие группы СГ:

(1) СГ, для которых основной формой существования служит РК: *бӓжуйа-ӓе кӓс-и (чиз-и) шодӓн* 'отправляться на розыски кого, чего-л.', 'разыскивать кого, что-л.', 'расспрашивать о ком, чем-л.', *шамӓл-е чиз-и будӓн* 'включать что-л.', 'состоять из чего-л.', 'касаться чего-л.', 'распространяться на что-л.', *дара-ӓе*

кӑс-и (чиз-и) будӑн 'иметь кого, что-л.', *монтӑзэр-э кӑс-и (чиз-и) будӑн* 'ждать кого, что-л.', *дочар-э чиз-и шодӑн* 'столкнуться с чем-л.', 'подвергнуться чему-л.', *фагӑд-э кӑс-и (чиз-и) будӑн* 'быть лишенным кого, чего-л.', *һазз-э чиз-и шодӑн* 'достигать чего-л.', 'приобретать что-л.', *мортӑкеб-э чиз-и шодӑн* 'совершать что-л.' (ошибку, преступление и т. п.), *мозаһэм-э кӑс-и шодӑн* 'мешать кому-л.', 'причинять беспокойство кому-л.' и т. д. В приведенных выше примерах РК является наиболее типичной формой построения этих глагольных фразеологизмов, но в определенных стилистических условиях (напр., в книжном стиле речи) возможна и НРК. Последнее дает основание рассматривать такого рода устойчивые сочетания не как многочленные глагольные фразеологизмы, а как СГ. Примеры:

Ин кетаб ... ӑз кӑлемат-э зӑбанһа-һе дигӑр-һӑм ан-че дӑр фарси бэ кар рӑфтэ ӑст шамӑл ӑст (НФ, б) 'Эта книга ... включает также слова из других языков, которые употребляются в персидском языке'.

Шекӑст-э һунһа дӑр һзфз-э тӑмӑддон-э Иран вӑ дӑжӑһан нӑһайӑт-э ӑһӑммийӑт-ра дара-ст (ХМ, с. 22) 'Поражение гуннов имеет огромное значение для сохранения культуры и цивилизации Ирана и всего мира'.

Дарӑуш ... ба ченан эшкалат-и рубӑру шод-ке кӑмтӑр падӑшаһ-и бз-дан дочар будӑ (ХМ, с. 3) 'Дарий ... столкнулся с такими трудностями, с какими мало кто сталкивался из падишахов'.

Ӓз ан мозакерат нӑбайӑд нӑтайедӑж-е бозорг-и монтӑзэр буд (К, 7938) 'От этих переговоров не следует ожидать больших результатов'.

Особо следует выделить многозначные СГ, которые не во всех значениях, а только в одном-двух преимущественно употребляются в форме РК, т. е. в этих значениях РК является основной формой существования СГ. Так, СГ *варӑд шодӑн* а) 'входить', 'приходить'; б) 'ввозиться', 'импортироваться'; в) 'наноситься', 'быть причиненным'; г) 'приступать', 'начинать' только в последнем значении употребляется преимущественно в форме РК, например: *Нӑмайӑндӑган-э һӑр до тӑрӑф варӑд-э мозакерӑ шодӑнд* 'Представители обеих сторон приступили к переговорам'; *Мӑдӑжлес варӑд-э дӑстур шод* 'Меджлис приступил к рассмотрению повестки дня'. Но преимущественное употребление СГ в последнем значении в форме РК вовсе не означает, что контактное положение компонентов невозможно, — НРК встречается, однако, значительно реже, например:

Мӑн гӑсд нӑдаштӑм-ке дигӑр дӑр ин моӑзу' варӑд шӑвӑм (ЙА, с. 71) 'Я не намеревался больше приступать к этой теме'.

Что касается формы построения СГ *варӑд шодӑн* в других значениях, то выбор РК или НРК зависит от стилистических условий контекста и цели высказывания.

СГ *мотӑвӑдӑждӑжеш шодӑн*, также имеющий несколько зна-

чений, только в значении 'быть направленным, обращенным, адресованным' преимущественно употребляется в форме РК, например:

Дяр мийан-э раш һәмз-йе һуш-о һәвәсс-әш мотәвәджджеһ-э Мәрджан буд (ХСК, с. 37) 'В пути все его мысли и чувства были обращены к Марджан'.

Вопросы взаимосвязи семантики СГ и образования факультативной РК, и в частности влияние общего значения на преимущественное употребление СГ в форме РК, нуждаются в специальном исследовании на более обширном языковом материале.

(2) СГ, которые преимущественно употребляются при контактном положении компонентов: *тоузиһ дадән* 'разъяснять', 'объяснять', *тәһсил кәрдән* 'получать', 'приобретать', 'учиться', *джайнг кәрдән* 'воевать', 'сражаться', *тәрбийәт кәрдән* 'воспитывать', *дәрк кәрдән* 'понимать', 'воспринимать', *тәшкил дадән* 'организовывать', 'образовывать', *сәр задән* 'заходить ненадолго', 'заглядывать', *мотәзәккер шодән* 'напоминать', 'упомянуть' и т. д. Однако в определенных синтаксических и стилистических условиях эти СГ также могут иметь рамочное построение. Примеры:

...Мәдрәсә-йе Шәрәф-ра-ке мәджджанән тәрбийәт-э айтам микәрд бә һәммәт-э ход бонйад нәһад (НФ, б) '...Школа «Шараф», в которой бесплатно воспитывались сироты, была основана благодаря его стараниям'.

Джа-йе чәрх-э дорошке мийан-э ан тәшкил-е шийарһа-йе пәст-э боләнд дадә буд (ХСК, с. 26) 'Колеса экипажа посреди нее (улицы) оставляли следы в виде неровных борозд'.

Джайнг ба нәһәнг кәрдән вә дяр дәрйә мандән 'Сражаться с китом и оставаться в море' (т. е. подвергать себя большой опасности).

Нохоствәзир дяр сохәнрани-йе ход мотәзәккер-э ан ноктә шод-ке ...(К, 7936) 'Премьер-министр в своем выступлении напомнил о том, что...'

Рассмотренные выше две группы СГ позволяют сделать вывод о том, что РК и НРК несут на себе определенную структурно-семантическую нагрузку, в связи с чем их нельзя рассматривать как свободные построения СГ. При большей употребительности дистантного или контактного построения СГ одно из них (более употребительное) следует считать основным, а другое — второстепенным вариантом структуры СГ. Второстепенный вариант используется в речи как стилистическое средство, позволяющее более дифференцированно выражать различные оттенки высказывания, подчеркивать или ослаблять значение СГ и относящегося к нему второстепенного члена, придавать всему высказыванию книжный характер.

(3) СГ, у которых РК и НРК употребляются приблизительно

одинаково⁴⁵: *тәғдим кәрдән* 'преподносить', 'дарить', *тәслим кәрдән* 'вручать', 'передавать', *дәст зәдән* 'приступать', 'начинать', *тәвәджджәшәһ кәрдән* 'обращать внимание', *ағаз кәрдән* 'начинать', 'приступать', *дахэл шодән* 'входить', 'поступать', *сәвар шодән* 'садиться верхом', 'садиться (на поезд и т. п.)', *мәсруф кәрдән* 'расходовать', 'тратить', *мәшғул шодән* 'начинать', 'приступать', 'заниматься', *варэд шодән* 'входить', 'прибывать' и т. д.

СГ третьей группы свободно избирают рамочное или нерамочное построение. Выбор той или иной конструкции используется как средство логико-стилистического выделения членов предложения. В том случае, когда дополнение или обстоятельство предшествует СГ (контактное построение), главное внимание обращается на эти слова, они выделяются логически; при рамочном построении основное внимание обращается на значение СГ. Ср., например, употребление РК и НРК одних и тех же СГ в следующих предложениях:

Ход-әш бә онван-ә ин-ке байд мәшғул-е моаледжә бәш-вәд этәфа дад (ДЖТ, с. 153) 'Сам он под предлогом того, что должен заняться лечением, подал в отставку'.

Һәммин-ке...бә тәмаша-йе дәрйә вә кәшакеш-е әмвәджә-е башокуһ-әш мәшғул шодим гәссз-йе хаб-әм-ра бәтәфсил бә рай-әт һәкайәт хәһәм кәрд (ДЖК, с. 132) 'Как только ... мы начнем смотреть на море и наблюдать за бурлением его величавых волн, я расскажу тебе со всеми подробностями сказку, которую я видела во сне'.

Һәммәт-и-ке мәсруф-ә зәбан-ә әрәби микәрдәнд әз ру-йе әһтияджә буд (НФ, а) 'Усилия, которые они тратили на изучение арабского языка, были вызваны особой необходимостью'.

Ираниян ...ан-че һәммәт-о гәввә даштә әнд ба дәрйәфт-ә нокат-о дәғазг-ә зәбан-ә тази мәсруф сахтә әнд (НФ, а) 'Иранцы ... всю свою энергию и силы расходовали на изучение тонкостей арабского языка'.

...Мән бә гәсд-ә адәмкоши варэд-ә ханз-йе ин шәхс нәшодә будәм (ДЖК, с. 20) '...Я вошел в дом этого человека не с целью убийства'.

Сәр-ә раһ дәр мәғазз-йе әсбаббази варэд шод (ХСК, с. 29) 'По пути он зашел в магазин игрушек'.

Выделенные выше три группы СГ отражают наиболее общие закономерности в образовании факультативной РК. Однако следует иметь в виду, что вследствие сложности взаимодействия факторов, влияющих на выбор контактного или дистантного построения — об этом говорилось выше, — не всегда удается четко

⁴⁵ Как показывают наблюдения, многозначные СГ не во всех значениях способны одинаково употребляться в форме РК и НРК. Здесь рассматриваются однозначные СГ, для которых рамочное и нерамочное построения одинаковы, либо берутся те значения многозначных СГ, при которых РК и НРК употребляются приблизительно одинаково.

установить принадлежность СГ к той или иной группе, имеются переходные случаи. Кроме того, в процессе развития языка модифицируются семантика и структурные свойства СГ, что не может не отразиться на характере их функционирования, следовательно, возможны случаи перехода СГ из одной группы в другую.

Глава III

МНОГОЧЛЕННЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ

К многочленным глагольным фразеологизмам (далее — МГФ) относятся устойчивые словосочетания, состоящие из трех и более лексем. К ним относятся также двучленные глагольные ФЕ, имеющие постоянную РК, что специально рассматривается ниже.

В грамматиках и учебниках персидского языка обычно упоминается лишь одна разновидность глагольных ФЕ — СГ. Однако, поскольку структурно-грамматические свойства и природа СГ изучены недостаточно, нередко к их числу относят глагольные словосочетания, состоящие из трех и более компонентов.

Общая неизученность МГФ, отсутствие характеристики их структурных и семантических особенностей по сравнению с СГ сказываются на лексикографической разработке этих ФЕ: нет единообразия в подаче МГФ в различных словарях персидского языка, имеются противоречия и неточности в толковании значений одинаковых ФЕ авторами разных словарей, существует разноречивость в фиксировании основных и вариантных форм МГФ.

По сравнению с СГ МГФ обладают рядом существенных структурных и семантических отличий, а их фразеологические свойства проявляются более отчетливо и рельефно. Они представляют собой высшую форму организации фразеологизмов-словосочетаний, поскольку сами могут включать в свой состав ФЕ—СГ и различные виды именных фразеологизмов. При этом следует учесть, что СГ могут входить в состав МГФ не только в своем, но и в переосмысленном значении, могут сохранять либо контактное, либо дистантное построение своих компонентов.

МГФ потенциально обладают всеми морфологическими категориями, свойственными глаголу. Однако фактически далеко не во всех МГФ эти категории получают конкретное выражение: особенности их семантической структуры и грамматической организации накладывают определенные ограничения на возможности употребления этих глагольных ФЕ в формах склонения и залога, времени, лица и числа. Поэтому изучение этого вида глагольных ФЕ требует иного подхода и применения других методов по сравнению с теми, которые использовались при изучении СГ.

Большинство МГФ в виртуальной форме имеет приблизительное одинаковое строение — два-три имени, связанные между собой разными грамматическими способами, плюс инфинитив глагола, например: *търтиб-э асър дадән* 'реагировать', 'принимать к исполнению', *дәст бэ сийаһ-о сэфид нәгозаштән* 'пальцем о палец не ударить'. Но возможно и другое строение МГФ, когда в одной ФЕ при помощи соединительного союза *вә* 'и' объединяются два инфинитива с относящимися к ним словами, например: *дәл дадән-о гөлвә герэфтән* 'уйти с головой в беседу', 'быть целиком поглощенным беседой', *рәнг гозаштән-о рәнг бәр-даштән* 'краснеть и бледнеть', 'меняться в лице', *нәмәк хордән-о нәмәкдан шекәштән* 'платить неблагодарностью за хлеб-соль'.

Исходя из типового строения МГФ, а также для удобства анализа их семантической структуры целесообразно выделить именную и глагольную части.

Именная часть МГФ

ИЧ может быть представлена одним словом (напр., *на нәс кешидән* 'пятиться', 'отступать' из *на* 'нога' и СГ *нәс кешидән* 'отодвигать'; *сәр*йеки кәрдән* 'сговариваться', 'объединяться' из *сәр* 'голова' и СГ *йеки кәрдән* 'объединять', 'соединять') или различными сочетаниями двух и более слов. Входящие в состав ИЧ слова могут быть соединены между собой различными способами синтаксической связи: при помощи изафета — *дәст-э гедайи дэраз кәрдән* 'нищенствовать', 'побираться', предлогом — *дәст бэ герибан шодән* 'сцепиться', 'подражаться', сочинительным союзом *вә/о* 'и' — *пуст-э остохан шодән* 'сильно худеть', способом примыкания — *пәһн гуш гошадән* 'наострить уши'.

К ИЧ могут относиться и собственно отыменные предлоги: *бэ зәмин-э асман бәд гофтән* 'клясть все на свете', 'проклинать весь мир', *ту-йе хәтт-э чиз-и будән* 'проявлять интерес к чему-л.', 'внимательно следить за чем-л.'.

В роли ИЧ МГФ могут выступать не только различные свободные сочетания слов, приобретающие устойчивость лишь в составе данной ФЕ, но и именные ФЕ (чаще всего изафетные), имеющие собственное фразеологическое значение и самостоятельное употребление, например: *дәрд-э дәл кәрдән* 'изливать душу', 'откровенничать' (из изафетной ФЕ *дәрд-э дәл* 'горе', 'печаль' и глагола *кәрдән* 'делать'), *дәр-э баг-э сәбз нәшан дадән* 'заманивать', 'сулить золотые горы' (из изафетной ФЕ *дәр-э баг-э сәбз* 'приманка', 'соблазн' и СГ *нәшан дадән* 'показывать'), *джа-йе на гозаштән* 'оставлять следы', 'оставлять для себя лазейку' (из изафетной ФЕ *джа-йе на* 'след (ноги)' и глагола *гозаштән* 'класть', 'оставлять').

Слова, входящие в состав ИЧ МГФ, сохраняют присущие им в свободных словосочетаниях морфологические и синтаксические показатели (последлог *-ра*, артикль, формы множественного числа, степени сравнения). Этим МГФ отличаются от СГ, в которых именной компонент, утрачивая свои парадигматические свойства, обычно не имеет никаких грамматических показателей: *мастһа-ра кисэ кӑрдӑн* 'поджечь хвост', 'стушеваться', *сӑр мийан-э сӑрһа дӑр-авӑрдӑн* 'выходить в люди', 'делать головокружительную карьеру', *на ӑз геллим-э ход дэразтӑр кӑрдӑн* 'превышать свои полномочия', 'не считаться со своими возможностями' и т. д.

ИЧ СГ, как было показано выше, только в актуализованной форме может получать грамматические показатели (обычно артикль, последлог *-ра*), в виртуальной же форме она употребляется без всяких показателей, тогда как ИЧ МГФ имеет грамматические показатели и в виртуальной форме, которые выступают как элементы структуры ФЕ. Случаи употребления грамматических показателей после ИЧ СГ в виртуальной форме чрезвычайно редки, например: *зафийе-ра бахтӑн* 'растеряться', 'попасть впросак', 'сплоховать', 'упустить возможность' (букв. 'потерять рифму'), *карз-и будӑн* 'иметь вес, влияние', 'занимать ответственный пост' (букв. 'быть деловым, деятельным').

Глагольная часть МГФ

Глагольная часть (далее — ГЧ) МГФ выражается всеми структурными разновидностями глаголов: простыми (*бад дӑр сӑр даштӑн* 'быть спесивым, высокомерным'), префиксальными (*моһр ӑз лӑб бӑр-даштӑн* 'начать говорить', 'заговорить'), сложными (*кар-э кӑс-и-ра чагӑ кӑрдӑн* 'налаживать чьи-л. дела'). ГЧ выполняет роль выразителя действия и наряду с ИЧ активно участвует в формировании общего значения МГФ. Она сообщает МГФ грамматические свойства глагола. В некоторых МГФ глагол употребляется только в отрицательной форме, например: *на ӑз сӑр нӑшенахтӑн* 'быть вне себя от радости', 'лететь как на крыльях', *лӑб ӑз лӑб нӑгошудӑн* 'хранить молчание', 'держаться за зубами', *аһ дӑр бӑсат нӑдаштӑн* 'быть очень бедным', 'ничего не иметь за душой'.

Большинство МГФ выражает не только какое-либо действие или состояние, но и одновременно содержит определенную оценку их со стороны говорящего (или пишущего). Число МГФ, выражающих чисто глагольное действие, подобно тому, как оно выражается простыми глаголами и многими СГ, сравнительно невелико. Характер значения МГФ, его коннотативная направленность, присущая большинству глагольных ФЕ этой разновидности, ограничивают проявление глагольных свойств этими фразеологизмами и оказывают существенное влияние на их стилистическое функционирование в речи.

МГФ могут иметь переходное и непереходное значения. Од-

нако, как показывают наблюдения, количество МГФ с переходным значением сравнительно невелико. В тех случаях, когда МГФ выражают переходное действие, возможно установление соотношения «переходное действие — непереходное действие» путем употребления разных глаголов в составе МГФ, ср., например: *дър бутэ-йе фярмуши андахтйн* 'предавать забвению' и *дър бутэ-йе фярмуши офтадйн* 'быть преданным забвению', *моурэд-э чиз-и гярар дадйн* 'подвергать чему-л.', 'делать объектом чего-л.' и *моурэд-э чиз-и гярар герэфтйн* 'подвергаться чему-л.', 'становиться объектом чего-л.'.

МГФ, подобно простым и сложным глаголам, могут выступать в роли субстантивных членов предложения, например⁴⁶:

Дэл-е дустан азордйн морад-э дошманан бяр-авьрдйн айт 'Огорчать друзей — играть на руку врагам' (пословица).

Мягз-э энсан-и-ке дър гярн-э бистом зэндэги миконд на-чар бэ дэстопандже нярм кярдйн ба ймбух-и аз эттэлаат-э джэйдид айт... (ХА, 21, 38) 'Мозг человека, живущего в двадцатом веке, вынужден состязаться с большим потоком новой информации...'

Но главная функция МГФ — это употребление в роли сказуемого.

Шяһр-э Атэн-ра герэфт вь мяабэд-э ан-ра то'мэ-йе атэш сахт (ХМ, с. 4) 'Он захватил город Афины, а расположенные там храмы предал огню'.

...Ба дом-айш герду мишекэст (ХСК, с. 65) '...Он был вне себя от радости'.

Порядок расположения ИЧ и ГЧ и образующих их компонентов строго фиксирован, однако возможны случаи инверсии всей ИЧ или одного из ее компонентов, например:

Чянд ляһзэ макс кярдям, бэ эттэзар-э ин-ке у бэдэвэд ту-йе һярф-э мян (АЧ, с. 74) 'Я остановился на мгновение, ожидая, что она перебьет меня'.

Вяйт-и-һям ке-бяр-мигярди дәст аз па дэразтяр йек джураб-һям бяр-рай-йям нйивярди (ХСК, с. 21) 'Когда ты возвращался ни с чем, то и для меня ты не мог привезти даже пары чулок'.

В отдельных случаях инверсия одного из компонентов МГФ может являться органическим свойством их структуры, например: *һям аз ахор хордйн-о һям аз тубрэ* 'жадничать', 'хватать что попало' (букв. 'и из кормушки есть, и из мешка').

⁴⁶ От окказионального употребления МГФ в роли одного из субстантивных членов предложения следует отличать постоянное и единственно возможное использование в роли обстоятельств образа действия ФЕ, включающих в свой состав инфинитивную форму глагола. Эти устойчивые словосочетания только внешне, своим строением совпадают с МГФ, например: *йек аб хордйн* 'в один миг', 'в два счета', *дър йек чешм бэһям зэдйн* 'в мгновение ока', 'в один миг'. В таких оборотах лексико-грамматическое значение глагольного компонента не совпадает с общим грамматическим значением ФЕ.

Многие СГ в форме РК, изменяя свое значение, а иногда сохраняя его, могут входить в состав МГФ, становясь стержнем, структурной основой этих ФЕ. Вместе с тем встречаются МГФ, которые только внешне напоминают РК СГ. В связи с этим возникает необходимость отметить случаи, когда рамочное построение ФЕ может вызвать затруднения в отграничении одной разновидности глагольных ФЕ от другой.

1. К числу МГФ следует отнести ФЕ, имеющие структуру «имя (или имя с предлогом)+ВК+простой (или префиксальный) глагол» и не находящие соответствий в лексемном составе СГ: *дәмаз-э кәс-и-ра сузандән* 'разочаровать кого-л.', 'осадить кого-л.', 'унизить кого-л.', *дәр пуст-э кәс-и офтадән* 'за глаза ругать кого-л.', 'злословить на чей-л. счет', *дәндан-э кәс-и-ра шомордән* 'знать о ком-л. всю подноготную', 'видеть кого-л. насквозь', *бә джан-э кәс-и офтадән* 'приставать к кому-л.', 'нападать, бросаться на кого-л.' и т. д. Особенностью этих глагольных фразеологизмов является то, что ВК, хотя и является переменным членом, тем не менее не может быть пропущен, ибо без него фразеологизм перестанет существовать.

Внешне эти ФЕ сходны с рамочным построением СГ, но отличаются от последних тем, что их ИЧ и ГЧ никогда не могут находиться в контактном положении.

2. Фразеологизмы, в которых РК СГ охватывает кроме переменного также и постоянные члены, могут быть без всяких колебаний отнесены к МГФ, например: *дәст бә дамән-э кәс-и зәддән* 'молить кого-л. о помощи', 'искать у кого-л. защиты', *раһ бә сәр-э кәс-и кәрдән* 'надуть, провести кого-л.', *ангошт дәр шир-э кәс-и зәддән* 'мешать кому-л.', 'вмешиваться в чьи-л. дела'. Такие ФЕ отличаются от РК СГ количеством постоянных членов, образующих фразеологизм.

Иначе обстоит дело, когда на основе РК СГ образуется трехчленный глагольный фразеологизм. Здесь можно выделить два случая.

(1) СГ теряет свое реальное значение и подвергается переосмыслению, а ВК становится постоянным членом фразеологизма, в результате образуется МГФ, например: *на бә фәрар гозаштән* 'обращаться в бегство', 'идти на попятный', 'пасовать' (из сущ. *фәрар* 'бегство' и СГ *на гозаштән* 'входить', 'вступать'⁴⁷), *тәрк-е һайат гофтән* 'скончаться', 'умереть' (из сущ. *һайат* 'жизнь' и СГ *тәрк гофтән* 'оставлять', 'покидать'), *дахэл-е адәм шодән* 'причислять себя к людям', 'считать себя человеком' (из сущ. *адәм* 'человек' и СГ *дахэл шодән* 'входить'). образо-

⁴⁷ Интересно отметить, что РК СГ *на гозаштән* послужила основой для образования нескольких МГФ: *на бә джәһан гозаштән* и *на бә әрсэ-йе воджуд гозаштән* 'появляться на свет', 'рождаться', *на бә сәнн гозаштән* 'достигать пожилого возраста', *на дәр мийан гозаштән* 'выступать посредником', 'посредничать'.

вавшиеся трехчленные глагольные фразеологизмы четко отличаются от РК соответствующих СГ⁴⁸.

(2) Отдельные СГ, сохраняя свое значение, в сочетании с определенными словами употребляются только в форме РК. Эти слова-ВК становятся постоянными членами фразеологизмов, и таким путем рамочные построения СГ превращаются в новые глагольные фразеологизмы трехчленного состава: *йда-йе энтэрам кярдән* 'оказывать почести', 'выражать уважение', *энар-э һай-ат кярдән* 'заявлять о своем существовании', *тәрк-е йдәб кярдән* 'становиться невежливым, неучтивым', *фәсх-э әзимәт кярдән* 'отказываться от своего намерения' и т. д. При этом следует отметить характерную особенность, наблюдаемую при образовании подобного рода МГФ: СГ, образуя постоянную РК в составе МГФ, при наличии нескольких КГ-эквивалентов избирают обычно глагол *кярдән* 'делать'. Так, СГ *энар даштән (кярдән)* 'заявлять', 'выражать', *тәрк кярдән (гофтән)* 'оставлять', 'бросать', 'прекращать', 'отказываться' при образовании РК используют только глагол *кярдән*.

3. К МГФ относятся глагольные ФЕ, имеющие структуру «имя + ВК + простой (или префиксальный) глагол» и своим лексемным составом совпадающие с СГ. ВК выступает как постоянный и структурно необходимый член этих ФЕ, хотя может иметь разное лексическое наполнение.

(1) Значение РК глагольной ФЕ, хотя и отличается от значения СГ, но связано с ним прямо или опосредствованно (через значения составных компонентов). Такие ФЕ могли образоваться либо на основе СГ, либо самостоятельным путем в результате использования тех же лексем с теми же значениями: ср. СГ *ғәм хордән* 'печалиться', 'грустить' и РК *ғәм-э кәс-и-ра хордән* 'сочувствовать кому-л.', 'жалеть кого-л.', СГ *әз нәзәр гозәрандән* 'просматривать', 'пробежать глазами', 'перебирать в памяти' и РК *әз нәзәр-э кәс-и гозәрандән* 'давать кому-л. для просмотра, ознакомления', 'показывать кому-л.', СГ *па боридән* 'прекращать посещения' и РК *па-йе кәс-и-ра боридән* 'запрещать кому-л. посещать (кого-л. или что-л.)', 'не давать кому-л. доступа' и т. д.

Анализ глагольных фразеологизмов этой группы показывает, что их нельзя рассматривать как РК соответствующих СГ того же лексемного состава: они имеют свое фразеологическое значение, отличающееся от значения СГ, и постоянную РК. Это дает основание относить такого рода ФЕ к МГФ.

(2) РК глагольного фразеологизма и СГ образованы на основе разных значений слова, свойственных ему как лексической единице: ср. СГ *йда дәр-авәрдән* 'кривляться', 'гримасничать', 'кокетничать' (из сущ. *йда* в значении 'кривлянье', 'кокетство') и

⁴⁸ Видимо, некоторые из приведенных МГФ (в особых стилистических условиях) допускают и иное построение, при котором компоненты СГ находятся в контактном положении, однако рамочное построение СГ в составе этих МГФ является наиболее типичным, преобладающим.

РК *ада-йе кяс-и-ра дяр-авярдан* 'передразнивать кого-л.' (из сущ. *ада* в значении 'передразнивание'), СГ *мораат кярдан* 'соблюдать', 'выполнять' (из сущ. *мораат* в значении 'соблюдение', 'выполнение') и РК *мораат-э кяс-и (чиз-и)-ра кярдан* 'оказывать содействие кому, чему-л.', 'уделять внимание кому, чему-л.' (из сущ. *мораат* в значении 'оказание содействия', 'проявление внимания') и т. д.

(3) Значение РК глагольного фразеологизма совершенно не связано со значением СГ и является идиоматичным по отношению к лексическим значениям составных компонентов: ср. СГ *каббадэ кешидан* 'тренироваться с кябадэ (иранский спортивный снаряд)' и РК *каббадэ-йе чиз-и-ра кешидан* 'стремиться к чему-л.', 'претендовать на что-л.', СГ *даст хандан* 'гадать, читать по руке' и РК *даст-э кяс-и-ра хандан* 'разгадывать чьи-л. замыслы, намерения' и т. д.

Рассмотренные выше три группы глагольных фразеологизмов только внешне похожи на РК СГ, имеющих тот же лексемный состав. В действительности же они являются самостоятельными глагольными ФЕ с постоянной РК.

Семантическая структура МГФ

Анализ семантической структуры МГФ следует проводить с учетом специфики в их строении, отмеченной выше.

Если СГ (большинство их структурно-семантических разновидностей) выступают как выразители единого номинативного значения (подобно простым глаголам) и в этом смысле семантически и грамматически приравниваются к глаголу как представителю особой части речи, то МГФ преимущественно выражают осложненное действие. Нередко общее значение таких ФЕ слагается из двух и более семантем, а их номинативное значение осложняется различными экспрессивно-эмоциональными оттенками. Самобытность персидского языка особенно ярко проявляется в семантической организации таких МГФ. В составе МГФ семантическая роль ГЧ значительно повышается.

Глагольные фразеологизмы этой разновидности часто выступают как перифрастические обороты по отношению к соответствующим простым и сложным глаголам. Вместе с тем нельзя не признать справедливым выступление П. Ханляри против ничем не оправданного применения вместо простых и сложных глаголов длинных глагольных ФЕ, не вносящих никаких семантических и стилистических оттенков, а только утяжеляющих и усложняющих речь [124, с. 340]. Таково, например, употребление *бэ моурэд-э эджра гозардан* 'приводить в исполнение', 'исполнять' вместо *эджра кярдан*, *моурэд-э та'зиб гярап дадан* 'подвергать преследованию', 'преследовать' вместо *домбил кярдан*, *хозур бэ нам расанидан* 'присутствовать' вместо *хазэр шодан* [124, с. 340].

Подобно другим структурным типам фразеологизмов, МГФ имеют три основных вида фразеологических значений: немотивированное, частично мотивированное и мотивированное. Эти значения выделяются на основе анализа семантических взаимоотношений между именной и глагольной частями, с учетом сохранения или утраты ими своих значений. В тех случаях, когда ИЧ МГФ состоит из двух и более слов, учитываются также семантические отношения между ними.

В соответствии с отмеченными выше видами фразеологических значений можно выделить три семантические группы МГФ.

1. **Немотивированные МГФ** характеризуются тем, что их общее значение не вытекает из суммы значений именной и глагольной частей, ибо они полностью утрачивают свое значение. Это наиболее многочисленная группа МГФ. По характеру стилистического употребления, на основе экспрессивно-эмоциональной направленности можно выделить две стилистические разновидности фразеологизмов этой группы.

(1) МГФ выражают обычные действия, процессы, состояния и относятся либо к нейтральному, либо к книжному стилю. Многие из таких ФЕ утратили первоначальную образность и выполняют в основном номинативную функцию: *бэдруд-э һайат гофтән* 'скончаться', 'умереть', *джан дәр кәфф даштән* 'быть готовым пожертвовать жизнью', 'не жалеть жизни', *бэ джан-э кәс-и офтадән* 'приставать к кому-л.', 'нападать, бросаться на кого-л.', *дәст бэ дамән-э кәс-и зәдән* 'молить кого-л. о помощи', 'искать у кого-л. защиты' и т. д.

(2) МГФ обладают ярко выраженной эмоционально-экспрессивной направленностью; они вносят в речь элементы шутки, насмешки, упрека, порицания и т. п. Большинство немотивированных ФЕ этой стилистической разновидности принадлежит разговорному стилю речи: *ход-ра бэ аб-о атэш зәдән* 'идти на все', 'рисковать всем', 'разбиваться в лепешку', *мәгз-э хәр хордән* 'быть глупым как осел', *мәгз-э кәс-и-ра бордән* 'надоедать кому-л. своей болтовней', *аб дәр джегәр надаштән* 'бедствовать', 'сильно нуждаться', *шах бэ шах пәридән* 'перепрыгивать с темы на тему (в разговоре)', *шах дәр джиб-э кәс-и гозаштән* 'захваливать кого-л. с целью обмана', 'подстрекать кого-л.' и т. д.

Экспрессивность такого рода оборотов создается особым, необычным сочетанием слов, яркостью и неожиданностью общего значения фразеологизма по сравнению с буквальными значениями компонентов. И хотя говорящий/пишущий не всегда воспринимает подлинные значения составных компонентов фразеологизма, именно благодаря их необычному семантическому объединению достигается яркая образность ФЕ.

2. **Частично мотивированные МГФ** включают ФЕ, у которых либо именная, либо глагольная части изменяют свое значение.

В тех случаях, когда ИЧ состоит из двух и более слов, учитывается значение каждого из них. ФЕ считается частично мотивированной, если даже только одно слово сохраняет лексическое значение. В соответствии с таким подходом выделяются две подгруппы фразеологизмов.

К первой подгруппе относятся МГФ, в которых ИЧ или одно из слов, входящих в ее состав, сохраняют значение, а ГЧ утрачивает значение. Эта подгруппа включает две разновидности:

(1) ИЧ выражена одним или двумя словами, сохраняющими свое значение: *гәсәм йад кәрдән* 'давать клятву, обещание', 'принимать присягу', *сәвар-э кар шодән* 'овладевать делом', 'входить в курс дела', *әз гоул-е ход бәр-гәштән* 'отказываться от своего слова', 'нарушать свое обещание', *хийал-е хам пох-тән* 'фантазировать', 'бесплодно мечтать', *нан-э кәс-и-ра аджор кәрдән* 'лишать кого-л. хлеба насущного' и т. д.

(2) ИЧ выражена двумя или более словами, одно из которых сохраняет свое значение: *һәбб-э хамуши хордән* 'хранить молчание', *бә дәст-э фәрамуши сәпордән* 'предавать забвению', *форсәт-ра гәнимәт шомордән* 'пользоваться удобным случаем', 'использовать подходящий момент', *шәб-ра бә руз авәрдән* и *шәб-ра собһ кәрдән* 'проводить, коротать ночь', *әнгошт-э нә-дамәт бә дәнһан герәфтән* 'сильно раскaiваться', 'кусать локти' и т. д.

Вторую подгруппу составляют МГФ, в которых ИЧ подвергается переосмыслению, а ГЧ сохраняет свое значение: *дәст әз на дәрәзтәр бәр-гәштән* 'возвратиться не солоно хлебавши', 'возвратиться ни с чем', *сәр-э чиз-и даштән* 'иметь желание, склонность к чему-л.', *дәр дәст-э чиз-и будән* 'быть в процессе чего-л.', 'быть на стадии чего-л.', *дҗа-йе моһр бағи гошаштән* 'оставлять возможность вернуться (к чему-л.)', *бә зә-мин-ә асман бәд гофтән* 'клясть все на свете', 'проклинать весь мир' и т. д.

3. Мотивированные МГФ представлены такими ФЕ, в которых ИЧ и ГЧ, сохраняя свое значение, образуют структурно-семантическое единство. Поскольку ИЧ и ГЧ сохраняют значения, то для того, чтобы отграничить мотивированные ФЕ от свободных словосочетаний, следует обращать внимание на то, чем, какими средствами достигается устойчивость данного словосочетания.

(1) К числу ФЕ этой группы относятся МГФ, образованные на основе РК СГ. В этих глагольных фразеологизмах СГ, сочетаясь с определенными словами, всегда употребляется в форме РК: *фәсх-э нәкаһ кәрдән* 'разводиться', *эһнар-э воджуд кәрдән* 'заявлять о своем существовании', *тәдҗдид-э нәзәр кәрдән* 'пересматривать', 'изменять точку зрения', *дҗәваб-э рәдд дадән* 'отказывать', 'давать отрицательный ответ' и т. д. При образовании такого рода МГФ ВК становится их постоянным членом и

происходит как бы структурно-семантическое перераспределение отношений между компонентами: именная словосочетание приобретает самостоятельное значение и сочетается с последующим глаголом как с компонирующим.

(2) Близко к рассмотренным выше МГФ примыкают глагольные ФЕ, которые представляют собой сочетание двухкомпонентной ИЧ с глаголом *кӑрдӑн* 'делать': *ӑнджам-э вӑзифэ кӑрдӑн* 'исполнять обязанности', *тоӱзиһ-э ӱзӛнат кӑрдӑн* 'говорить прописные истины'. От предыдущих ФЕ они отличаются тем, что их нельзя рассматривать как образования на основе РК СГ, — соответствующие им СГ включают в свой состав другие КГ: *ӑнджам дадӑн* 'заканчивать', 'выполнять', 'исполнять', *тоӱзиһ дадӑн* 'разъяснять', 'объяснять'.

Как первая, так и вторая разновидности мотивированных МГФ по характеру семантических взаимоотношений между ИЧ и ГЧ обнаруживают сходство с СГ, образованными по определенной структурно-семантической модели.

(3) Глагольные словосочетания, имеющие постоянную РК и сохраняющие значение ИЧ и ГЧ, относятся к мотивированным МГФ: *моӱрэд-э чиз-и ӱӑрар дадӑн* 'подвергать чему-л.', 'делать объектом чего-л.', *бэ мӑзаг-э кӑс-и хош амӑдан* 'приходиться кому-л. по вкусу', 'нравиться кому-л.', *дӑстхош-е чиз-и ӱӑрар герӛфтӑн* 'становиться жертвой, добычей чего-л.', 'подвергаться чему-л.' и т. д.

Рассмотренные выше три группы МГФ отражают наиболее общие виды семантических отношений между ИЧ и ГЧ. Но это деление, как и всякая классификация, не может охватить все многообразие семантических отношений — существуют ФЕ, которые занимают промежуточное положение между этими группами. Необходимо дальнейшее изучение семантической структуры МГФ, а также совершенствование и уточнение критериев разграничения семантических разновидностей глагольных фразеологизмов.

Часть четвертая

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Глава I

ПОНЯТИЕ ФП И МЕСТО ДАННОГО ТИПА ФЕ СРЕДИ ДРУГИХ ТИПОВ ФЕ

ФЕ, соотносимые по своему строению с предложениями, получили широкое распространение в персидском языке и являются одним из основных структурных типов фразеологии. Однако по сравнению с другими типами фразеологизмов ФП наименее изучены, а вопрос об их выделении в самостоятельную группу ФЕ еще недостаточно аргументирован теоретически. В связи с этим ФП не всегда четко и последовательно отделяются от других структурных типов ФЕ, что отрицательно сказывается на практике преподавания и лексикографической разработке фразеологии.

В работах иранских лингвистов ФП в самостоятельный структурный тип не выделяются. В тех же случаях, когда затрагивается вопрос о различного рода устойчивых оборотах (обычно при их лексикографической разработке), имеются в виду ФЕ со структурой словосочетания — разнообразные виды именных и глагольных фразеологизмов. Видимо, поэтому в толковых словарях и различных сборниках устойчивых выражений персидского языка ФП, за исключением пословиц и поговорок, как правило, фиксируются в виде инфинитивных оборотов, что не отражает действительной формы их существования в языке. Например, в словаре разговорного языка А. Амини ФП *пэдд р-а́м пиш-е чешм-а́м амáд* 'я света неувидел', 'я дошел до изнеможения' фиксируется в виде искусственно созданной инфинитивной формы — *пэдд р-э кáс-и пиш-е чешм-а́ш амáдán* [121, с. 133], а в шеститомном толковом словаре М. Моина ФП *колаһ-а́ш пáс-э ма́ рэ-же а́ст* 'его оставили в дураках' — в виде *колаһ-э кáс-и пáс-э ма́ рэке будáн* [131, т. 3, с. 3024].

ОТЛИЧИЕ ФП ОТ СВОБОДНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Выделяя ФП как самостоятельный тип фразеологии, мы противопоставляем их свободным предложениям, подобно тому, как фразеологические словосочетания противопоставляются свободным

словосочетаниям. Хотя ФП образованы по существующим схемам обычных предложений, они в отличие от свободно конструируемых предложений имеют постоянный количественный и качественный состав компонентов, устойчивое общее значение и встречаются в определенном контексте. Грамматической особенностью этих предложений является то, что глагол, входящий в их состав, имеет неполную парадигму: наиболее часто он ставится в форме 3-го л. ед. числа, далеко не во всех ФП допустимо изменение форм времени и наклонения. Подобно другим типам фразеологизмов, ФП функционируют в языке в качестве готовых, воспроизводимых по традиции единиц.

ФП характеризуются минимум двухкомпонентным составом. Это необходимо отметить не только как структурное свойство этих ФЕ, но и как их отличительную особенность по сравнению с однословными предложениями, представленными модальными словами и частицами, например: *нйконйд* 'не дай бог', *башйд* 'ладно', 'пусть', *бэгозар* 'пусть', *бийа* 'давай'. Эти предложения представляют собой застывшие формы глаголов, подвергшиеся переосмыслению и получившие новое лексико-грамматическое значение.

Каковы фразеологические свойства устойчивых предложений и как они проявляются в процессе функционирования в языке?

В. Л. Архангельский пишет: «Функционирование устойчивых фраз в речи свидетельствует об определенных ограничениях в выборе переменных. Самое понятие устойчивости фразы опирается на совокупность таких ограничений, которые не свойственны регулярному предложению как свободному эквиваленту данной фразы» [12, с. 206].

При конструировании обычных, неустойчивых предложений говорящий свободен в выборе слов и их грамматических форм в рамках, обусловленных правилами грамматики и закономерностями семантической сочетаемости слов. ФП в отличие от свободных предложений характеризуются качественной и количественной определенностью лексического состава, устойчивостью грамматических форм слов (кроме форм глагольного компонента)¹. Это означает, что говорящий не может менять слова и их грамматические формы или добавлять новые слова по своему усмотрению. Существуют также ограничения в выборе грамматических форм глагольного компонента, вызванные особой фразеологической природой такого рода предложений. Причем степень проявления этих ограничений различна, на что будет указано ниже.

В отдельных случаях замена слов или добавление новых слов бывают все же возможны, но эти явления носят узальный ха-

¹ В персидском языке устойчивость порядка слов не играет такой значительной роли при характеристике свойств ФП, как, например, в языках со свободным порядком слов, поскольку и в свободных предложениях персидского языка также соблюдается относительно твердый порядок слов: сказуемое находится в конце предложения, определение, выраженное положительной степенью прилагательного, следует после определяемого и т. д.

рактар и служат причиноу образования лексико-структурных вариантов ФП. Варьирующими компонентами могут оказаться имена, глаголы и другие слова, входящие в состав ФП: *нѧфѧс-ѧш боридѧ (ѧѧт') шод* 'он неожиданно смолк', *зѧнр-ѧ мар-ѧш башѧд (бѧшѧвѧд)*! 'пусть подавится!', *хѧр-ѧш бѧ (дѧр) гел офтадѧ (хабидѧ, мандѧ)* 'он попал в бедственное положение', 'он потерпел неудачу', *сайе-ѧш бала рѧфтѧ (сѧнгин шодѧ)* 'он задрал нос', 'он очень возгордился', *дуд ѧз сѧр-ѧм (кѧлле-ѧм) болѧнд шод* 'я был ошеломлен, ошарашен' и т. д.

В случае возможности добавления новых слов ФП имеют полную и краткую формы, при этом факультативные компоненты не влияют ни на семантику, ни на характер стилистического использования фразеологизмов: *хѧр-ѧш [хуб] мирѧвѧд* 'ему везет', 'он имеет вес, влияние', *кѧс-и [ѧз у] нѧпорсид хѧр-ѧт бѧ чѧнд [ѧст]* 'никто не заинтересовался им', 'никто не обратил внимания на него', *гол бѧ дѧжѧмал-ѧт!* и *гол-и бѧ гуше-ѧе дѧжѧмал-ѧт!* 'браво!', 'здорово!' и т. д.

В большинстве же случаев изменение лексического состава ФП вообще невозможно.

Как известно, в свободных предложениях общее значение образуется в акте общения и представляет собой закономерную сумму значений слов, входящих в их состав, т. е. оно производно и разложимо, свободно и устойчиво. Во фразеологических предложениях значение всегда устойчиво и стабильно; оно не производится, а воспроизводится говорящим. Нередко значение ФП образовано в результате переосмысления всех компонентов, носит глобальный характер и неразложимо по отношению к значениям компонентов: *сайе-ѧетан кѧм нѧшѧвѧд* 'благодарю вас', 'всего вам хорошего' (букв. 'да не уменьшится ваше покровительство'), *дѧжиб-ѧш тар-ѧ ѧнкѧбут бѧстѧ* 'он гол как сокол', 'у него нет ни гроша в кармане' (букв. 'его карман опутан паутиной'), *дѧст-ѧш кѧдѧж ѧст* 'он нечист на руку' (букв. 'у него рука кривая'), *чѧшм-ѧ ма роушѧн!* 'с приездом!', 'рады вас видеть!' (букв. 'да будут ясны наши очи!'), *гур-ѧт-ра гол кон!* 'убирайся!', 'пошел вон!' (букв. 'потеряй свою могилу!') и т. д.

Обладая устойчивым и целостным значением, ФП, подобно словам и ФЕ других типов, подчиняются определенным правилам семантической сочетаемости, что накладывает ограничения на выбор контекста при их функционировании.

Таковы наиболее существенные отличительные особенности устойчивых предложений по сравнению со свободными предложениями, дающие основание для включения их в состав фразеологии.

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ФП С ГЛАГОЛЬНЫМИ ФЕ

Включение фразеологизмов, имеющих грамматическую структуру предложений, в состав фразеологии позволяет по-новому поставить вопрос о семантической структуре ФЕ, об особом со-

отношении данного типа ФЕ со словом. Несмотря на внешние структурные различия между этими ФЕ и словом, все же в логико-семантическом плане, по справедливому замечанию Ю. Ю. Авалиани, ФП «...сохраняет свою соотнесенность со словом, не опровергая тем самым общезыковедческих основ соотнесенности ФЕ со словом» [5, с. 10].

По характеру своего функционирования они ближе всего стоят к личным формам глагола: и те и другие могут выступать как самостоятельные предложения, части сложного предложения и сказуемые предложений. Различие состоит лишь в том, что первые две функции наиболее характерны для ФП, а последняя функция — для личных форм глагола.

Объединяя на основе фразеологических свойств ФП с другими структурными типами ФЕ, необходимо иметь в виду и существенные семантические и структурные различия между ними.

Если значение ФЕ, имеющих структуру словосочетаний, как и значение слова, в зависимости от функции в предложении может иметь номинативный или номинативно-коммуникативный характер, то значение ФП, как правило, имеет коммуникативный характер². В этом состоит основное семантико-синтаксическое отличие ФП от других структурных типов ФЕ.

Отграничение ФП от именных ФЕ не вызывает никаких затруднений — одни обладают системой форм предложения, другие характеризуются системой форм словосочетания. ФП имеют иное грамматическое строение и потенциально обладают формами времени, наклонения и лица.

Несколько сложнее обстоит дело с отделением ФП от глагольных фразеологизмов, поскольку последние не только обладают номинативной функцией, но и могут выступать как единицы сообщения. Это находит выражение в том, что глагольные ФЕ обладают двумя формами существования — инфинитивной и личной. ФП обычно выступают в форме завершеного или незавершеного предложения, т. е. глагольный компонент также выражается личной формой глагола.

Наличие у глагольных фразеологизмов инфинитивной формы подтверждается тем, что в предложении они могут встречаться в форме инфинитива, выполняющего субстантивную функцию:

Сэда-йи-ке Нази бәрәйе хәбәр кәрдән-э наһар мидад ба эда-йе моўгә'-э лус шодән-әш фәрә дашт (ХСК, с. 9) 'Звуки,

² Исключение составляет группа особо устойчивых оборотов, сохраняющих форму предложений, но обычно выступающих в роли обстоятельств (чаще всего обстоятельств образа действия). К их числу относятся незавершенные сложноподчиненные предложения типа *бә һәр гәймәт-и шодә* 'любой ценой', 'во что бы то ни стало', *һәр че башәд* 'все же', 'как-никак', 'что бы ни было', выполняющие номинативную функцию. Кроме того, имеются ФП, выступающие как модальные обороты и междометия, например: *һич нәбашәд* 'по крайней мере', 'все же', *бороу гом шоу!* 'убирайся вон!', 'иди к черту!', *че бәса!* 'как много!', 'весьма вероятно'. Однако количество таких устойчивых предложений в общем составе ФП сравнительно невелико.

которые издавала Нази, сообщая о своем голоде, отличались от звуков, издаваемых ею, когда она играла и ласкалась’.

Глагольный компонент ФП в форме инфинитива употребляется довольно редко; при этом в тех случаях, когда это допустимо, происходит перестройка всего предложения (без этого постановка глагольного компонента в инфинитивной форме была бы невозможной) и превращение его в именную ФЕ с изафетной связью. Так, в предложении *зѣбан-ѣш мигирѣд* ‘он заикается’ при необходимости употребления глагольного компонента в инфинитивной форме имя с относящимися к нему словами ставится после глагола, присоединяясь к нему при помощи изафета — *герѣфтѣн-э зѣбан-ѣш* ‘его заикание’.

Гѣмэ зѣдѣнд зир-э хѣндэ нѣ ин-ке бэ герѣфтѣн-э зѣбан-э Кака Ростѣм хѣндидѣнд... (ХСК, с. 32) ‘Все разразились хохотом, но смеялись не над заиканием Кака Рустама...’.

Многие ФП в силу своей синтаксической и семантической структуры вообще не могут изменять глагольный компонент (напр., пословицы, поговорки, формулы приветствий, поздравлений, междоментные ФП), а поэтому инфинитивная форма невозможна.

Необходимо от МГФ, имеющих в своем составе переходные глаголы (напр., *кѣрдѣн* ‘делать’, *авѣрдѣн* ‘приносить’, *рѣсанидѣн* ‘доводить’, ‘доставлять’), отличать ФП, которые образовались из этих глагольных фразеологизмов путем замены переходных глаголов на соответствующие непереходные (напр., *шодѣн* ‘становиться’, *амѣдѣн* ‘приходить’, *рѣсидѣн* ‘доходить’, ‘достигать’). Ср., например, МГФ *чорт-э кѣс-и-ра нарэ кѣрдѣн* ‘пугать кого-л. (внезапным стуком или каким-л. сообщением)’ и ФП *чорт-ѣш нарэ шод* ‘он испугался’; МГФ *дѣжан-э кѣс-и-ра бэ лѣб рѣсанидѣн* ‘вымотать кому-л. душу’, ‘известить кого-л.’ и ФП *дѣжан-ѣм бэ лѣб рѣсид* ‘у меня лопнуло терпение’, ‘мне надоело’; МГФ *кѣк ту-ѣе томбан-э кѣс-и ѣндахтѣн* ‘тревожить, беспокоить кого-л.’ и ФП *кѣк ту-ѣе томбан-ѣш офтад* ‘он встревожился, забеспокоился’. Различие между этими фразеологизмами состоит в том, что первые, являясь словосочетаниями, выполняют номинативную или номинативно-коммуникативную функцию, а вторые, выступая в форме предложений, выполняют только коммуникативную функцию. Поскольку переход МГФ в ФП не носит регулярного характера, при лексикографической разработке этих ФЕ в словарях должны фиксироваться и те, и другие фразеологизмы. Глагольный компонент ФП, образовавшихся на базе МГФ, всегда стоит в форме 3-го л. ед. числа и может изменяться по временам и наклонениям:

Мѣн до сал-и буд...ѣз бикари дашт дѣжан-ѣм бэ лѣб мирѣсид (АЧ, с. 80) ‘Вот уже два года ...я от безделья сходила с ума’.

ѣз ин вагѣэ хѣм бэ ѣбру-ѣе Даш Акол нѣямѣд (ХСК, с. 42) ‘Это событие внешне никак не отразилось на Даш Аколе’.

ФП, сохраняя структурные схемы регулярных предложений,

характеризуются категориями модальности, времени и лица, получают в речи ту или иную интонацию сообщения.

В основе целостного стабильного значения устойчивых предложений чаще всего лежат не понятия, как в фразеологизмах со структурой словосочетания, а другие формы мышления, например: суждение (*астан-э дәр-э ханз-айш боланд аст* 'к нему не подступиться', букв. 'порог его дома высок'), умозаключение (*дәмаг-айш бәгири джан-айш дәр-миайд* 'возьми его за нос — а из него дух вон'), вопрос (*дәндэ-ат михард?* 'зачем ты лезешь на рожон?', букв. 'у тебя ребра чешутся?')³. ФП могут выражать чувства (*дәм-э шомә гәрм башд!* 'будьте счастливы!', 'желаю вам хорошо провести время!', *чешм-айш кур шәвд!* 'поделом ему!', 'так ему и надо!'), волевые побуждения (*гуш бә фәрман-э май!* 'слушай(те) мою команду!', *нәфәс-ат бәгирад!* 'заткнись!', 'замолчи!').

В тех случаях, когда в основе семантики ФП лежит значение нечленимого глагольного действия, такие предложения могут выступать как образные и необразные синонимы личных форм глаголов и глагольных фразеологизмов: *дәл-әм михаһд* 'мне хочется', 'я хочу' (ср. с гл. *михаһәм* 'я хочу'), *хаб-айш борд* 'он заснул' (ср. с гл. *хабид* 'он заснул'), *һәвәсс-айш бә джа амәд* 'он пришел в себя' (ср. с СГ *бә ход амәд* 'он пришел в себя'), *касә-айш сәрнәгун шод* 'он все потерял', 'он разорился' (ср. с СГ *вәршекәст шод* 'он разорился, обанкротился') и т. д. Такого рода ФП весьма сильно сближаются с глагольными фразеологизмами по выполняемой синтаксической функции. И лишь отсутствие у ФП формы инфинитива и особое синтаксическое построение — наличие формальных подлежащих и относящихся к ним слитных местоимений — дают основание отделить их от глагольных фразеологизмов.

Отмеченные выше ФП обладают определенной семантической соотношенностью со словом в отличие от ряда других видов ФП, например, пословиц и поговорок, употребление которых связано с выражением каких-либо отношений и ситуаций.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В СОСТАВЕ ФП

Важная грамматическая особенность ФП, отличающая данный структурный тип ФЕ от глагольных фразеологизмов, — ограниченные возможности глагольного компонента изменяться по лицам,

³ Трудно согласиться с А. И. Молотковым, который, возражая против включения в число ФЕ пословиц, пишет: «... смысловая природа пословицы иная, чем фразеологизма: в основе содержания высказывания, передаваемого предложением-пословицей, лежит суждение, тогда как в основе лексического значения фразеологизма — то или иное понятие» [54, с. 16]. Ограничивать значение ФЕ только выражением понятия — значит не включать в состав фразеологии ФЕ со структурой предложения, между тем в этой же работе А. И. Молотков выделяет «глагольно-пропозициональные фразеологизмы» [54, с. 12], а во «Фразеологическом словаре русского языка» под его редакцией приводится много ФП: *карачун пришел, куда это годится?*, *голова вскружилась*, *голова идет кругом* и т. д.

временам и наклонениям. Как правило, глагольный компонент имеет неполную или нулевую парадигму. Рассмотрим наиболее типичные грамматические формы глагольных компонентов, характерные для ФП.

1. Глагольный компонент, выраженный простым или сложным глаголом, стоит всегда в форме 3-го л. ед. числа. На основании возможности или невозможности изменения форм времени и наклонения глагола выделяются два случая:

(1) Глагольный компонент в зависимости от условий контекста и цели высказывания может употребляться в разных временах и наклонениях: *зир-э па-ййаш сост а́ст* 'его положение шатко', 'на него нельзя положиться', *дэл-а́м та́нг шод* 'мне стало грустно', *һэсаб а́з да́ст-э ма́н да́р-ра́фт* 'я сбился со счета', *һа́сс-а́ш па́рт а́ст* 'он рассеян', *да́ст-а́ш бэ да́һан-а́ш ми́раса́д* 'он живет неплохо', 'он человек состоятельный', *касэ-йе са́бр-а́ш ла́бриз шод* 'чаша его терпения переполнилась' и т. д.

В предложениях, содержащих характеристику физических и психических свойств людей, описание окружающей обстановки, глагольный компонент преимущественно употребляется в какой-либо одной грамматической форме, но в отдельных случаях также может изменять формы времени и наклонения: *бад-а́ш бала ра́фтэ а́ст* 'он очень зазнался', 'он сильно воображает', *шухи-ййаш гол ка́рдэ а́ст* 'ему очень хочется пошутить', 'у него игривое настроение', *па-ййаш ла́б-э гур а́ст* 'он одной ногой стоит в могиле', *шекáм-а́ш гушт-э ноу бала авáрдэ а́ст* 'он разбогател', *чиз-и бар-а́ш нист* 'он недалекий человек', 'у него ничего нет за душой' и т. д.

(2) Глагольный компонент употребляется только в одной, строго фиксированной грамматической форме времени и наклонения: *на́гофтэ на́манáд-ке...* 'следует сказать, что...', *гав-а́ш зайидэ* 'у него неприятности', 'у него что-то случилось', *да́жиб-а́ш-ра тар-э а́нка́бут герэ́фтэ а́ст* 'его карман опутала паутина' (соотв. 'он гол как сокол'), *ха́р-а́ш а́з пол гозáшт* 'он достиг своей цели', 'он добился своего' и т. д.

Глаголы в форме аориста, а также в форме желательного наклонения (обычно форма глагола *будáн* — *бад*) употребляются в ФП, выражающих приветствия, благодарность, поздравления, проклятия и т. п.: *да́ст-э шома да́рд на́конáд* 'благодарю вас', 'спасибо' (при получении чего-л. из чьих-л. рук), *да́м-э шома га́рм башáд!* 'будьте счастливы!', 'желаю вам хорошо провести время!', *да́ндэ-а́ш на́рм ша́ва́д!* 'поделом ему!', 'так ему и надо!', *са́р-а́ш са́бз бад!* 'всего ему доброго!', 'пусть он процветает!', *һа́ла-л-а́т бад!* 'молодец!', 'браво!', *һа́р че бада бад!* 'будь, что будет!' и т. д.

2. Глагольный компонент выражен определенной, строго фиксированной грамматической формой простого или сложного глагола (кроме формы 3-го л. ед. числа): *даг-а́т-ра на́бинáм!* 'да сохрани тебя бог!', *да́ст бэ дэл-а́м ма́гозар!* 'не мучай меня!', 'не трогай меня!', *коджа-ш-ра диди* 'все еще впереди', 'это

только начало', *шотор диди нәдиди* 'ты ничего не видел', 'отрицай все без зазрения совести', *әз ту-йе әләф сәбз нәшодә им* 'я не одинок', 'я не беспомощен' и т. д.

* * *

Во многих ФП глагол вообще отсутствует: *чешм-э ма роушән!* 'с приездом!', 'рады вас видеть!', *дәст-әм бә дамән-әт!* 'умоляю тебя!', 'выручи меня!', *дәст-э раст-э шома зир-э сәр-э мән!* 'пусть мне также повезет, как вам!', *хода-ра шокр!* 'слава богу!', *хода бә һәмраһ!* 'с богом!', 'счастливого пути!' и т. д. Приведенные предложения характеризуются постоянством лексемного состава и устойчивостью структуры. Отсутствие глагола является их органическим свойством и не сказывается на понимании этих устойчивых конструкций.

Важное место в структуре многих ФП принадлежит местоименным энклитикам, которые выражают субъект действия или состояния, а иногда служат показателями объекта — местоименные энклитики являются конститутивными элементами предложений и поэтому не могут быть опущены. В зависимости от цели и содержания высказывания они могут изменяться по лицам, а в отдельных случаях заменяться на другие слова (чаще всего на слова со значением действующего лица).

Авторы разного рода толковых словарей персидского языка, к сожалению, не учитывают роли местоименных энклитик в составе ФП, в результате нет четкости и единообразия в формировании и подаче такого рода предложений в словарях. Так, ФП *мат-әш борд (зәд)* 'он опешил', 'он остолбенел' в словаре М. Моина зафиксировано в двух формах: *мат бордән-э кәс-ира* [131, т. 3, с. 3678] и *мат зәдән* [131, т. 3, с. 3679], а в словаре А. Амини приводится в виде глагольных фразеологизмов *мат-әш бордән* и *мат-әш зәдән* [121, с. 518]. ФП *һал-әш джа амәд* 'он пришел в хорошее расположение духа', 'он пришел в себя', 'он выздоровел' в словаре А. Амини приводится в инфинитивной форме с местоименной энклитикой — *һал-әш джа амәдән* [121, с. 207], а в словаре М. Джамаль-заде — в инфинитивной форме без местоименной энклитики и с инверсией именного члена — *джа амәдән-э һал* [122, с. 65]. Как видим, ФЕ, обладающие четкой синтаксической структурой предложений, по-разному представлены в словарях; при этом слитные местоимения, являющиеся неотъемлемым структурным элементом этих предложений, не всегда отражены в фиксированной конструкции.

Подводя итог сопоставительного анализа ФП с глагольными фразеологизмами, следует подчеркнуть, что при выделении ФП в самостоятельный тип ФЕ, как и при выделении глагольных фразеологизмов, важную роль играют семантические критерии, в частности полное или частичное изменение значений компонентов. Но отличительной особенностью ФЕ со структурой предложения является то, что в их формировании еще большую роль играют

структурно-грамматические факторы, которые проявляются более ярко и отчетливо, чем в глагольных фразеологизмах (например, наличие нулевой или неполной парадигмы у глагольного компонента, отсутствие глагола в эллиптических ФП, использование слитных местоимений в качестве конструктивных элементов).

Глава II

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ФП

Несмотря на указанные выше различия между ФП и свободными предложениями, ФП обладают рядом синтаксических свойств, характерных для обычных предложений. Правда, эти свойства проявляются с известными ограничениями и обнаруживаются в неодинаковой степени у разных структурных видов ФП.

ФП по преимуществу относятся к разговорному стилю речи. Это находит отражение в особом употреблении в их составе слитных местоимений⁴, в наличии среди них большого количества эллиптических конструкций, в широком использовании специальной разговорной лексики. Поэтому такие предложения помимо устной речи встречаются в произведениях художественной литературы, главным образом в диалогах.

Принадлежность тех или иных предложений к фразеологическому составу персидского языка проявляется в их синтаксической структуре и в семантико-грамматических свойствах. Выше были отмечены особенности функционирования глагольного компонента ФП: он либо обладает ограниченными возможностями изменения по лицам, временам и наклонениям, либо совсем не изменяется — представлен застывшей формой глагола. В этой связи особо следует остановиться на отрицательных формах глагола ФП.

ФП могут иметь форму утвердительных и отрицательных предложений. В большинстве случаев негативные ФП, как и отрицательные свободные предложения, вызываются общим содержанием высказывания; в логическом плане им противостоят те же ФП в утвердительной форме. Поэтому в другом контексте эти же ФП могут иметь утвердительную форму. Иное дело, когда отрицательная форма глагола ФП — постоянный элемент данной ФЕ, ее неотъемлемая часть. В этом случае постановка глагола ФП в утвердительной форме полностью исключается: *сайе-йе шома кям нйшйвд* 'благодарю вас', 'всего вам хорошего', *чиз-и бар-йи нист* 'он недалекий человек', 'у него ничего

⁴ Ж. Лазар, отмечая ограниченные функции энклитических местоимений в языке прозы классического периода и в современном персидском литературном языке, обращает внимание на их использование в составе устойчивых конструкций [115, с. 245].

нет за душой', *дәст-әш бә пошт-әш* [нәмирәсәд 'он совсем беспомощен', 'он ничего не может сделать сам, без чужой помощи' и т. д. Таким образом, устойчивая отрицательная форма глагола должна рассматриваться как один из факторов, способствующих превращению свободных предложений в ФП.

В строении некоторых ФП (напр., в строении безличных ФП, пословиц и поговорок) можно наблюдать явления, которые не укладываются в рамки современного грамматического строя. Имеются рудиментарные синтаксические структуры, сохранившие признаки предшествующей эпохи развития персидского языка.

САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ И НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ФП

Изучение внутренней структуры и характера функционирования различных видов ФП показывает, что такого рода устойчивые предложения бывают самостоятельными и несамостоятельными. При этом между наиболее четкими представителями той и другой разновидности ФП, как и при классификации других языковых объектов, располагаются разного рода переходные случаи.

1. Самостоятельные ФП характеризуются завершенностью синтаксической структуры и автономностью своего содержания. В общем контексте они выступают как независимые предложения либо как части синтаксически более сложных целых — сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. В составе сложных предложений эти ФП соединяются со свободными предложениями (или с другими ФП) союзами или только средствами интонации (при бессоюзной связи). Примеры:

Шейтан ту пуст-әм офтад вә вәгт-и бә ход амәдәм кекар аз кар гозәштә буд (ДЖК, с. 12) 'Я совсем потерял рассудок и пришел в себя только тогда, когда все уже было кончено'.

Йек сәййед-э нурани ... джелов-э ма амәд, гофт: хош амәдид, сәфа авәрдид (ХСК, с. 58) 'К нам подошел ... какой-то благообразный сеид и сказал: «Добро пожаловать, милости просим»'.

Самостоятельные предложения могут иметь распространенную и нераспространенную структуры; обе они характеризуются грамматической и информативной достаточностью. При этом ни один из постоянных членов ФП не может быть опущен без того, чтобы само это предложение не разрушилось как фразеологическое единство.

Самостоятельные ФП обладают разной степенью синтаксической и смысловой автономности. В зависимости от возможности — невозможности подключения к ФП дополнительных переменных членов они подразделяются на две подгруппы.

(1) Наибольшую самостоятельность проявляют пословицы, различные устойчивые речения междометного характера, формулы приветствий, поздравлений, благодарности, порицания, проклятия и т. п. Эти предложения не способны, за редким исключением,

к словесному распространению. Например, пословицы: *бәрайе йек бинәмаз дәр-э мәсдәжд-ра нәмибәндәнд* 'из-за одного еретика двери мечети не запирают'; *һәр че пул бәдәһи аш михори* 'сколько денег заплатишь, на столько и каши съешь' (соотв. 'что посеешь, то и пожнешь'); *аәл-ра йек эшарәт бәс әст* 'умному достаточно одного намека'; *әз дәл бәрәвәд һәр ан-ке әз ди-дә бәрәфт* 'все, что ушло с глаз, уйдет и из сердца' (соотв. 'с глаз долой — из сердца вон'); междометные ФП: *гол-и бә гуше-йе джәмал-әт!* 'браво!', 'здорово!'; *һәләл-әт бад!* 'молодец!', 'браво!'; *горбан-э шома* 'благодарю', 'всего хорошего'; ФП, выражающие приветствия, поздравления, порицания, проклятия и т. п.: *сәбз башид!* 'будьте счастливы!', 'будьте здоровы!'; *хода бәд нәдәһәд* 'да поможет вам бог', *хош амәдид!* 'добро пожаловать!', 'милости просим!'; *даг-әт-ра нәбинәм!* 'да сохрани тебя бог!'; *сәр-әш сәбз бад!* 'всего ему доброго!', 'пусть он процветает!'; *зәһр-э мар-әш башәд!* 'пусть подавится!'; *гур-әт-ра гом кон!* 'пошел вон!', 'убирайся восвояси!', — все они употребляются как синтаксически независимые предложения либо как части сложных предложений. Но независимо от их позиции в контексте, они не могут расширяться за счет других переменных членов, если не считать возможных добавлений, обращений и модальных слов, которые грамматически не связаны с членами предложения (напр., *Сохраб-джан, хода нәдәр-әт-ра бийаморзәд ке-мә-ра нәбжат дади* (ДЖК, с. 21) 'Дорогой Сохраб, да поможет тебе господь бог за то, что ты меня спас').

(2) Другие разновидности ФП, также выступающие как самостоятельные предложения, в отличие от ФП рассмотренной подгруппы в случае необходимости могут расширяться за счет переменных членов. Так, ФП *хаб-әм мибәрәд* 'мне хочется спать', 'меня клонит ко сну', *хаб бә чешм-әм нәйамәдә әст* 'я не сомкнул глаз', *джан-әм бә ләб рәсид* 'у меня лопнуло терпение', 'мне все надоело', 'я в отчаянии', *джан-әш бәрайе у мирәвәд* 'он души в нем не чает', *бавәр-әм шод* 'я поверил' и другие в зависимости от контекста могут выступать либо в своей основной форме, включающей постоянные члены и конституирующие переменные элементы (слитные или личные местоимения), либо получать дополнительные переменные члены, уточняющие субъект, время и различные обстоятельства протекания действия. Примеры:

Шәбһа әз дәст-э эшәбази-йе Нази хаб-әм нәмиборд (ХСК, с. 10) 'По ночам из-за любовных походов Нази я не мог заснуть'.

Нә, әслән хаб бә чешм-әш нәйамәд (ХСК, с. 77) 'Нет, он совершенно не сомкнул глаз'.

Мән до сал-и буд-ке даролмоәллемин-ра тәмам кәрдә будәм вә әз бикари дашт джан-әм бә ләб мирәсид (АЧ, с. 80) 'Вот уже два года, как я закончила педагогический институт и от безделья сходила с ума'.

Гедә Али бәрайе бәчче джан-әш дәр-мирәфт (ХСК, с. 64) 'Гедә Али в ребенке души не чаял'.

Самостоятельные ФП второй подгруппы объединяются между собой только на основе возможности расширения за счет переменных членов. Они представлены предложениями разной семантической и синтаксической структуры.

2. Несамостоятельные ФП характеризуются неполнотой и незавершенностью семантической и синтаксической структуры, что, как правило, лишает их возможности независимого функционирования. Среди этих ФП можно выделить две подгруппы.

(1) ФП выступают как части сложных или простых предложений. Они могут иметь строение главных предложений с последующим факультативным союзом *ке* (*әтәмал мирәвәд-ке...* 'возможно, что...', 'вероятно, что...', *хода нәсиб нәконәд-ке...* 'не дай бог, чтобы...', *дәл-әм бә ин хош буд-ке...* 'я утешался тем, что...'), придаточных предложений (*та чеши кар миконәд...* 'сколько бы ни смотрел...', 'пока глаза видят...', *әгәр па-йәм бийофтәд...* 'если мне представится случай...', 'если мне удастся...'), незавершенных сложноподчиненных (*мәсл-е аб-и-ке ру-йе атәш бәризәнд* 'подобно воде, которую вылили бы на огонь', *бә һәр гәймәт-и-ке шодә* 'любой ценой', 'во что бы то ни стало'⁵), фразеологизированных частей сложных предложений (...[*та*] *че рәсәд бә...* 'что и говорить о...', '...не говоря уже о...', '...а тем более ...', ...[*ке*] *сәһл әст...* '...мало того, [что]...', '...не говоря уже о [том, что] ...'). Примеры:

...*Шензар-э би аб-о әләф буд-ке та чеши кар микәрд ру-йе һәм моудж мизәд* (ХСК, с. 56) '...Кругом были голые пески, которые, насколько позволяли видеть глаза, волнообразно перекатывались'.

Бә һәр гәймәт-и-ке буд михаст у-ра пәйда бәконәд (ХСР, с. 67) 'Она хотела любой ценой его найти'.

Аһна сахтәман-э бәшокуһ-э данәшгаһ-ра ... бә зийан-э эстәғлал-е кешвәр вә бә суд-э әнгелиша миданәстәнд, че бә рәсәд бә ин-ке марг-е оstad-э нәггаш-ра ...ади вә тәби'и тәләғги конәнд (АЧ, с. 8) 'Они считали, что грандиозное строительство университета... идет во вред независимости страны и на пользу англичанам, а что уж говорить о том, чтобы смерть художника ...они восприняли как естественную'.

Среди несамостоятельных ФП первой подгруппы можно выделить предложения, которые по своему значению приближаются к личным формам модальных глаголов: *мәйл-әм кешид...* 'мне захотелось...', *зиг-әм кешид ...* 'мне захотелось ...', 'у меня возникло желание...', *дәл-әм михаһәд...* 'мне хочется...', 'я хочу...', *зур-әм миайәд...* 'у меня хватает сил...' и т. д. Эти предложения различаются грамматической структурой и значением, но об-

⁵ ФП *бә һәр гәймәт-и-ке шодә* является представителем целой серии устойчивых образований, возникших на базе сложных предложений с придаточными определительными. Об этом см. нашу статью [78].

щим для них является то, что они преимущественно используются как главные части сложноподчиненных предложений с придаточными дополнительными, присоединяемыми к ним, как правило, бессоюзной связью, например:

Мэйл-айш кешид сяр-и бэ у бэзайнд (ДЖТ, с. 205) 'Ему захотелось заглянуть к нему'.

Че дэл-айм михайнд эмруз һадд-э аксар-э эстэфадз-ра ай воджуд-э джайнаб-э али кярдэ башам (ДЖТ, с. 196) 'Как мне хочется сегодня извлечь максимум пользы из вашего присутствия'.

В приведенных выше примерах субъекты главных и придаточных предложений совпадают, но это не дает достаточных оснований, чтобы рассматривать ФП (*мэйл-айш кешид* и *дэл-айм михайнд*), выражающие модальное значение желания, как части составных сказуемых, поскольку грамматические подлежащие в придаточных и главных предложениях различны.

Сравним эти ФП с модальными глаголами в составе предложений. В тех случаях, когда значения «хотеть», «мочь» и т. п. выражаются модальными глаголами, при наличии общего субъекта личные окончания модальных и смысловых глаголов совпадают, например: *михайнм у-ра бэбиням* 'я хочу его повидать', *митаваннд сяр-и бэ у бэзайнд* 'они могут заглянуть к нему'.

Согласование в лицах модальных и смысловых глаголов является наряду с другими грамматическими факторами (отсутствие подчинительного союза *ке*, постановка глагола в сослагательном наклонении) важным показателем в пользу рассмотрения таких сочетаний как составных сказуемых, а модальных глаголов как их частей.

Среди ФП, имеющих модальные значения, наиболее часто встречается предложение *дэл-айм михайнд*, в роли формального подлежащего которого выступает слово *дэл* 'сердце' в сочетании со слитным местоимением, меняющимся в зависимости от выражаемого субъекта действия⁶. ГЧ этого ФП согласуется с формальным подлежащим и поэтому всегда выражена глаголом *хастан* 'хотеть' в 3-м л. ед. числа; глагол *хастан* может изменяться по временам:

...Зан мэсл-е пярванэ бяр һяр гол-и-ке дэл-айш хаст минэшинд (ХС, с. 88) '...Женщина, подобно бабочке, садится на каждый цветок, на который ей захотелось сесть'.

Бэрасти-ке гаһи дэл-айм михаст мимордэм (ДЖК, с. 136) 'В самом деле, иногда мне хотелось умереть'.

Вай-ке дэл-айм михаст мадәр-айм бэданнд... (ХС, с. 15) 'Ой, как мне хотелось, чтобы моя мать узнала...'

⁶ О фразеологической природе данного предложения свидетельствует утрата первым компонентом *дэл* своего лексического значения и особо прочное положение следующего за ним слитного местоимения, замена которого на другие слова хотя и допустима, но носит в известной степени искусственный характер. Например, предложение *һасан дэл-айш михайнд бэрәвд* 'Хасану хочется пойти' — типичная распространенная конструкция, в которой замена слитного местоимения на имя собственное практически не встречается.

(2) Вторую подгруппу составляют ФП, которые в силу неполноты своего содержания нуждаются в конкретизации путем употребления подлежащего, являющегося переменным членом или последующего придаточного предложения. Именной компонент таких ФП употребляется с предлогом (в отдельных разновидностях этих предложений предлог может быть опущен) и сопровождается слитными или личными местоимениями; глагольный компонент имеет всегда форму 3-го л. ед. числа: [*бэ*] *йад-айм амд* (*офтад*) 'я вспомнил', 'мне припомнилось', [*дәр*] *йад-айм няманд* 'я не запомнил', *бэ кәлле-айш зәд* 'ему пришло в голову', 'ему пришло на ум', *бэ гуш-айм амд* (*хорд, рәсид*) 'мне послышалось', 'я услышал', 'до меня дошло', *бэ хәрдж-айш нәрәфт* 'он не прислушался (к советам, словам, рекомендациям и т. п.)' и т. д. Примеры:

Йад-айш офтад: йгәр ин әрусәк мал-е Гома буд чегәдр у-ра хошһал микәрд (ХСК, с. 26) 'Он вспомнил, если бы эта кукла принадлежала Хоме, то какую бы радость она ей доставляла'.

...*Амма чиз-и йад-айм нәмиайд* (АЧ, с. 161) '...Но мне ничего не припоминается'.

Гуйи миданэстим ке-фәрман-э сәрнэвэшт әз ләбан-э чәрукдз-айш бэ гуш-е ма хәһд рәсид (БН, с. 74) 'Как будто мы знали, что услышим предсказание своей судьбы из ее морщинистых губ'.

Мән гуше-во кенәйе сәр-айм нәмишәвәд (ХСК, с. 22) 'До меня не доходят намеки'.

Һәр че бэ у пәнд дадәм бэ хәрдж-айш нәмирәвәд (АФ, с. 93) 'Сколько я ни давал ему советов, он к ним не прислушивается'.

ФП второй подгруппы выступают либо как сказуемые двусоставных предложений, либо как главные части сложноподчиненных предложений, а иногда могут выполнять и те и другие функции.

СЛИТНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ В СОСТАВЕ ФП И ВОЗМОЖНОСТЬ/ НЕВОЗМОЖНОСТЬ ИХ ЗАМЕНЫ НА ДРУГИЕ СЛОВА

Ознакомление с различными структурными видами ФП показало, что многие из них включают в свой состав в качестве конститутивных элементов слитные местоимения, которые указывают на субъект и, реже, на объект действия. Слитные местоимения могут следовать после формальных подлежащих или формальных второстепенных членов ФП: *па-йәш бэ андәжа баз шод* 'он получил туда доступ', 'он часто стал бывать там', *пийаз-айш кунә кәрд* 'ему повезло', 'он разбогател', *астән-э дәр-э ханз-айш боләнд әст* 'к нему не подступишься', *һәва дәст-айш нист* 'он не в курсе дела' и т. д. В отдельных случаях слитные местоимения, выражающие один и тот же субъект действия, могут быть одновременно употреблены после подлежащего и второстепенно-

го члена, например, *дәст-әш бә дәһан-әш мирәсәд* 'он живет неплохо', 'он человек состоятельный'.

Наличие между компонентами ФП переменных членов свидетельствует об их рамочном построении. Поскольку пропуск этих переменных членов и контактное положение постоянных компонентов невозможны, РК ФП является постоянной.

ФП, в составе которых употребляются слитные местоимения, нельзя считать полностью законченными и независимыми, так как эти местоименные слова ничего не указывают, кроме того, что субъект действия или состояния относится к такому-то лицу, и поэтому нуждаются в конкретизации. Эти ФП в словарях всегда должны фиксироваться со слитными местоимениями. При функционировании в речи конкретное значение слитных местоимений становится ясным либо из предыдущего контекста, либо раскрывается антецедентом, обозначающим реальный субъект действия или состояния, например:

Борӯ ҳод-әт-ра моаледже кон, һавасс-әт нәрт әст (ХСК, с. 22) 'Иди полчишься, ты взволнован'.

Хуб, дигәр мә'лум буд, Хәдидже пийаз-әш кунә кәрд (ХСК, с. 62) 'Да, теперь было ясно, Хадидже здорово повезло'.

В последнем примере перед ФП находится антецедент — имя собственное *Хәдидже*, не входящее в состав ФЕ. В отличие от местоименных энклитик антецеденты не являются обязательными структурными элементами ФП. В качестве антецедентов выступают имена существительные (чаще всего существительные со значением лица, имена собственные) и личные местоимения, а иногда именные словосочетания.

С антецедентом могут сочетаться и свободные предложения. Однако характер сочетания слитных местоимений с именными членами внутри свободных предложений и внутри ФП различен. Это находит отражение в различной степени слитности между местоименными энклитиками и именными членами, в возможности или невозможности замены слитных местоимений на антецеденты. Рассмотрим употребление антецедентов в сочетании со свободными предложениями и с ФП.

(1) Сочетания антецедентов со свободными предложениями — *әсб гәймәт-әш геран әст* 'лошадь, цена ее дорога', *әму зәйн-әш бимар шод* 'дядя, жена его заболела', *мән сәр-әм дәрд миконәд* 'я, голова моя болит' — легко трансформируются в предложения, в которых антецеденты становятся определениями или приименными дополнениями: *гәймәт-э әсб геран әст* 'цена лошади дорога', *зәйн-э әму бимар шод* 'жена дяди заболела', *сәр-э мән дәрд миконәд* 'моя голова болит'.

Употребление антецедентов в сочетании со свободными предложениями — не столь распространенное явление и свойственно исключительно разговорной речи. Более типичны для современного персидского литературного языка двусоставные предложения без антецедента. Это дает основание свободные предложения

с antecedентом рассматривать как особое синтаксическое построение, служащее для выделения второстепенных членов — применных дополнений и определений, зависимых от подлежащего, а иногда и от других именных членов предложения⁷.

(2) Иначе обстоит дело в случаях, когда antecedент сочетается с ФП, например:

Мән дэл-айм нэмийәд-ке бэ гонджешк-и азар бэрәсанәм (X, 70, с. 26) 'Мне бывает жалко причинить мучения даже вору'.

Геда Али бәрәйе бәчче джан-аш дәр-мирәфт (ХСК, с. 64) 'Геда Али в ребенке души не чаял'.

Бимар гофт: «Моджәддәдән мән сәда-йе мусиби бэ гуш-айм мирәсәд» (X, 86, с. 39) 'Больной сказал: «Я снова слышу звуки музыки»'.

В приведенных предложениях слитные местоимения являются обязательными, хотя и переменными, элементами. Во многих других ФП слитные местоимения также являются неотъемлемой частью синтаксической структуры этих предложений. В связи с этим появление antecedента, выражающего обычно субъект действия, в сочетании с ФП вызывается не только стремлением обратить особое внимание на субъект, выделить его. В определенных контекстуальных условиях возникает необходимость конкретизировать, уточнить значение слитных местоимений, и тогда в роли antecedента употребляются различные имена существительные или даже субстантивные словосочетания, обозначающие субъект действия. В этих случаях не допускается свободная замена слитных местоимений на antecedенты, которую можно наблюдать при употреблении antecedентов в сочетании со свободными предложениями, ибо в случае такой замены устойчивые предложения превратились бы в искусственные образования. Все это свидетельствует о большей самостоятельности и независимости antecedента в сочетании с ФП по сравнению с antecedентом, употребляемым со свободными предложениями, и до некоторой степени объясняет причины более частого употребления antecedента в сочетании с ФП.

И все же замена слитных местоимений на другие слова, обозначающие субъект действия, бывает возможна. Так, слитные местоимения ФП *һәна-йәш пиш-е кәс-и рәнг нәдарәд* 'никто с ним не считается', *аб ту-йе дэл-айш тәкан михорәд* 'он волнуется, беспокоится', *зафийе-айш тәнг шод* 'он оказался в тяжелом положении' в следующих отрывках получили конкретное выражение:

Дигәр һәна-йе Даш Акол пиш-е кәс-и рәнг нәдашт (ХСК, с. 40) 'Больше никто не считался с Даш Аколем'.

Бэ гоул-е Бәдри зән-айш: Нәгозашт аб ту дэл-е әһл-е ханә

⁷ Необычная позиция antecedента по отношению к другим членам предложения побудила нас рассматривать ее как один из способов синтаксического обособления второстепенных членов, см. [85, с. 118—119].

тәкан бәхорәд (ХСК, с. 17) 'По словам его жены Бадри, он не допускал, чтобы кто-либо из домохозяев волновался'.

Гафийе-йе фолан кала ин рузна дәр базар тәнг шодэ әст (АФ, с. 425) 'Положение такого товара в эти дни на базаре стало критическим'.

Однако случаи замены слитных местоимений на другие слова с конкретным значением в текстах встречаются нечасто. Это, видимо, объясняется тем, что ФП вместе со слитными местоимениями существуют в сознании носителей языка как готовые формулы, которые целиком воспроизводятся в речи.

Замена слитных местоимений в составе ФП полностью исключается, если эти предложения являются безличными. Местоименные энклитики в составе таких предложений могут следовать после: а) имен прилагательных (напр., *хошк-әш зәд* 'он застыл' — от удивления и т. п., 'он застыл в изумлении', 'он опешил', *мат-әш борд* 'он поразился', 'он опешил', *дир-әм шод* 'я опоздал', *горснә-әм әст* 'я голоден') или б) имен существительных (напр., *хәндә-әм герәфт* 'мне стало смешно', 'я рассмеялся', *хаб-әш борд* 'он заснул', *боһт-әш зәд* 'он поразился', *шәрм-әм миайәд* 'мне стыдно')⁸. В этих предложениях наиболее ярко проявляется зависимый, несамостоятельный характер слитных местоимений, которые выступают как слова-заместители, представляющие личные местоимения в различных лицах, имена существительные собственные, а также другие существительные со значением лица.

Глава III

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ФП

Вопрос о структуре ФП, о принципах выделения и разграничения их структурных схем — один из нерешенных вопросов общей теории фразеологии. По существу он специально и не ставился в фразеологической литературе, не нашел он освещения и на материале иранских языков.

Сопоставление ФП со свободными предложениями в персидском языке свидетельствует о большом сходстве синтаксических структур тех и других предложений, что вполне естественно, поскольку образование устойчивых предложений шло главным образом путем фразеологизации свободных предложений. Большинство ФП образовано на основе ограниченного количества

⁸ Подробнее анализ структурно-грамматических особенностей этих предложений проводится ниже, в разделе, посвященном использованию ФП трехкомпонентного состава в роли главного члена безличных предложений. Что касается принципиальных отличий употребления антецедента в сочетании с такого рода ФП от его употребления в сочетании со свободными предложениями и невозможности рассмотрения антецедента как грамматического подлежащего, то эти вопросы находят освещение в статье А. П. Белицина «О некоторых предложениях с обособлением в персидском языке» [20, с. 37].

синтаксических структур, без объективной классификации которых невозможно изучение этих ФЕ.

Необходимость более глубокого изучения строения ФП ставит вопрос о способах синтактико-фразеологического анализа такого рода предложений. Справедливо поставить вопрос, допустим ли обычный синтаксический анализ предложений, которые не создаются заново в речи, подобно обычным грамматическим структурам, а воспроизводятся как готовые построения.

В связи с утратой лексического значения всеми словами-компонентами (немотивированные ФП) либо только некоторыми из них (частично мотивированные ФП) невозможно проводить выделение членов предложения, как это делается при обычном синтаксическом членении свободных предложений. И тем не менее с учетом всех особенностей устойчивых предложений, вытекающих из их фразеологической природы, синтаксический анализ такого рода ФЕ не менее необходим, чем ФЕ со структурой словосочетания. Следует учитывать также и то, что ФП сохраняют структурные схемы свободных предложений.

Каждый структурный тип фразеологии в процессе изучения требует применения к себе разных методов. ФЕ, имеющие форму словосочетаний, изучаются подобно синтаксическим словосочетаниям, следовательно, и ФП должны изучаться подобно тому, как изучаются различные виды свободных предложений в синтаксисе. Как считает В. З. Панфилов, «на синтаксическом уровне способ членения предложения определяет характер элементов его структуры, т. е. членов предложения, поскольку члены предложения в каждом языке характеризуются определенными грамматическими признаками (подлежащим в русском языке не может, например, быть имя в косвенном падеже и т. д.)» [59, с. 229]. Однако фразеологическая природа исследуемых объектов вносит определенные ограничения. В связи с этим целесообразно говорить о синтаксическом анализе ФП, лишь формально соотносительном с обычным синтаксическим анализом. По мнению В. Л. Архангельского, «с одной стороны, теория устойчивых фраз представляет собою часть общей теории синтаксиса предложения, включаясь в него в виде особого раздела наряду с разделом синтаксиса свободных предложений. С другой стороны, теория устойчивых фраз вливается в широкое русло общей теории фразеологии как лингвистической дисциплины» [12, с. 56]. Такой подход дает возможность выявить наиболее типичные структурные схемы ФП.

Своеобразие синтактико-фразеологического анализа состоит в том, что он, как правило, не учитывает реальных семантических отношений между компонентами и ограничивается рассмотрением формально-грамматических отношений между ними, формальным описанием структурных схем ФП и их парадигм.

Персидские ФП весьма разнообразны по своей структуре, по характеру выражаемого в них содержания и его отношения к действительности. По этим характеристикам ФП сближаются со

свободными предложениями. Большинство ФП обладает основным признаком предложения — предикативностью.

По цели высказывания и соответствующей интонации ФП могут быть повествовательными (*д̣аст-а̣ш бэ д̣жофт мир̣ас̣д̣* 'ей пора выходить замуж'), вопросительными (*аб-а̣т н̣а̣буд, нан-а̣т н̣а̣буд?* 'чего тебе не хватало?'), восклицательными (*та чешм-а̣ш кур ш̣ав̣ад!* 'поделом ему!', 'так ему и надо!'). По сравнению со свободными предложениями следует отметить особую устойчивость вопросительных и восклицательных ФП и невозможность превращения их в повествовательные предложения.

Основную массу ФП составляют простые предложения, количество ФП, имеющих структуру сложных предложений (если не принимать во внимание пословицы и поговорки), невелико, например: *м̣а̣г̣а̣р гофт̣а̣м бала-йе чешм-а̣т а̣бру-ст?* 'разве я тебя обидел?', 'разве я тебе что-нибудь сделал?', *пийадэ шо̣у ба н̣а̣м ра̣н бэ̣р̣авим!* 'перестань важничать!', 'брось задаваться!', *ка̣с-и н̣а̣порсид, х̣а̣ р̣а̣т бэ̣ ч̣а̣нд̣ а̣ст* 'никто не обратил на него внимания'.

ФП, СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ С ДВУСОСТАВНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ

ФП с ВК, представленными слитными местоимениями

Среди ФП, соотносительных со свободными двусоставными предложениями, большое распространение получили предложения с обязательными переменными компонентами — слитными местоимениями, которые формально являются определениями, но фактически выражают субъекты, а иногда и объекты действия. В этих предложениях даются различные характеристики субъекта, содержится описание его общественного положения, физического и психического состояния и т. п.⁹. К числу ФП данной разновидности относятся поговорки, включающие в свой состав переменные компоненты — слитные или личные местоимения.

Слитные местоимения в составе такого рода предложений могут быть заменены на личные местоимения, имена существительные нарицательные и собственные или именные словосочетания со значением лица. Но, как было отмечено выше, такая замена происходит сравнительно редко¹⁰.

1. Слитные местоимения относятся к формальному подлежащему или к зависимым от него словам. Такого рода предложения могут состоять только из двух главных членов (напр., *д̣аст-а̣ш ка̣д̣ж̣ а̣ст* 'он нечист на руку', *д̣а̣ндэ-а̣т ми̣ха̣р̣а̣д?* 'зачем

⁹ Как было отмечено выше, подобного рода ФП могут сочетаться с антецедентом — переменным членом, не влияющим на структурные особенности этих предложений и нередко служащим для конкретизации значения слитных местоимений.

¹⁰ Исключение представляют личные местоимения, которые в большинстве разновидностей ФП могут употребляться вместо слитных местоимений.

ты лезешь на рожон?', *бад-айш бала рәфтэ а́ст* 'он очень зазнался', 'он сильно воображает'); в их состав могут входить также второстепенные члены (напр., *хәр-айш а́з пол гоза́шт* 'он достиг своей цели', 'он добился своего', *да́ст-айш бэ джофт ми-рәсәд* 'ей пора выходить замуж', *пай-айш ру-йе пуст-э хәрбозэ а́ст* 'его положение шатко', 'он держится на волоске').

Особое место среди ФП рассматриваемого вида занимают предложения с глагольным компонентом в форме аориста или желательного наклонения. Эти предложения представляют собой различные формулы приветствий, пожеланий, благодарности, порицания, проклятия и т. п.: *сайе-йетан кәм нәшәвәд* 'благодарю вас', 'всего вам хорошего'; *да́ст-этан дәрд нәконәд* 'благодарю вас', 'спасибо' (при получении чего-л. из чьих-л. рук); *дә́м-этан гә́рм башәд!* 'будьте счастливы!', 'желаю вам хорошо провести время!'; *дә́ндэ-айш нә́рм шәвәд!* 'поделом ему!', 'так ему и надо!'; *ханз-айш хә́раб шәвәд!* 'ни дна ему ни покрывки!', 'да будет он проклят!'; *нә́фәс-әт бә́зирәд!* 'заткнись!', 'замолчи!'; *сайе-әт пайә́ндэ бад!* 'да продлится твоя жизнь!', 'будь всегда нашей защитой!'; *сә́р-айш сә́бз бад!* 'всего ему доброго!', 'пусть он процветает!'. Приведенные выше ФП характеризуются неизменяемостью глагольной формы и возможностью сравнительно легкой замены местоименных энклитик на личные местоимения (напр., *сайе-йе шома кә́м нәшәвад*, *да́ст-э шома дә́рд нә́конәд*).

2. Слитные местоимения относятся не к подлежащему, а к второстепенному члену (обычно к дополнению) ФП: *сә́р бэ та́н-айш сә́нгини миконәд* 'ему опротивела жизнь'; *му ба́р ба́дә́н-ә́м раст шод* 'у меня волосы встали дыбом (от страха, удивления)'; *хаб а́з чешм-ә́м рә́фт* 'я лишился сна', 'я потерял сон'; *ин колаһ ба́райе сә́р-айш гошад а́ст* 'это дело ему не по плечу'; *ка́к ту-йе то́мбан-айш офтад* 'он встревожился'; *бо́ғз гә́лу-йә́ш-ра герә́фт* 'его душили слезы', 'у него подступил комок к горлу'; *шах бэ джи́б-айш нә́мирәвәд* 'его на мякине не проведешь' и т. д.

3. Слитные местоимения следуют одновременно после подлежащего и второстепенного члена ФП: *сә́р-айш бэ колаһ-айш ми-а́рзәд* 'он порядочный человек'; *да́ст-айш бэ да́һан-айш ми́рәсәд* 'он живет неплохо', 'он человек состоятельный'; *пә́дә́р-ә́м пиш-е чешм-ә́м амәд* 'я света невзвидел', 'я дошел до изнеможения'; *да́ст-айш бэ пошт-айш нә́мирәсәд* 'он совсем беспомощен', 'он ничего не может сделать сам'; *дә́л-ә́м дә́р дә́л-ә́м нә́манәд* 'я ослабел, изнемог (от волнения)' и т. д. В приведенных примерах слитные местоимения в обоих случаях обозначают одно и то же лицо.

В отдельных ФП слитные (или личные) местоимения, употребленные после формальных подлежащих и дополнений, относятся к разным лицам; в этом случае первое местоимение, относящееся к подлежащему, выражает субъект действия, а второе местоимение, следующее за дополнением, обозначает объект

действия, например: *дәст-әм зир-э сәнг-әш амәд* 'я попал к нему в зависимость', 'я полностью завишу от него', *чешм-әм бә дәст-этан әст* 'я завишу от вас', 'на вас вся моя надежда'.

ФП, не имеющие в своем составе слитных местоимений

ФП, построенные по схеме двусоставных предложений и не имеющие слитных местоимений, на основе содержания и некоторых конструктивных признаков можно подразделить на три подвиды.

1. К первому подвиду относятся ФП, в которых сообщается о складывании определенной ситуации, характеризуется окружающая обстановка или просто регистрируется какой-либо факт. Глагольный компонент таких ФП имеет форму одного из времен изъявительного наклонения: *рәштэ-йе кар бә дәст амәд* 'дело налаживается'; *һәва һәс әст* 'обстановка неблагоприятна'; *индәжа һичкәс бә һичкәс нист* 'здесь суматоха, неразбериха'; *гәмәр дәр әгрәб әст* 'положение пиковое'; *шотор әз сурах амәд* 'наконец-то свершилось невероятное' (о каком-л. трудновыполнимом деле); *чешм чешм-ра нәмибинәд* 'ни зги не видно', 'темно, хоть глаз выколи'; *кар бә джан-о кард бә остохан рәсид* 'сложилась невыносимая обстановка', 'отношения крайне обострились'; *кар әз кар гозәштә әст* 'все кончено', 'все потеряно', 'жребий брошен' и т. д.

К этому же подвиду ФП следует отнести пословицы, имеющие структуру двусоставных предложений: *дәст бала-йе дәст бәсйәр әст* 'на каждого найдется управа'; *сәварэ әз пийадә хәбәр нәдарәд* 'всаднику нет дела до пешего' (соотв. 'сытый голодного не разумеет'); *сәг-е зәрд бәрадәр-э шәгал әст* 'желтая собака — брат шакала' (соотв. 'хрен редьки не слаще'); *дәл бә дәл раһ дарәд* 'сердце к сердцу найдет дорогу' (соотв. 'сердце сердцу весть подает') и т. д.

2. ФП второго подвида составляют небольшую группу. К ним относятся предложения с глаголом в форме аориста, выражающие различные пожелания, например: *зәрр-э джан нәбашәд* 'лишь бы сам был здоров', 'лишь бы не принесло вреда здоровью' (говорят человеку, понесшему убытки), *хода бәд нәдәһәд* 'да поможет вам бог' (употребляется в начале разговора), *хода нәконәд* 'не дай бог'.

3. Третий подвид ФП составляет серия предложений, в которых моделирующими компонентами служат существительное *дәжа* 'место', приобретающее в составе таких предложений значение 'причина', 'основание', и глагол-связка *әст* (в положительной или отрицательной форме). Такого рода моделированные ФП выступают в качестве главной части сложноподчиненных предложений с придаточными дополнительными: *дәжа-йе дәриг нист-ке...* 'не следует сожалеть, что...', *дәжа-йе тәйссөф әст-ке...*

'жаль, что...', *джа-йе тярди нист-ке...* 'несомненно, что...', *джа-йе тайджэжоб аист-ке...* 'удивительно, что...'. Слово *джа* обычно сочетается с существительными, обозначающими сомнение, сожаление, удивление, радость, жалобу. Исключение представляет сочетание этого слова с указательными местоимениями *ан* 'тот' и *ин* 'этот': *джа-йе ан нист-ке...* 'не следует, чтобы...'.
* * *

В самостоятельную группу следует выделить некоторые ФП как со слитными местоимениями, так и без них. Особенность этих ФП состоит в том, что они сохраняют тесную связь со свободными членами — косвенными дополнениями и обстоятельствами места, являющимися, подобно слитным местоимениям, конститутивными элементами ФП. Между ФП и этими словами связь устанавливается с помощью строго определенных предлогов. В виртуальной форме ФП эти свободные члены обычно выражаются личными и указательными местоимениями, местоименными наречиями *анджа* 'там', *инджа* 'здесь', которые при актуализации в контексте могут быть заменены на другие соответствующие им по значению слова.

ФП этой разновидности представлены предложениями со слитными местоимениями в качестве обязательных элементов при формальных подлежащих (напр., *дэл-ам бярйе у пяр мизайнд* 'мне очень хочется его видеть', *джан-айш бярйе у мирвайд* 'он души в нем не чаёт', *гояр-ам бэ анджа офтад* 'мне случилось там пройти', 'мне довелось там побывать', *па-йайш бэ анджа рясид* 'он вошел туда', 'он поступил туда') и предложениями без слитных местоимений (напр., *йек па-йе бад-и бярйе ман офтад* 'со мной произошел неприятный случай', *му-йи дяр мий-ан-э анна нэмигонджайд* 'они очень дружны', 'их водой не разольешь').

Характер грамматической связи между ФП и свободными членами может быть сопоставлен с характером грамматической связи, существующей между глаголами с так называемым «сильным управлением» и зависимыми от них словами, например: *эстэфа-дэ кярдэн* 'использовать (кого, что — *ай*)', *айфзудэн* 'увеличивать (что — *бэ, бяр*)', *дэфа кярдэн* 'оборонять, защищать (кого, что — *ай, -ра*)', *поштибани кярдэн* 'поддерживать (кого, что — *ай*)'. И в тех, и в других случаях употребляются строго определенные предлоги, зависимые члены не могут быть опущены.

ФП, СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ С ОДНОСОСТАВНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ

ФП, соотносительные с односоставными предложениями, могут иметь формально-грамматическую структуру определенно-личных, неопределенно-личных и обобщенно-личных предложений. Особого рассмотрения заслуживают ФП, выступающие в роли безличных предложений.

Важной особенностью ФП, отличающей эти устойчивые предложения от соответствующих свободных односоставных предложений, является то, что их глагольный компонент характеризуется неполной парадигмой, а многие ФП этого типа вообще представлены предложениями с фиксированной, застывшей формой глагола¹¹.

ФП, соотносительные с определенно-личными предложениями

В ФП, соотносительных с определенно-личными предложениями, субъект действия выражается личными окончаниями глаголов. Эти предложения тесно связаны с ситуацией в момент речи и соотносены с конкретным субъектом. Глагол может стоять в форме одного из времен изъявительного наклонения: *мәгәр кәфф-э дәст-әм-ра бу кәрдә әм?* и *кәфф-э дәст-әм-ра бу нәкәрдә әм?* 'откуда мне знать?', 'как я могу догадаться?', *хәдмәт нәмирә-сим* 'мы редко видим вас', 'мы не можем заставить вас', *эхтий-ар дарид* 'ваша воля', 'как вам угодно', 'что вы?!', 'помилуйте!', *хош амәдид!* 'добро пожаловать!', 'милости просим!' и т. д.; сослагательного наклонения: *че хак-и бә сәр-әм бәризәм?* 'что мне делать?', 'как мне быть?', *даг-әт-ра нәбинәм!* 'да сохрани тебя бог!', *гәрбан-әт шәвәм!* 'дорогой мой!', 'дорогая моя' (букв. 'да стану я жертвой за тебя') и т. д.; в повелительном наклонении: *сәбз бәшид!* 'будьте счастливы!', 'будьте здоровы!', *дәст бә дәл-әм мәгозар!* 'не мучай меня!', 'оставь меня в покое!', *кәшк-әт-ра бәсаб!* 'не суй нос не в свое дело!', *гур-әт-ра гом кон!* 'пошел вон!', 'убирайся!' и т. д.

ФП, соотносительные с неопределенно-личными предложениями

ФП, соотносительные на основании чисто формального признака (глагол в 3-м л. мн. числа) с неопределенно-личными предложениями, обнаруживают весьма незначительную семантико-грамматическую связь с последними, поскольку значение неопределенности формы 3-го лица мн. числа глагола в общем значении предложения, как правило, прямо не выявляется: *дәр-э донйа-ра нәбәстә әнд* 'есть выход', 'не все потеряно' (букв. 'двери мира еще не закрыли'), *маст бә дәһан-әш майе зәдә әнд* 'он словно воды в рот набрал' (букв. 'у него во рту заквасили кислое молоко'), *наф-э ма-ра ба һәм нәборидә әнд* 'между нами нет ничего общего' (букв. 'наши пуповины вместе не отрезали'), *бәрат-әш-ра бәр сәр-э йәх нәвәштә әнд* 'это еще вилами на воде писано' (букв. 'его вексель написали на льду'), *дәст-о ру-йәш-ра шостә әнд* 'он невоспитан, груб, неотесан' (букв. 'его руки и лицо помыли') и т. д.

¹¹ Об ограниченных возможностях изменения глагольного компонента ФП по лицам, временам и наклонениям см. с. 208—209 наст. изд.

ФП, соотносительные с обобщенно-личными предложениями

ФП, соотносительные с обобщенно-личными предложениями, представлены в основном пословицами. Поскольку для пословиц характерно обобщающе-назидательное значение, поэтому содержательная сторона этих устойчивых предложений вполне соответствует грамматическому значению данной разновидности односоставных предложений. Глагольный компонент может стоять в одном из времен изъявительного или сослагательного наклонения во 2-м л. ед. числа (напр., *һәр че асан йафти, асан дәһи* 'что легко наживешь, легко и проживешь'; *ба ник нәшһини ник шәви, ба диг нәшһини сийаһ* 'с хорошим сядешь — хорошим станешь, с котлом сядешь — черным станешь', соотв. 'с кем поведешься, от того и наберешься') или в 3-м л. мн. числа (напр., *дәждәһна-ра ахәр-ә пайиз мишомарәнд* 'цыплят по осени считают'; *бәрайе йек бинәмаз дәр-ә мәсдәжд-ра нәмибәндәнд* 'из-за одного еретика двери мечети не запирают'), в форме повелительного наклонения (напр., *би гәдар бә аб мәзән* 'не зная броду, не суйся в воду'; *ан йәдр бәйәз ке-бәтәвани бәхәри* 'вари столько, сколько сможешь съесть', соотв. 'сам себе во всем мере знай').

ФП, выступающие в роли главного члена безличных предложений

В отличие от рассмотренных выше ФП, соотносимых со свободными односоставными предложениями, данная разновидность ФП не всегда имеет соотносительные формы в структурных схемах свободных предложений. По своему глобальному значению и характеру функционирования в речи эти предложения занимают особое положение среди ФП.

В персидском языке в отличие от многих других языков, где главный член безличных предложений наиболее часто выражается безличными глаголами, эта форма выражения не получила развития. Как показывает изучение персидских безличных предложений, главный член их может выражаться некоторыми простыми глаголами (в том числе в форме пассивного залога), специальными синтаксическими конструкциями, глагольными ФЕ и ФП¹².

Из глагольных ФЕ для образования безличных предложений обычно используются непереходные СГ, которые, подобно простым глаголам в форме пассивного залога, могут иметь безличное значение. Такого рода СГ обозначают процессы речи и умственной деятельности и наиболее часто выступают в роли главных частей сложноподчиненных предложений, например: *ә'лам шәд кә...* 'объявлено, что...' (СГ *ә'лам шәдән* 'объявляться')

¹² Способы выражения главного члена безличных предложений рассматриваются в канд. дис. А. П. Белицина [19].

‘сообщаться’), *пишнэнад шод-ке...* ‘предложено, чтобы...’ (СГ *пишнэнад шодан* ‘предлагаться’), *бэ нэзэр мирэсад-ке...* ‘кажется, что...’ (СГ *бэ нэзэр рэсидан* ‘казаться’, ‘выглядеть’, ‘представляться’) ¹³.

Безличные ФП (далее — БФП) — одна из наиболее распространенных структурных форм выражения синтаксической категории безличных предложений в персидском языке. Как и все безличные предложения, они характеризуются тем, что в них отсутствует подлежащее как грамматическое выражение субъекта действия и оно не может быть восстановлено. Фразеологическая природа таких предложений не вызывает сомнений: они характеризуются высокой степенью устойчивости и воспроизводимостью в качестве готовых языковых единиц. Кроме того, устойчивость этих предложений поддерживается переосмыслением одного из компонентов (чаще глагольного, напр., *хандэ нэдарэд* ‘не смешно’, *энтэзар дарэд-ке...* ‘ожидается, что...’), а иногда двух компонентов (одновременно именного и глагольного, напр., *керайе нэмиконд* ‘не стоит’, ‘не выгодно’, букв. ‘аренду не делает’; *хошк-эш зад* ‘он застыл в изумлении’), необычным лексическим и грамматическим значением глагольного компонента в результате утраты им значения 3-го л. ед. числа. Все БФП обладают семантической неделимостью и выступают как неразложимые синтаксические единства.

БФП могут входить в состав сложноподчиненных и сложносочиненных предложений. При этом следует различать две разновидности БФП: предложения, которые входят в состав сложных предложений факультативно, — их вхождение в состав сложного предложения не обусловлено семантикой и структурой и не является поэтому обязательным, и предложения, которые всегда выступают в составе сложных предложений, — это обусловлено их значением и структурными особенностями ¹⁴.

В состав значительной части БФП в качестве обязательного элемента входят местоименные энклитики, обозначающие субъект, который является производителем действия, либо субъект, испытывающий состояние. Таким образом, можно выделить бес-субъектные и субъектные БФП: ср., например, бессубъектное предложение *эйб нэдарэд* ‘ничего’, ‘ничего не значит’ и субъектное предложение *дэриг-эм амэд* ‘мне стало жалко’.

Бессубъектные БФП

Этот тип БФП в основном представлен предложениями двухкомпонентного состава — «имя + глагол в 3-м л. ед. числа». Количество глаголов, входящих в состав таких безличных предложе-

¹³ В книге П. Ханляри «Структура глагола» отмечается наличие ряда СГ, которые в персидском языке IX—XIII вв. выступали как безличные [123, с. 97—102].

¹⁴ Характеристику самостоятельных и несамостоятельных ФП см. на с. 211—215 наст. изд.

ний, невелико. Глаголы сочетаются с определенным кругом имен существительных. Грамматическое значение лица глагола стирается. Именно необычное лексико-грамматическое значение глагола в таких предложениях делает их безличными¹⁵.

В БФП двухкомпонентного состава основную семантическую нагрузку несет именной компонент, определяющий значение всей ФЕ. Иногда он может иметь артикль и зависимые слова, причем фразеологическая цельность предложения от этого не нарушается: *нич тайджджоб-и надард* 'ничего удивительного' (букв. 'никакого удивления не имеет'), *джа-йе ан дард-ке...* 'было бы уместно, чтобы...', 'было бы хорошо, чтобы...' (букв. 'место того имеет, чтобы...'), *энтэмал-е гави дард-ке...* 'весьма вероятно, что...' (букв. 'сильную вероятность имеет, что...').

Если в приведенных выше примерах отрицательное местоимение *нич*, указательное местоимение *ан* и прилагательное *гави* можно рассматривать как факультативные члены, вносящие определенные семантические и экспрессивные оттенки в значение предложений (ср. с соответствующими безличными предложениями без этих слов — *тайджджоб надард* 'не удивительно' и *джа дард-ке...* 'уместно, чтобы...'), то в некоторых БФП слова, относящиеся к именному компоненту, являются обязательными членами, входящими в структуру фразеологизма, например: *бим-э ан мирвд-ке...* 'имеется опасение, что...' (букв. 'страх того идет, что...'), *че эйб дард?* 'ну и что же', 'пожалуй', 'так и быть' (букв. 'какой недостаток имеет?'), *че зярр дард* 'ничего', 'в этом нет ничего плохого'. Пропуск местоимений *ан* 'тот' и *че* 'какой' в этих ФЕ привел бы к их разрушению. Количество таких БФП строго ограничено.

Следует отметить также, что в разговорно-просторечном стиле встречаются случаи употребления после именного компонента слитного местоимения 3-го л. ед. числа; ср., например, *керайе нэмиконд* и *керайе-йш нэмиконд* 'не стоит', 'невыгодно'. Прибавление слитного местоимения *-йш* не вносит никаких дополнительных семантических и стилистических оттенков в содержание предложения.

БФП двухкомпонентной структуры по характеру семантических отношений между именной и глагольной частями весьма близки к СГ. Имя и глагол теряют отдельное самостоятельное значение, между ними отсутствуют предикативные, комплетивные или атрибутивные связи — все это создает семантическую цельность и неделимость таких предложений. Однако в отличие от СГ глагольный компонент БФП не изменяется по лицам. Форма 3-го л. ед. числа, в которой ставится глагольный компонент, служит основным средством выражения безличности.

¹⁵ Некоторые исследователи выступают против термина «безличные предложения» на том основании, что глагол в таких предложениях хотя и имеет, по их мнению, форму «настоящего» 3-го л. ед. числа, но полностью безличным не становится. А. М. Пешковский, например, предлагал вместо этого новый термин «предложения с устраненными подлежащими» [68, с. 317].

Часто один и тот же глагол, подобно КГ в составе СГ, образует несколько предложений. В связи с этим выделяются БФП, образующиеся на основе одинаковых глаголов, и БФП, представляющие собой единичные, нестандартные образования.

Рассмотрим три разновидности БФП, в качестве глагольных компонентов которых используются глаголы *даштӓн* 'иметь', *рӓфтӓн* 'идти' и *кӓрдӓн* 'делать'. БФП, построенные на основе двух глаголов — *даштӓн* и *рӓфтӓн*, имеют характер серийных образований; наиболее продуктивным из них является глагол *даштӓн*. Наоборот, БФП с глаголом *кӓрдӓн* — нестандартные образования.

1. Предложения, образованные сочетанием имени существительного и формы 3-го л. ед. числа глагола *даштӓн*, встречаются в положительной и отрицательной формах: *тӓйдӓждӓжоб дарӓд* 'удивительно', *хӓндэ нӓдарӓд* 'не смешно', *зӓбахӓйт дарӓд* 'стыдно', 'неприлично', *тӓ'риф нӓдарӓд* 'не заслуживает похвалы', 'так себе', *нӓгӓл-и нӓдарӓд* 'не стоит говорить', 'неинтересно' и т. д.

Анализ использования в речи такого рода БФП показывает, что положительная и отрицательная формы не всегда коррелируют друг с другом. В одних случаях допустимы и положительная, и отрицательная формы, например: *тӓйдӓждӓжоб дарӓд* 'удивительно' и *тӓйдӓждӓжоб нӓдарӓд* 'не удивительно', *хӓндэ дарӓд* 'смешно' и *хӓндэ нӓдарӓд* 'не смешно'; в других случаях употребительной является только одна форма (обычно отрицательная), например: *зӓб нӓдарӓд* 'ничего', 'ничего не значит', *тӓшӓккор нӓдарӓд* 'не стоит благодарности', *кар-и нӓдарӓд* 'это нетрудно', 'здесь нет ничего трудного'.

Предложения *герӓе дарӓд* 'грустно', 'хочется плакать' и *герӓе нӓдарӓд* 'не стоит плакать', видимо, следует рассматривать как самостоятельные ФЕ, поскольку они имеют разные значения. Изменение семантики во втором предложении не связано только с тем, что глагол стоит в отрицательной форме.

В качестве ИЧ данной разновидности ФП выступают имена существительные отвлеченные, относящиеся к разным семантическим подклассам. Однако далеко не каждое отвлеченное существительное может входить в состав таких БФП. Например, на основе существительного *омид* 'надежда' не образуется БФП *омид дарӓд*.

Предложения с глагольным компонентом *даштӓн* передают широкий диапазон значений, но преобладающим является модальное значение долженствования, возможности или невозможности совершения действия. Особое лексико-грамматическое значение этого глагола, проявляющееся только в составе безличных оборотов, создает значение безличности для всего предложения. Это значение наиболее ясно можно ощутить, если сравнить употребление глагола *даштӓн* в глагольных словосочетаниях и в составе БФП; ср., например, *надӓжӓт даштӓн* 'нуждаться', 'иметь

надобность' и *наджәйт нәдарәд* 'не нужно', 'нет необходимости', *монасэбәт даштән* 'иметь отношение', 'иметь связь', 'находиться в родственных отношениях' и *монасэбәт нәдарәд* 'неуместно', *әрзеш даштән* 'стоить', 'иметь цену', 'иметь значение, ценность' и *әрзеш нәдарәд* 'не стоит', 'не имеет смысла'.

Как показывает анализ безличных предложений с глаголом *даштән*, большинство из них строится по определенной структурно-семантической модели. Поскольку именной компонент сохраняет свое лексическое значение, общее значение образующегося предложения может быть приблизительно предсказано. Все это дает основание рассматривать подобные предложения как моделированные образования: *гәбәһәт дарәд* 'стыдно', *тәмаша дарәд* 'стоит посмотреть', *хәтәр дарәд* 'опасно', *дәрд дарәд-ке...* 'больно, что...', *хәндә нәдарәд* 'не смешно', *хәдҗәләт нәдарәд* 'не стоит стыдиться', *гофтогу нәдарәд-ке...* 'не стоит говорить, что...' и т. д. Небольшое количество безличных предложений, в которых именной компонент частично или полностью утрачивает свое значение, должно быть отнесено к немоделированным, нестандартным образованиям (напр., *эйб нәдарәд* 'ничего', 'ничего не значит' — букв. 'недостатка не имеет', *че зйб дарәд?* 'ну и что же', 'так и быть' — букв. 'какой недостаток имеет?', *әллабәллаһ нәдарәд* 'безусловно' — букв. 'ей богу не имеет').

БФП с глаголом *даштән* могут употребляться самостоятельно, но наиболее часто встречаются в составе сложных предложений. Примеры:

...*Дҗа дарәд-ке оўля-йе омур-э Иран һәмә ноў'-э комәк вә мосәдәт дәр ин баб бәнәмайәнд* (Э, 13211) '...Следует, чтобы руководители Ирана оказали всяческое содействие в этом вопросе'.

Гофтәм зйб-и нәдарәд, әшк бәриз ке-герйе бәр һәр дәрд-э бидәрман дәва-ст (ДЖК, с. 25) 'Я сказал: «Ничего, поплачь, ибо слезы — лекарство от всякой неизлечимой болезни'.

Зәрурәт дарәд-ке һәмә-йе ләһдҗеһа-ра ба мәтод-э монәззәм-э элми ... зәйт-ә тәдвин вә бә'д монтәшер конәнд (ПН, 4, с. 27) 'Необходимо, чтобы все диалекты ... собирали и регистрировали строго научным методом, а затем [материалы] публиковали'.

Некоторые предложения с глаголом *даштән* могут терять свою «безличность» и выступать в качестве сказуемых двусоставных предложений, ср., например, *тә'риф нәдарәд* 'так себе', 'не заслуживает похвалы' и *ин филм тә'риф нәдарәд* 'это неинтересный фильм'.

2. БФП, образованные сочетанием имени существительного и формы 3-го л. ед. числа глагола *рәфтән* 'идти', составляют небольшую группу: *эһтәмал мирәвәд-ке...* 'возможно, что...', 'вероятно, что...', *гоман мирәвәд-ке...* 'думается, что...', 'можно предположить, что...', *эһтэзар мирәвәд-ке...* 'ожидается, что...',

‘представляется возможным, что...’, *tāsāvvor mirāvāḍ-ke..* ‘предполагается, что...’, *бим-э ан мирāvāḍ-ке...* ‘имеется опасение, что...’.

Устойчивые предложения этого вида передают модальные значения возможности, предположения, неуверенности и выступают в качестве главной части сложноподчиненных предложений с придаточными дополнительными. Союз *ке* не является констатитивным членом этих предложений, так как он может опустаться.

Утрата глаголом *рāфтāн* своего реального значения в составе таких предложений подтверждается также тем, что в ряде безличных оборотов он может заменяться глаголом *даштāн*, форма 3-го л. ед. числа которого, как было показано выше, является типичной для двухкомпонентных безличных предложений, например: *энтэмал дарāд-ке...* ‘возможно, что...’, *энтэзар дарāд-ке...* ‘ожидается, что...’.

3. БФП, в составе которых в качестве компонента выступает глагол *кāрдāн*, не являются продуктивными образованиями: *фāрғ нэмиконāд* ‘безразлично’, ‘все равно’, *сāрфэ нэмиконāд* ‘невыгодно’, *керāйе нэмиконāд* ‘не стоит’, ‘невыгодно’. Глагол *кāрдāн* утрачивает свое обычное активное, переходное значение и употребляется в отрицательной форме. Фиксированная форма глагола создает особую устойчивость таких оборотов.

Глагол *кāрдāн* в составе некоторых БФП может быть заменен на глагол *даштāн*: *фāрғ нāдарāд*, *сāрфэ нāдарāд*; при этом значение предложений не меняется.

Рассмотренные выше три разновидности устойчивых предложений по структуре и характеру семантических взаимоотношений между компонентами весьма близки к личным формам персидских СГ, которые также имеют двухкомпонентное строение. Поэтому можно было бы предположить, что подобного рода безличные предложения представляют собой формы безличных СГ (напр., *герйе даштāн*, *энтэмал рāфтāн*, *tāsāvvor рāфтāн*). Однако для такого подхода к этим видам ФЕ нет достаточных оснований.

Известно, что в персидском языке инфинитивная форма простого или сложного глагола, а также МГФ может употребляться в функции субстантивных членов предложения, получая соответствующие грамматические показатели и значение. БФП никогда не встречаются в форме инфинитива. Поэтому вполне логично те устойчивые глагольные формы, которые не могут употребляться в инфинитиве, рассматривать как ФП. Инфинитивные сочетания типа *герйе даштāн*, *энтэмал рāфтāн* носят явно искусственный характер: они никогда не выполняют номинативной функции и поэтому, естественно, единственная форма их существования — предложение. В словарях они должны фиксироваться в форме предложений.

В то же время встречаются случаи, когда БФП внешне совпадают с личными формами СГ в 3-м л. ед. числа; ср., напри-

мер, *керайе нэмиконд* 'не стоит', 'невыгодно' и *керайе нэмиконд* (отрицательная форма 3-го л. ед. числа СГ *керайе кърдэн* 'сдавать в аренду', 'оплачивать проезд'), *фърэ нэмиконд* 'безразлично', 'все равно' и *фърэ нэмиконд* (отрицательная форма 3-го л. ед. числа сложного глагола *фърэ кърдэн* 'различаться', 'изменяться'); ср. также многие из рассмотренных выше БФП с глаголом *даштэн* и соответствующие глагольные словосочетания.

Возникает вопрос, как рассматривать подобного рода безличные предложения — как самостоятельные ФП или как личные формы СГ, употребленные в безличном значении. Семантико-грамматический анализ этих предложений показывает, что они являются омонимичными формами. От соответствующих личных форм СГ они отличаются тем, что получают новое грамматическое значение безличности. Кроме того, глагольный компонент многих БФП употребляется только в отрицательной форме; часто содержание БФП расходится со значением соответствующих СГ.

БФП — фразеологические штампы

Среди БФП двухкомпонентного состава по своей структуре и синтаксическому использованию выделяются обороты, которые можно рассматривать как фразеологические штампы. Они всегда выступают в роли главных частей сложноподчиненных предложений, т. е. являются незавершенной частью сложноподчиненных предложений: *нагофтэ нйманд-ке...* 'следует отметить, что...', *лазэм нйкърдэ-ке...* 'необязательно, чтобы...', 'нет необходимости в том, чтобы...', *кям мандэ буд-ке...* 'чуть было не...', *кям мандэ аст-ке...* 'вот-вот...', 'того и гляди...', *нйздик аст-ке...* 'вот-вот...' и т. д. Значительная часть такого рода предложений по существу превратилась в модальные выражения и требует после постановки глагола-сказуемого в форме аориста, например:

Нйздик буд бийофтэд (АН, с. 21) 'Он чуть было не упал'.

Ин айджэб нйздик буд-ке эхтийар-ра айз кйфф-э мян бэробайд (АЧ, с. 54) 'Это слово «удивительно!» чуть было не лишило меня самообладания'.

Субъектные БФП

К субъектным БФП относятся предложения трехкомпонентного состава — «имя+слитное местоимение+глагол в 3-м л. ед. числа»: *нйф-эш амд* 'ему стало жалко', *нйнг-эм миайд* 'мне стыдно', *хав-эш борд* 'он заснул', *эйм-эм герэфт* 'мне стало грустно' и т. д.¹⁶ В отличие от БФП первого типа данные

¹⁶ От рассматриваемой группы БФП трехкомпонентного состава следует отличать БФП, у которых первый именной компонент имеет предлог (обычно *бэ* или *дэр*). Они образуют немногочисленную группу ФП и используются в качестве главных частей сложноподчиненных предложений (напр., *бэ зймйт-эш нэймйр-зид-ке...* 'не стоит того, чтобы...', *бэ дэл-эм офтад-ке...* 'у меня возникло предчувствие, что...', 'мне пришло в голову, что...') и как самостоятельные безличные предложения (напр., *бэ калле-эш зид* 'он сошел с ума').

предложения обладают большой монолитностью, что находит выражение в невозможности употребления определения или артикля с именным компонентом. Кроме того, трехкомпонентная структура рассматриваемых предложений не может быть сведена к двухкомпонентной, ибо в их состав всегда входят слитные местоимения, свободно изменяющиеся по лицам: *rāhm-ām amād* 'мне стало жалко', *rāhm-āt amād* 'тебе стало жалко', *rāhm-āsh amād* 'ему стало жалко' и т. д.

Известно, что слитные местоимения в функции грамматического объекта часто употребляются после ИЧ СГ, например: *Дэлхош будām-ке эншайллаһ фйрамуш-ām кярдэ анд* (ДЖК, с. 141) 'Я был рад, авось они меня забыли'. Поэтому важно отличать слитные местоимения в составе СГ, где их употребление является факультативным, от слитных местоимений в составе БФП, где они выступают как конститутивные элементы. Кроме того, в составе БФП слитные местоимения всегда выражают субъект действия, а с СГ они употребляются в функции объекта.

Следует отличать также употребление слитных местоимений в БФП трехкомпонентного состава от употребления слитных местоимений в ФП, соотносительных с двухсоставными предложениями. В последних возможна замена слитных местоимений на личные местоимения, имена существительные и именные словосочетания со значением лица, тогда как в БФП замена слитных местоимений полностью исключается.

Как и в предыдущем типе БФП, основную семантическую нагрузку несет на себе именной компонент, выражаемый обычно отвлеченными существительными со значением чувств, переживаний. Отсюда вытекает и общее значение таких предложений — выражение психофизического состояния логического субъекта: удивление, стыд, гнев и т. д. Случаи, когда именной компонент выражается прилагательными, не типичны для этих предложений: *хошк-āsh зяд* 'он застыл в изумлении' (*хошк* 'сухой'), *дир-ām шод* 'я опоздал' (*дир* 'поздний').

Глагольный компонент утрачивает частично или полностью лексическое значение и выполняет в основном грамматическую функцию — служит показателем предикативности предложения; он всегда представлен глаголом в 3-м л. ед. числа. В качестве глагольного компонента выступает небольшое число глаголов; причем некоторые из них служат основой для образования многих БФП (напр., *амйадан* 'приходить', *герэфтан* 'брат'). В зависимости от глагола, образующего БФП, можно выделить несколько разновидностей предложений.

1. БФП с глагольным компонентом *амйадан* выражают психофизическое состояние субъекта, вызванное каким-либо действием извне: *шйрм-ām миайад* 'мне стыдно', *рйшк-āsh амйад* 'ему стало завидно', *дйрд-ām миайад* 'мне больно', *гэлгэлк-āsh миайад* 'ему щекотно', *хандэ-ām миайад* 'мне смешно' и т. д. Семантические взаимоотношения между компонентами, выводимость об-

щего значения на основе значения ИЧ дают основание рассматривать глагол *амддн* как моделирующий компонент, а сами предложения — как моделированные образования.

По-видимому, к БФП трехкомпонентного состава следует отнести и предложения *хош-йм миайд* 'мне нравится', *бд-аш миайд* 'ему не нравится', в которых ИЧ представлена прилагательными *хош* 'приятный', 'хороший' и *бд* 'плохой', например:

Дорост нэмифаймидйм мэнзур чист, амдэ хош-йм миамд (БН, с. 73) 'Я толком не понимал, что это означает, но мне нравилось'.

В то же время нельзя не отметить двойственную природу этих предложений: с одной стороны, в современном языке они наиболее часто проявляют себя как БФП, а с другой — обнаруживают свойства СГ. К таким свойствам можно отнести возможность употребления этих сочетаний в инфинитивной форме и случаи пропуска слитных местоимений, например: *бэ мэзаз-э кэс-и хош амддн* 'приходиться кому-л. по вкусу', 'нравиться кому-л.'; *Чера ченин то-ра бд амд?* (АФ, с. 573) 'Почему тебе так не понравилось?'; *Хошамд нэр ке-ра гофти хош амд* (АФ, с. 242) 'Всякому лест нравится', *хода-ра хош нэмийд* 'нехорошо', 'грешно' (букв. 'богу не угодно, не нравится').

Большинство из рассматриваемых предложений допускает и другую, более архаичную конструкцию, при которой вместо слитного местоимения употребляется личное местоимение с послелогом *-ра*, помещаемое впереди ИЧ: *мэ-ра шэрм миайд* 'мне стыдно', *у-ра рэшк амд* 'ему стало завидно', *мэ-ра аджэб амд* 'я удивился' и т. д. Однако эта конструкция малоупотребительна в современном языке и свойственна книжному стилю. Ее следует рассматривать как вариантную.

2. БФП с глагольным компонентом *герэфтн*, который вносит в общее содержание предложения значение инхоативности: *гэһр-аш герэфт* 'им овладела ярость', *хэндэ-йм герэфт* 'мне стало смешно', 'меня разобрал смех', *дэнг-аш герэфт* 'ему взбрело в голову', *хэшм-аш герэфт* 'его охватил гнев', *сорфз-аш герэфт* 'он закашлялся' и т. д. Большинство предложений, образованных с этим глаголом, выступает как моделированные образования. Возможен также и другой вариант БФП, встречающийся более редко и носящий архаический характер: вместо слитного местоимения употребляется личное местоимение с послелогом *-ра*, помещаемое перед именным компонентом: *у-ра гэһр герэфт* 'им овладела ярость', *мэ-ра хэндэ герэфт* 'мне стало смешно', 'меня разобрал смех' и т. д. Однако употребление этого варианта допустимо не во всех БФП с глаголом *герэфтн*. Например, в некоторых предложениях, свойственных разговорно-просторечному стилю, встречается только конструкция со слитными местоимениями: *шухи-аш герэфт* 'ему захотелось пошутить', *аваз-аш герэфтэ* 'ему приспичило петь', *рэгс-аш герэфт* 'его так и подымает пуститься в пляс' и т. д.

В связи с тем, что некоторые предложения трехкомпонентного состава с глаголами *амддйн* и *герэфтйн* могут иметь варианты конструкции — контактное положение именного и глагольного компонентов с послеложным дополнением, — вполне логично поставить вопрос о наличии в современном языке соответствующих безличных СГ.

Авторы некоторых персидских словарей и грамматик приводят такого рода безличные обороты в виде инфинитивных форм без слитных местоимений: *хаб бордйн*, *хяндэ герэфтйн* и т. д. [см. 132, с. 922, 947]. П. Ханляри называет такие СГ «безличными» (*нагозйр*) и отмечает, что они имели распространение в персидском языке раннего периода [123, с. 97].

Если обратиться к памятникам ранненовоперсидского языка, то можно констатировать, что для выражения субъекта действия наряду со слитными местоимениями в аналогичных случаях использовались личные местоимения, имена существительные и именные словосочетания. Причем эти слова и словосочетания, формально выступая в роли косвенного дополнения, оформлялись послелогом *-ра* и располагались впереди именной части. Все это, видимо, позволяет рассматривать такие глагольно-именные сочетания как СГ, выражающие внутреннее состояние субъекта, замыкающееся в самом субъекте. Особенностью функционирования подобных СГ является то, что глагольный компонент всегда ставится в форме 3-го л. единственного числа, т. е. эти СГ являются одноличными. Некоторые из этих СГ могли употребляться не только в безличных предложениях, но и в двусоставных предложениях, имея при себе подлежащее, так что безоговорочно нельзя все подобные СГ считать безличными. Примеры¹⁷:

Амир-ра ин джйабна сйхт хош амд («Тарих-э Бэйһаги») 'Амиру очень понравились эти ответы'.

Һазрйт-э хйлафйт-ра шйрм амд («Тарих-э Бэйһаги») 'Его величеству халифу стало стыдно'.

Шейтан-ра рйһмйт амд бйр вэй [(«Маджмал-ат-таварих в-ал-гэссас») 'Сатана сжалился над ним'].

Сийавош-ра хйшм амд («Сийасатнамэ») 'Сиявош разгневался'.

Һйр чйнд мй-ра айз вэй бйд айд... («Тарих-э Бэйһаги») 'Хотя он мне не нравится...'

У-ра айжйб амд («Тарих-э Бйрамэке») 'Он удивился'.

Эснаг гуйд мй-ра хйшм амд («Тарих-э Бйрамэке») 'Эсхак говорит: «Я рассердился»'.

В ранненовоперсидском языке слитные местоимения употреблялись как после именного, так и после глагольного компонентов, например:

Хяндэ-айш гирйд айз ан гймна-йе хиш чон бэбинд мостй-

¹⁷ Приводимые примеры взяты из работы П. Ханляри «Структура глагола» [123, с. 98—102].

гәйрр-о джа-йе хиш (Руми) 'Ему станет смешно от тех его горестей, когда он увидит свое местоположение'.

Хәшм-әт амәд ке-мән то-ра гофтәм ке-то-ра ашег-әм, хәта гофтәм (Эсфәһани) 'Ты рассердилась, когда я тебе сказал: «Я ошибся, сказав, что влюблен в тебя»'.

Нәгаһ кәрдәм ин нәзм сост амәд-әм сохәнһа-ш натондорост амәд-әм («Шаһнамә») 'Я взглянул — это стихотворение мне показалось слабым, слова его мне показались невыразительными.

Сәкәндәр шенид ан пәсәнд амәд-әш сохәнгуи-ра фәрһәмәнд амәд-әш («Шаһнамә») 'Эскяндар услышал — это ему понравилось. Говорящий показался ему умным'.

Хаб борд-әш морг джан-әш әз һәбс рәст чәнг чәнг-и-ра рәһа кәрд-ә бәджәст (Руми) 'Он заснул, птица освободилась из неволи. Одну за другой освободила лапы и убежала'.

В современном персидском языке рассматриваемые конструкции получили более стабильный вид: слитные местоимения употребляются после именного компонента, контактное употребление именного и глагольного компонентов стало исключением.

3. БФП с глагольным компонентом *шодән* 'становиться' сравнительно немногочисленны. Прежде всего следует отметить, что некоторые из рассмотренных выше БФП с глагольным компонентом *амәдән* могут употребляться также и с глаголом *шодән*, в результате чего образуются лексико-структурные варианты этих БФП (напр., *гәлгәләк-әм мишәвәд* 'мне щекотно', *ар-әм шод* 'мне стало стыдно'). Если эти БФП выражают психофизическое состояние субъекта, то другие БФП с глагольным компонентом *шодән* никак не объединяются между собой семантически: *чән-дәш-әм шод* 'я вздрогнул', *дир-әш шод* 'он опоздал', *һәсуди-әш шод* 'ему стало завидно', *йәггин-әм шод* 'я убедился', 'я удостоверился', *бавәр-эшан шод* 'они поверили' и т. д.

4. БФП с разными глагольными компонентами, образующими ограниченное число предложений (обычно два-три), выражают действия и состояния, проявляющиеся как произвольные, саморазвивающиеся процессы. По характеру переосмысления компонентов эти БФП представляют собой нестандартные образования. К их числу относятся предложения с глагольными компонентами *зәдән* 'бить', 'ударять' (*хошк-әш зәд* 'он застыл в изумлении', *боһт-әш зәд* 'он поразился', *бәхт-эман зәд* 'нам повезло'), *бордән* 'нести', 'уносить' (*хаб-әм борд* 'я заснул', *мат-әш борд* 'он опешил', 'он остолбенел'), *кешидән* 'тянуть' (*мәйл-әш кешид...* 'ему захотелось...', *эшиг-әм кешид...* 'у меня возникло желание...'), например:

Гуи хошк-әш зәд (АЧ, с. 143) 'Как будто она застыла от удивления'.

Шәбһа әз дәст-ә эшгбази-йе Нази хаб-әм нәмиборд (ХСК, с. 10) 'По ночам из-за любовных походов Нази я не мог заснуть'.

Предложения с глаголом *кешидән* выступают как фразеологи-

ческие синонимы модальных глаголов и требуют после себя постановки смыслового глагола в форме аориста, например:

Мэйл-айш кешид сёр-и бэ у бэзайнд (ДЖТ, с. 205) 'Ему захотелось к нему заглянуть'.

Отдельные БФП трехкомпонентного состава допускают замену глагольных компонентов на другие глаголы, например: *мат-айш борд* (*зэд, герэфт*) 'он опешил', *хаб-айм миайнд* (*мибард, мигирд*) 'мне хочется спать', 'меня клонит ко сну', *дэрд-айм герэфт* (*амд*) 'мне стало больно', *ар-айш шод* (*амд*) 'ему стало стыдно'. Замена глагольных компонентов, как правило, не влияет на смысл и стилистическую окраску фразеологизмов. Поэтому предложения, в которых заменяются глагольные компоненты, рассматриваются нами как лексико-структурные варианты БФП.

* * *

Рассмотрение структурно-грамматических особенностей БФП разных типов показывает, что большую часть этих предложений составляют моделированные образования: это устойчивые предложения как двух-, так и трехкомпонентного состава, строящиеся по определенным структурно-семантическим моделям. Так, среди предложений двухкомпонентной структуры к числу моделированных образований относится большинство предложений с глаголами *даштэн* и *рэфтэн*, среди предложений трехкомпонентной структуры, за небольшим исключением, — предложения с глаголами *амдэн*, *герэфтэн*. Каждый глагол, сочетаясь с ограниченным кругом имен определенного семантического разряда, образует группы устойчивых безличных предложений, обладающих типовым значением.

Что касается БФП немоделированного характера, то они выделяются необычным, переосмысленным значением компонентов и нестандартным их сочетанием. К их числу относятся предложения с переосмысленными компонентами (*керайе нэмиконд* 'не стоит', *эшг-айм кешид...* 'у меня возникло желание...'), предложения с ИЧ, выраженной прилагательным (*мат-айш борд* 'он остолбенел', *дир-айм шод* 'я опоздал'), предложения с фиксированной формой глагола (*фёрг нэмиконд* 'безразлично', *сёрфэ нэмиконд* 'невыгодно') и некоторые другие.

Связочные БФП

К субъектным БФП примыкают безличные связочные предложения, имеющие также трехкомпонентную структуру и получившие распространение в разговорной речи. В их состав в качестве конститутивных элементов входят слитные местоимения: *гороснэ-эман а́ст* 'нам голодно', *тэинэ-айм а́ст* 'мне хочется пить', *сэхт-айм а́ст* 'мне трудно', 'мне тяжело', *гэрм-айш а́ст*

‘ему жарко’, *сәрд-әм әст* ‘мне холодно’¹⁸. В отличие от глагольных БФП в этих безличных предложениях компоненты сохраняют свои значения.

От обычных безличных связочных предложений типа *рәушән әст* ‘светло’, *тарик әст* ‘темно’ связочные БФП отличаются тем, что слитные местоимения в них — обязательные компоненты. В случае опущения этих местоимений изменяется содержание и грамматическая форма предложений: в одних случаях предложение становится личным (напр., *горснэ әст* ‘он голоден’), в других — бессубъектным, безличным (напр., *сәрд әст* ‘холодно’). При этом, если в первом случае для передачи того же значения (но не в рамках безличности) следует изменить лицо глагола-связки — *горснэ һәстәм* ‘я голоден’, то во втором случае субъект может быть выражен только при помощи конструкции со слитными местоимениями. Можно было бы предположить во втором предложении возможность выражения субъекта при помощи сочетания личных или энклитических местоимений с предлогом *бәрайе* ‘для’ — *бәрайе мән (бәрай-әм) сәрд әст*, однако такое предложение имеет искусственный характер и в языке не встречается.

П. Ханляри отмечает возможность употребления такого рода предложений не только в настоящем, но и в прошедшем времени [123, с. 103]. При этом в прошедшем времени вместо глагола-связки *әст* в зависимости от выражаемого значения употребляются два глагола: *будән* ‘быть’ (значение длительности) — *горснэ-эман буд* ‘нам было голодно’, *тэшнэ-әм буд* ‘мне хотелось пить’, *сәхт-әм буд* ‘мне было трудно’, ‘мне было тяжело’, *гәрм-әш буд* ‘ему было жарко’, *сәрд-әм буд* ‘мне было холодно’ — и *шодән* ‘становиться’ (значение инхоативности) — *горснэ-эман шод* ‘нам стало голодно’, *тэшнэ-әм шод* ‘мне захотелось пить’, *сәхт-әм шод* ‘мне стало трудно’, ‘мне стало тяжело’, *гәрм-әш шод* ‘ему стало жарко’, *сәрд-әм шод* ‘мне стало холодно’¹⁹.

Основное назначение связочных БФП — выражать психофизическое состояние живых существ. Безличные предложения этого типа строятся по структурной модели ограниченного характера — «имя + слитное местоимение + глагол-связка»²⁰. Замена глагола-связки *әст* на глагольную форму *мибашд* (форма настоящего

¹⁸ В просторечии эти предложения употребляются обычно в сокращенной форме, например, *горснэ* (или *гошнэ*)-*мэ* ‘мне голодно’, *тэшнэ-мэ* ‘мне хочется пить’, *гәрм әм-э* ‘мне жарко’. См. примеры на парадигматические изменения этих безличных оборотов в работе Л. С. Пейсикова «Тегеранский диалект» [65, с. 56].

¹⁹ Следует отличать связочные БФП с *шодән* от рассмотренных выше субъектных БФП с *шодән*. Во-первых, в связочных БФП глагол *шодән* выступает как соотносительная форма глагола-связки *әст*, внося значение возникновения, становления признака, и, во-вторых, сами эти предложения имеют характер моделированных образований, чего нельзя сказать о глагольных БФП с *шодән*.

²⁰ М. Шаки отмечает возможность существования в языке классической литературы параллельной конструкции с послеложным дополнением и приводит пример из «Сәмәк-е аййар» — *мә-ра горснэ әст* ‘я голоден’ [118, с. 80].

времени глагола *буддн*), допустимая обычно в свободных предложениях, невозможна. В роли ИЧ обычно выступают прилагательные. Образованные таким способом безличные предложения являются типичными моделированными образованиями, значения которых можно предсказать на основе значения имени.

Случаи, когда в роли ИЧ выступают не прилагательные, весьма малочисленны, например: *бӓс-ӓм ӓст* 'мне хватит', 'с меня хватит', *че-ӓт ӓст?* 'что с тобой?'. Такие предложения выступают не как свободные синтаксические конструкции, а как нестандартные устойчивые образования, которые следует рассматривать в качестве немоделированных БФП.

Связочные БФП, несмотря на то что именной и глагольный компоненты сохраняют свои значения, обладают фразеологической устойчивостью, создаваемой необычным употреблением слитных местоимений — выразителей субъекта действия (состояния), невозможностью их замены на личные местоимения или на другие слова, а также ограниченностью числа слов, способных выступать в роли именного компонента.

П. Ханляри в работе «Структура глагола» [123] среди безличных конструкций, не найденных им в литературных произведениях раннего новоперсидского языка (IX—XIII вв.), отмечает и безличные связочные предложения трехкомпонентного состава, что позволяет сделать вывод о более позднем появлении в языке этих предложений.

ЭЛЛИПТИЧЕСКИЕ ФП

ФП, в которых отсутствует глагольный компонент, названы эллиптическими. Они обладают всеми свойствами устойчивых предложений. Кроме того, отсутствие глагола — их органическое свойство, отличающее от других типов ФП: оно стало одним из признаков их фразеологичности, поскольку для персидских свободных предложений безглагольность не характерна.

Внешне, по своей структуре эллиптические ФП соотносятся с простыми предложениями (напр., *хода ʒовӓйт!* 'бог в помощь!', 'да поможет бог!', *элтӓфат-э шома зийад* 'благодарю вас') и сложносочиненными (напр., *шома кодӓжа-зо ин һӓрфһа!* 'довольно странно слышать от вас такое!', *дӓст бэ кар-о дӓл бэ йар* 'занят одним, а думает о другом'), однако последняя разновидность широкого распространения не имеет.

Форму эллиптических предложений имеют многие пословицы и поговорки (напр., *ханэ-йе хӓрс вӓ бадийе-йе мӓс!* 'в доме медведя, да вдруг медная чаша!' — о чем-л. неожиданном, *дӓст-э ма кутаһ вӓ хормӓ бӓр нӓхил* 'руки наши коротки, а финики на дереве', соотв. 'видит око, да зуб неймет'), различные формулы приветствий, поздравлений, просьб, благодарности, извинения, соболезнования, клятвы, проклятия (напр., *чӓшм-э ма роу-шӓн!* 'поздравляю вас с приездом!', *ӓддӓм-э ноӓрӓсидӓ мобарӓк!* 'поздравляю с появлением новорожденного!', *дӓст-э шома би*

бйла 'благодарю вас', 'спасибо'— при получении чего-л. из чьих-л. рук, *дйст-йм бэ дамйн-йт!* 'умоляю тебя!', 'выручи меня!', *бэ джан-э ход-йм!* 'клянусь жизнью!', *как бэ сйр-йш!* 'чтоб ему ни дна ни покрышки!', *дур айз чешм!* 'прочь с глаз!', 'с глаз долой!'), команды (напр., *гуш бэ фйрман-э мйн!* 'слушай мою команду!', *атэш бйс!* 'прекратить огонь!', *атэш бэ эхтийар!* 'приготовиться!', *бэ на фйнг!* 'к ноге!', *душ фйнг!* 'на плечо!'), междометные выражения (напр., *дйст хош!* 'здорово!', 'браво!', 'молодец!', 'как везет!'— восклицание при азартной, обычно карточной, игре, *гол бэ джймал-йт!* 'браво!', 'здорово!', *сйгйр-э йсвйд!* 'к черту!', *че фйедэ* 'как жаль', 'увы'), разного рода фразы аффективной речи (напр., *ин коджа-во ан коджа!* 'не идет ни в какое сравнение!', 'куда ему до него!', *йа бйхт йа нйсиб!* 'авось все обойдется!'— говорится перед тем, как взяться за рискованное дело, *лайег-э риш-йт!* 'так тебе и надо!').

Если подвергнуть анализу эллиптические ФП с точки зрения возможности/невозможности употребления в них глагола, то можно выделить две группы предложений:

1. Предложения, в которых глагол может восстанавливаться. В связи с этим следует говорить о ФП с развернутой (с глаголом) и неразвернутой (без глагола) структурой, которые приблизительно одинаково употребляются в языке: *ид-э шома мобарйк!* и *ид-э шома мобарйк башйд!* 'поздравляю вас с праздником!', *сйе-йт паййндэ!* и *сйе-йт паййндэ бад!* 'да продлится твоя жизнь!', 'будь всегда нашей защитой!', *ййдйм-э ноурйсидэ мобарйк!* и *ййдйм-э ноурйсидэ мобарйк башйд!* 'поздравляю вас с появлением новорожденного!', *сйр-э шома сйламйт!* и *сйр-э шома сйламйт башйд!* 'я вам выражаю свое сочувствие' (в связи со смертью кого-л. из близких), *сйд сал бэ ин сйалһа [бэрйсид]* 'желаю вам прожить еще таких сто лет' (поздравление в день Ноуруза) и т. д. В качестве глагольного компонента в таких предложениях используются аористная форма глагола *будйн* в 3-м л. ед. числа — *башйд*, форма желательного наклонения этого же глагола *бад*, а иногда форма повелительного наклонения других глаголов. Поскольку между глагольными и безглагольными предложениями не существует ни семантических, ни стилистических различий, эллиптические ФП данного типа следует рассматривать как предложения с элиминированным глаголом, как вариант соответствующих глагольных ФП.

2. Предложения, которые не имеют соотносительной развернутой формы с глаголом. Среди этих эллиптических ФП выделяются две подгруппы:

(1) Предложения, которые могли бы иметь глагол, но в силу своей фразеологической природы являются безглагольными. От рассмотренного выше типа эллиптических предложений они отличаются тем, что глагол в них не восстанавливается. О возможности употребления глагола свидетельствует их строение: наличие формального подлежащего, предикатива, ИЧ СГ, прямых и

косвенных дополнений. В качестве глагольного компонента могли бы использоваться глагол-связка *а́ст*, аористная форма глагола *будан* в 3-м л. ед. числа *башид*, форма желательного наклонения этого глагола *бад*, различные КГ, например: *чешм-э бад дур!* 'да не сглазить бы!', *ру-йаиш сийаи!* 'позор ему!', *даст-а́м бэ дам-ан-а́т!* 'умоляю тебя!', 'выручи меня!', *аз ма́н бэ то а́ман-а́т* 'я уверяю тебя', *элтэфат-э шома зийад* 'благодарю вас', *дур аз джэнаб-э шома* 'извините за выражение', 'с позволения сказать', *гуш бэ фэйрман-э ма́н!* 'слушай мою команду!', *ходара шокр* 'слава богу', 'благодарим бога', *бэ хода дэса́м!* 'клянись богом!', 'ей-богу!', *аз шома че па́ннан* 'не буду от вас скрывать'.

(2) Предложения, выступающие как самостоятельные и полные конструкции. При их описании не может быть использован критерий соотносительности двух структур — развернутой и неразвернутой; они должны характеризоваться как самостоятельные образования, без обращения к подразумеваемому глаголу. Например: *мийан-э ка́лам-этан шокр* 'извините, я вас перебую', *шома коджа-во ин ха́рфна!* 'довольно странно слышать от вас такое!', *бэ ча́п ча́п!* 'налево!' (команда), *бэ раст раст!* 'направо!', *мийан-э а́лфаз-э ша́риф* 'простите, что я вас перебиваю', *чтоу́р ма́йр?* 'а что?', 'а почему вы спрашиваете?', *как-а́м бэ да́нан!* 'прости господи!', 'чтоб мне онеметь!'

Выделение двух групп эллиптических ФП основывается на первых и самых общих наблюдениях. Анализ этих предложений проводился исключительно в синхронном плане, без генетического исследования этих конструкций. Возможно, что в некоторых предложениях первой подгруппы допустимо восстановление глаголов. Поэтому во избежание субъективного подхода необходимы дальнейшие наблюдения над структурой и характером функционирования этих предложений.

Глава IV

ПЕРСИДСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК ЧАСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКА

В связи с рассмотрением устойчивых предложений как одного из структурных типов фразеологии встает вопрос о правомерности включения в ее состав пословиц и поговорок. Это, с одной стороны, делает необходимым рассмотреть фразеологические свойства, которыми обладают подобного рода устойчивые речения, а с другой — показать, в чем состоят отличительные особенности и своеобразие пословично-поговорочных изречений по сравнению с другими разновидностями ФП.

Вопрос о включении пословиц и поговорок в состав фразеологии давно является предметом оживленных дискуссий между фразеологами. Как правило, противниками включения пословично-

поговорочных изречений в состав фразеологии являются те ученые, которые считают, что полноценными ФЕ могут быть только фразеологизмы со структурой словосочетания, выполняющие номинативную функцию и выступающие как эквиваленты слова в роли одного из членов предложения (напр., Н. Н. Амосова, А. М. Бабкин, С. И. Ожегов, А. И. Молотков). Все устойчивые образования, не являющиеся единицами номинации, исключаются ими из состава фразеологии²¹.

Однако в настоящее время большинство ученых рассматривают устойчивые по своей структуре и значению предложения как неотъемлемую часть фразеологии (В. Л. Архангельский, А. В. Кунин, Н. М. Шанский, И. И. Чернышева и др.). При этом к числу ФЕ этого типа по преимуществу относят пословицы и поговорки, другие разновидности ФП либо совсем не отмечаются, либо рассматриваются недостаточно подробно и глубоко. Особо следует выделить монографию В. Л. Архангельского «Устойчивые фразы в современном русском языке», в которой на фоне общего анализа русской фразеологии, характеристики ее состава и принципов выделения ФЕ главное внимание обращено на описание фразеологизированных предложений и определение их места среди других типов ФЕ. Среди разновидностей устойчивых фраз русского языка на первое место «по коммуникативной значимости» автор монографии ставит общеупотребительные пословицы и поговорки [12, с. 154].

Пословицы и поговорки получили очень широкое распространение во всех жанрах персидской художественной литературы, постоянно употребляются в разговорной речи. Будучи тесно связанными своими структурно-семантическими свойствами с фразеологическим составом персидского языка, они в то же время обладают известной самостоятельностью. Последнее прежде всего проявляется в том, что они требуют определенного контекстуального окружения, логического контекста, не обязательного для большинства видов ФЕ.

Несмотря на кажущуюся внешнюю простоту, пословично-поговорочные изречения представляют собой весьма емкие и внутренне сложные образования. «С одной стороны, это явления языка, сходные с обычными фразеологизмами; с другой — какие-то логические единицы (суждения или умозаключения); и с третьей — художественные миниатюры, в яркой, чеканной форме отражающие факты живой действительности» [66, с. 8].

В работах по персидской фразеологии нет единого мнения о включении пословиц и поговорок в состав ФЕ.

М. Шаки не считает пословицы и поговорки частью фразеологии, хотя отмечает у них наличие следующих фразеологических свойств: а) устойчивость лексического состава; б) смысл большинства пословиц и поговорок имеет иносказательный харак-

²¹ Более подробный анализ взглядов противников включения устойчивых предложений в состав фразеологии см. в работе А. В. Кунина «Английская фразеология» [46, с. 199—202, 213].

тер и традиционно устойчив; в) их содержание часто семантически изолированно; г) они воспроизводятся в речи как готовые единицы [118, с. 55].

Ф. И. Зульфигарова в кандидатской диссертации, посвященной изучению идиоматических выражений в произведениях С. Хедаята, считает правомерным включение во фразеологию пословиц и поговорок, поскольку они имеют много общего с другими разновидностями ФЕ [37, с. 6]. В то же время автор работы указывает на отличительные особенности идиом по сравнению с пословицами и поговорками, из которых отметим следующие: а) идиомы могут быть заменены эквивалентом-словом, употребляемым в прямом значении, а пословицы такой замены иметь не могут; б) идиомы могут иметь форму предложений и инфинитивных словосочетаний, тогда как пословицы и поговорки в форме инфинитива не употребляются [37, с. 8].

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК

Пословицы и поговорки, как и типичные фразеологизмы, характеризуются качественной и количественной определенностью лексического состава и грамматических форм, устойчивостью и традиционностью общего смысла, который у большинства пословично-поговорочных изречений имеет переносный характер. Подобно ФЕ, пословицы и поговорки не создаются в процессе речи, а воспроизводятся говорящим в готовом виде. В персидских пословицах и поговорках можно наблюдать явления, которые не укладываются в рамки современного грамматического строя. Имеются рудиментарные грамматические структуры, сохранившие признаки предшествующих этапов развития персидского языка.

Качественная и количественная определенность лексического состава пословиц и поговорок выражается в том, что говорящий не может менять слова или добавлять новые слова по своему усмотрению. Если в отдельных случаях замена слов или добавление новых слов бывают все же возможны, как и в других разновидностях ФЕ, то они носят узуальный характер. В результате этого образуются лексико-структурные варианты пословиц и поговорок: *хя́р-ра гом ка́рдэ пэй-йе на́'л-айш (палан-айш) мигя́рд-да́д* 'потерявши осла, ищет подкову (седло)'; *хя́р ру ба́ тавиле тонд ми́рва́д (мидва́д)* 'к стойлу осел быстро идет (бежит)'; *то-ке лалаи [гофтáн] мидани (ба́ла́д и), че́ра хаб-а́т нэ́ми-ба́рд* 'если знаешь (умеешь), как баюкать, то почему [сам] не засыпаешь' и т. д.

Для персидских пословиц и поговорок характерна особая устойчивость и незаменимость морфологических форм слов и неизменяемость синтаксической структуры, даже если они носят архаичный характер и не соответствуют нормам современного языка. Отметим некоторые факты:

1. Случаи архаичного употребления послелога *-ра*, которые не

характерны для литературной нормы современного персидского языка, например: *а́эл-ра йек эшарят ба́с а́ст* 'умному достаточно одного намека' (соотв. 'умный с полслова понимает'), *муш-ра д́жан кáндáйн, горбэ-ра бази* 'мышь с жизнью расстается — кошка играет' (соотв. 'кошке — игрушки, а мышке — слезки'), *сáд сáр-ра колаһ а́ст-о сáд кур-ра а́са* 'одна шапка для сотни голов и один посох для сотни слепых' (соотв. 'ко всякой бочке затычка'), *мадáр-ра дэл сузáд, да́йе-ра дамáйн* 'у матери сердце горит, а у няньки подол'.

2. Устойчивость грамматических форм наиболее ярко проявляется в глагольном компоненте.

(1) Глагольный компонент пословиц и поговорок, как правило, остается неизменным, и лишь в редких случаях можно встретить замену одной формы времени другой (напр., формы прошедшего времени формой простого прошедшего времени). В поговорках иногда бывают допустимы ограниченные изменения по лицам. Например, в поговорках — *мáгáр һáфт маһэ бэ донйа амáдэ и?* 'что ты родился семимесячным?' (в значении 'что ты так спешишь?'), *мáгáр мáгэз-э гонд́жешк хордэ и?* 'что ты болтаешь без умолку?' (букв. 'что ты съел воробьиные мозги?') — возможна замена окончания 2-го л. ед. числа глагола на окончания других лиц.

В рассказе С. Хедаята «Даш Аколь» поговорка — *áгáр кард-áш бэзáйн хун-áш дáр-нэмийáд* 'если ударишь его ножом, то кровь не пойдет' (об очень рассерженном человеке), — приводится в плане прошедшего времени: *Кака Ростáм... мэсл-э борд́ж-е зáһр-э мар нэшáстэ буд, сáбил-áш-ра мид́жáвид вá áгáр кард-áш мизáдáнд хун-áш дáр-нэмиамáд* 'Кака Рустам... был необычайно зол, жевал свои усы, и если бы ударили его ножом, то кровь не пошла бы'. В приводимом примере глаголы-сказуемые придаточного и главного предложений поставлены в форме прошедшего длительного времени; кроме того, глагол-сказуемое условного придаточного предложения вместо 2-го л. ед. числа употреблен в форме 3-го л. мн. числа.

(2) В ряде пословиц и поговорок глагольный компонент выражается архаичными формами:

а) глаголами в простом прошедшем времени с приставкой *бэ-*, например: *ан сáбу бэшкáст-о ан пáйманэ рихт* 'тот кувшин разбился, и та чаша раскололась' (соотв. 'было и прошло, и былем поросло'); *áз дэл бэрáвáд һáр ан-ке áз дидэ бэрáфт* 'все, что уйдет с глаз, уйдет [и] из сердца' (соотв. 'с глаз долой — из сердца вон');

б) сочетанием личной формы модального глагола *тáванэстáйн* 'мочь' с усеченным инфинитивом смыслового глагола, например: *мáгу ан-ге нáтáвани шенид* 'не говори того, что не можешь слушать'; *то-ке д́жоу нáтáвани хорд, хáри че дá'ви кони* 'ты же ячмень есть не умеешь, а хочешь доказать, что ты осел';

в) глаголами в настояще-будущем времени без приставки *ми-*,

например: *кӑс нӑгуиӑд ке-дуг-э мӑн торн ӑст* 'никто не скажет: «Мой дуг кислый»' (соотв. 'всяк кулик свое болото хвалит'); *нӑр че пиш айӑд хош айӑд* 'что ни делается — все к лучшему';

г) формой 3-го л. ед. числа глагола *будӑн* 'быть' — *бовӑд*, употреблявшейся в языке классического периода в значении настоящего-будущего времени изъявительного и сослагательного наклонений, например: *тӑвана бовӑд нӑр-ке дана бовӑд* 'богат тот, кто много знает' (соотв. 'в знании — сила'); *нӑр-ке-ра дӑст ку-таһ бовӑд зӑбан-ӑш дӑраз ӑст* 'тот, у кого руки коротки, имеет длинный язык'; *нӑр кодӑжа тӑм-э-и бовӑд мӑгӑс-и ӑст* 'там, где еда, там и муха'.

3. Нередко в персидских пословицах и поговорках наблюдается инверсия отдельных членов, помещаемых после глагольного компонента, например: *зӑбан-э сорх сӑр-э сӑбз мидӑнӑд бӑр бад* 'бойкий язык способен загубить юную голову' (соотв. 'язык мой — враг мой'); *дошмӑн-э тавус амӑд нӑр-э у* 'перья павлина стали его врагами'; *бар чон пиш шӑвӑд, шах фӑруд арӑд сӑр* 'чем больше плодов, тем ниже клонится ветка' (о скромном человеке, обладающем большими знаниями).

4. Пословицы и поговорки нередко имеют структуру эллиптических предложений, в которых отсутствует глагольный компонент; причем последний, как правило, не может быть добавлен: *нӑ бэ ан шури-йе шур вӑ нӑ бэ ин бинӑмӑки* 'не так солоно, но уж и не без соли' (соотв. 'все хорошо в меру'); *хӑр хӑст-э-во сӑнӑб-э хӑр нарази* 'осел устал, а хозяин все недоволен' (в значении 'как ни старайся, все равно ему не угодишь'); *мӑла-мӑт-э дустан бэһ ке-шӑматӑт-э дӑжмӑнан* 'порицание друзей лучше, чем злорадство врагов' и т. д.

ЗНАЧЕНИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВороК

Подобно ФЕ других типов, пословицы и поговорки характеризуются устойчивостью своего значения.

Большинство пословиц по своему значению двупланово: они, с одной стороны, не отрываются полностью от прямого смысла высказывания, вытекающего непосредственно из значений слов, входящих в их состав, а с другой стороны, характеризуются переносным смыслом, не соответствующим значению слов. Прямое и переносное значения как бы сосуществуют у одной и той же пословицы²². При этом основную роль играет переносный смысл, который определяет характер функционирования пословицы в речи. Это иносказательное значение может быть описано, объяснено и истолковано. Например: *аб-э рӑфтэ бэ дӑжуй баз нӑйайӑд* 'ушедшая вода обратно в канаву не возвратится'

²² Именно благодаря сохранению прямого смысла словами, образующими пословицы, в словарях общего типа, как в толковых, так и в переводных, пословицы могут быть использованы в качестве примеров для показа тех или иных значений заглавного слова и его сочетательных возможностей.

(т. е. утраченное уже невозможно вернуть); *аз йек гол баһар нэмишайёд* 'одна роза не делает весны' (т. е. по одному признаку какого-либо явления нельзя еще говорить о его возникновении, существовании).

Иносказательное значение дает возможность подобрать к данной пословице другие синонимичные ей пословицы, которые, в свою очередь, служат одним из средств раскрытия этого значения в словарях. Так, А. Амини для пояснения переносного значения приведенных выше пословиц приводит следующие синонимичные им пословицы: для *аб-э рафтэ бэ джуй баз нэмигардад* — *маһи-и-ке аз шйст вә тир-и-ке аз шйст рафт баз нэмигардад* 'рыба, ушедшая с крючка, и стрела, выпущенная большим пальцем, обратно не возвращаются' (соотв. 'что с возу упало, то пропало') [121, с. 7]; для *аз йек гол баһар нэмишайёд* — *аз йек нарәсту баһар нэмайёд* 'одна ласточка не делает весны', *һокм бәр надэр нәтәван кәрд* 'по одному случаю судить нельзя' [121, с. 54].

Пословица обычно имеет одно переносное значение. При переводе на другой язык это переносное значение служит основой для подбора соответствующей пословицы (или пословиц) на том языке, на который переводится персидская пословица²³.

Сравнительно небольшое количество персидских пословиц не имеет переносного значения и употребляется в прямом смысле, вытекающем непосредственно из значений компонентов: *сокут әламәт-э рза-ст* 'молчание — знак согласия'; *дәл-е дустан азордән морад-э дошманан бәр-авәрдән әст* 'огорчать друзей — играть на руку врагам' (букв. 'исполнять желание врагов'); *пуйәндә йабәндә әст* 'кто ищет, тот найдет'; *кар нику кәрдән аз пор кәрдән әст* 'чтобы сделать что-либо хорошо, надо сделать много раз'. Анализ значения такого рода пословиц показывает, что оно является устойчивым и фиксированным в семантической системе языка, но в отличие от иносказательного значения оно членимо.

Возникает вопрос, можно ли относить к фразеологическому составу языка пословицы и поговорки с прямым смыслом.

Вполне естественно, что те фразеологи, которые считают неизменным условием отнесения к фразеологии полное или частичное переосмысление компонентов ФЕ, вынуждены дать отрицательный ответ на этот вопрос. Так, А. В. Кунин включает в состав фразеологии только те английские пословицы, значения компонентов которых либо полностью, либо частично переосмыслены. Пословицы, в которых все компоненты сохраняют свои значения (напр., *all is well that ends well* 'все хорошо, что хорошо кончается', *better late than never* 'лучше поздно, чем никогда'), относятся

²³ О способах перевода пословиц и поговорок с одного языка на другой говорится в книге А. В. Федорова «Введение в теорию перевода» [97, с. 172—173]. Вопросы перевода пословиц и поговорок с русского языка на таджикский и наоборот рассматриваются Я. И. Калонтаровым в предисловии к работе «Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими» [41, с. 16—27].

к «устойчивым образованиям нефразеологического характера» [48, с. 252]. В результате такого подхода одни пословицы рассматриваются как ФЕ, а другие исключаются из состава фразеологии.

Изучение различных структурных типов персидских фразеологизмов, имеющих строение словосочетаний и предложений, показало необходимость более широкого понимания фразеологического значения: в состав фразеологии были включены не только устойчивые сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значением компонентов, но и ФЕ, в которых компоненты сохраняют свои лексические значения. Утрата лексического значения одним или всеми компонентами той или иной ФЕ играет важную роль в создании ее устойчивости и монолитности, на что справедливо указывается почти во всех работах по фразеологии. Но не менее существенны и другие факторы, способствующие превращению свободного словосочетания или свободного предложения в ФЕ, например: качественная и количественная определенность лексического состава, неизменяемость грамматических форм компонентов и синтаксической структуры. Все эти фразеологические свойства характерны и для пословиц, в которых компоненты сохраняют свои значения. Кроме того, устойчивость пословиц (и поговорок) нередко поддерживается стихотворной формой, лексико-синтаксическими и эфоническими выразительными средствами, что специально рассматривается ниже. Вот поэтому отсутствие иносказательного смысла у некоторых пословиц (и поговорок) не может служить основанием для исключения их из состава фразеологии.

Как и пословицы, поговорки в большинстве случаев имеют переносный смысл, не вытекающий непосредственно из значений слов-компонентов, но связанный с ними через образ, например: *йек бам-о до һайва* 'под одной крышей две [разные] погоды' (говорится в случае неодинакового отношения к людям); *пиш атэш а́ст вй пй́с дй́рйа* 'впереди огонь, а позади море' (о безвыходном положении). Однако образная мотивированность значения поговорок часто проявляется не так явно, как у пословиц, что, видимо, связано с логико-семантическими различиями, существующими между двумя видами мудрых речений. Кроме того, встречается немало поговорок, образную мотивированность которых на основе значений составляющих их слов вообще не удается установить, т. е. двуплановость значения, характерная для большинства персидских пословиц и значительной части поговорок, совершенно исчезает, например: *зир-э [ин] касэ нимкасэ а́ст* 'здесь дело нечисто', 'здесь что-то есть' (букв. 'под [этой] чашей есть небольшая чаша'); *чй́шм-й́ш албалу гилас мичинй́д* 'он как будто совсем ослеп — ничего не видит и не разбирает', 'он не знает, где право, где лево' (букв. 'его глаза собирают вишню-черегиню'); *дй́ст-й́ш бэ дом-э гав бй́нд шодэ* 'он кое-как устроился', 'он кое-как зацепился' (букв. 'его руки уцепились за коровий хвост'). Такого рода поговорки легко отличить от пословиц, однако с та-

кой же четкостью провести границу между ними и обычными ФП идиоматического характера не представляется возможным.

Количество поговорок, в которых слова-компоненты не утрачивают своих значений, обеспечивая тем самым прямой смысл изречения, весьма невелико, например: *зоул-о фэ'л-йш йеки-ст* 'его слова не расходятся с делом'; *кар набашад, зэрэнг а́ст* 'он ловок, когда нет дела'.

Особо следует остановиться на особенностях общего содержания пословиц и поговорок, позволяющего объединять их в определенные тематические группы. Этим персидские пословицы и поговорки выделяются среди других разновидностей устойчивых фраз. Образование пословиц и поговорок неразрывно связано с жизненными наблюдениями и трудовым опытом народа. Их содержание отражает и фиксирует различные явления жизни, быта и трудовой деятельности, наблюдения над природой, домашними животными, социальные отношения между людьми, существующие в настоящее время или существовавшие в различные периоды истории народа, и т. д. и т. п. Все это дает возможность проводить тематическую классификацию мудрых изречений, объединяя их на основе общности содержания в отдельные тематические разделы.

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОСЛОВИЦ И ПОВОРОК

Вопрос об отличии пословиц от поговорок имеет важное теоретическое значение для определения их места среди других жанровых форм фольклора, для выбора научно обоснованных путей их лексикографической разработки и решения остающейся до сих пор спорной проблемы включения или невключения их в состав фразеологии. Не случайно поэтому этот вопрос неоднократно поднимался в различных работах как общего, так и специально паремиологического характера [см. 26; 12, с. 166—167; 66, с. 8—12].

В имеющейся лингвистической и литературоведческой литературе указываются лишь самые общие отличительные особенности пословиц по сравнению с поговорками и вместе с тем отмечаются трудности семантического и структурного порядка, мешающие проведению четких граней между этими видами метких образных выражений. В связи с этим общепринятого и однозначного определения их не существует.

Персидские пословицы и поговорки, несмотря на давние традиции их собирания, теоретически изучены недостаточно, особенно с точки зрения языковой структуры. Уже в первые толковые словари персидского языка начиная с XI в. включали пословицы и поговорки, а с XVI в. в Иране стали составляться отдельные сборники.

В Иране издано много сборников пословиц и поговорок. Но наиболее полно персидские пословицы и поговорки представлены

в четырехтомном труде Али Акбара Деххода «Пословицы, поговорки и афоризмы», изданном впервые в 1931 г. и переизданном в 1960 г. в Тегеране [125]²⁴. И хотя этот труд содержит около пятидесяти тысяч пословиц, поговорок, афоризмов и других устойчивых оборотов и стихотворных отрывков, приведенных в алфавитном порядке по первому слову, в нем отсутствует вводная статья автора и неясны критерии, которыми он руководствовался при отборе материала. В этой связи представляет интерес ответ А. Деххода, который приводится в биографии этого выдающегося ученого, специально написанной М. Моином для «Энциклопедического словаря А. Деххода». С присущей ему скромностью А. Деххода объяснял, что он не написал предисловия, так как не сумел найти четкие границы между этими речениями. Он обратился за консультацией во Французскую академию, однако ответ, присланный на его письмо, не давал ничего нового для решения проблемы и поэтому, естественно, его не удовлетворил [130, с. 381].

И в других сборниках пословиц, поговорок и устойчивых оборотов, изданных позднее в Иране, не содержится каких-либо конкретных определений пословиц и поговорок; они никак не ограничиваются от идиоматических выражений, имеющих структуру глагольных и именных словосочетаний [см. 121; 127]. При этом наиболее употребительными терминами для обозначения этих образных изречений в персидском языке обычно служат *мәсәл* и *зәрболмәсәл*, которые употребляются одинаково как для обозначения пословицы, так и поговорки.

1. Что же представляет собой пословица? В лингвистических и литературоведческих работах пословица обычно определяется как образное изречение назидательного характера, обобщающее и типизирующее различные явления жизни. Для нее характерно законченное выражение мысли, а иногда и наличие вывода.

Пословица может быть представлена как простым, так и сложным предложением: *кар-э гәлләм-ра шәмишр нәмиконәд* 'меч бессилен там, где действует перо'; *'аб-э рәфтә бә джуй баз нәйайәд* 'ушедшая вода обратно в канаву не возвращается' (соотв. 'что с возу упало, то пропало'); *кәс-и-ке әз горг тәрсәд гусфәнд нәгаһ нәдарәд* 'тот, кто боится волков, не разводит овец' (соотв. 'волков бояться — в лес не ходить'); *аб ке-әз сәр гозәшт че йек гәз че сәд гәз* 'когда вода поднялась выше головы, то все равно — на один гяз или на сто' (т. е. самое страшное уже произошло, хуже ничего не может случиться).

Персидские пословицы характеризуются структурной завершенностью, выражающейся в том, что в их состав не могут включаться переменные элементы. Семантической завершенности пословиц содействует определенный синтаксический тип их построения — наиболее часто пословицы имеют строение полных двусо-

²⁴ Эта работа анализируется Х. Г. Короглы во Введении к книге «Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова» [45, с. 12—16].

ставных предложений: *дэл бэ дэл раһ дард* 'сердце к сердцу найдет дорогу' (соотв. 'сердце сердцу весть подает'); *чераг-э доруғ форуғ надард* 'лампа лжи не дает света'; *йек даст сада надард* 'одна рука не имеет голоса' (соотв. 'один в поле не воин') и т. д.

Обобщающий характер значения персидских пословиц находит выражение в том, что они нередко имеют строение обобщенно-личных предложений с глаголами-сказуемыми в форме 2-го л. ед. числа (*ба ник нэшини ник шави*, *ба диг нэшини сийаһ* 'с хорошим сядешь — хорошим станешь, с котлом сядешь — черным станешь', соотв. 'с кем поведешься, от того и наберешься'), в форме 3-го л. мн. числа (*бә райе йек бинәмаз дәр-э мәсбәд-ра нэмибәндәнд* 'из-за одного еретика двери мечети не запирают'), в форме 2-го л. ед. числа повелительного наклонения (*ан гәдр бәпәз ке-бәтәвани бәхори* 'вари столько, сколько сможешь съесть', соотв. 'сам себе во всем меру знай').

Обобщенный характер значения пословиц поддерживается также постановкой глагола-сказуемого в форме настоящего времени, имеющей грамматическое значение вневременности или обычности действия: *сәварә аз пийадә хабәр надард* 'всаднику нет дела до пешего' (соотв. 'сытый голодного не разумеет'); *эм-руз-ра фәрда-йи дәр ниш аст* 'на смену сегодняшнему дню идет завтрашний' (соотв. 'все течет, все изменяется'); *сал-и-ке нәку-ст аз бәһар-йи пәйда-ст* 'хороший год виден по весне' и т. д.

Назидательный характер значения пословиц выражается: а) побудительными предложениями — *бәд мәкон ке-бәд офти*, *чәһ мәкон ке-ход офти* 'не изображай в дурном свете [других] — сам будешь представлен в дурном свете, не рой яму [другому] — сам в нее попадешь'; *па-йәт-ра бә йндазә-йе гелим-э ход дэраз кон* 'протягивай ноги по размеру своего коврика' (соотв. 'по одежке протягивай ножки') и т. д.; б) безличными предложениями с главным членом, выраженным модальным глаголом в сочетании с усеченным инфинитивом смыслового глагола, — *мадәр ке-нист байд ба зән-э баба сахт* 'когда нет матери, надо ладить с мачехой'; *даст-и-ра-ке нэмитәван борид байд бусид* 'руку, которую нельзя отрубить, надо целовать'; *нан-ра бә зштәһа-йе дигәран нэмишәвд хорд* 'нельзя есть хлеб [сообразно] с чужим аппетитом' (т. е. нельзя жить чужим умом) и т. д.

Приведенные выше пословицы имеют форму в основном повествовательных, а также побудительных предложений. Встречаются пословицы-вопросительные предложения, например: *бэ дивар-э виран ке гирәд пәнаһ?* 'кто станет укрываться за разрушенной стеной?'; *мәгәр гушт-ра мишәвд аз остохан джода кәрд?* 'разве можно отделить мясо от костей?' (в значении 'разве можно детей отделить от родителей?'). Такого рода предложения лишь по форме являются вопросительными, по существу

же — это риторические вопросы, не требующие ответа и выражающие утверждение или отрицание.

Пословицы, как и обычные предложения, имеют не только утвердительную форму, но и отрицательную, например: *бар-э кайдж бэ манзэл нэмирәсәд* 'кривой вьюк не достигнет стоянки' (соотв. 'на лжи далеко не уедешь'); *сонбәт-э сәнг-о сәбу раст нәгәрдәд һәргез* 'камень и кувшин никогда не договорятся [друг с другом]'.

Нередко персидские пословицы представлены эллиптическими предложениями: *дури-йо дуст* 'на расстоянии дружба [крепче]'; *һәр-ке бам-әш биш бәрф-әш биштәр* 'у кого больше крыша, у того больше и снега' (соотв. 'кому много дано, с того много и спрашивается'); *дошман-э дана бәһ әз надан-э дуст* 'знающий (умный) враг лучше невежественного друга' и т. д. Такие синтаксические конструкции отличаются максимальной лаконичностью, и, хотя к ним нельзя добавить недостающих глаголов, как это бывает возможно сделать в свободных неполных предложениях, они, несомненно, являются предикативными единицами, равноценными предложению.

Итак, персидские пословицы могут быть представлены различными типами простых и сложных предложений, лексико-грамматические средства которых служат для выражения образных изречений обобщающего и назидательного характера.

2. В различных работах обычно указывается, что поговорка — это лаконичное образное изречение, характеризующееся категоричностью, определенностью и нередко гиперболичностью. «От пословиц поговорки отличаются своей краткостью, незавершенностью умозаключения. Поговорка говорится „к слову“, оживляет речь, делает ее особо выразительной, подтверждает высказываемое суждение» [21, с. 361]. Четкие лингвистические критерии, которые позволили бы отделить пословицу от поговорки, пока еще не установлены.

Для разграничения персидских пословиц и поговорок в первую очередь важно обратить внимание на структурно-синтаксические различия между ними. Как было показано выше, пословицы всегда имеют структуру предложений. Возникает вопрос, все ли поговорки также имеют форму предложений или возможны поговорки со структурой словосочетаний. Однако ясного и однозначного ответа на этот вопрос в общелингвистической литературе не дается.

Поэтому, естественно, не находим четкого ответа на этот вопрос и в работах по иранским языкам.

М. И. Исаев отмечает, что в «осетинском языке, как и в многочисленных других языках, для пословично-поговорочного фонда существует одно название» [39, с. 7]. Никаких различий между осетинскими пословицами и поговорками он не проводит, а все приводимые в работе пословицы и поговорки имеют структуру предложений.

Исследователи таджикских пословиц и поговорок и составители сборников также не проводят четких различий между этими

образцами народного творчества. Для примера кратко остановимся только на двух последних работах по таджикской паремиологии.

В работе Я. И. Калонтарова, в которой собраны таджикские пословицы и поговорки и по возможности подобраны соответствующие им русские, наряду с пословицами и поговорками, имеющими структуру простых и сложных предложений, включаются поговорки со структурой глагольных словосочетаний, например: *асп дар ҳаво тохтан* 'скакать на лошади по воздуху'; *бо нохун замин кандан* 'землю копать ногтем'; *бо нуғи сӯзан чоҳ кофтан* 'иглой яму копать' [41, с. 92].

Б. Тилавов посвятил свою монографию главным образом анализу поэтических особенностей таджикских пословиц и поговорок. Разделяя точку зрения С. Г. Гаврина на природу пословиц и поговорок [см. 26], он пишет: «Для пословицы характерно полное выражение мысли, наличие законченного суждения, вывода в отличие от поговорки, которая выражает мысль неполно. Поговорка от пословицы отличается своей краткостью, незавершенностью умозаключения» [94, с. 24]. Однако в дальнейшем это положение не подкрепляется примерами из таджикского языка, и автор работы не проводит разграничений между пословицами и поговорками. В то же время он отмечает, что для обозначения пословиц и поговорок в современном таджикском языке часто употребляют как синонимы два термина — *зарбулмасал* и *мақол*, причем первый термин обозначает пословицы и поговорки иносказательного характера, а второй — пословицы и поговорки, сохраняющие прямое значение [94, с. 27]. В разделе, посвященном анализу языковых особенностей таджикских пословиц и поговорок, Б. Тилавов обе разновидности народного творчества рассматривает вместе. При этом он анализирует оба вида метких изречений как образования, имеющие структуру предложения, и совершенно не отмечает поговорки со структурой словосочетания [94, с. 74—91].

Во введении к сборнику «Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова», составленном Х. Г. Короглы, дается подробный обзор различных изданий и сборников персидских пословиц и поговорок, но определение пословиц и поговорок и указания на различия между ними отсутствуют. Автор отмечает, «что не всегда четко можно отделить персидские пословицы от поговорок» [45, с. 69]. Ознакомление с материалом первого раздела сборника показывает, что в него включены устойчивые выражения не только со структурой предложения, но и со структурой глагольного словосочетания. Например, приведены следующие устойчивые глагольные словосочетания: *аб бэ ғайбал пэймудан* 'в решете воду носить', *аб бэ һавён куфтан* 'в ступе воду толочь', *аб-э дёрйа бэ кейл пэймудан* 'море ложкой (букв. ведром) черпать', *атэш-ра дамён зёдён* 'огонь полой раздувать' [45, с. 73, 78].

Во втором разделе, названном «устойчивые сравнения-поговорки», собраны сочетания отыменного предлога *мэсл* 'подобно',

'как' главным образом с именами существительными и именными словосочетаниями, например: *мэсл-е абкеш* 'как дуршлаг', *мэсл-е афтаб* 'как солнце', *мэсл-е аб-э һәммам* 'как банная вода', *мэсл-е пил-е маст* 'как пьяный слон' [45, с. 311, 315, 310, 329]. Здесь также можно найти несколько поговорок со структурой глагольного словосочетания (напр., *мэсл-е пәри аз атэи горихтән* 'бежать, как пери от огня', *мэсл-е див аз аһн горихтән* 'убегать, как див от железа') и незавершенного сложноподчиненного предложения (*мэсл-е аб-и-ке ру-йе атэи бэризәнд* 'как вода, пролитая на огонь') [45, с. 326, 347, 312].

Мы коротко остановились на некоторых работах по паремиологии иранских языков для того, чтобы показать, что существуют разные подходы к оценке синтаксической природы поговорок.

Если считать, что поговорка может иметь не только структуру предложения, но и структуру словосочетания, то вполне понятно, трудности отграничения от пословиц могут вызвать только те поговорки, которые выступают в грамматической форме предложения, ибо пословицы, выражая всегда законченное суждение, не могут иметь форму устойчивых словосочетаний.

Для окончательного решения вопроса о том, относятся ли к числу поговорок некоторые устойчивые именные и глагольные словосочетания, необходимо тщательное сопоставительное изучение экспрессивно-образного значения поговорок-словосочетаний с коннотативно-стилистическим значением образных фразеологизмов той же синтаксической структуры. Однако уже сейчас представляется научно более обоснованным к числу поговорок относить только те устойчивые синтаксические конструкции, которые имеют структуру предложений. Что касается образных устойчивых словосочетаний (в том числе и сравнительного типа с отыменным предлогом *мэсл*), то их, на наш взгляд, более целесообразно рассматривать соответственно среди именных и глагольных фразеологизмов и не включать в пословично-поговорочный фонд²⁵.

Во-первых, иносказательное значение и образ, создаваемый этими устойчивыми словосочетаниями, не всегда достаточно ясно мотивируются значениями компонентов, что свидетельствует об их большом сходстве с обычными фразеологизмами-словосочетаниями с частично или полностью переосмысленными компонентами. Во-вторых, при сравнении не удается установить каких-либо семантико-грамматических и стилистических различий между теми устойчивыми словосочетаниями, которые некоторыми авторами

²⁵ В ряде работ к числу поговорок относятся конструкции только со структурой предложения. Например, А. И. Молотков во введении к «Фразеологическому словарю русского языка» пишет: «Поговорка структурно организована тоже как предложение» [54, с. 16]. А. В. Кунин считает, что «поговорка — это коммуникативная ФЕ непословичного характера» [48, с. 240].

включаются в состав поговорок, и образными фразеологизмами со структурой именных и глагольных словосочетаний²⁶.

Из ФЕ со структурой словосочетания к поговоркам ближе всего стоят глагольные фразеологизмы с образным значением, в том числе вводимые отыменным предлогом *мэсл*, поскольку при функционировании в речи они наиболее часто выступают как предикативные сочетания-незавершенные предложения, например: *аб бэ гярбал нэймудан* 'измерять воду решетом' (соотв. 'толочь воду в ступе'), *ба атэш бази кярдан* 'играть с огнем', *бад дяр-даст даштан* 'иметь в руках воздух' (т. е. быть очень бедным), *мэсл-е атэш сорх шодан* 'становиться красным как огонь', 'сильно сердиться', *мэсл-е хяр дяр гел мандан* 'подобно ослу оставаться в грязи' (соотв. 'не находить выхода из положения', 'попадать в безвыходное положение').

При сравнении персидских пословиц и поговорок, имеющих структуру предложений, между ними обнаруживаются некоторые черты сходства и различия в синтаксическом строении и значительные различия логико-семантического порядка.

Прежде всего отметим то общее в строении пословиц и поговорок, что объединяет эти две разновидности изречений.

Поговорки, как и пословицы, могут иметь структуру простого и сложного предложений: *дэжиб-айш-ра тар-э айнабут герэфтэ аст* 'его карман опутала паутина' (соотв. 'он гол как сокол'); *пирайн-эшан дяр йек афтаб хошк мишавад* 'только рубашки их сушатся под одним и тем же солнцем' (т. е. они имеют очень мало общего между собой); *аб нэмибинад вай гяр нэ шенагяр-э габэл-и-ст* 'воды нет, а так-то он пловец хороший' (употребляется в двух значениях: по адресу людей, которые хвастаются чем-либо, заведомо зная, что проверить их слова нельзя, и по отношению к людям, отрицательные качества которых не проявляются лишь в силу объективных условий); *хайр-че рэштэ будэм паймэ шод* 'все, что напрял, опять стало хлопком' (т. е. все пошло прахом, ничего не получилось) и т. д. Однако в форме сложных предложений поговорки встречаются реже, чем пословицы. Это в первую очередь объясняется логико-семантическими

²⁶ А. М. Бабкин в работе «Лексикографическая разработка русской фразеологии», отмечая, что объектом лексикографической разработки могут быть только поговорки, а пословицы как фольклорный жанр не должны толковаться во фразеологическом словаре, приводит поговорки как со структурой словосочетания, так и предложения. При этом он указывает, что «ряд поговорок происходит от пословиц, представляя собой их часть или обломок» [15, с. 27]. Например: *тянуть ляжку* — из *тяги ляжку, пока не выруют ляжку*; *воду в ступе толочь* — из *воду в ступе толочь — вода и будет*; *убить бобра* — из *не убить бобра — не видать добра*.

Персидские пословицы и поговорки с точки зрения истории их возникновения почти совсем не изучены, некоторое исключение представляют лишь те из них, которые образовались из анекдотов и на базе отрывков из поэзии классического периода. Но даже если в дальнейшем будет установлено, что некоторые устойчивые именные и глагольные словосочетания образовались на основе пословиц, то и это, по нашему мнению, не может служить веским аргументом в пользу отнесения таких словосочетаний к числу поговорок.

различиями между ними: пословицы выражают общее суждение и часто вытекающее из него умозаключение, вывод (напр., *дър ханэ айгър кяс аст йек хърф бяс аст* 'если в доме есть настоящий человек, достаточно и одного слова', соотв. 'умный с полслова понимает'); поговорки, наоборот, чаще выражают частное или незавершенное суждение и характеризуются поэтому большей лаконичностью форм.

Поговорки, как и пословицы, могут иметь форму повествовательных, вопросительных и побудительных предложений: *аш няхордз-во дайхан сухтэ* 'похлебки не пробовал, а рот обжег'; *майгър хэфтмахэ бэ донйа амэдэ и?* 'что, ты родился семимесячным?' (в значении 'что ты так спешишь?'); *майгър маст бэ дайхан-аст майе задэ анд?* 'что, у тебя во рту кислое молоко заквасили?' (соотв. 'ты что, словно в рот воды набрал?'); *бороу кайшк-ат-ра бэсаб* 'ступай растворяй свое сушеное кислое молоко' (в значении 'не суй нос не в свои дела', 'занимайся своим делом') и т. д.

Нередко поговорки имеют форму отрицательных предложений: *аб аз аб нэмиджомбэд* 'вода не колышется' (соотв. 'тишь да гладь [да божья благодать]'); *наф-э ма-ра ба хям наборидэ анд* 'наши пуповины вместе не отрезали' (т. е. между нами нет ничего общего); *ин мар айфсунбярдар нист* 'эта змея не поддается заклинанию' (соотв. 'его на мякине не проведешь').

Поговорки могут иметь форму эллиптических предложений, в которых отсутствует глагол, например: *че Али Хадже, че Хадже Али* 'что Али Хадже, что Хадже Али' (соотв. 'что в лоб, что по лбу'); *бар бяр гав-о нале бяр гярдун* 'груз на воле, а скрип от телеги' (соотв. 'один работает, а другой кричит').

Если сравнить пословицы и поговорки с точки зрения того, какой из структурных типов предложений более свойствен тому или иному виду изречений, то следует отметить, что пословицы чаще имеют строение двусоставных предложений, а поговорки — односоставных. При этом поговорки обычно бывают представлены не обобщенно-личными предложениями, а определенно-личными (*майгър майз-э гонджешк хордэ и?* 'что ты болтаешь без умолку?' (букв. 'что ты съел воробьиные мозги?') и неопределенно-личными (*майгър бэ асб-э шах йабу гофтанд?* 'разве лошадь шаха назвала клочей?' в значении 'какое это имеет к тебе отношение?', 'почему это тебя задевает?').

Как уже отмечалось, при разграничении пословиц и поговорок обычно указывают на незавершенность, незамкнутость предложений, выступающих в роли поговорки. В чем же состоят формальные признаки незавершенности и незамкнутости поговорок?

Если замкнутые устойчивые фразы, употребляясь самостоятельно или в составе сложного предложения, не способны к словесному распространению, то незамкнутые устойчивые фразы могут распространяться словами, не принадлежащими к их структуре. Так, поговорка *дър-э донйа-ра набастэ анд* 'дверь мира

не закрыли' (соотв. 'свет клином не сошелся') может быть расширена путем добавления предложных дополнений *бӱрайе то* 'для тебя', *бӱрайе у* 'для него', *бӱрайе ма* 'для нас' и т. д.; поговорка *аш нӱхордэ-во дӱхан сухтэ* 'похлебки не пробовал, а рот обжег' может быть расширена путем добавления подлежащего, выраженного личным местоимением 3-го л. ед. числа, любым существительным со значением лица или именем собственным.

Ряд поговорок включает в свой состав переменные элементы (напр., личные или слитные местоимения), которые, хотя и с известными ограничениями, могут заменяться другими словами, т. е. поговоркам, как и некоторым видам ФП, свойственна постоянная РК, когда между постоянными членами ФЕ вклиниваются переменные члены, непосредственно не входящие в состав фразеологизма. Например, в поговорке *му-йи дӱр мийан-э анһа немигонджӱд* 'волосок между ними не помещается' (соотв. 'их водой не разольешь', 'они очень дружны между собой') личное местоимение 3-го л. мн. числа *анһа* 'они' может быть заменено на другие личные местоимения множественного числа, а в поговорке *аб дӱр дӱхан-ӱш хошк шод* 'у него во рту пересохло' (в значении 'он сильно удивлен' или 'он страшно испугался') слитное местоимение 3-го л. ед. числа *-ӱш* в зависимости от цели высказывания свободно заменяется на слитные местоимения других лиц. Как уже было отмечено выше, пословицы в своем составе переменных элементов не имеют.

Есть все основания рассматривать среди поговорок незавершенные сложноподчиненные предложения с придаточными определительными и придаточными сравнительными. Первые начинаются с antecedента с предлогом *мэсл* (или его синонимом), а вторые вводятся сложным подчинительным союзом *мэсл-е ин-ке* 'подобно тому, как', 'как будто', например: *мэсл-е аб-и-ке ру-йе атэш бэризӱнд* 'подобно воде, которую вылили бы на огонь'; *мэсл-е сиб-и-ке ӱз мийан до ним кӱрдэ башӱнд* 'как яблоко, которое посередине разрезали бы на две половинки'; *мэсл-е ин-ке мал-е баба-ш-ра хордэ ӱм* 'как будто я присвоил собственность его отца'; *мэсл-е ин-ке ӱз пэй-йе атэш амӱдэ ӱст* 'как будто он появился следом за огнем' (т. е. неожиданно быстро). Такого рода незавершенные предложения характеризуются устойчивостью структуры и яркой образностью, вытекающей непосредственно из содержания высказывания. От пословиц они четко отграничиваются своими структурно-семантическими особенностями.

В заключение следует подчеркнуть логико-семантические различия, существующие между персидскими пословицами и поговорками. В поговорках обычно отсутствует назидание, обобщение, свойственные пословицам, а при функционировании в речи поговорки выступают как меткие изречения, используемые для характеристики отдельных лиц, их отрицательных или положительных качеств, определенных жизненных ситуаций, связанных

с действиями или поведением человека. Они делают речь более яркой и образной, нередко внося в нее элементы иронии.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРК

Важной отличительной особенностью пословично-поговорочных изречений по сравнению с другими разновидностями ФП является то, что многие из них строятся на основе определенных стихотворных размеров. М. Шаки отмечает использование в персидских пословицах и поговорках двух систем стихосложения: силлабо-тонической и аруза [118, с. 74]. Так, в приводимой им пословице, построенной на основе силлабо-тонической системы, в каждом полустиишии содержится семь слогов: *ноу-ке амд бэ базар, коhnэ шйвд дэлазар* 'когда новая вещь появится на базаре, старая вещь станет причиной беспокойства'. Из стихотворных размеров, принадлежащих системе аруза, отмечаются рамал (*hār-ке бам-айш биш, бәрф-айш биштәр* 'у кого больше крыша, у того больше и снега', соотв. 'кому много дано, с того больше и спрашивается'), мутакариб (*сохйн та мйпорсәнд ләб бәстэ дар* 'пока не спрашивают, держи язык за зубами').

Стихотворная форма многих персидских пословиц и поговорок — явление неслучайное. Будучи одним из древнейших жанров фольклора, пословицы и поговорки обладают различными стихотворными размерами как средством, способствующим их устойчивости и лучшему запоминанию. «Не было ни одного более или менее известного персидского поэта, — пишет Х. Г. Короглы, — который бы не пользовался пословицей в своем произведении. Персидская литература классического периода содержит их в огромном количестве. Эти народные пословицы и поговорки в большинстве своем приводятся авторами в слегка поэтизированной форме, а часто и в таком виде, в каком они бытуют в народе» [44, с. 146]. В то же время многие отрывки из стихов Саади, Фирдоуси, Хафеза, Рудаки, Руми, Низами и других приобрели устойчивость пословично-поговорочных изречений и афоризмов и стали достоянием народного фольклора.

Пути образования персидских пословиц и поговорок, их художественная форма изучены недостаточно. Для освещения этих вопросов требуется серьезное исследование изобразительных и поэтических средств, используемых в различных по структуре пословицах и поговорках.

Одно из центральных мест в поэтической архитектонике персидских пословиц и поговорок занимает проблема образности. Для достижения большей выразительности и образного раскрытия мысли в пословицах и поговорках широко используются такие тропы, как эпитет, метафора, сравнение, олицетворение, гипербола, ирония²⁷. Но рассмотрение этих вопросов выходит за рамки чисто лингвистического исследования.

²⁷ На материале таджикских пословиц и поговорок первое серьезное исследование этих вопросов проводится в монографии Б. Тилавова «Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок» [94, с. 50—60].

Важное место в структуре многих пословиц и поговорок занимают изобразительные средства, свойственные обычно стихотворной речи. Специфическое использование лексико-стилистических, синтаксических и эфонических средств придает пословицам и поговоркам большую эмоциональную насыщенность, максимальную выразительность и позволяет отграничить этот вид устойчивых фраз от других разновидностей ФП.

Путем повторения одних и тех же слов и одинаковых синтаксических конструкций в лексико-грамматической и смысловой структуре пословиц и поговорок создается параллелизм, являющийся одним из приемов поэтической речи.

1. Повторение слов. Повторяться могут как знаменательные, так и незнаменательные слова: *шекәм-э ахунд тәғар-э хода-ст, шекәм-э сәййед пәнаһ бәр хода!* 'желудок ахунда — чан божий, а желудок сеида — упаси боже!'; *йеки миборәд йеки мидузәд* 'один кроит, другой шьет' (соотв. 'живут душа в душу'); *бар бәд башәд чо бәд башәд нәһал* 'плохие плоды бывают от плохих деревьев' (соотв. 'яблоко от яблони недалеко падает'); *че колаһ бә сәр че сәр бә колаһ* 'что шапка на голове, что голова в шапке' (соотв. 'что в лоб, что по лбу') и т. д. Как видно из приведенных примеров, повторяться могут слова, находящиеся не только в начале первой части изречения, но и в середине и в конце.

2. Повторение предложений, имеющих одинаковую структуру и примерно одинаковое количество лексем, что создает симметричное построение пословично-поговорочного изречения: *сәг лай-әд карэван гозәрдә* 'собака лает, караван идет' (соотв. 'собака лает, ветер носит'); *ан сәбу бәшекәст-о ан пәйманә рихт* 'тот кувшин разбился, и та чаша раскололась' (соотв. 'было и прошло, и былем поросло'); *нан-э эмруз ке-дари, гәм-э фәрда че хори?* 'сегодня у тебя есть хлеб, так чего же ты печалишься о завтрашнем дне?'; *бад амәдә әст вә гол авәрдә әст?* 'каким добрым ветром вас занесло?' (букв. 'ветер подул и цветок [нам] принес') и т. д.

3. Смысловое сопоставление бывает двух видов.

(1) Антонимическое сопоставление. Оно создается двумя способами:

а) употреблением лексем, являющихся антонимами по своему значению, например: *молла шодән че асан, адәм шодән че мошкел* 'стать человеком куда труднее, чем стать грамотным'; *сәд дуст кәм әст йек дошман бәсйар* 'сто друзей — мало, один враг — много'; *әгәр солтан дур әст хода нәздик әст* 'если султан далек, то бог близок' (в значении 'побойся хоть бога!');

б) употреблением лексем, не являющихся антонимами; противопоставление создается содержанием сопоставляемых частей, например: *гондҗешк-и дәр дәст бәһ ке-баз-и дәр һәва* 'воробей в руках лучше, чем сокол в небе' (соотв. 'лучше синица в руке, чем журавль в небе'); *дәст-э ма кутаһ вә хорма бәр нәхил* 'руки наши коротки, а финики на дереве' (соотв. 'видит око, да

зуб неймет’); *һэсаб һэсаб а́ст, ка́ка ба́радър* ‘счет есть счет, хотя он мне и брат’ (соотв. ‘дружба дружбой, а табачок врозь’).

(2) Синонимическое сопоставление. Одна и та же мысль повторяется в обеих частях изречения, но выражается она разными лексическими средствами, например: *д́жъаван-ра ма́фэрэст бэ зън герэфтън, пир-ра ма́фэрэст бэ хър хъридън* ‘молодого не посылай жениться, а старого — осла выбирать’ (в значении ‘все равно толку не будет’); *ба́д ма́кон ке-ба́д офти, чън ма́кън ке-ход офти* ‘не изображай в дурном свете [других] — сам будешь представлен в дурном свете, не рой яму [другому] — сам в нее попадешь’; *ба горг домбэ михоръд-о ба чу́пан герйе миконъд* ‘с волком ест курдюк, а с пастухом плачет’ (говорят о двуличных, лицемерных людях).

Созданию смыслового сопоставления (как антонимичного, так и синонимичного) содействует симметричное построение фразы, характерное для стихотворной речи.

К числу эвфонических средств персидских пословиц и поговорок относятся рифма и различные виды аллитерации. Они встречаются в пословицах и поговорках, имеющих не только стихотворную, но и прозаическую форму, и придают им благозвучность и музыкальность.

Рифма является чрезвычайно важной принадлежностью пословиц и поговорок и представляет собою созвучное окончание двух или нескольких слов, подчеркивающее ритмическую организацию отрывка: *съг-е һа́гъшенас бэһ аз адъм-э насэнас* ‘благодарная собака лучше, чем неблагодарный человек’; *со’ал аз асман, д́жъаваб аз рисман* ‘вопрос о небе, а ответ о веревке’ (о несурзном ответе); *шенидън кей бовъд манънд-э дидън* ‘лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать’.

В персидских пословицах и поговорках рифмы чаще всего являются мужскими, т. е. ударение падает на последний слог строки (см. примеры выше), что является закономерным отражением особенностей словесного ударения персидского языка, — оно за редким исключением падает на последний слог слова. Встречаются также рифмы женские (с ударением на втором от конца слоге), например: *ан до шах-э гав а́гър хър да́шти, йек шекъм дър адъми на́гоза́шти* ‘если бы у осла было два рога, как у коровы, то не осталось бы ни одного целого человеческого живота’; *горбэ-йе мэскин а́гър пър да́шти, тохм-э гонд́жешк аз һа́ва ба́р-да́шти* ‘если бы бедная кошка имела крылья, то она собирала бы воробьиные яйца в воздухе’. Иногда возможны рифмы дактилические (с ударением на третьем от конца слоге), например: *ан-че на́пайъд дэ́лбъстэги-ра на́шайъд* ‘то, что недолговечно, не заслуживает привязанности’; *һър-че зуд ба́р-айъд дир на́пайъд* ‘то, что легко достается, быстро утрачивается’.

В персидских пословицах и поговорках, имеющих стихотворную форму, имеет распространение редиф — повторение слова

или словосочетания вслед за рифмой в конце каждого стиха, например: *дәр ханэ әгәр кәс әст, йек һәрф бәс әст* 'если в доме есть настоящий человек, достаточно и одного слова' (соотв. 'умный с полслова понимает'); *әгәр йар әһл әст, кар сәһл әст* 'если друг хороший, то дело спорится'.

В некоторых пословицах и поговорках реди́ф во второй части стиха отпадает. В этом случае размер стиха нарушается, но достигается краткость и большая выразительность, например: *ма-дәр-ра дэл сузәд, даје-ра дамән* 'у матери сердце горит, а у няньки — подол'; *шекәм-э ахунд тәгәр-э хода-ст, шекәм-э сәййед пәнаһ бәр хода!* 'желудок ахунда — чан божий, а желудок сеида — упаси боже!'; *собоһ ашег әст, шам фарэг* 'утром — влюбленный, а вечером — свободный' (о непостоянном, легкомысленном человеке).

Для персидских пословиц и поговорок характерны различные виды аллитерации.

Ассонанс — повторение гласных звуков — встречается в начале, середине и конце слов. Повторяться могут как устойчивые, так и неустойчивые гласные: *аб-о атеш-ра че ашенаи* 'вода и огонь друг с другом не дружат'; *мәвәддәт-э әһл-е сәфа, че дәр руй че дәр гәфа* 'любовь искреннего человека выражается не только на лице, но и на затылке'; *горбэ һәмэ шәб бэ хаб бинәд домбэ* 'кошке всю ночь снится баранье сало' (соотв. 'голодной курице все просо снится') и т. д.

Консонанс — повторение согласных звуков — может встречаться в начале, середине и конце слов: *бигари бәһ әз бикари* 'барщина лучше безработицы'; *кар-и-ке нәку нәшод, нәку шод ке-нәшод* 'дело, которое не увенчается успехом, лучше было бы не начинать'; *раст әст ке-дуғ әз маст әст* 'правда, что дуг получают из кислого молока' (говорят человеку, изрекающему прописные истины) и т. д.

Нередко оба вида звуковых повторов сочетаются вместе, т. е. происходит созвучие гласных и согласных звуков: *дана данәд-о порсәд, надан нәданәд-о нәпорсәд* 'мудрый знает и спрашивает, невежда не знает и не спрашивает'; *зәманэ ба то нәсазәд, то ба зәманэ бәсаз* 'если судьба с тобой неласкова, то ты будь ласков с нею'; *даштәм даштәм һэсаб нист, дарәм дарәм һэсаб әст* 'считают не то, что у тебя было, а то, что есть сейчас' и т. д.

Широкое использование изобразительных средств, характерная для многих устойчивых изречений стихотворная форма, образный характер значения, свойственный различным жанрам художественной речи, — все это делает пословицы и поговорки неотъемлемой частью фольклора и в то же время обеспечивает им особое место среди ФП. Поэтому для их всестороннего и глубокого изучения необходимо сочетание методов лингвистического исследования с методами литературоведческого анализа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фразеология персидского языка как самостоятельный раздел теории языка, изучающий состав и свойства ФЕ, находится в состоянии становления. В связи с этим задача первых исследований в этой области состоит не только в том, чтобы показать специфику этого раздела языкознания и обосновать необходимость его выделения, но и рассмотреть основные проблемы, касающиеся структуры, семантики и функционирования ФЕ, на конкретном языковом материале.

Построение данной работы всецело подчинено осуществлению этой задачи. В первой части были рассмотрены получившие наибольшее распространение точки зрения на основные понятия фразеологии и сформулированы исходные позиции автора работы, относящиеся к пониманию объема персидской фразеологии, семантической природы ФЕ и их классификации. Во второй, третьей и четвертой частях работы были подвергнуты изучению конкретные структурные типы персидских ФЕ.

Проведенное исследование показало, во-первых, обоснованность широкого понимания объема фразеологии, полезность его с точки зрения задач практического характера (напр., при лексикографической разработке фразеологии, при описании и изучении различных типов устойчивых сочетаний слов) и, во-вторых, целесообразность и плодотворность структурно-семантического подхода при изучении фразеологии персидского языка.

Общими для всех ФЕ, независимо от их строения, являются качественная и количественная определенность лексемного состава, неизменяемость или ограниченная изменяемость морфологических форм компонентов, устойчивость и неизменяемость синтаксической структуры, устойчивость целостного значения. Эти свойства обеспечивают ФЕ, в отличие от свободно конструируемых словосочетаний и предложений, воспроизводимость в готовом виде. Вместе с тем каждый структурный тип персидских ФЕ обладает своими, присущими только ему структурно-грамматическими и семантическими особенностями и определенными трудностями в отграничении от соответствующих свободных сочетаний слов и от сложных слов сходной структуры.

1. Среди именных ФЕ наибольшее распространение и развитие получили изафетные фразеологизмы.

При изучении именных ФЕ было установлено, что вид грамматической связи, положенный в основу их классификации, оказывает влияние на семантическую структуру и характер их функционирования в языке, а также на количественный состав компонентов. Примыкание как вид подчинительной связи редко используется для образования именных ФЕ.

В работе сделана попытка установить разграничения между некоторыми видами именных ФЕ и сходными с ними по структуре и составу сложными словами. Так, в результате изучения бинарных именных образований, составные части которых объединены соединительным *o*, выделены три группы сочетаний: а) типичные сложные слова-копулятивы; б) копулятивные ФЕ; в) сочетания, не имеющие четких признаков ни тех, ни других единиц и занимающие промежуточное положение между образованиями первой и второй групп.

Особое внимание было обращено на устойчивые словосочетания, образующиеся по структурно-семантическим моделям ограниченного характера. Они названы именными моделированными словосочетаниями. В силу серийности образования моделированные словосочетания в составе именных ФЕ занимают самую периферийную позицию, приближаясь к свободным словосочетаниям. В зависимости от сохранения или изменения значения моделирующего компонента моделированные словосочетания бывают мотивированными и частично мотивированными. В работе рассмотрены наиболее распространенные модели именных словосочетаний. Дальнейшая задача состоит в более полном раскрытии сочетательных возможностей каждого моделирующего компонента.

2. Один из наиболее важных и трудоемких вопросов работы — проблема глагольных ФЕ, представленных СГ и МГФ. Если СГ получили сравнительно подробное освещение в грамматической и учебной литературе по персидскому языку, то МГФ рассматриваются впервые.

(1) В работе показаны условность термина «сложный глагол» и его несоответствие природе этих глагольных словосочетаний, отличие СГ от сложных слов. СГ не обладает главнейшими признаками сложного слова, а именно: его просодической структурой, неразрывностью и незаменимостью составляющих компонентов, грамматической цельюоформленностью. Даже такие СГ, ИЧ которых не имеет самостоятельного употребления (напр., *гом кърдйн* 'терять', *молтйфэт шодйн* 'понимать'), характеризуются акцентной структурой словосочетаний и способны образовывать РК.

СГ в зависимости от семантических отношений между компонентами и валентности КГ делятся на два структурно-семантических типа — моделированные СГ и немоделированные СГ. Основную массу СГ составляют моделированные образования. Между этими типами СГ нет резких различий и возможен переход СГ из одной группы в другую. Процесс перехода СГ из одной группы в другую связан с изменением семантической структуры СГ и нуждается в самостоятельном исследовании.

(2) В связи с изучением дистантного построения компонентов глагольных ФЕ было установлено, что такое построение является не только стилистическим средством языка, но и выступает как постоянная структурная модель многих ФЕ. РК охватывает глагольные ФЕ и ФП. Выделяются две основные разновидности РК: факультативная и постоянная РК. Факультативная РК преимущественно свойственна СГ. Постоянная РК характерна для МГФ и ФП. Если подходить к рассмотрению РК с точки зрения соотношения языка и речи, то можно говорить о виртуальной или актуализованной формах факультативной и постоянной РК. На уровне речи выделяется третий вид РК — собственно речевая РК, возникающая исключительно в процессе речи и отличающаяся лексико-грамматическим составом слов, которые могут замыкаться между постоянными членами ФЕ.

(3) МГФ — высшая форма организация ФЕ-словосочетаний, поскольку сами они могут включать в свой состав другие ФЕ — СГ и различные виды именных ФЕ. По сравнению с СГ фразеологические свойства МГФ проявляются более ярко. Большинство МГФ выражает не только какое-либо действие или состояние, но и одновременно содержит оценку их со стороны субъекта. МГФ нередко выступают как перифрастические обороты по отношению к простым и сложным глаголам. Значение МГФ характеризуется более сложной структурой, хотя три основных вида фразеологического значения наблюдаются и у этих ФЕ (немотивированное, частично мотивированное и мотивированное). Семантическая структура МГФ нуждается в дальнейшем, более детальном изучении.

3. Принадлежность устойчивых фраз к фразеологии персидского языка проявляется в их синтаксической структуре и семантико-грамматических свойствах. ФП по преимуществу относятся к разговорному стилю речи, что находит отражение в особом употреблении в их составе местоименных энклитик, в наличии среди них большого количества эллиптических конструкций, в широком использовании разговорной лексики.

Образование ФП шло главным образом путем фразеологизации свободных предложений. Сходство структурных схем ФП со структурными схемами свободных предложений позволило на основе формально-грамматического анализа выделить три типа фразеологизированных предложений: а) ФП, соотносительные с двусоставными предложениями; б) ФП, соотносительные с односоставными предложениями, и в) эллиптические ФП. Большинство ФП обладает основным признаком предложения — предикативностью, характеризуется категориями модальности, времени и лица, получает в речи ту или иную интонацию сообщения. Однако принадлежность предложений к фразеологическому составу накладывает ряд ограничений на проявление этих грамматических категорий. В то же время своеобразие внутренней структуры и характера функционирования различных видов ФП дало основание для выделения самостоятельных и несамостоятельных ФП.

В работе была проведена структурная классификация персидских ФЕ, основанная на их синтаксическом строении. Это позволило не только выделить ФЕ, соотносимые со словосочетаниями и предложениями, но и провести более углубленный грамматический и семантический анализ разнообразных по строению ФЕ. Представляется интересным и перспективным дальнейшее изучение и классификация ФЕ-словосочетаний на основе соотношения их с частями речи. При этом следует иметь в виду, что если при отнесении слова к той или иной части речи приходится опираться на грамматические категории, свойственные этому слову, то при соотношении ФЕ с частями речи главным критерием становятся синтаксические функции, выполняемые фразеологизмами. Эти функции, в большинстве случаев определяемые стержневым словом, могут быть переменными и постоянными. Однако только постоянная синтаксическая функция ФЕ дает полное основание для отнесения ее к соответствующей части речи.

* * *

Данная работа представляет собой синхронное описание фразеологического состава персидского языка, но современное состояние фразеологии есть результат предшествующих этапов ее развития. Поэтому для лучшего понимания природы ФЕ и процессов, происходящих внутри фразеологического состава, необходимо также изучение фразеологизмов в диахроническом плане.

В процессе исследования персидской фразеологии взгляды автора на некоторые проблемы несколько менялись, поскольку сведения о том или ином типе ФЕ постоянно углублялись и расширялись. Это нашло отражение, в частности, в понимании семантической структуры ФЕ, в вопросе о включении пословиц и поговорок в состав фразеологии.

В силу недостаточной изученности персидской фразеологии невозможно было в одинаковой степени подробно осветить все поднятые проблемы и полностью охватить все многообразие частных явлений фразеологии. Ряд вопросов, несмотря на их важность, составляет второй ряд фразеологической проблематики (напр., вопросы полисемии и омонимии, синонимии, антонимии, функционально-стилистической дифференциации ФЕ), и поэтому они затрагивались лишь в малой степени. Некоторые вопросы, рассматриваемые в работе, нуждаются в дальнейшем изучении и проверке на более широком материале персидской фразеологии.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БФП	—	безличные фразеологизмы-предложения
ВК	—	вставочный компонент
ГЧ	—	глагольная часть
ИЧ	—	именная часть
КГ	—	компонирующий глагол
МГФ	—	многочленный глагольный фразеологизм
НРК	—	нерабочая конструкция
РК	—	рамочная конструкция
СГ	—	сложный глагол
ФЕ	—	фразеологическая единица
ФП	—	фразеологизм-предложение

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

АМ	—	جلال آل احمد، مدير مدرسه، چاپ اول، تهران، ۱۳۳۷
АН	—	بزرگ علوی، نامہا و داستانهای دیگر، تهران، ۱۳۳۰
АФ	—	امير قلی امينی، فرهنگ عوام يا تفسير امثال و اصطلاحات زبان پارسی، [تهران]
АЧ	—	بزرگ علوی، چشمه‌هایش، چاپ سوم
АШ	—	علی احمد افغانی، شوهر آهو خانم، تهران، مهر ماه ۱۳۴۰
БН	—	م. ا. به آذین، نقش پزند، تهران، ۱۳۳۴
ДА	—	علی اکبر دهخدا، امثال و حکم، جلد ۱-۴، تهران، ۱۳۳۹
ДЖК	—	سید محمد علی جمال‌زاده، کهنه و نو، [تهران]، ۱۳۳۸
ДЖТ	—	سید محمد علی جمال‌زاده، تلخ و شیرین، [تهران]، ۱۳۳۴
ДЖФ	—	سید محمد علی جمال‌زاده، فرهنگ لغات عامیانه، ۱۳۴۱
ЙА	—	مجله «یغما»، تهران، ۱۳۴۹، شماره ۲۶۰
К	—	روزنامه «کیهان»، بعضی از شماره‌های سالهای ۱۳۴۸-۱۳۵۰
НФ	—	علی اکبر نفیسی (ناظم الاطباق)، فرهنگ نفیسی، جلد ۱-۵، تهران، ۱۳۴۳
ПН	—	مجله «پیام نوین»، دوره سوم

* При документации примеров в тексте для журналов указаны номер и страница, для газет — только номер.

- ПНО — مجله «پیام نوین»، دوره دوم
 РК — مجله «راهنمای کتاب»، سال سیزدهم، تهران، ۱۳۴۹، شماره‌های ۱ و ۲
 X — مجله «خواندنیها»، سال سی و چهارم
 XA — مجله «خواندنیها»، سال سی و پنجم
 XD — عبدالرحیم همایونفرّخ، دستور جامع زبان فارسی، هفت جلد در يك مجلد، تهران، چاپ دوم
 XM — محمد حجازی، میهن ما، تهران، ۱۳۳۸
 XC — محمد حجازی، سرشک، چاپ اول، تهران، ۱۳۳۲
 XCK — صادق هدایت، سه قطره خون، تهران، ۱۳۳۳
 XCP — صادق هدایت، سایه روشن، چاپ سوم، تهران، ۱۳۳۴
 Э — روزنامه «اطلاعات»، بعضی از شماره‌های سالهای ۱۳۴۸-۱۳۴۹

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка.— Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
2. Авалиани Ю. Ю. Исследование в области сложного глагола и глагольной фразеологии курдского языка.— Автореф. докт. дис. Тб., 1969.
3. Авалиани Ю. Ю. К семантической структуре слова и фразеологической единицы (по материалам иранских языков).— «Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои». Новая серия. Вып. № 225. Вопросы фразеологии, стилистики и грамматического строя восточных языков. Самарканд, 1972.
4. Авалиани Ю. Ю. О некоторых путях развития глагольного словообразования в современном курдском языке (курманджи).— «Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои». Новая серия. Вып. № 225. Вопросы фразеологии, стилистики и грамматического строя восточных языков. Самарканд, 1972.
5. Авалиани Ю. Ю. Слово и фразеологизм в иранских языках.— «Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои». Новая серия. Вып. № 178. Вопросы фразеологии, 3. Самарканд, 1970.
6. Адмони В. Г. Введение в синтаксис немецкого языка. М., 1955.
7. Алиев Г. Г. Персидско-русский и русско-персидский военный словарь. М., 1972.
8. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
9. Амосова Н. Н. Современное состояние и перспективы фразеологии.— «Вопросы языкознания». 1966, № 3.
10. Арендс А. К. Краткий синтаксис современного персидского языка. М.—Л., 1941.
11. Архангельский В. Л. О задачах, объектах и разделах русской фразеологии как лингвистической дисциплины.— Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968). Вып. 2. Тула, 1972.
12. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1964.
13. Ахманова О. С. К вопросу об отличии сложных слов от фразеологических единиц.— «Труды Института языкознания АН СССР». Т. 4. М., 1954.
14. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
15. Бабкин А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.—Л., 1964.
16. Бакаев Ч. Х. Курдско-армянские фразеологические параллели.— Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР. М., 1969.
17. Бакаев Ч. Х. Язык курдов СССР. М., 1973.
18. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
19. Белицин А. П. Безличные предложения в современном персидском языке. Автореф. канд. дис. М., 1969.
20. Белицин А. П. О некоторых предложениях с обособлением в персидском языке.— Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики. М., 1976.

21. БСЭ. Изд. 2-е. Т. 33.
22. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке.— Академик А. А. Шахматов. М.—Л., 1947.
23. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины.— «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ». Л., 1946.
24. Виноградов В. В. Основные типы фразеологических единиц в русском языке.— Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.—Л., 1947.
25. Воронцов Ю. В. Некоторые вопросы структурно-синтаксической и фразеологической классификации словосочетаний в современном афганском языке.— «Общественные науки в Узбекистане». 1965, № 1.
26. Гаврин С. Г. К вопросу об отличии пословицы от поговорки в современном русском литературном языке.— «Ученые записки Пермского государственного педагогического института». Вып. 17. Пермь, 1958.
27. Ганиев А. Глагольные фразеологические единицы современного афганского языка (опыт классификации структурно-семантических типов).— «Научные труды. Ташкентский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. В. И. Ленина». Вып. 433. Таш., 1973.
28. Гвенцадзе Г. С. К вопросу о глагольном фразеологизме в персидском языке.— «Народы Азии и Африки». 1975, № 2.
29. Гелнер Ю. Р. Об основных признаках фразеологических единиц и о типах их видоизменения.— Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М.—Л., 1964.
30. Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Ч. 1, М., 1954.
31. Дворянков Н. А. Язык пушту. М., 1960.
32. Дорощева Л. Н. Язык фарси-кабули. М., 1960.
33. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М., 1961.
34. Жуков В. П. Некоторые общие положения о соотношении фразеологизма со словом.— «Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои». Новая серия. Вып. № 178. Вопросы фразеологии, 3. Самарканд, 1970.
35. Жуков В. П. О несоизмеримости компонентов фразеологизма со словом.— «Русский язык в школе». 1969, № 3.
36. Жуков В. П. Соотношение фразеологической единицы и ее компонентов со словами свободного употребления.— «Научные доклады высшей школы. Филологические науки». 1962, № 3.
37. Зулъфигарова Ф. И. Идиоматические выражения в персидском языке (По материалам произведений С. Хедаята). Автореф. канд. дис. Баку, 1964.
38. Иванникова Е. А. Об основном признаке фразеологических единиц.— Проблемы фразеологии. Материалы и исследования. М.—Л., 1964.
39. Исаев М. И. Очерки по фразеологии осетинского языка. Орджоникидзе, 1964.
40. Исаев М. И. Фразеологизм и слово в осетинском языке.— «Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои». Новая серия. Вып. № 178. Вопросы фразеологии, 3. Самарканд, 1970.
41. Калонтаров Я. И. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими. Душ., 1965.
42. Киселева Л. Н. Очерки по лексикологии языка дари. М., 1973.
43. Копыленко М. М., Попова З. Д. Лексемы и фразеосочетания как объекты языкознания.— «Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои». Новая серия. Вып. № 178. Вопросы фразеологии, 3. Самарканд, 1970.
44. Короглы Х. Г. Персидские пословицы в транскрипции В. А. Гордлевского.— Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию. М., 1953.
45. Короглы Х. Персидские пословицы, поговорки и крылатые слова. М., 1973.
46. Кунин А. В. Английская фразеология. М., 1970.

47. Кунин А. В. О структурно-семантической классификации фразеологических значений.— Вопросы семантики фразеологических единиц славянских, германских и романских языков. Ч. 2. Новгород, 1972.
48. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М., 1972.
49. Курдоев К. К. Грамматика курдского языка. М.—Л., 1957.
50. Маджидов Х. Лексико-семантические особенности глагольных фразеологических единиц современного таджикского литературного языка. Автореф. канд. дис. Душ., 1968.
51. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945.
52. Мирзабекян Ж. М. Русско-персидский политехнический словарь. М., 1973.
53. Молотков А. И. Словосочетание и фразеологизм.— Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968). Вып. 2. Тула, 1972.
54. Молотков А. И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания.— Фразеологический словарь русского языка. М., 1967.
55. Назарян А. Образные сравнения французского языка. Фразеологизмы. М., 1965.
56. Овчинникова И. К. К вопросу о классификации именных частей речи в персидском языке.— «Краткие сообщения Института народов Азии». Вып. 30. М., 1961.
57. Овчинникова И. К. Об употребительности неправильных форм множественного числа в современном персидском языке (опыт статистического анализа).— Индийская и иранская филология. М., 1964.
58. Ожегов С. И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка).— Лексикографический сборник. Вып. 11, М., 1957.
59. Панфилов В. З. Взаимоотношения языка и мышления. М., 1971.
60. Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.
61. Пахалина Т. Н. Ишкашимский язык. М., 1959.
62. Пейсиков Л. С. Вопросы синтаксиса персидского языка. М., 1959.
63. Пейсиков Л. С. К типологии служебных глаголов в персидском языке.— «Ученые записки кафедр иностранных языков Восточного факультета [ИМО]». Вып. 1. Вопросы языка и литературы стран Востока. М., 1958.
64. Пейсиков Л. С. Очерки по словообразованию персидского языка. М., 1973.
65. Пейсиков Л. С. Тегеранский диалект. М., 1960.
66. Пермьяков Г. Л. От поговорки до сказки. М., 1970.
67. Персидско-русский словарь в двух томах. Под ред. Ю. А. Рубинчика. Т. 1—2. М., 1970.
68. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
69. Поляков К. И. Некоторые фонетические процессы и явления на стыках морфем в современном литературном персидском языке. Автореф. канд. дис. М., 1972.
70. Прокопович Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка. М., 1974.
71. Расторгуева В. С., Керимова А. А. Система таджикского глагола. М., 1964.
72. Расторгуева В. С., Керимова А. А., Мамедзаде А. К., Пирейко Л. А., Эдельман Д. И. Гилянский язык. М., 1971.
73. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
74. Ройзензон Л. И., Бушуй А. М. Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии. Вып. 2. Самарканд, 1970.
75. Ройзензон Л. И., Бушуй А. М., Ройзензон С. И. Библиографический указатель литературы по вопросам фразеологии. Вып. 3. Самарканд, 1974.
76. Ройзензон Л. И., Пеклер М. А. Материалы к общей библиографии по вопросам фразеологии.— Вопросы фразеологии. Таш., 1965.
77. Рубинчик Ю. А. Грамматический очерк персидского языка.— Пер-

- сидско-русский словарь в двух томах. Под ред. Ю. А. Рубинчика. Т. 2. М., 1970.
78. Рубинчик Ю. А. Образование устойчивых словосочетаний в современном персидском языке на основе сложных предложений с придаточными определительными.—Иранский сборник. К семидесятипятилетию проф. И. И. Зарубина. М., 1963.
 79. Рубинчик Ю. А. Персидский сложный глагол как разновидность глагольных фразеологизмов.—Индийская и иранская филология. Вопросы лексики. М., 1971.
 80. Рубинчик Ю. А. Предисловие.—Персидско-русский словарь в двух томах. Под ред. Ю. А. Рубинчика. Т. 1. М., 1970.
 81. Рубинчик Ю. А. Природа и функции персидского подчинительного союза *ке*.—«Краткие сообщения Института востоковедения». Вып. 36. М., 1959.
 82. Рубинчик Ю. А. Сложные предложения с придаточными определительными в современном персидском языке. М., 1959.
 83. Рубинчик Ю. А. Сложный глагол в персидском языке — слово или фразеологизм?—«Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои». Новая серия. Вып. № 219. Вопросы фразеологии, 5, ч. 2. Самарканд, 1972.
 84. Рубинчик Ю. А. Современное состояние персидской орфографии.—«Народы Азии и Африки». 1969, № 2.
 85. Рубинчик Ю. А. Современный персидский язык. М., 1960.
 86. Рубинчик Ю. А. Фразеологизмы-предложения и их место в составе фразеологии персидского языка.—«Народы Азии и Африки». 1974, № 5.
 87. Рудов В. Ф. К вопросу о сущности фразеологических выражений.—«Ученые записки Таганрогского государственного педагогического института». Вып. 5, 1958.
 88. Сахокия М. М. О сложных глаголах в древнеперсидском языке и их отнесенности к слову.—«Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои». Новая серия. Вып. № 219. Вопросы фразеологии, 5, ч. 2. Самарканд, 1972.
 89. Сергеев В. Н. Библиографический указатель литературы по фразеологии, изданной в СССР с 1918 по 1961 г.—Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М.—Л., 1964.
 90. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1971.
 91. Тагнев М. Т. К проблеме разграничения типов значений лексических и фразеологических единиц.—Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967.
 92. Телия В. Н. О термине «фразама» (в связи с описанием вариантности фразеологизмов).—Проблемы лингвистического анализа. Фонология. Грамматика. Лексикология. М., 1966.
 93. Телия В. Н. Что такое фразеология. М., 1966.
 94. Тилавов Б. Поэтика таджикских народных пословиц и поговорок. Душ., 1967.
 95. Торопцев И. С. К вопросу о возникновении фразеологизмов и способе их отграничения от сходных с ними единиц.—«Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской». Т. 160. Вып. 2. Русский язык. Вопросы русской фразеологии. М., 1966.
 96. Фархади Р. Разговорный фарси в Афганистане. М., 1974.
 97. Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М., 1958.
 98. Фролова В. А. Сложный глагол в современном персидском языке. Автореф. канд. дис. М., 1953.
 99. Фролова В. А., Хрисанов Н. В. О природе персидского сложного глагола.—Сборник трудов по языкознанию. М., 1962, № 2(6).
 100. Хасанов И. Лексика и фразеология романа Дж. Икромии «Духтари оташ». Автореф. канд. дис. Пенджикент, 1966.
 101. Хатеми Н. З. Лексика персидского языка и пути ее обогащения. Автореф. докт. дис. Баку, 1968.

102. Хрисанов Н. В. Наречные повторы в современном персидском языке.— Сборник трудов по языкознанию. М., 1961, № 1.
103. Хушенова С. В. Изафетные фразеологические единицы таджикского языка. Душ., 1971.
104. Хушенова С. В. К вопросу о разграничении слова и фразеологизма в памирских языках.— «Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои». Новая серия. Вып. № 219. Вопросы фразеологии, 5, ч. 1. Самарканд, 1972.
105. Хушенова С. В. О структурных типах фразеологических единиц шугнанского языка.— «Памирские языки и фольклор». 1. Душ., 1972.
106. Чернышева И. И. Критерии выделения фразеологических единиц (на материале немецкого языка).— Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума. Тула, 1968.
107. Чернышева И. И. Некоторые семантические категории фразеологии в сопоставлении с категориями лексики (на материале немецкого языка).— «Труды Самаркандского государственного университета им. А. Навои». Новая серия. Вып. № 178. Вопросы фразеологии, 3. Самарканд, 1970.
108. Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.
109. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.
110. Эдельман Д. И. Язгулямский язык. М., 1966.
111. Янко-Триницкая Н. А. Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка.— «Известия АН СССР. Серия литературы и языка». Т. 28. Вып. 5. М., 1969.
112. Фозилов М. Ф. Фарханги ибораҳои рехтаи забони ҳозиран тоҷик (Фарханги фразеологӣ). Душ. Ч. 1, 1963; ч. 2, 1964.
113. Horn P. Neupersische Schriftsprache.— Grundriss der iranischen Philologie. Bd 1. Strassburg, 1895—1901.
114. Lazard G. Grammaire du persan contemporain. P., 1957.
115. Lazard G. La langue de plus anciens monuments de la prose persane. P., 1963.
116. Mansour Shaki. A Study in the Persian Bound Phraseology and Idioms.— «Archiv Orientalni». Praha, 1958, 26/2.
117. Mansour Shaki. A Study on Nominal Compounds in Neo-Persian. Praha, 1964.
118. Mansour Shaki. Principles of Persian Bound Phraseology. Prague, 1967.
119. Telegdi Zs. Nature et fonction des périphrases verbales dites «verbes composés» en persan.— «Acta Orientalia». T. 1, fasc. 2—3. Budapest, 1951.
120. Telegdi Zs. Über einen Fall von struktureller Homonymie im Persischen.— «Acta Linguistica». T. 14, fasc. 3—4. Budapest, 1964.
121. امیر قلی امینی، فرهنگ عوام یا تفسیر امثال و اصطلاحات زبان پارسی، [تهران].
122. سید محمد علی جمالزاده، فرهنگ لغات عامیانه، تهران، ۱۳۴۱.
123. پرویز ناتل خانلری، تاریخ زبان فارسی، بخشی از جلد دوم، ساختمان فعل، تهران، ۱۳۴۹.
124. پرویز ناتل خانلری، زبان‌شناسی و زبان فارسی، تهران، ۱۳۴۳.
125. علی اکبر دهخدا، امثال و حکم، جلد ۱—۴، تهران، ۱۳۳۹.

126. علی اکبر دهخدا، لغت‌نامه، زیر نظر: دکتر محمد معین، دکتر شهیدی، شماره‌های مسلسل: ۱-۲۰۷، تهران، ۱۳۲۵-۱۳۵۴.
127. یوسف رحمتی، فرهنگ عامیانه، امثال، لغات و مصطلحات، تهران، ۱۳۳۰.
128. حسن عمید، فرهنگ بزرگ دوجلدی مصور فارسی بفارسی، تهران، ۱۳۳۷.
129. فرهنگ اصطلاحات علمی، تهران، ۱۳۴۹.
130. محمد معین، دهخدا- «لغت‌نامه»، شماره مسلسل ۴۰، مقدمه، تهران، ۱۳۳۷.
131. محمد معین، فرهنگ فارسی (متوسط) شامل یک مقدمه و سه بخش: لغات، ترکیبات خارجی، اعلام، جلد ۱-۶، تهران، ۱۳۴۲-۱۳۵۲.
132. عبدالرحیم همایون‌نرخ، دستور جامع زبان فارسی، هفت جلد در یک مجلد، تهران، چاپ دوم.

СОДЕРЖАНИЕ

Задачи исследования	3
-------------------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОСНОВНЫЕ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПЕРСИДСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Состояние и проблемы изучения фразеологии иранских языков . . .	7
Объем и границы фразеологии персидского языка §	11
Семантическая структура фразеологизмов	27
Структурная классификация персидских фразеологизмов	36

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИМЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

Глава I

Грамматическая структура и лексемный состав именных ФЕ	40
Единство фразеологизмов и лексико-структурные варианты	40
Факультативность именных ФЕ	41
Виды грамматической связи между компонентами именных ФЕ	42
Семантико-грамматические особенности слов в составе именных ФЕ	43
К характеристике лексемного состава именных ФЕ и их стилистиче- ской принадлежности	46

Глава II

Семантико-грамматическая типология именных ФЕ	49
Изафетные фразеологизмы	50
Фразеологизмы с немотивированным значением	51
Этимологический анализ некоторых изафетных ФЕ и вопросы об- разования фразеологического значения	52
Составные термины с общим немотивированным значением	57
Фразеологизмы с метафорическим значением	59
Фразеологизмы с частично мотивированным значением	61
Несвободное значение слова в составе ФЕ	62
Метафорическое переосмысление одного из компонентов ФЕ . . .	65
Фразеологизмы с мотивированным значением	67
Предложные фразеологизмы	71
Предложные ФЕ-повторы	73
Копулятивные фразеологизмы	75
Копулятивные ФЕ и сложные слова с интерфиксом <i>o</i>	75

О некоторых формальных критериях разграничения сложных слов и копулятивных ФЕ	80
Семантическая структура копулятивных ФЕ и сложных слов	85
Сочетания-повторы, образованные на основе соположения	91
Фразеологизмы с примыкающей связью	94
Фразеологизмы с комбинированными видами связи	97
Препозитивно-предложные фразеологизмы	98

Г л а в а III

Некоторые вопросы образования, структуры и семантики именных моделированных словосочетаний	102
Отличие серийных словосочетаний-терминов от моделированных образований	110

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

Общая характеристика	113
--------------------------------	-----

Г л а в а I

Сложный глагол	114
Отличие СГ от сложного слова	116
СГ как разновидность глагольных фразеологизмов	120
СГ, ИЧ которых не имеет предлога	124
Именная часть СГ	124
Существительные в роли ИЧ	125
Прилагательные и причастия в роли ИЧ	129
Другие части речи в роли ИЧ	137
Западноевропейские заимствования в роли ИЧ	139
Глагольная часть СГ	140
Общая характеристика КГ и их состава	140
Использование некоторых простых глаголов в составе устойчивых и свободных словосочетаний	142
Роль КГ в создании грамматических свойств СГ	150
Структурно-семантическая типология СГ	153
СГ — моделированные образования	154
СГ с мотивированным значением	154
СГ с частично мотивированным значением	156
СГ — немоделированные образования	160
СГ с немотивированным значением	160
СГ с частично мотивированным значением	161
СГ с мотивированным значением	163
СГ, ИЧ которых имеет предлог	164
Характеристика компонентного состава предложных СГ	164
ИЧ и относящиеся к ней предлоги	165
КГ в составе предложных СГ	167
Структурно-семантическая типология предложных СГ	168
СГ — моделированные образования	169
СГ — немоделированные образования	169

СГ с немотивированным значением	170
СГ с частично мотивированным значением	170
СГ с мотивированным значением	171
Взаимосвязь предложных и беспредложных СГ	171

Глава II

Глагольные ФЕ и вопросы образования рамочной конструкции . . .	173
Общая характеристика РК и ее разновидностей	175
РК и структурно-семантическое единство ФЕ	179
Некоторые закономерности в образовании факультативной РК СГ . . .	183

Глава III

Многочленные глагольные фразеологизмы	192
Строение и лексемный состав МГФ	193
Именная часть МГФ	193
Глагольная часть МГФ	194
РК СГ и вопросы образования МГФ	196
Семантическая структура МГФ	198

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Глава I

Понятие ФП и место данного типа ФЕ среди других типов ФЕ . . .	202
Отличие ФП от свободных предложений	202
Сходство и различие ФП с глагольными ФЕ	204
Особенности функционирования глагольного компонента в составе ФП	207

Глава II

Некоторые особенности синтаксической структуры ФП	210
Самостоятельные и несамостоятельные ФП	211
Слитные местоимения в составе ФП и возможность/невозможность их замены на другие слова	215

Глава III

Структурно-грамматическая типология ФП	218
ФП, соотносительные с двусоставными предложениями	220
ФП с ВК, представленными слитными местоимениями	220
ФП, не имеющие в своем составе слитных местоимений	222
ФП, соотносительные с односоставными предложениями	223
ФП, соотносительные с определенно-личными предложениями	224
ФП, соотносительные с неопределенно-личными предложениями	224
ФП, соотносительные с обобщенно-личными предложениями	225
ФП, выступающие в роли главного члена безличных предложений	225
Бессубъектные БФП	226
БФП — фразеологические штампы	231
Субъектные БФП	231

Связочные БФП	236
Эллиптические ФП	238

Г л а в а I V

Персидские пословицы и поговорки как часть фразеологического состава языка	240
Фразеологические свойства пословиц и поговорок	242
Значение пословиц и поговорок	244
О разграничении пословиц и поговорок	247
Изобразительные средства пословиц и поговорок	256
Заключение	260
Условные сокращения	264
Сокращенные обозначения источников	264
Литература	266

Юрий Аронович Рубинчик

**ОСНОВЫ ФРАЗЕОЛОГИИ
ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *М. И. Карпова*
Младшие редакторы *Л. Б. Годунова, Д. Ш. Хесина*
Художник *В. Д. Трунин*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректор *П. С. Шин*

ИБ № 14049

Сдано в набор 13.02.80. Подписано к печати 14.04.81. А-08468. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 17,25. Усл. кр.-отт. 17,5. Уч.-изд. л. 20,25. Тираж 1700 экз. Изд. № 4296. Зак. № 101. Цена 3 р. 10 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28